

с/1
П74

Н. М. ПРЖЕВАЛВСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ
В УССУРИЙСКОМ
КРАЕ

ОРИЗ
ГЕОГРАФИЗ
1947

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ

ПУТЕШЕСТВИЕ
В
УССУРИЙСКОМ
КРАЕ

1867-1869 гг.

О Г И З
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА 1947

Н. М. ПРЖЕВАЛЬСКИЙ
(Снимок сделан перед отъездом в Уссурийское путешествие
1 января 1867 г.)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Мировую славу Н. М. Пржевальский получил в результате четырёх экспедиций в Центральную Азию. Первое его путешествие — Уссурийское менее известно.

Грандиозные открытия Пржевальского в пустынях Монголии, в болотах Цайдама, в высоком Тибете и на Лоб-норе затмили результаты его исследований на Усури и озере Ханка. Больше девяти лет провёл он в Центральной Азии, прошёл и нанёс на карту свыше 30 000 км.

Путешествие в Уссурийском крае было началом исследовательской деятельности Пржевальского. В первой главе описания четвертого путешествия в Центральную Азию он писал: «Путешественнику-новичку необходимо сперва испробовать свои силы на небольшой и не особенно трудной экспедиции, какой для меня было путешествие в Уссурийском крае в 1867, 68 и 69 гг., дабы приобрести некоторую опытность и потом уже пускаться в более крупное предприятие»¹.

Уссурийское путешествие, по словам Пржевальского, явилось для него «первой пробой сил», но и одного этого путешествия было достаточно, чтобы имя Пржевальского осталось в истории науки.

Напомним читателю некоторые сведения о Пржевальском и о его первом путешествии, описанию которого посвящена эта книга.

Николай Михайлович Пржевальский родился 31 марта (12 апреля) 1839 года в деревне Кимборово, быв. Смоленской губ., в 40 км от Рославля, в семье отставного армейского капитана. Отец умер, когда Н. М. Пржевальскому было 7 лет; вместе с двумя младшими братьями он остался на попечении матери — Екатерины Алексеевны, женщины умной и энергичной. После смерти мужа она занялась хозяйством, и детей воспитывал главным образом её брат Павел Алексеевич Каретников, который обучал их не только грамоте, но также стрельбе и охоте.

«Воспитание было самое спартанское, — вспоминал впоследствии Н. М. Пржевальский, — я мог выходить из дома во всякую погоду и рано пристрастился к охоте. Сначала стрелял я из игрушечного ружья желудями, потом из лука, а лет 12-ти я получил настоящее ружьё».

В экскурсиях по смоленским лесам развилась у Пржевальского любовь к природе, создавшая из него в будущем путешественника.

¹ Н. М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Желтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888, гл. I («Как путешествовать по Центральной Азии»).

В 1849 году вместе с братом Пржевальский поступил в смоленскую гимназию. После привольной деревенской жизни трудно было свыкнуться с однообразной жизнью города.

Во время каникул дети возвращались в деревню и жили в отдельном флигеле с дядей, который на целые дни уводил их с собой на охоту или рыбную ловлю; домой возвращались только ночевать.

По окончании гимназии в 1855 г. Пржевальский поступил добровольцем в армию. В это время происходила Крымская война, и он стремился попасть на фронт. На фронт он не попал, а армейская обстановка, в которой находился Пржевальский, скоро разочаровала его. «Мойм единственным утешением, — рассказывал Николай Михайлович, — было ружьё, выписанное из деревни, с которым я постоянно ходил на охоту; кроме того, получив в гимназии сведения из зоологии и ботаники, я пристрастился к собиранию цветов».

Читая много книг, Пржевальский мечтал о путешествиях. В письме к начальству он просил о переводе его на Амур. Ответом был арест на трое суток. Пржевальский понял, что единственным выходом для него является поступление в Академию Генерального штаба. Он начинает усиленно готовиться к конкурсным экзаменам и через год, в 1861 году, поступает в Академию. При переходе на 2-й курс Пржевальский темой для сочинения берёт Амурский край. Позднее, в 1864 году, первое его сочинение «Военно-статистическое обозрение Приамурского края» было представлено в Географическое общество, которое, по предложению академика В. П. Безобразова, избрало его действительным членом Географического общества. Эта рукопись послужила Пржевальскому лучшей рекомендацией. По отзыву П. П. Семёнова-Тян-Шанского — бывшего в то время председателем отделения физической географии Географического общества — эта первая научная работа Н. М. Пржевальского была выполнена хорошо и «основана на самом дельном и тщательном изучении источников, а главное, на самом тонком понимании страны».

После окончания Академии Пржевальский снова просит о переводе его в Сибирь, но получает отказ и вынужден уехать в свой полк, стоявший в это время в Польше.

В 1864 году он — в Смоленской губернии, а в конце того же года получает назначение в качестве дежурного офицера (а затем библиотекаря) в Варшавское юнкерское училище. «Здесь, в течение 2-х лет и нескольких месяцев, я, в уверенности, что рано или поздно, но осуществлю заветную мечту о путешествии, усиленно изучал ботанику, зоологию, физическую географию и пр., а в летнее время ездил к себе в деревню, где, продолжая те же занятия, составлял гербарий. В то же время читал я публичные лекции в училище по истории географических открытий трёх последних веков и написал учебник географии для юнкеров... Вставал я очень рано и почти всё время, свободное от лекций, сидел за книгами, так как, подав прошение о назначении меня в Восточную Сибирь, уже наметил план своего будущего путешествия»¹.

Так рассказывал о своём пребывании в училище сам Пржевальский. В конце 1866 года, после неоднократных прошений, Пржевальский получил назначение в штаб Восточно-Сибирского военного округа и в январе следующего года выехал из Варшавы.

¹ Из автобиографического рассказа Н. М. Пржевальского.

Проездом через Петербург Н. М. Пржевальский впервые лично познакомился с П. П. Семёновым-Тян-Шанским, тогда уже известным путешественником, объяснил ему план своего путешествия в Центральную Азию и просил содействия Географического общества. Однако организовать такую дальнюю экспедицию под руководством Пржевальского Общество не решилось. «В то время, — говорит П. П. Семёнов-Тян-Шанский, — Общество крайне редко помогало материальными средствами молодым путешественникам, отправлявшимся в путеше-

Уважаю честь предложить в действительные члены Географического общества Николая Николаевича Лобача Пржевальского, адъютанта Полоцкого пехотного полка, окончившего курс в Киевской Академии Царского викария и представляющего в дар обществу рукопись: "Воспоминания о путешествии в Туркестанский край". Николай Николаевич Лобач — человек много занимающийся много путешествовавший по России — без сомнения будет очень полезен обществу. Представляемая рукопись, и уже принятая, может служить основанием к рассмотрению.

декабрь 1863 О. И. Андрей Баркман

Д. И. Штакельберг
А. М. Штакельберг

Письмо действительных членов Географического общества А. Г. Баркмана, академика В. П. Безобразова и А. Ф. Штакельберга с рекомендацией Н. М. Пржевальскому в действительные члены Общества.

ствие по своей инициативе, может быть, потому, что такая инициатива проявлялась еще слишком редко; но от времени до времени оно снаряжало свои экспедиции, подбирая состав их исключительно из лиц, уже известных своими научными трудами и рекомендуемых организаторами экспедиций. Н. М. Пржевальский был в научном мире еще совершенно неизвестной величиной, и дать пособие ему на его предприятие, а тем более организовать под его руководством целую экспедицию Совет Общества не решился. В качестве председательствующего в отделении и в глубокой уверенности, что из талантливого молодого человека может выйти замечательный путешественник, я однакоже старался ободрить Н. М. и теплым участием и рекомендательными письмами... При этом

я обещал Н. М., что если он на собственные средства сделает какие бы то ни было интересные поездки и исследования в Уссурийском крае, которыми докажет свою способность к путешествиям, то, по возвращении из Сибири, он может надеяться на организацию со стороны Общества, под его руководством, более серьезной экспедиции в Среднюю Азию»¹.

Необходимо напомнить, что незадолго до путешествия Пржевальского в Уссурийском крае произошло окончательное разграничение земель между Россией и Китаем.

Согласно Айгунскому договору, заключенному в мае 1858 года, левый берег Амура был признан владением России. В ноябре 1860 года был подписан Пекинский договор, по которому Китай официально признавал русскими владениями и Уссурийский край. Эту новую малоизвестную область и посоветовал Семёнов-Тян-Шанский исследовать Пржевальскому.

В апреле 1867 года с письмами к администрации и руководителям филиала Географического общества в Сибири Пржевальский прибыл в Иркутск. Здесь он продолжает усиленно готовиться к экспедиции. Вся имеющаяся в Иркутске литература, рукописи, заметки, касающиеся Уссурийского края, были им прочитаны. Перед отъездом он составил памятную книжку-справочник для предстоящего путешествия.

«В научном отношении, — пишет Пржевальский, — я был достаточно подготовлен по занимаемому меня предмету: хорошо знал ботанику, орнитологию и пр.; при этом имел с собой большой запас разных книг»². Научное оборудование было простое и состояло из термометра, компаса и маршрутных карт. Не было с собой даже барометра, и Пржевальский определял впоследствии высоты гор по разнице температур у подножья и на вершине. Единственно, чего было вдоволь, — это дрови и пороху. Одной только дрови он имел с собой четыре пуда.

Оставалось только подобрать спутника. Немец Роберт Кехер, которого Пржевальский взял из Варшавы в качестве препаратора, оказался неспособным к перенесению трудностей. И когда Пржевальский объявил, что он едет на Амур, немец решительно заявил: «Нет, я так далеко заехал, дальше не поеду!» Лишившись неожиданно спутника, — вспоминал Николай Михайлович, — я был этим огорчен, но тут случайно зашёл ко мне из штаба Ягунов, только что поступивший в топографы. Мы разговорились. Ягунов настолько понравился мне, что я предложил ему ехать со мной на Уссури; тот согласился. Кроме того, с нами отправился Николаев»³. В начале мая Пржевальский получил командировку в Уссурийский край. Восторженным настроением, в котором находился Николай Михайлович, пронизано его письмо к своему другу И. Л. Фатееву: «Через три дня я еду на Амур, потом на р. Уссури, озеро Ханка и на берега Великого океана, к границам Кореи. Вообще экспедиция великолепная. Я рад до безумия. Главное, я один, могу свободно располагать своим временем, местом и занятием. Да, на меня выпала завидная доля и трудная обязанность — исследовать местности, большей частью в которых еще не ступала нога образованного европейца».

¹ Из речи П. П. Семёнова-Тян-Шанского 9 ноября 1888 г.

² Из письма Н. М. Пржевальского к И. Л. Фатееву.

³ Из автобиографического рассказа Н. М. Пржевальского.

26 мая 1867 года Пржевальский со своими спутниками выехал из Иркутска по дороге, ведущей к озеру Байкал и дальше через всё Забайкалье. Через 10 дней он прибыл в Сретенск на реке Шилке, откуда начиналось пароходное сообщение по Амуру. 9 июня выехал из Сретенска на пароходе, но последний вскоре наскочил на мель, получил пробоину и стал на ремонт. Путешественники поплыли далее на лодке, в Албазине снова пересели на пароход и 26 июня, т. е. ровно через месяц после выезда из Иркутска, высадились в селе Хабаровке (ныне город Хабаровск). Проведя здесь несколько дней, Пржевальский купил лодку, взял гребцов-казаков и направился вверх по Уссури. «Тут принялся я за свои исследования, записи и пр.; вначале дело не клеилось, потому что не было привычки и системы», — писал Пржевальский в автобиографическом рассказе.

Плавание по Уссури, от её устья до последней станции Буссе, продолжалось 23 дня. Путешественники шли большей частью берегом, собирая растения и стреляя птиц. Из Буссе Пржевальский отправился вверх по Сунгаче к озеру Ханка, где он пробыл весь август.

В начале сентября Пржевальский оставил озеро Ханка и направился на юг, сначала почтовой дорогой до д. Никольское (ныне г. Ворошилов), затем на лодке по реке Суйфуну, к её устью и далее на шхуне «Алеут» Японским морем в Новгородскую гавань (ныне г. Посьет), лежащую в заливе Посьет — самой южной оконечности Уссурийского края.

Пробыв около месяца в Новгородской гавани и её окрестностях, Пржевальский направился побережьем Японского моря к гавани Ольга. 7 декабря прибыл в гавань и направился дальше к устью реки Тадуши, затем перевалив через хребет Сихотэ-Алинь и по рекам Фудзин и Улухе — на Уссури.

От залива Посьет до устья р. Тадуши был самый трудный участок путешествия. «Кругом не видно ни малейшего следа руки человека; всё дико, пустынно, нетронуто. Только звери, которые то там, то здесь мелькают по сторонам, напоминают путнику, что эти леса полны жизни, но жизни дикой, своеобразной». Селения попадались редко. Так, от реки Та-уху до гавани Ольги на протяжении 125 км путешественники встретили лишь одно селение, а на пути от гавани Ольги до реки Тадуши совсем нет населённых пунктов — «езде безлюдье, пустыня в пустыне».

7 января 1868 года Пржевальский прибыл вновь в станицу Буссе, где и был закончен первый период путешествия, продолжавшийся 6 месяцев. За это время им пройдено более 2 250 км.

Весной Пржевальский снова отправился на озеро Ханка, с целью изучить жизнь птиц и наблюдать за их перелётом. Несмотря на плохую материальную обстановку, это был лучший период путешествия. Все возможные породы птиц прилетали на озеро не стаями, а тучами, которые путешественник сравнивает с тучами саранчи. «Здесь столько пород птиц, — пишет он дяде, — что и во сне не приснится. Каких там нет уток и других птиц. Некоторые так красивы, что едва ли таких можно сделать и на картине. У меня теперь есть уже 210 чучел этих птиц. В числе чучел есть у меня журавль весь белый, только половина крыльев чёрная; этот журавль имеет в размахе крыльев 8 футов [2,5 м]. Есть на Ханке еще кулик величиной с большого гуся и весь превосходного розоватого цвета; есть иволга величиной с голубя, яркожёлтого

цвета, а свистит-то она как громко! Есть цапля, белая, как снег, чёрные аисты и много, много есть редкостей как между животными, так и между растениями. Между последними в особенности замечательна огромная (величиной с шапку) водяная кувшинка, родной брат гвианской виктории; она вся красная и превосходно лахнет».

После исследования озера Ханка Пржевальский думал отправиться в Маньчжурию, но в это время группа китайцев-золотоискателей вторглась в русские владения на реку Сучан и сожгла несколько деревень. Пржевальский был назначен начальником отряда, направленного к Сучану, и оторвался от своих основных занятий.

Осенью Пржевальский прибыл в Николаевск-на-Амуре, где в течение всей зимы обрабатывал собранные коллекции; здесь же он написал общий отдел своего путешествия, состоящий из 8 глав.

Из Николаевска Н. М. Пржевальский отправил в Сибирский отдел Географического общества отрывок из своего труда под названием «Инородческое население в южной части Приморской области». Статья обратила на себя внимание. «Сочинение это представляет во всех отношениях величайший интерес для читающей публики, желающей познакомиться с отдалённым и неизвестным краем, природа которого описывается Пржевальским так верно...» — таков был первый отзыв об этой статье, помещённой в «Известиях Сибирского отдела Географического общества».

30 декабря 1869 года Географическое общество присудило Пржевальскому за эту статью серебряную медаль. Это была его первая награда из числа многих, полученных им впоследствии.

Весной 1869 года Николай Михайлович отправился снова на озеро Ханка, где пробыл до середины лета, наблюдал за жизнью животных, приготавливал чучела, собирал растения и изыскивал новые пути сообщения в западной и южной частях Ханкайского бассейна.

В июле Пржевальский выехал в Иркутск, где читал лекции об Уссурийском крае. «Он говорил красноречиво и с таким увлечением, и, подражая пению различных птиц, делал это так хорошо, что один из его слушателей, несколько лет спустя, проежая по Амуру, по напеву Пржевальского узнал иволгу»¹.

В январе 1870 года Пржевальский прибыл в Петербург. Здесь он закончил описание путешествия, которое издал за свой счёт. После выхода книги в свет имя Пржевальского стало известным всей России.

* * *

Н. М. Пржевальский не был первым путешественником по Уссурийскому краю, но он по праву может считаться первым исследователем, давшим всестороннее описание этого края.

Первым русским путешественником, поднявшимся в 1855 году вверх по Уссури на 130 км (до устья р. Хора), был К. И. Максимович.

Первое обстоятельное географическое исследование реки Уссури произвёл М. И. Венюков в 1858 году. Поднявшись вверх по Уссури до

¹ Из воспоминаний генерала Клевцекого. См. Дубравин, Н. М. Пржевальский, СПб., 1890.

устья реки Сунгачи, Венюков оставил в стороне бассейн озера Ханка и направился далее вверх по Уссури, затем по реке Лифудин и её притокам — к гавани Владимира. Но обстоятельства не позволили Венюкову дойти до гавани, находящейся от него только в 35 км; он вынужден был вернуться. Путешествие Венюкова, продолжавшееся два месяца, описано им в статье «Обозрение реки Уссури».

В 1859 году, по поручению Сибирского отдела Географического общества, долину Уссури исследовали ботаник Р. К. Маак и этнограф Брылкин. Они поднялись вверх по Уссури, далее по реке Сунгачи к посту на озере Ханка, который и был конечным пунктом экспедиции. Путешествие Маака и Брылкина продолжалось четыре месяца.

В 1860 году К. И. Максимович снова командирован в Ботанический сад в Уссурийский край. На этот раз он поднялся по Уссури до реки Фудзи, а затем перевалил через хребет, вышел к заливу Владимира, откуда на пароходе отправился в Посыет.

Геолог и ботаник Ф. Б. Шмидт, занимаясь изучением долины Амура и острова Сахалина, посетил в 1861 году Уссурийский край; он пересек его с юга на север от Владивостока до Хабаровска (вверх по Суйфуну к озеру Ханка, и далее вниз по Сунгаче к Уссури). Путешествие Шмидта в пределах Уссурийского края продолжалось около четырех месяцев.

В 1859—1863 гг. в Уссурийском крае путешествовал капитан корпуса лесничих А. Ф. Будищев, давший в результате путешествия описание лесов Приморской области, напечатанное в 1867 г. в «Записках Сибирского отдела Географического общества».

В 1863—64 гг. Уссурийский край посетил горный инженер И. А. Лопатин, изучивший месторождения каменного угля на реке Суйфуне. В это же время горный инженер Аносов посетил Сихотэ-Алинь и озеро Ханка. Из предшественников Пржевальского, изучавших с той или иной точки зрения Уссурийский край, достойны упоминания также натуралист Г. И. Радде, занимавшийся изучением млекопитающих и птиц Дальнего Востока, и штабс-капитан Г. П. Гельмерсен, пополнивший своими съёмками картографические материалы по Уссурийскому краю и собравший ценные географические сведения.

Пржевальский охватил своими маршрутами не только районы, посещённые названными путешественниками, но и места, в которых ни один исследователь до него не бывал.

Озеро Ханка до Пржевальского посетили Маак, Шмидт и Будищев, но все они исследовали только северное побережье, Пржевальский же изучил, кроме того, западную и южную стороны озера, сделал промер глубин Сиянхе, Лефу и Мо—рек, впадающих в Ханка, и описал характер их долин. В результате исследования Пржевальского, озеро Ханка получило новое, более округленное очертание. Он подробно описал характер берегов озера и отметил, что весь южный и восточный берега состоят из сплошных болот, являющихся продолжением Сунгачских низменностей. Пржевальский первый обнаружил и описал древние берега озера, сохранившиеся в виде параллельных друг другу валов. По его предположению, в прошлом озеро Ханка имело большие размеры. Большое и Малое Ханка, соединённые небольшой протокой, некогда являлись одним бассейном.

От южной оконечности озера Ханка до залива Посыет Пржевальский прошёл по новому маршруту, а путь от залива Посыет до устья

реки Тадуши, вдоль побережья Тихого океана, был пройден не морем, как это сделали его предшественники, а сушей, по трудно проходимым лесным тропам. Пржевальский два раза пересек хребет Сихотэ-Алинь, главный кряж которого «не посещался даже и нашими зверопромышленниками», и забрался в такие места, каких, по его выражению, «не знает и сам дьявол». Н. М. Пржевальский произвёл съёмку от бухты Находки до р. Тадуши, нанёс на карту восточный склон хребта Сихотэ-Алинь.

Путешествие Пржевальского по Уссурийскому краю отличалось от совершённых до него экспедиций не только направлением маршрутов, но и характером исследований.

Н. М. Пржевальский первый дал широкое географическое описание Уссурийского края, его природы, растительного и животного мира, климата, а также быта и занятий местных жителей и пришедших сюда поселенцев.

Укажем некоторые результаты исследований Пржевальского, особенно ценные для географии.

Уже в первые дни пребывания на Уссури Пржевальский отметил характерную особенность природы края — сочетание южных и полярных форм растительности и животного мира. «Как-то странно непривычному взору видеть, — писал Пржевальский, — такое смешение форм севера и юга, которые сталкиваются здесь как в растительном, так и в животном мире. В особенности поражал вид ели, обвитой виноградом, или пробковое дерево и грецкий орех, растущие рядом с кедром и пихтой. Охотничья собака отыскивает вам медведя или соболя, то тут же рядом можно встретить тигра, не уступающего в величине и силе обитателю джунглей Бенгалии. Японский ибис, прилетающий на берега Ханка в середине марта, застаёт здесь белую сову, которая прилетает сюда с севера только на зиму».

Большой интерес для науки составили коллекции животных и растений, собранные Пржевальским в Уссурийском крае.

Пржевальский выработал оригинальный способ собирания и приготовления коллекций. Он не стеснялся брать растения больших размеров в противоположность большинству исследователей, выбиравших для удобства только мелкие экземпляры. Собранные растения высушивались обычно во время привалов; сушка производилась на солнце. Благодаря быстрому высыханию, у растений сохранялась свежесть красок. Высушенные образцы помещались во весь рост в бумагу большого формата. К коллекции имелся реестр, где записывались место и время нахождения данного вида, а также сведения о почве и распространении. Будучи хорошо знаком с растительностью Европейской России, он собирал преимущественно местные сибирские виды. Из европейских видов — только редко встречающиеся в Европе.

Он как страстный охотник обратил особое внимание на изучение птиц, собрал на Уссури и озере Ханка «единственную в своём роде коллекцию, настолько полно представлявшую орнитологическую фауну этой интересной окраины нашего отечества, что последующие многократные изыскания доктора Бенедикта Ивановича Дыбовского лишь немного изменили и дополнили полученные Н. М. Пржевальским результаты»¹.

¹ Из речи академика А. А. Штрауха. См. «Памяти Н. М. Пржевальского», изд. ИРГО, СПб., 1889.

Н. М. Пржевальский
(Снимок относится к 60-м годам).

Изучению «птичьего мира» озера Ханка Пржевальский посвятил две весны, наблюдая за жизнью и перелётом пернатых, и составил список 76 видов птиц, перелетающих на север. Всего же в Уссурийском крае он насчитал 224 вида. Он нашёл 36 видов птиц, новых для Уссури, некоторые из них были неизвестны науке.

Каждое чучело птицы или шкура млекопитающего были снабжены этикетками, на которых обозначалось название данного вида, его размеры, время и место добычи; для птиц, кроме того, отмечались: цвет глаз, клюва и ног, общая длина и размах крыльев.

За два года пребывания Пржевальского в Уссурийском крае им была собрана коллекция из 310 чучел птиц, около 300 видов растений, в количестве 2 тыс. экземпляров, 10 шкур млекопитающих, 42 вида яиц птиц, в количестве 550 штук, 83 вида семян различных растений. Вывезенные из Сибири коллекции обогатили географическую науку.

На Уссури Пржевальский встретил новое млекопитающее — чёрного зайца, и новое пальмовидное тропическое растение — диморфант.

Многое было сделано Пржевальским и для изучения климата Уссурийского края.

В течение 15 месяцев Пржевальский производил ежедневно метеорологические наблюдения. Методика этих наблюдений, разработанная во время путешествия по Уссури, применялась им впоследствии в центральноазиатских экспедициях без каких-либо особенных изменений. С 2 июля по 25 октября 1867 года наблюдения производились им 3 раза в день: в 8 часов утра, в 2 часа дня и в 8 часов вечера. Позже, с 25 октября, из-за порчи часов, наблюдения производились приблизительно в 6 часов утра, в полдень и в 6 часов вечера (время определялось по компасу). Метеорологический журнал имел следующие графы: дату, название местности, часы дня, в которые производились наблюдения, температуру воздуха, состояние атмосферы (облачность, осадки и т. д.), направление ветра и примечания, куда записывались туманы, грозы, удары грома, снеговой покров, морозы и другие явления природы.

Сравнивая здешний климат с климатом соответствующих по широте местностей Европы, Пржевальский отмечает суровый характер уссурийского климата. Он сопоставляет среднегодовую температуру на Уссури с таковой в Петрозаводске, Вологде и Казани, лежащих на 10—15° севернее, и указывает, что даже Архангельск, лежащий значительно севернее Уссури, имеет более высокую среднюю температуру зимы. Отмечает сильные и постоянные холода в первые весенние месяцы. Летний климат, по его описанию, представляет смесь континентального и морского, с частыми туманами, особенно на восточном склоне Сихотэ-Алиня.

Изучая климат Уссурийского края, Пржевальский приходит к выводу, что страна эта, несмотря на своё приморское положение, имеет гораздо более континентальный, нежели морской, климат. Своеобразный климат Уссурийского края Пржевальский объясняет влиянием моря, направлением господствующих ветров, расположением горных хребтов и «невозделанностью страны», изобилующей болотами и дремучими лесами.

Пржевальский первый широко исследовал и описал экономику края. Читатель найдёт в книге подробные описания сельского хозяйства, промыслов, транспорта, быта и жизни населения. Пржевальского

поражают колоссальные богатства Уссурийского края. «Живи где хочешь, паши где знаешь, леса тоже вдоволь, рыбы и всякого зверя множество; чего же ещё надо?» — говорит автор устами одного из жителей. Но все эти богатства использовались хищнически. Описывая, например, грибной промысел, состоящий из сбора грибов, растущих на гнилых деревьях, Пржевальский отмечает, что житель, истребив в течение пяти или шести лет все окрестные дубы, перекочёвывал на другое, еще нетронутое место. Опять рубил здесь дубовый лес... Таким образом, прекрасные дубовые леса истреблялись методически... Грустно видеть целые склоны гор оголёнными и сплошь заваленными гниющими остатками прежних дубов».

Не лучше обстояло дело и с другими промыслами. Так, для «удобства» охоты на зверей население поджигало высокую подсыхшую траву, а часто вместе с травой загорался и лес.

Реки и озёра края таили в себе баснословное количество рыбы, но рыбный промысел был почти не развит.

Несмотря на высокое плодородие почвы в Уссурийском крае, посевы не давали надлежащих урожаев, а часто, из-за незнания природных условий, пашни выбирались неудачно и посевы погибали совсем. «Хлеб с весны всегда растёт высокий, густой, а потом или его водой зальёт, или дождём сгноит, или червяк поест и в результате можно не получить никакого урожая», — рассказывали жители.

Известный путешественник П. А. Кропоткин, изучавший за два года до путешествия Пржевальского хозяйственное положение уссурийских казаков, предложил некоторые мероприятия по улучшению положения населения, но «практическое выполнение намеченных мер, — писал Кропоткин, — поручили старому пьянице, который розгами приучал казаков к земледелию. И так дело шло всюду, начиная с Зимнего дворца до Уссурийского края и Камчатки»¹.

Описывая бедственное положение населения Уссурийского края, Пржевальский не видел коренных причин подобного положения, связанных с социально-экономическим строем царской России, но его обстоятельные описания хозяйства и быта местных жителей дали первую беспристрастную оценку экономики края.

Это правдивое описание не понравилось начальству, и, когда Пржевальский подал свой отчет «О результатах исследований на реке Уссури и озере Ханка», то ему пришлось услышать от командира такое замечание: «я прочел весь отчет, но я и без Вас знаю, что тут, т. е. в этом крае, скверно». «Эти слова, — писал Николай Михайлович, — произвели на меня удручающее впечатление».

Путешествие в Уссурийском крае явилось для Пржевальского практической школой для последующих экспедиций. Дикая разнообразная природа Приморья, с резкими переменаами климата выработала в нём настойчивость, твёрдый характер и отвагу.

Путешественник не раз вспоминал об Уссурийском крае в далёких местах Центральной Азии. Так, описывая леса провинции Ганьсу, он сравнивает их с лесами Амурского края. «Высокие стройные деревья, густые кустарники, часто сплотившиеся в непроницаемые за-

¹ Цитируется по книге С. Анисимов. Путешествия П. А. Кропоткина, М.—Л., 1943.

росли, разнообразные цветы — всё это живо напоминало мне роскошную лесную природу Амурского края»¹.

Сопоставление природы Уссурийского края и Центральной Азии не является простыми «воспоминаниями» о знакомых Пржевальскому по его первым путешествиям местах. Он прекрасно использовал такие сравнения для характеристики географических особенностей исследованных им территорий. Описывая, например, Лоб-нор, Пржевальский делает яркое сопоставление этого озера с озером Ханка. «Валовой пролёт водяных птиц на Лоб-норе продолжается весной недели две или около того. В этот период утки и гуси появляются здесь в таком громадном количестве, какое мне приходилось видеть, при весеннем же пролёте, только на озере Ханка в Уссурийском крае. Но там страна совсем иная, поэтому и иная и картина весенней жизни пернатых. В общем на Ханка им несравненно привольнее, чем на пустынном Лоб-норе. Здесь только по нужде, за неимением чего лучшего, табуняются пернатые странники, выжидая, пока начнут хотя немного таять льды и снега нашей Сибири. Тогда чуть не мигом отхлынет вся масса водяных птиц с Лоб-нора на север»².

Ценность собранного Н. М. Пржевальским географического материала, его научные выводы и сравнительные характеристики вместе с живостью описания «Путешествия в Уссурийском крае» сразу получили общее признание и положительную оценку. Уже в первом отзыве об этой книге, помещенном в «Известиях Сибирского отдела Русского Географического общества» в 1870 г. было написано: «Вся книга Пржевальского написана легко, читается с интересом, а некоторые места положительно увлекают рельефностью и живостью изображений... Как добросовестный натуралист автор внёс в свой труд всё, что природа и человек предоставляли его наблюдательности в посещённом им крае. Особенно приятно видеть, с какой строгостью автор относится и к явлениям из жизни природы и заносит в свою книгу только виденное и проверенное.

Только несокрушимой энергией автора можно объяснить, как он при служебных занятиях, иногда весьма серьёзных и требовавших труда и времени, и при тех затруднениях, которые представляются в Уссурийском крае на каждом шагу, вследствие недостатка дорог, сносного помещения и т. п., мог исполнить настолько удовлетворительно свою задачу натуралиста»³.

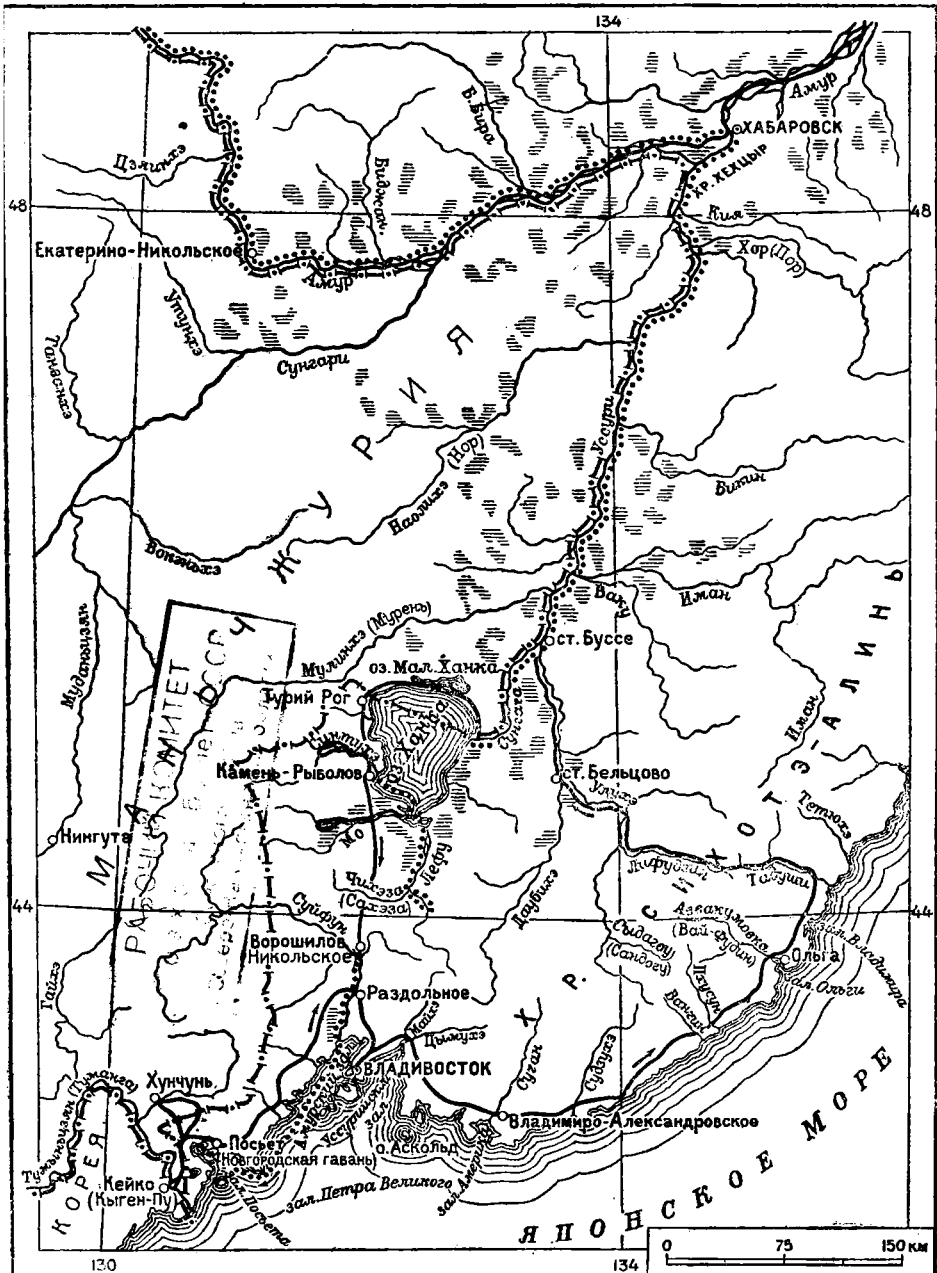
Прошло около восьмидесяти лет со дня выхода в свет первого издания книги Пржевальского «Путешествие в Уссурийском крае». За это время лицо края неузнаваемо преобразилось. Возрождённое советской властью многонациональное население края в дружной семье народов нашей страны строит новую жизнь. Там, где Пржевальский видел редкие бедные поселения, выросли цветущие колхозы, районные центры и города, проложены железные и шоссейные дороги.

Книга Пржевальского, написанная правдиво и беспристрастно, поможет советскому читателю понять те огромные изменения, которые

¹ Н. М. Пржевальский. Монголия и страна тангутов, Географгиз, 1947, стр. 204.

² Н. М. Пржевальский. От Кяхты на истоки Жёлтой реки, исследование северной окраины Тибета и путь через Лоб-нор по бассейну Тарима. СПб., 1888.

³ Изв. Сибир. отдела РГО, 1870, т. I.

Карта маршрутов Н. М. Пржевальского в Уссурийском крае. Сплошной линией показан маршрут по суше, точками—по воде.

произошли в крае за советский период и особенно за годы сталинских пятилеток.

«Путешествие в Уссурийском крае» печатается по авторскому изданию 1870 года. Текст книги оставлен в основном без изменений; незначительному сокращению подверглась последняя глава. Все названия растений и животных, которые Н. М. Пржевальский упоминает в тексте, проверены и, исправленные, проставлены в квадратных скобках, рядом со старыми названиями. Даты по старому стилю. В подстрочных примечаниях редактором поясняются некоторые географические и другие, не всем известные термины и названия.

Настоящее издание иллюстрируется современными photographиями, взятыми из фотохроники ТАСС; часть иллюстраций предоставила Л. И. Гришина, за что редактор приносит ей большую благодарность. К книге приложена выкопировка карты из первого издания. Кроме того, прилагается составленная редактором-картографом А. М. Оленевым современная карта Уссурийского края с указанием маршрута Н. М. Пржевальского.

При работе над книгой большую помощь оказали проф. А. Н. Формозов — в проверке названий животных; проф. Г. В. Никольский — в проверке названий рыб; доцент Н. А. Гладков — в проверке названий птиц и научный работник В. Н. Ворошилов — в проверке названий растений. Редактор приносит им искреннюю благодарность.

М. А. Тенсин

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Сильная, с детства взлелеянная страсть к путешествию заставила меня после нескольких лет предварительной подготовки перебраться на службу в Восточную Сибирь — эту громадную и столь интересную во всех отношениях окраину царства русского.

Счастье улыбнулось мне здесь на первых же порах. Едва в апреле 1867 года я приехал в Иркутск, как, благодаря радушному содействию со стороны сибирского отдела Императорского русского Географического общества и просвещённому сочувствию ко всякому научному стремлению бывшего начальника штаба здешних войск, ныне покойного генерал-майора Кукеля, через месяц по приезде я уже получил командировку в Уссурийский край, который составляет лучшую и наиболее интересную часть наших амурских владений. Служебная цель этой командировки заключалась в различных статистических изысканиях, рядом с которым могли идти и мои личные занятия, имевшие предметом посильное изучение природы и людей нового, малоисследованного края.

Таким образом, на моих плечах лежали две ноши, из которых первая, т. е. служебная, как безусловно обязательная, часто действовала не совсем выгодно относительно другой. Для человека, связанного службой, и, следовательно, лица ответственного, каким был я, дело личных исследований и дело науки поневоле подчинялось служебным расчётам и требованиям, а потому часто не могло быть настолько полным, насколько того желалось с моей стороны.

Таким образом, из двух с лишком лет, проведённых мною в Уссурийском и вообще Амурском крае, я должен был чисто по служебным обязанностям прожить полгода в г. Николаевске на устье Амура и почти целое лето 1868 года находиться участником в военных действиях против китайских разбойников, появившихся в наших пределах. В том и другом случае время для научных изысканий прошло совершенно бесследно.

С другой стороны, многочисленность лежавших на мне занятий не могла не отразиться на их большей или меньшей полноте и успешности. Таким образом, кроме различных статистических исследований и иногда производства съёмки, я должен был при постоянных передвижениях с места на место делать ежедневно метеорологические

наблюдения, собирать и сушить растения, стрелять птиц, готовить из них чучела, вести дневник и т. д., словом, беспрестанно хватать то одну, то другую работу.

Притом, к большому счастью, я должен отнести то обстоятельство, что имел у себя деятельного и усердного помощника, в лице воспитанника иркутской гимназии Николая Ягунова, который был неизменным спутником моих странствований. С этим энергичным юношей делил я все свои труды, заботы и радости, так что считаю святым долгом высказать ему, как ничтожную дань, мою искреннюю признательность.

Независимо от исполнения служебных поручений и составления различных коллекций¹, главным предметом моих специальных исследований в продолжение всей экспедиции были наблюдения над птицами, преимущественно бассейна озера Ханка, где мне удалось провести две весны 1868 и 1869 годов.

Результаты своих орнитологических наблюдений я намерен изложить в особой, специальной статье.

Для того же, чтобы представить общую картину Уссурийского края, я решился напечатать предлагаемую книгу, которая должна заключать в себе рассказ очевидца о стране, им посещенной; рассказ, конечно, часто неполный и отрывочный, но написанный с искренним желанием автора передать снисходительному суду публики в правдивой, беспристрастной форме те наблюдения и впечатления, которые вынесены им из путешествия в стране далёкой и малоизвестной.

¹ Всего мной препарировано более 300 экземпляров различных птиц; около десятка шкур млекопитающих; собрано несколько сот яиц; около 300 видов травянистых растений в числе до 2000 экземпляров и, наконец, более 80 видов семян. Все растения и семена переданы мною в С.-Петербургский ботанический сад, и академик Максимович был так обязателен, что сообщил мне видовые определения, помещенные в различных местах настоящей книги.

Н. Пржевальский

Посвящается

моей любимой

матери

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Отъезд из Иркутска.— Байкал.— Забайкалье.— Плавание вниз по Шилке.— Прибытие на Амур.— Дальнейшее следование.— Прибытие на Уссури.

орог и памятен для каждого человека тот день, в который осуществляются его заветные стремления, когда после долгих препятствий он видит, наконец, достижение цели, давно желанной.

Таким незабвенным днём было для меня 26 мая 1867 года, когда, получив служебную командировку в Уссурийский край и наскоро запасшись всем необходимым для предстоящего путешествия, я выехал из Иркутска по дороге, ведущей к озеру Байкалу и далее через всё Забайкалье к Амуру.

Миновав небольшое шестидесятивёрстное расстояние между Иркутском и Байкалом, я вскоре увидел перед собой громадную водную гладь этого озера, обставленного высокими горами, на вершине которых еще виднелся, местами лежащий, снег.

Летнее сообщение через Байкал производилось в то время двумя частными купеческими пароходами, которые возили пассажиров и грузы товаров¹. Пристанями для всех пароходов служили: на западном берегу озера селение *Лиственничное*, лежащее у истока р. Ангары, а на восточном — *Посольское*, расстояние между которыми около 90 вёрст.

Во время лета пароходство производилось правильно по расписанию; но зато осенью, когда на Байкале свирепствуют сильные ветры, скорость и правильность сообщения зависела исключительно от состояния погоды.

Кроме водного сообщения через Байкал, вокруг южной оконечности этого озера существует ещё сухопутное почтовое, по так называемой кругобайкальской дороге, устроенной несколько лет назад. Впрочем, летом по этой дороге почти никто не ездит, так как во время существо-

¹ Оба эти парохода погибли осенью 1869 года.

вания пароходов каждый находил гораздо удобнее и спокойнее совершить переезд через озеро.

На одном из таких пароходов перебрался и я на противоположную сторону Байкала и тотчас же отправился на почтовых в дальнейший путь.

Дружно понеслась лихая тройка, и быстро стали мелькать различные ландшафты: горы, речки, долины, русские деревни, бурятские улусы...

Без остановок, в несколько дней, проехал я тысячу верст поперёк всего Забайкалья до селения Срегенского на р. Шилке, откуда уже начинается пароходное сообщение с Амуром.

Местность на всём вышеозначенном протяжении носит вообще гористый характер, то дикий и угрюмый там, где горы покрыты дремучими, преимущественно хвойными лесами, то более смягчённый там, где расстилаются безлесные степные пространства. Последние преобладают в восточной части Забайкалья по Ингоде, Аргуни и, наконец, по Шилке.

В таких степных местностях, представляющих на каждом шагу превосходные пастбища, весьма обширно развито всякое скотоводство как у наших русских крестьян и казаков, так и у кочевых инородцев — бурят, известных в здешних местах под именем братских.

Однако Забайкалье произвело на меня не совсем благоприятное впечатление.

Суровый континентальный климат этой части Азии давал вполне знать о себе, и, несмотря на конец мая, по ночам бывало так холодно, что я едва мог согреться в полушубке, а на рассвете 30-го числа этого месяца даже появился небольшой мороз, и земля, по низменным местам, покрылась инеем.

Растительная жизнь также еще мало была развита: деревья и кустарники не вполне развернули свои листья, а трава на песчаной и частью глинистой почве степей едва поднималась на вершок [4,4 см] и почти вовсе не прикрывала грязносерого грунта.

С большей отрадой останавливался взор только на плодородных долинах рек Селенги, Уды, Кыргылея и др., которые уже были покрыты яркой зеленью и пёстрым ковром весенних цветов, преимущественно лютика и синего касатика.

Даже птиц по дороге встречалось сравнительно немного, так как время весеннего пролёта уже прошло, а оставшиеся по большей части сидели на яйцах.

Только кой-где важно расхаживал одинокий журавль или бегали небольшие стада дроф, а на озёрах плавали утки различных пород. Иногда раздавался звонкий голос лебедя-кликун, между тем как знакомый европейский певец жаворонок заливался в вышине своей звонкой трелью и сильно оживлял ею безмолвные степи.

С перевалом за Яблонный хребет, главный кряж которого проходит недалеко от областного города Читы и имеет здесь до 4 000 футов [1 220 м] абсолютной высоты, характер местности несколько изменился: она сделалась более открытой, степной.

Вместе с тем и сам климат стал как будто теплее, так что на живописных берегах Ингоды уже были в полном цвету боярка, шиповник, черёмуха, яблоня, а по лугам красовались касатик, лютик, лапчатка, одуванчик, первоцвет и другие весенние цветы.

Из животного царства характерным явлением этой степной части Забайкалья служат *байбаки*, или, по-местному, *тарабаганы* (*Arctomys bobac*), небольшие зверьки из отряда грызунов, живущие в норках, устраиваемых под землей.

Впрочем, большую часть дня, в особенности утро и вечер, эти зверьки проводят на поверхности земли, добывая себе пищу или просто греясь на солнце возле своих нор, от которых никогда не удаляются на большое расстояние. Застигнутый врасплох, тарабаган пускается бежать, что есть духу, к своей норе и останавливается только у её отверстия, где уже считает себя вполне безопасным. Если предмет, возбудивший его страх, например, человек или собака, находится еще не слишком близко, то, будучи крайне любопытен, этот зверёк обыкновенно не прячется в нору, но с удивлением рассматривает своего неприятеля.

Часто он становится при этом на задние лапы и подпускает к себе человека шагов на сто, так что убить его в подобном положении пулей из штуцера для хорошего стрелка довольно легко. Однако, будучи даже смертельно ранен, тарабаган всё еще успеет заползти в свою нору, откуда уже его нельзя иначе достать, как откапывая. Мне самому во время проезда случилось убить несколько тарабаганов, но я не взял ни одного из них, так как не имел ни времени, ни охоты заняться откапыванием норы.

Русские вовсе не охотятся за тарабаганами, но инородцы — буряты и тунгусы — промышляют их ради мяса и жира, которого осенью старый самец даёт до пяти фунтов [до 2 кг].

Мясо употребляется с великой охотой в пищу теми же самыми инородцами, а жир идёт в продажу.

Добывание тарабаганов производится различным способом: их стреляют из ружей, ловят в петли, наконец, откапывают поздней осенью из нор, в которых они предаются зимней спячке.

Однако такое откапывание дело нелёгкое, потому что норы у тарабаганов весьма глубоки и, на большое расстояние, идут извиристо под землёй. Зато, напад на целое общество, промышленник сразу забирает иногда до двадцати зверьков¹.

Утром 5 июня я приехал в селение Сретенское. Однако здесь нужно было прождать несколько дней, так как пароход не мог отходить за мелководьем Шилки.

Нужно заметить, что Сретенск есть крайний пункт, откуда отправляются пароходы, плавающие по Амуру. Выше этого места они могут подниматься не более как вёрст на сто до г. Нерчинска и то лишь при большой воде.

В тех видах, что Сретенск есть крайний пункт амурского пароходства, здесь устроена гавань для починки и зимовки пароходов. Впрочем, большая часть этих пароходов зимует в г. Николаевске, а в Сретенске остаётся не более двух или трёх.

Вообще всё водное сообщение по Амуру производится в настоящее время 12 казёнными² и 5 частными пароходами; кроме того, здесь есть ещё 4 парохода телеграфного и 3 инженерного ведомства, так что всего 24 паровых судна.

¹ Подробное описание жизни тарабагана и способов его добывания находится в прекрасной книге Черкасова «Записки охотника Восточной Сибири».

² В том числе два парохода ходят собственно по реке Уссури и озеру Ханка.

Несмотря, однако, на такое довольно значительное их количество, водное сообщение по Амуру далеко нельзя назвать скорым и удобным.

Определённых, правильных рейсов здесь не существует до сих пор, а пароходы приходят и уходят, плывут дальше или ближе, направляются в ту или другую сторону смотря по надобности и расчётам местного начальства.

Такие надобности обуславливаются, главным образом, перевозкой солдат и буксировкой барж с различными казенными транспортами, так что пассажиры, волей или неволей, должны иногда жить недели две-три на одном и том же месте в ожидании отходящего парохода.

Затем, если число таковых пассажиров велико, то они помещаются как попало: кто в каюте, набитой народом, как сельдями в бочке, а кто и на палубе, под открытым небом.

При том же ко всем неудобствам здешней пароходной езды присоединяется ещё то обстоятельство, что на многих пароходах вовсе нет буфетов, и путники должны сами заботиться о своём продовольствии.

Подобное условие составляет весьма неприятную задачу, так как при быстроте езды и малых остановках только для загрузки дров или для ночлега нет времени для закупки припасов, которых часто и вовсе нельзя найти в бедных казачьих станицах. Притом, даже и купивши этих припасов, некому и негде их приготовить при тесноте пароходной кухни.

Пароходство в Сретенске начинается как только Шилка очистится от льда, что бывает обыкновенно в конце апреля или в начале мая, и оканчивается в первых числах октября, следовательно, продолжается пять месяцев.

Большой помехой этому пароходству служит мелководье Шилки, которая имеет на перекатах менее трёх футов [менее 1 м] глубины, так что пароходы не могут отправляться в путь и должны ожидать прибыли воды.

Кроме того, при малой глубине и очень быстром течении плавание здесь довольно опасно, и пароходы иногда садятся на мель, даже делают себе пробоины.

Последнее удовольствие суждено было испытать и мне, когда, наконец, 9 июня пароход вышел из Сретенска и направился вниз по Шилке.

Не успели мы отойти и сотни вёрст, как этот пароход, налетевши сразмаха на камень, сделал себе огромную пробоину в подводной части и должен был остановиться для починки в Шилкинском заводе, возле которого случилось несчастье.

Между тем вода в Шилке опять начала сбывать, так что пароход и починившись мог простоять здесь долгое время, поэтому я решился ехать далее на лодке.

Пригласив с собой одного из пассажиров, бывших на пароходе, и уложив кое-как свои вещи на утлой ладье, мы пустились вниз по реке.

Признаюсь, я был отчасти рад такому случаю, потому что, путешествуя в лодке, мог располагать своим временем и ближе познакомиться с местностями, по которым проезжал.

Вскоре мы прибыли в казачью станицу Горбицу, откуда до слияния Шилки с Аргунью тянется на протяжении двухсот вёрст пу-

стынное, ненаселённое место. Для поддержания почтового сообщения здесь расположено только семь одиноких почтовых домиков, известных по всему Амуру и Забайкалью под метким именем «семи смертных грехов».

Действительно, эти станции вполне заслуживают такого названия по тем всевозможным неприятностям, которые встречает здесь зимой каждый проезжающий как относительно помещения, так и относительно почтовых лошадей, содержимых крайне небрежно и едва способных волочить свои собственные ноги, а не возить путников.

На всём вышеозначенном двухсотвёрстном протяжении берега Шилки носят дикий, мрачный характер. Сжатая в одно русло шириной 70—100 сажень [140—200 м], эта река быстро стремится между горами, которые часто вдвигаются в неё голыми, отвесными утесами и только изредка образуют неширокие пади и долины.

Сами горы покрыты хвойными лесами, состоящими из сосны и лиственницы, а в иных местах, в особенности на так называемых россыпях, т. е. рассыпавшихся от выветривания горных породах, совершенно обнажены.

Хотя животная жизнь в здешних горных лесах весьма обильна и в них водится множество различных зверей: медведей, сохатых, изюбров, белок, кабарги и отчасти соболей, но всё-таки эти леса, как вообще все сибирские тайги, характеризуются своей могильной тишиной и производят на непривычного человека мрачное, подавляющее впечатление.

Даже певчую птицу в них можно услышать только изредка: она как будто боится петь в этой глуши.

Остановишься, бывало, в таком лесу, прислушаешься, и ни малейший звук не нарушает тишины. Разве только изредка стукнет дятел или прожужжит насекомое и улетит бог знает куда. Столетние деревья угрюмо смотрят кругом, густое мелкоколесье и гниющие пни затрудняют путь на каждом шагу и дают живо чувствовать, что находишься в лесах девственных, до которых еще не коснулась рука человека...

Несколько оживлённее были только горные пади, где показывался лиственный лес, и редкие, неширокие луга по берегам Шилки там, где горы отходили в сторону на небольшое расстояние. Травянистая флора таких местностей была весьма разнообразна и являлась в полной весенней свежести и красоте.

Замечательно, что, несмотря на половину июня, по берегам Шилки иногда еще попадался лёд, пластинами сажень в семьдесят [метров 150] длиной при толщине более двух футов [60 см]. Гребцы казаки говорили мне, что тут можно встретить лёд до начала июля, и это служит весьма красноречивой рекомендацией суровости здешнего климата.

Во время плаванья по реке нам везде попадались различные птицы: кулики, утки, чомги, цапли, чёрные аисты, и как страстный охотник я не мог утерпеть, чтобы не выстрелить в ту или другую из них.

Обыкновенно я помещался на носу лодки и постоянно посылал приветствия всем встречающимся тварям то из ружья, то из штуцера, смотря по расстоянию.

Часто также случалось, что, заметив где-нибудь в стороне

сидящего на вершине дерева орла, я приказывал лодке привалить к берегу и сам шёл подкрадываться к осторожной птице.

Такие остановки как нельзя более задерживали скорость езды; мой товарищ-пассажир сто раз каялся, что поехал со мной; я сам давал себе обещание не вылезать больше из лодки и не ходить в сторону, но через какой-нибудь час вновь замечал орла или аиста, и вновь повторялась та же история.

Однажды мне посчастливилось даже убить кабаргу (*Moschus moschiferus*), которая переплывала через Шилку. Вообще кабарги здесь очень много по скалистым утёсам и каменистым россыпям в горах, но это зверь весьма чуткий и осторожный, так что убить его очень трудно.

Местные жители добывают кабаргу, устраивая в лесах завалы из валёжника и делая в них сажен через пятьдесят проходы, в которых настораживаются брёвна. Встречая на своём пути такой завал, кабарга идёт вдоль него, пока не найдет отверстие, в которое старается пролезть; в это время настороженное бревно падает и давит зверя.

Такой лов бывает в особенности удачен в декабре, во время течки, когда самец везде следует за самкой, которая идёт впереди. Когда упавшее бревно задавит самку, тогда самец долго еще бегаёт около этого места, попадает на другой проход и в свою очередь бывает задавлен.

Кроме того, кабаргу, так же как и косулю, можно убивать на пищик, которым подражают голосу её детёныша.

Мясо кабарги на вкус неприятно, но главная добыча от этого зверя, кроме шкуры, состоит в мешёчке мускуса, который находится у самца на брюхе и ценится в здешних местах от одного до двух рублей.

Благодаря быстрому течению Шилки мы успевали, несмотря на частые остановки, проезжать вёрст по сто в сутки и 14 июня прибыли к тому месту, где эта река, сливаясь с Аргунью, даёт начало великому Амуру.

Последний имеет здесь не более полутора сажен [320 м] ширины и, почти не изменяя характера берегов Шилки, прорывается через северную часть Хинганского хребта, который, как известно, отделяет собой Маньчжурию от Монголии. Как здесь, так и несколько далее река имеет общее направление к востоку до Албазина, — казачьей станицы, выстроенной на месте бывшего городка, знаменитого геройской защитой в конце XVII столетия горсти наших казаков против многочисленного китайского войска, их осаждавшего. В самой станице до сих пор еще видны остатки валов прежнего укрепления, а на острове противоположного берега реки сохранились следы китайской батареи.

В настоящее время Албазин есть одна из лучших казачьих станиц верхнего Амура, и в нём считается более ста дворов.

Быстрому возрастанию его много способствуют открытые в 1866 году верстах в полутора отсюда золотые россыпи. Во время моего проезда работы на этих приисках еще не начались, но в 1868 году уже было добыто более пятидесяти пудов золота, а в 1869 году около ста пудов.

Прибыв в Албазин, я застал там совершенно неожиданно частный

пароход, отходивший в город Благовещенск, и потому, оставив лодку, поплыл далее опять на пароходе.

Начиная отсюда, вместе с поворотом Амура к югу изменяется и самый характер его течения. Взамен одного сжатого русла, река разбивается на рукава и образует большие и малые острова, хотя ширина её увеличивается немного, так что местами от одного берега до другого около полуверсты, а местами только сажен двести [400 м] или даже того менее.

Быстрота течения все еще очень велика, и часто можно слышать особый, дребезжащий шум от мелкой гальки, которую катит река по своему песчаному и каменистому ложу.

Обе стороны Амура попрежнему обставлены горами, которые здесь уже гораздо ниже и носят более мягкий характер. Эти горы на правом берегу составляют отрасли северной части Хинганского хребта и известны под именем Илхури-Алинь, на левой же стороне реки они носят название хребта Ньюкжа, который служит разделом между притоками Зеи и верхнего Амура.

Первый из этих хребтов, т. е. Илхури-Алинь, удаляясь то более, то менее от берега реки, тянется далеко к югу и соединяется с северными отраслями Буреинского хребта, или Малого Хингана. Другие же горы Ньюкжа идут, постоянно понижаясь, до устья реки Зеи и, наконец, сливаются с равнинами, которые, начиная отсюда, тянутся по левому берегу Амура.

Из многих, часто весьма красивых и величественных утёсов, образуемых береговыми горами, замечательны: скала Карсакова и гора Цагаяни, которая протянулась дугой более чем на версту по левому берегу реки и возвышается до 300 футов [90 м] над её уровнем.

Желтоватые, изборождённые бока этой горы, состоящей из песчаника, представляют красивый вид, и в них почти на середине вышины заметны прослойки каменного угля, который по временам дымится.

С изменением характера Амура изменяется характер и береговой растительности. В лесах начинает попадаться более лиственных деревьев и кустарников, несколько пород которых, как, например, дуб (*Quercus mongolica*) и лещина (*Corylus heterophylla*), не встречаются во всей Сибири, но в первый раз появляются на Аргуни и на Амуре возле Албазина.

Чем далее к югу, тем более лиственные деревья замещают собой хвойные и ниже устья *Кумары* составляют главную массу лесной растительности.

По всему левому берегу Амура, начиная от слияния Шилки с Аргуню при Усть-Стрелочном пограничном карауле до города Благовещенска, поселён конный казачий полк, который вместе с другим, занимающим пространство от Благовещенска до Буреинских гор, составляет конную казачью бригаду в числе 7 400 душ обою пола.

Эти казаки живут в станицах, занимаются земледелием и ежегодно выставляют на службу около ста пятидесяти человек, но в случае нужды могут выставить до восьмисот, т. е. по четыреста с каждого полка.

За исключением некоторых бедных станиц, казаки, сколько я

слышал, живут довольно порядочно, по крайней мере круглый год имеют собственный хлеб.

Кроме казаков, на верхнем Амуре встречается два племени инородцев: *орочоны*, кочующие по Шилке и Амуру до Албазина, и *манегры*, обитающие далее вниз, почти до устья Зеи.

Как те, так и другие занимаются исключительно охотой и рыбной ловлей, а потому кочуют с места на место, смотря по времени года и условиям своего промысла.

Для меновой торговли с русскими купцами ороконы собираются ежегодно в декабре в долину реки *Олдоя*, одного из левых притоков верхнего Амура, а манегры в то же время приезжают на устье Кумары, куда являются маньчжуры со своими товарами.

Во время проезда я часто видал по берегам Амура берестяные юрты этих инородцев, прикочевавших сюда для ловли рыбы, преимущественно осетров (*Acipenser schrenckii*) и калуг (*Acipenser orientalis*) [*Huso dauricus*], которые в это время идут вверх по реке для метания икры.

Услыхав шум пароходных колёс, вся эта толпа обыкновенно выбегала на песчаный берег и смотрела на нас с изумлённым любопытством.

Быстро катил мимо них пароход, и вслед за ним опять водворялась безмолвная тишина, постоянно царствующая в здешних местах и только изредка нарушаемая завыванием ветра в вершинах деревьев, журчанием горного ручья или отрывистым криком какого-нибудь зверя и птицы...

Но, по мере того как мы спускались к югу, делалась явственно заметна большая теплота климата и большее развитие растительной жизни.

Луга уже везде красовались множеством пионов и лилий, а по мокрому местам сплошными полосами великолепного синего касатика; желтоголовник, синюха, ломонос, а по лесам ландыш, водосбор и кукушки сапожки были также в полном цвету.

Миновав, наконец, известную замечательность верхнего Амура — излучину Улус-Модонскую, где река, сделав дугу в 28 вёрст, снова подходит версты на две к прежнему месту, мы прибыли 20 июня в город Благовещенск, лежащий в двух верстах выше устья Зеи.

Этот город, место управления Амурской областью¹, вытянут более чем на две версты вдоль по берегу Амура, так что с первого взгляда кажется довольно обширным.

На самом же деле всё, что здесь есть лучшего, стоит на берегу реки, отойдя от которой несколько сот шагов опять встречаешь пустую равнину.

Население Благовещенска, насчитывающее до 3 500 душ обоего пола, составляют, главным образом, войска и служащие чиновники; кроме того, есть также купцы, русские и китайские.

Последние торгуют разными мелочами в особых, рядом выстроен-

¹ Весь принадлежащий нам бассейн Амура в административном отношении разделён на две области: *Амурскую*, заключающую в себе бассейн верхнего и среднего течения реки до впадения в неё Уссури, и *Приморскую*, к которой относятся бассейны Уссури и нижнего течения Амура, равно как всё побережье Японского и Охотского морей вместе с Камчаткой, островом Сахалином, островами Курильскими и Алеутскими.

ных деревянных лавках, которые как по наружному виду, так и по внутреннему содержанию ничем не отличаются от мелочных лавок на рынках наших уездных городов.

Магазины некоторых из русских купцов довольно сносны по своему наружному виду, но зато дороговизна в них страшная, и все товары обыкновенно продаются по тройной или, только в самых редких случаях, по двойной цене против своей номинальной стоимости.

В городе нет ни гостиницы, ни даже постоялого двора, так что проезжающий, не имеющий знакомых, поставлен в самое затруднительное положение, не зная где остановиться и как продовольствоваться.

Приходится поневоле, бросив свою поклажу на произвол судьбы, ходить из дома в дом искать квартиры, которую можно найти с большим трудом у какого-нибудь отставного солдата, где за помещение, через перегородку с хозяином, с вас берут по рублю и более в сутки.

Между тем здесь иногда приходится жить недели две-три в ожидании отходящего по пути парохода.

Однако благодаря счастливой судьбе мне пришлось испытать подобное удовольствие только в течение двух суток, так как вскоре сюда пришёл пароход, остававшийся для починки в Шилкинском заводе и теперь отправлявшийся вниз по Амуру до Николаевска. Перебравшись на этот пароход, с большой радостью я оставил Благовещенск и поплыл далее.

Вскоре мы миновали устье Зеи, которая имеет здесь около двух вёрст ширины, следовательно, гораздо более, нежели сам Амур. На левом берегу последнего, начиная отсюда, вплоть до гор *Буреинских*, или, как их чаще называют, *Малого Хингана*¹, тянется сплошная равнина, имеющая частью луговой, частью лесистый характер.

На правом берегу равнина с таким же характером спускается вёрст на пятьдесят ниже Благовещенска, но потом горы Илхури-Алинь, отошедшие было в сторону, снова придвигаются к реке и идут, не прерываясь, на расстоянии 5—10 вёрст от её берега.

По обе стороны Амура, вёрст на семьдесят ниже Благовещенска, попадают довольно часто маньчжурские деревни и почти на середине этого расстояния на правом берегу лежит город *Айгунь* (Сахалин-Ула-Хотон), который вытнулся версты на две и мало чем отличается своим наружным видом от прочих маньчжурских деревень. По середине этого города, в котором считается до пятнадцати тысяч жителей, виднеется крепость, сделанная из толстых кольев, врытых вертикально в землю; в ней живёт сам амбань, или губернатор, Айгуни.

Из русского населения, кроме второго конного казачьего полка, который, как я уже говорил выше, поселён в пространстве между городом Благовещенском и Буреинскими горами, в окрестностях самого Благовещенска на Зее, равно как по её притоку Томи и по реке

¹ Последнее название присвоено этим горам неправильно. Основываясь на авторитетах Гумбольдта и Риттера, название Хинган принадлежит хребту, отделяющему Монголию от Маньчжурии, через северные части которого прорывается Амур между Усть-Стрелкой и рекой Олдоём. Настоящий же хребет наука признаёт под именем Дуссе-Алинь. (Зам. Семенов а: «Вестник Географического общества», кн. XXV).

Завитой, впадающей в Амур, лежат деревни крестьян, переселившихся сюда из России.

Кроме того, часть таких деревень находится выше Благовещенска и одна из них дажеazole Албазина.

Общая цифра крестьянского населения по верхнему и среднему Амуру простирается до 9 500 душ обоого пола¹ и, по слышанным мной отзывам, эти крестьяне живут довольно хорошо, так что некоторые из них имеют даже запасы зернового хлеба.

На другой день по выходе из Благовещенска мы достигли Буреинских гор, через которые на протяжении 140 вёрст проходит Амур ниже устья Буреи.

Узкой, чуть заметной полосой начинают синеть эти горы на горизонте необозримой равнины, которая тянется, не перерываясь, на левом берегу реки от самого Благовещенска. По мере того как пароход подвигается вперёд, очертания самого хребта и его вершин делаются яснее и, наконец, у станицы Пашковой вы вступаете в горы, сплошь покрытые лиственными лесами, придающими несравненно более красоты ландшафту, нежели те хвойные породы, которые преобладают в шилкинских горах.

Притом же здесь начинают попадаться многие виды деревьев и кустарников, свойственных более южным частям амурского бассейна, так что Буреинские горы принимаются границей между верхним и средним течением Амура.

Прорыв этой реки через главный кряж Малого Хингана происходит собственно между станицами Раддевой и Помпеевкой на протяжении 70 вёрст.

Здесь Амур вдруг суживает своё русло сажен на двести и без всяких рукавов быстро и извилисто стремится между горами, представляя на каждом шагу великолепные ландшафты.

Высокой отвесной стеной подходят горы к самому берегу, и вот кажется, что пароход стремится прямо на скалу, как вдруг новый крутой поворот реки открывает иную чудную панораму, но не успеешь достаточно полюбоваться её красотой, как опять являются ещё лучшие картины и так быстро сменяют одна другую, что едва успеваешь удерживать их в своём воображении.

По выходе из Буреинских гор у станицы Екатерино-Никольской Амур тотчас же разбивается на множество рукавов, и опять неоглядная равнина раскидывается по обе стороны реки, которая вскоре принимает справа самый большой из всех своих притоков — *Сунгари*.

Вслед за тем размеры Амура увеличиваются почти вдвое, так что главное русло имеет более двух вёрст, а по принятии реки Уссури даже до трёх вёрст ширины.

На левом берегу попрежнему продолжают изредка попадаться станицы, в которых от входа Амура в Буреинские горы до устья Уссури поселён пеший батальон амурского казачьего войска. В этом батальоне считается до 5 600 человек обоого пола. Быт здешних казаков несравненно хуже, нежели тех, которые живут выше Буреинских гор.

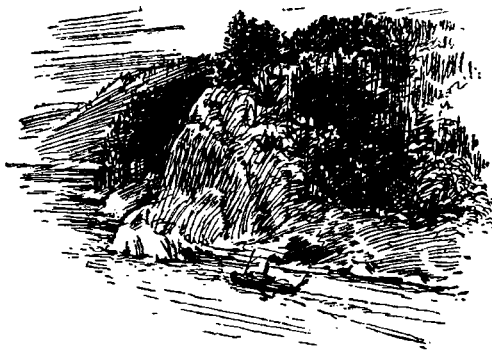
Из инородцев вслед за маньчжурами до Буреинских гор обитает

¹ Всех крестьянских деревень 41.

небольшое племя *бирар-тунгусов*, а далее, от этих гор до устья реки Горыни [Горин] и вверх по Уссуре, живут *гольды*¹, с которыми мы познакомимся подробно в IV главе настоящей книги.

Оставив позади Буреинские горы, быстро катили мы вниз по широкой реке, и 26 июня, ровно через месяц по выезде из Иркутска, я высадился в селении Хабаровке, лежащем при устье Уссури, по которой мог уже ехать не торопясь и значительную часть времени посвящать по мере своих сил и знаний на изучение страны, её природы и жителей.

¹ Правильное современное название—нанайцы. Термин гольд был введён в науку акад. Л. И. Шренком в 1885 году, исследовавшим Уссурийский край.—*Ред.*

ГЛАВА ВТОРАЯ

Краткий топографический обзор Уссурийского края.—Общий характер его растительности.—Казачьи станицы по берегам Уссури.—Бедственное положение их обитателей.—Селение Хабаровка.—Местная торговля.—Телеграф.—Пароходство.—Плавание на лодке вверх по Уссури.—Характер её нижнего, среднего и верхнего течения.—Боковые притоки.—Докучливые расспросы казаков.—Летнее утро.—Ночёвка на берегу реки.

Уссурийский край, приобретённый нами окончательно по Пекинскому договору 1860 года, составляет южную часть Приморской области. Он заключает в себе бассейн правых притоков Уссури и её верхнего течения; кроме того, сюда же в обширном смысле можно отнести весь Зауссурийский край до границ с Маньчжурией и Кореей, а также побережье Японского моря до широты устья

Уссури.

Страна эта лежит между 42 и 48° северной широты¹, следовательно, под одной широтой с северной Испанией, южной Францией, северной и средней Италией и южной Россией, но под влиянием различных физических условий имеет климат совершенно иного склада, чем вышеназванные европейские местности.

С другой стороны, растительный и животный мир Уссурийского края при своём громадном богатстве представляет в высшей степени оригинальную смесь форм, свойственных как далёкому северу, так и далёкому югу.

Наконец, по отношению к удобству колонизации описываемая страна, в особенности в своих южных частях, составляет наилучшее место из всех наших земель на берегах Японского моря.

Таким образом, Уссурийский край, независимо от своего научного интереса, важнее еще и относительно той будущности, которую он может иметь, конечно, при условии правильной колонизации, основанной на данных, выработанных опытом и наукой.

¹ Собственно между 42° 21' северной широты (южная оконечность наших владений — устье реки Туманги) и 48° 28' северной широты (устье Уссури).

Обращаясь к устройству поверхности этого края, можно сказать, что топографический его характер определяется положением главного хребта, который известен под названием *Сихотэ-Алиня* и, начинаясь в маньчжурских пределах, тянется недалеко и параллельно берегу Японского моря, от южной части Зауссурийского края до самого устья Амура. Средняя высота его 3 000—4 000 футов [915—1 220 м] и только в некоторых точках своих южных частей он поднимается до 5 000 футов [1 520 м].

Восточные отроги этого хребта коротки, но притом гораздо выше западных и, направляясь перпендикулярно берегу Японского моря, оканчиваются здесь высокими отвесными утёсами.

Западные же отроги Сихотэ-Алиня носят более мягкий характер и наполняют собой всё пространство между главной осью этого хребта с одной стороны, Уссури и Амуром — с другой.

Таким образом, принадлежащая нам часть уссурийского бассейна¹ представляет собой страну гористую, в которой, однако, горы достигают лишь средней высоты и при мягкости своих форм везде могут быть удободоступны.

Относительно орошения следует сказать, что оно здесь весьма обильно и что Уссури составляет главную водную жилу всей страны.

Небольшим горным ручьём, в несколько футов ширины, вытекает эта река из южных частей Сихотэ-Алиня всего верстах в семидесяти от берега Японского моря. Затем с характером горной речки течёт она в узкой долине до принятия справа² реки *Лифудин* и на всём этом протяжении известна под именем *Сандогу*.

Далее, от устья *Лифудина* Уссури принимает имя *Ула-хэ*³, но всё ещё сохраняет прежний характер до впадения в неё слева⁴ реки *Дауби-хэ*, откуда уже соединённая река несёт маньчжурское название *Уссури* или китайское *Има-Хуза*.

По принятии *Дауби-хэ* Уссури имеет сажень семьдесят ширины [150 м], но по причине своей быстроты и частых мелей может быть удобна для плавания небольших пароходов только во время высокой воды.

К постоянному же пароходному сообщению эта река делается годной лишь по впадении в неё слева *Сунгачи*, которая составляет сток озера Ханка.

Начиная отсюда, Уссури сохраняет постоянное меридиональное направление с юга на север и принимает несколько больших рек: справа *Има*, *Бикин* и *Пор*, а слева *Мурень* и *Нор*⁵.

По впадении вышеназванных притоков Уссури делается многоводной

¹ Наша государственная граница с Китаем идёт сначала по Уссури, потом по Сунгаче, а от истока реки через озеро Ханка, к устью реки Белен-хэ и вверх по этой реке; потом по водораздельному хребту между западными притоками озера Ханка с бассейнами Мурени и верхнего Суйфуна, на реку Хубту, правый приток последнего. Далее вверх по этой реке и водоразделом реки Хун-Чун с береговыми речками Японского моря выходит на реку Тумангу (Тумень-Дзян) в двадцати верстах выше её устья, и по ней спускается к Японскому морю.

² В авторском издании было напечатано слева. На самом деле р. Лифудин впадает в Уссури справа. — *Ред.*

³ Слово «хэ» по-китайски означает вода и часто прикладывается к собственному имени реки.

⁴ Здесь также исправлено нами. — *Ред.*

⁵ Длина течения всей Уссури от её истока до устья составляет около 800 вёрст.

рекой и при своём устье достигает почти двух вёрст ширины.

К Зауссурийскому, или так называемому Южноуссурийскому краю¹, следует отнести бассейн озера Ханка и южное побережье Японского моря².

Характерным отличием первой местности является преобладание равнинной формы поверхности, которая на южной, восточной и северной стороне озера состоит из обширных непроходимых болот, а на юго-западе и частью западе представляет холмистую степь, чрезвычайно удобную для земледелия и скотоводства.

Река Уссури.

Побережная же полоса наполнена восточными отрогами Сихотэ-Алиня, которые вообще выше западных его отраслей, несут более дикий характер, и включает в себе узкие долины быстрых береговых речек, наибольшие из коих: *Сидеми*, *Мангугай*, *Суйфун*, *Цыму-хэ*, *Сучан*, *Пхусун* и *Тазуши*.

Вместе с тем море образует здесь несколько больших заливов: *Св. Владимира*, *Св. Ольги* и обширную впадину, известную под общим названием залива *Петра Великого*.

Последний состоит из нескольких меньших частей, каковы заливы: *Америка*, *Уссурийский*, *Амурский* и *Посьета*.

¹ Последнее название т. е. Южноуссурийский край, есть наиболее употребительное как в административных бумагах, так и на самом месте, а потому я буду везде сохранять это, хотя и не совершенно точное, название.

² Сюда также относят и область верхней Уссури, т. е. вообще все земли к югу от $45\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты.

Между двумя средними, т. е. между Амурским и Уссурийским заливами, лежит полуостров *Муравьева-Амурского*, на южной оконечности которого находится порт *Владивосток*, выстроенный на берегу прекрасной бухты, известной под названием *Золотой Рог*.

В растительном мире Уссурийского края, равно как и в животном, мы встречаем замечательные богатства, а вместе с тем оригинальную смесь северных и южных форм.

Вообще относительно растительности этой страны можно высказать два главных положения: 1) она весьма разнообразна по своим формам; 2) в то же время весьма однообразна по своему распределению на всём протяжении края, от самых южных его пределов до самых северных¹.

Последнее обстоятельство в особенности резко бросается в глаза путешественнику, которой, встречая уже на среднем Амуре грецкий орех, пробку и виноград, ожидает далее найти ещё более южную флору. Между тем характер этой последней почти не изменяется на всём протяжении Уссурийского края, и даже возле залива *Посьета* можно найти тот же самый хвойный лес, который растёт на устье Усури.

Правда, в Южноуссурийском крае появляются новые виды деревьев, кустарников и трав, которых нельзя встретить на устье Усури², но эти виды не составляют преобладающих типов и своим присутствием не изменяют много общий характер растительности.

Гораздо большую разницу в этой последней можно встретить, направляясь от берега Усури на восток внутрь страны и далее на морское побережье.

Здесь, с одной стороны горы, а с другой — неблагоприятное влияние Японского моря³ значительно изменяют условия климата, а вместе с тем изменяется самый характер растительности. В лесах начинают преобладать хвойные деревья, а лиственные, в особенности на главном кряже *Сихотэ-Алиня*, являясь в небольшом числе и никогда не достигают здесь таких роскошных размеров, как в местностях, ближайших к Уссурийской долине. Что же касается до морского побережья, то растительность его вообще беднее, нежели внутри страны, заслонённой от неблагоприятного влияния Японского моря сихотэалинскими горами. По той же самой причине, весной растительная жизнь развивается на побережье гораздо позднее, нежели по западную сторону *Сихотэ-Алиня* в местностях, лежащих под одинаковыми градусами широты.

Наконец, неблагоприятным действием холодных вод Японского моря можно объяснить то странное явление, что южные части наших зауссурийских владений по характеру растительности почти не

¹ Нижеследующий краткий очерк флоры Уссурийского края сделан предварительно в тех видах, что растительность, конечно, вместе с рельефом, главным образом, обуславливает собой физиономию каждой страны. Пособиями для составления его служили исследования, произведённые в Уссурийском и вообще в Амурском крае академиком Максимовичем, а также Мааком и Будищевым.

² К таким видам из древесных пород следует отнести абрикос (*Armeniaca vulgaris* [A. manshurica клен мелколистный (*Acer parvifolium*); и древовидный можжевельник (*Juniperus arborescens*) [*Juniperus* sp.].

³ Неблагоприятное охлаждающее влияние Японского моря на климат прибрежной Маньчжурии происходит вследствие холодного течения, которое из Амурского лимана движется к югу, возле самых наших берегов (см. об этом в X главе настоящей книги о климате).

отличаются от местностей, лежащих на устье Уссури. В самом деле, по мере того как Уссури входит в высшие широты, она всё более и более удаляется от берега моря и его неблагоприятного влияния, а через то, несмотря на более северное положение, сохраняет даже возле самого устья лучшие климатические условия, делающие возможным развитие растительности, почти не отличающейся от флоры южных частей этого края.

Сохраняя, таким образом, однообразие на всём протяжении страны с юга на север, растительность Уссурийского края в то же время заключает в себе большое разнообразие видов¹, из которых одни свойственны Амуру², северо-восточной Азии, даже Камчатке и Северной Америке, а другие произрастают в более тёплых странах: Японии и Китае. Из последних некоторые достигают здесь северной границы своего распространения³, а другие, даже бóльшая часть, переходят в область Амура.

Из древесных и кустарных пород лесам Уссурийского края свойственны следующие виды: липа (*Tilia mandjurica*, *T. cordata*⁴), достигающая 80—100 футов [25—30 м] вышины и 3—4 футов [90—120 см] в диаметре ствола⁵; клён (*Acer mono*, *A. spicatum*⁶, *A. tegmentosum*, *A. ginnala*), одни виды которого встречаются в рощах луговых равнин, а другие в мешаных лесах горных скатов; пробковое дерево (*Phellodendron amurense*) и грецкий орех (*Juglans manshurica*) растущие даже на среднем Амуре и часто попадающиеся по всему Уссурийскому краю. Первое из этих деревьев достигает 50 футов 15 м вышины, а второе даже до 80 футов [24 м] и при толщине 2—3 фута [60—90 см] даёт отличный поделочный материал. Плоды здешнего грецкого ореха имеют чрезвычайно толстую скорлупу и небольшое зерно, которое, впрочем, по вкусу ничем не отличается от европейского ореха того же рода.

Маакия амурская (*Maackia amurensis*) с древесиной нечистого красного цвета. *Черешня* (*Prunus grandifolia*)⁷ и *черёмуха* (*Prunus*

¹ По исследованиям доктора Регеля («Путешествие» Маака, ч. II, стр. 232), на Уссури известно до сих пор 570 дикорастущих и 29 культурных видов, но, без сомнения, число это значительно увеличится при дальнейшем изучении Уссурийского края. Вообще в здешней флоре чаще встречаются следующие растительные семейства в порядке их преобладания: сложноцветные (Compositae); лютиковые (Ranunculaceae); розоцветные (Rosaceae); губоцветные (Labiatae); бобовые: (Papilionaceae) [Leguminosae]; зонтичные (Umbelliferae); норичниковые (Scrophulariaceae); гречишные (Polygonaceae); крестоцветные (Cruciferae); злаки (Gramineae); лилейные (Liliaceae) и орхидные (Orchidaceae).

² По исследованиям доктора Регеля, на Уссури найдено до сих пор $\frac{4}{7}$ всего количества растений, свойственных Амуру, между тем как в амурской флоре насчитано $\frac{6}{7}$ уссурийских растений («Путешествие» Маака, ч. II, стр. 254).

³ Таковы: иелюмбия (*Nelumbium spectosum*) [род *Nelumbium* из рода Gaerth.]; *Guryale ferok* [Erucae et x Salisb.] кувшинки (*Nymphaeae acutifolia*, *N. pigmes*) [N tetragona acutifolia, N. tetragona pigmeae]; про тоел (*Pulsatilla chinensis*; *Vincetoxicum amplexicaule*) [*Cynanchum amplexicaule*]; *Oreorchis patens*; *Monochoria Korsakovi*; *Glicine ussuriensis*; *Smilax excelsa* [S. Oldnam] и др.

⁴ *Tilia cordata* Mill на Д. Востоке не встречается.— *Ред.*

⁵ Измерение толщины ствола дерева обыкновенно делается на высоте груди человека.

⁶ *Acer spicatum* родом из Северной Америки и в диком виде на Дальнем Востоке не встречается.— *Ред.*

⁷ *Prunus grandifolia* не существует, а черешня на Дальнем Востоке не встречается. Из диких вишен там имеются: *Ceratus Maximowiczii*, *C. sachalinensis*, *C. glandifolia* и *C. glandulosa*, последняя со съедобными плодами.— *Ред.*

Maximoviczii, P. Maackii [Cerasus Maximoviczii, Padus Maackii], из которых первая, т. е. черешня, довольно редко попадает в области Уссури, а последняя весьма обыкновенна, в особенности по островам и берегам рек.

Абрикосовое дерево (*Armeniaca vulgaris*)¹ встречается изредка только в Южноуссурийском крае и достигает 25 футов [7,5 м] вышины при толщине одного фута. Плоды его мелки и несколько горьковаты, хотя довольно приятны на вкус. *Яблоня* и *груша* (*Pyrus baccata*, P. ussuriensis) [*Malus Palasiana*, *Pirus ussuriensis*] обыкновенны по всему краю. Первая из них даёт весьма мелкие, а последняя довольно крупные плоды, которые употребляются для еды местными жителями.

Аралия маньчжурская (*Aralia manshurica*), ствол которой, усаженный колючками, имеет до 20 футов [6 м] вышины при толщине 2—3 дюймов [5—7,5 см]. Это южнее растение встречается преимущественно в Южноуссурийском крае и всего более по каменистым горным скатам.

Диморфант (*Dimorphantus manshuricus*)² — небольшое деревцо с пальмообразной верхушкой. Эта замечательная южная, даже подтропическая форма растёт в тенистых лесных падах Уссурийского края, но везде попадает очень редко.

Ясень (*Fraxinus manshuricus*, F. chinensis) [F. manshurica, F. rhyncophylla], достигающий 80 футов [24 м] вышины, при толщине иногда 3—4 фута [90—120 см], даёт отличный строевой и поделочный лес.

Дуб (*Quercus mongolica*) достигает еще больших размеров, нежели ясень, хотя следует заметить, что подобные экземпляры довольно редки. Вообще же это дерево при средней величине составляет часто преобладающую породу в лесах Уссурийского и в особенности Южноуссурийского края. Однако в таких сплошных массах оно бывает, по большей части, плохого качества, так как всегда имеет дупловатую сердцевину.

Граб (*Ostria mandjurica*) [*Carpinus cordata*] встречается только по горам Южноуссурийского края; достигает 60 футов [18 м] высоты и при толщине 2—3 футов [0,6—0,9 м] имеет прекрасную твёрдую древесину.

Осина (*Populus tremula*), часто образующая целые рощи, и *тополь* (*Populus suaveolens*) [P. coreana], более редкий и растущий преимущественно по островам и берегам рек.

Ильм, или *вяз* (*Ulmus campestris*) [U. prouinqua] изобилует по всему краю и достигает часто громадных размеров (100 футов) [30 м] вышины при толщине 3—5 и даже 6 футов [0,9—1,5—1,8 м], может доставить отличный корабельный лес. Другие виды этого дерева (U. montana, U. suberosa) при меньшей величине имеют также прекрасную древесину, годную на всякие поделки.

Ольха (*Alnus inkana*, *Alnaster viridis*) [A. hirsuta, A. fruticosa]. Последний вид употребляется инородцами для окрашивания звериных шкур в желтоватый цвет.

Берёза белая и чёрная (*Betula alba*, B. daurica) [B. manshurica, B. daurica] составляет, иногда на большом протяжении, преобладающие породы. Впрочем, в южных частях Уссурийского края чаще встречается

¹ Повидимому, *Armeniaca manshurica*. — *Ред.*

² *Аралия маньчжурская*. — *Ред.*

последний, нежели первый вид. Кора белой берёзы в большом употреблении у инородцев, которые после известного приготовления (выварки в горячей воде, а потом копчения в дыму) покрывают ею свои временные жилища, или юрты, обтягивают лодки, делают различную посуду и т. д. Два другие вида берёзы (*B. Ermani*, *B. costata*) довольно редко попадаются в Уссурийском крае.

Переходя затем к хвойным породам, следует сказать, что эти деревья вовсе не растут по долинам как самой Уссури, так равно и других рек описываемого края¹. Они появляются только на предгорьях, окаймляющих бока этих долин, сначала в смеси с лиственными породами, а затем, по мере удаления к главному хребту, составляют преобладающую массу лесной растительности.

Следующие хвойные породы можно назвать в порядке их преобладания по горным лесам Уссурийского края:

Кедр (*Pinus mandjurica*) [*P. koraiensis*] достигает 100 футов [30 м] вышины при толщине 3—4, даже 5 футов [0,9—1,2—1,5 м]; может доставить отличный корабельный лес.

Ель (*Abies sibirica*)² иногда таких же или немного меньших размеров, встречается более по высоким горам.

Лиственница, даурская и японская (*Larix dahurica*, *L. japonica*), — обе они достигают больших размеров, но первая встречается гораздо чаще, нежели последняя, которая свойственна только Южноуссурийскому краю.

Пихта, сибирская и аянская (*Picea abovata*, *P. ajanensis*³) растёт по всему краю, чаще в смеси с хвойными, нежели лиственными лесами.

Сосна (*Pinus sylvestris*) изредка попадает в горах Южноуссурийского края и довольно густой массой растёт по северному берегу озера Ханка⁴.

Тисс (*Taxus baccata*) [*T. cuspidata*] встречается изредка по горам Южноуссурийского края. Это дерево обыкновенно достигает здесь толщины руки при высоте 20 футов [6 м]. Однако как особенное исключение попадают экземпляры вышиной до 60 футов [18 м] и более 2 футов в диаметре [60 см]⁵.

Наконец, *древовидный можжевельник* (*Juniperus arborescens*) [*Juniperus sp.*] растёт только в Южноуссурийском крае, и то лишь редкими, единичными экземплярами.

Характерную черту всех здешних лесов, в особенности лиственных и мешаных, составляет густой подлесок различных кустарников, из которых Уссурийскому краю свойственны следующие виды:

Максимовичия китайская (*Maximoviczia chinensis*) [лимонник —

¹ В небольшом количестве эти деревья попадают только в самых верхних частях речных долин.

² *Abies sibirica* до Уссури не доходит. Если автор говорит о ели, то это может быть или *Picea koraiensis* или *P. jezoensis*; если же о пихте, то или *Abies holophylla* или *A. nephrolepis*. — *Ред.*

³ Если речь идёт о пихте, то это или *Abies holophylla* или *A. nephrolepis*; если об ели, то это может быть *Picea koraiensis* или *P. jezoensis*. — *Ред.*

⁴ *Pinus sylvestris* растёт преимущественно по Амуру. Возможно, здесь речь идёт о *Pinus funebris*. — *Ред.*

⁵ Такой экземпляр был найден и срублен летом 1868 года вблизи г. Владивостока.

Schizandra chinensis] — вьющееся растение толщиной в $\frac{1}{2}$ дюйма [1,3 см].

Барбарис (*Berberis amurensis*), попадающийся довольно редко.

Коломика (*Actinidia colomikta*) [актинидия], растущая в тенистых лесах и доставляющая съедобные, довольно вкусные ягоды.

Циссус (*Cissus brevipedunculata*) [*Ampelopsis brevipedunculata*] — лозовидный кустарник, довольно редкий.

Виноград (*Vitis amurensis*) растёт во множестве по всему Уссурийскому краю, по лиственным и смешанным лесам, островам и берегам рек. Созревает он в начале сентября, но имеет ягоды не крупнее обыкновенной клюквы и притом кислого вкуса. Впрочем в Южноуссурийском крае, в особенности там, где виноград растёт по обрывистым берегам моря, вкус его делается несколько лучше.

Бересклет (*Evonymus*) растёт по всему краю в числе нескольких видов, из которых чаще других попадаетея *E. Maackii*.

Целастр (*Celastrus flagellaris*) вьётся около деревьев и встречается довольно редко.

Крушина (*Rhamnus daurica*).

Леспедеца (*Lespedeza bikolor*) — один из самых распространённых здесь кустарников. Он представляет несколько видов и растёт как по опушкам лесов, так равно и по возвышенным местам луговых равнин, которые в июле заливают своим розовым цветом.

Малорослая акация (*Caragana altagana*) [*C. fruticosa*].

Таволга (*Spiraea*) встречается здесь в числе четырёх или пяти видов, из которых наиболее распространён *S. salicifolia*. Эта последняя растёт преимущественно по низинам и берегам рек, где образует густейшие заросли.

Малина (*Rubus crataegifolius*, *R. idacus*¹) попадаетея иногда в значительном количестве по смешанным лесам.

Шиповник (*Rosa cinnamomea*) [*R. daurica*] растёт преимущественно по лесным опушкам. Один вид его — *Rosa rugosa* — встречается только по берегу моря и замечателен необыкновенно крупными ягодами, величиной в большую сливу.

Боярка (*Crataegus sanguinea*², *C. pinnatifida*) является иногда деревцом вышиной 10—15 футов [3—4,5 м].

Дикий жасмин (*Philadelphus tenuifolius*, *Ph. Shrenckii*) окаймляет большей частью берега лесных речек и во время своего цветения разливает здесь превосходный аромат.

Дейция (*Deutzia parviflora*) [*D. amurensis*] — небольшой ветвистый кустарник 2—3 футов вышины [60—90 см].

Панакс разнолистный (*Panax sessiliflorum*) [*Acanthopanax sessiliflorum*] довольно распространён в Уссурийском крае.

Елейтерококкус (*Eleuterococcus senticosus*) — колючий кустарник, а иногда и дерево 20 футов вышины [6 м].

Дёрен, или *кизиль* (*Cornus sibirica*) [*C. tatarica*] встречается в значительном количестве по низинам и островам рек.

Бузина (*Sambucus racemosa*)³.

Калина (*Viburnum opulus*) [*Viburnum Sargentii*].

¹ Очевидно, *Rubus sachalinensis*. — *Ред.*

² Повидимому, *Crataegus daurica* — боярышник. — *Ред.*

³ *Sambucus sibirica* и другие виды, но не *S. racemosa*. — *Ред.*

Жимолость (*Lonicera xylocteam*) [*L. chrysantha*?].

Рододендрон (*Rhododendron dauricum*)—весьма распространён в окрестностях озера Байкала и по Амуру, довольно редко попадает в Уссурийском крае, где растёт по горам.

Сирень (*Syringa amurensis*) встречается, хотя и не особенно часто, по берегам и островам рек.

Лещина (*Corylus manshurica*, *C. heterophylla*) во множестве растёт по всему краю. В особенности распространён первый вид, который образует густейшие, непроходимые заросли и в лиственных лесах.

Наконец, *ива* (*Salix*) является то невысоким кустарником, то большим деревом до 60 футов [18 м] вышины. Из кустарных ив наиболее здесь распространены *S. viminalis*, *S. stipulais* [*S. viminalis*, *S. opaca*], которые покрывают сплошными массами берега и низменные острова рек.

Таков разнообразный состав лесов Уссурийского края, которые всего роскошнее развиваются по горным скатам, защищённым от ветра и в невысоких падах, орошаемых быстрыми ручьями. Здесь растительная жизнь является во всей силе, и часто на небольшом пространстве теснятся самые разнообразные породы деревьев и кустарников, образующих густейшие заросли, переплётённые различными вьющимися растениями.

В особенности роскошно развивается в таких местах виноград, который то стелется по земле и покрывает её сплошным ковром зелени, то обвивает, как лианы тропиков, кустарники и деревья и свешивается с них самыми роскошными гирляндами.

Невозможно забыть впечатления, производимого, в особенности в первый раз, подобным лесом. Правда, он так же дик и недоступен, как и все прочие сибирские тайги, но в тех однообразии растительности, топкая, гундристая почва, устланная мхами или лишайниками, навевают на душу какое-то уныние; здесь, наоборот, на каждом шагу встречаешь роскошь и разнообразие, так что не знаешь, на чём остановить своё внимание. То высится перед вами громадный ильм со своей широковетвистой вершиной, то стройный кедр, то дуб и липа с пустыми, дулистыми от старости стволами более сажени в обхвате, то орех и пробка с красивыми перистыми листьями, то пальмовидный диморфант, довольно впрочем редкий.

Как-то странно непривычному взору видеть такое смешение форм севера и юга, которые сталкиваются здесь как в растительном, так и в животном мире. В особенности поражает вид ели, обвитой виноградом, или пробковое дерево и грецкий орех, растущие рядом с кедром и пихтой. Охотничья собака отыскивает вам медведя или соболя, но тут же рядом можно встретить тигра, не уступающего в величине и силе обитателю джунглей Бенгалии.

И торжественное величие этих лесов не нарушается присутствием человека; разве изредка пробредёт по ним зверолов или раскинет свою юрту кочевник, но тем скорее дополнит, нежели нарушит картину дикой, девственной природы...

О луговой и вообще травянистой растительности Уссурийского края мы поговорим при подробном обзоре самой Уссури, а теперь от природы перейдём к людям.

По всему правому берегу Уссури, от её низовья до впадения Сунгачи. поселён Уссурийский пеший батальон Амурского казачьего

войска. Он занимает 28 станиц¹, которые расположены в расстоянии 10—25 вёрст одна от другой и все выстроены по одному и тому же плану.

Они вытянуты вдоль по берегу Уссури, иногда на версту длины, и большей частью состоят из одной улицы, по которой то в одну линию, то в две, справа и слева, расположены жилые дома.

Эти последние имеют обыкновенно одну, редко две комнаты, в которых помещается хозяин-казак со своим семейством.

Сзади дворов лежат огороды, но особых хозяйских угодий не имеется, так как казаки держат свой скот постоянно под открытым небом, а хлеб после сбора складывают в скирды на полях.

В трёх станицах выстроены церкви, а в более обширных живут торговцы, занимающиеся, главным образом, продажей водки казакам и покупкой соболей у китайцев.

Вообще наружный вид казачьих станиц далеко не привлекателен, но ещё более незавидно положение их обитателей.

По ведомости 1868 года в Уссурийском батальоне считалось: 2 933 души мужского пола и 2 325 женского, следовательно, 5 258 человек².

Эти казаки были переселены сюда в период 1858—1862 годов из Забайкалья, где они выбирались по жребию, волей или неволей должны были бросить свою родину и идти в новый, неизвестный для них край. Только богатые, на долю которых выпадал жребий переселения, могли отделаться от этой ссылки, наняв вместо себя охотников, так как подобный наём был дозволен местными властями.

Разумеется, продавать себя в этом случае соглашались только одни бобыли, голь, которые явились нищими и в новый край. Притом даже и те, которые были побогаче, забрали с собой достаточно скота и разного имущества, и те большей частью лишились всего этого от различных несчастных случаев в продолжение трудной и дальней дороги.

Таким образом, казаки с первого раза стали смотреть враждебно на новый край, а на себя самих как на ссыльных. Дальнейшее десятилетнее житье нисколько не переменяло таких воззрений и не улучшило их положения. Как прежде, так и теперь везде на Уссури слышны горькие жалобы на разные невзгоды и тоскливое воспоминание о прежних покинутых местах. «Какое тут житьё, — обыкновенно говорят казаки, — зимой есть нечего, с голоду умирай, а летом от гнуса³ ни самому, ни скотине деться некуда. Вот в Забайкалье было хорошо; не один раз вспомнишь про тамошнее житьё. У меня, — добавлял иной, — там водилось голов пятьдесят рогатого скота, а здесь есть только две коровёнки, да и за них слава богу! у других того даже нет».

¹ Собственно на Уссури 27 станиц и две почтовые станции. 28-я станица расположена на берегу Сунгачи, в десяти верстах от её устья. Вообще подробное перечисление различных статистических данных об уссурийских казаках находится в особой таблице, помещённой в приложениях к настоящей книге.

² К сожалению, я не мог собрать сведений о казаках за 1869 год. Впрочем, больших перемен против приводимых в таблице числовых данных с тех пор не могло произойти.

³ Общим названием «гнус» казаки называют комаров, мошек и оводов, которые появляются летом из Уссури в несметном количестве и, действительно, невыносимо мучат как животных, так и человека.

«Теперь возьмём про хлеб. С весны всегда он растёт хорошо: высокий, густой, просто сердце радуется. Глядишь, летом или водой зальёт, или дождём сгонит, червяк поест и не соберёшь ты почти ничего за все свои труды».

«Или, например, купить что-нибудь, — тут отдай в два, в три раза дороже, да и то еще такого товара не возьмёшь, как в Забайкалье. Здешние купцы рады содрать с тебя последнюю шкуру. Вот я, лонись¹, дабы кусок купила, четыре рубля отдала, а что? там всего 16 аршин; разве две юбки выйдет, да старику выгадаю на рубашонку, — добавляла со своей стороны хозяйка, вздыхая при этом и приговаривая: — пришлось на старости лет горе мыкать и нужду во всём терпеть».

«Теперь возьмём про всякое хозяйское снабдьё, — продолжала словоохотливая баба. — Бывало, за Байкалом всего было вдоволь: масла целую кадку за лето наготовливали, говядины тоже вволю, ягоды всякие... а здесь что? в светлый праздник не видишь того, что прежде имелось каждый будний день. Пропади она совсем эта Уссури! так бы всё и бросили; пешком бы пошли назад в Забайкалье».

Эти и тому подобные рассказы можно услышать на Уссури в каждой станции: везде недовольство, жалобы, тоска о прежнем житье за Байкалом.

Действительно, быт казаков, за весьма немногими исключениями, крайне незавидный.

Не говоря уже про какое-нибудь довольство жизни, большая часть из них не имеет куска хлеба насущного, и каждый год с половины зимы до снятия жатвы казна должна кормить большую часть населения, чтобы хотя сколько-нибудь спасти его от голода. Обыкновенно в это время выдают заимобразно неимущим казакам по 30 фунтов [12 kg] муки в месяц, но так как этой дачи для многих семейств недостаточно, и притом же она не вдруг выдаётся всем голодающим, то казаки к получаемому провианту подмешивают семена различных сорных трав, а иногда даже глину. Испечённый из этой смеси хлеб имеет цвет засохшей грязи и сильно жжёт во рту после еды.

Главным подспорьем к этому, но далеко не у всех, служит кирпичный чай, завариваемый с солью, или так называемый *бурдук*, т. е. ржаная мука, разболтанная в тёплой воде.

За неимением того и другого казаки готовят из высушенных гнилушек берёзы и дуба особый напиток, называемый *шультя*, и пьют в огромном количестве вместо чая.

Рыбную и мясную пищу зимой имеют весьма немногие, едва ли и двадцатая часть всего населения; остальные же довольствуются шультей и бурдуком, т. е. такими яствами, на которые нельзя без омерзения и взглянуть свежему человеку.

Результатами такой ужасающей нищеты являются, с одной стороны, различные болезни, а с другой — крайняя деморализация населения, самый гнусный разврат и апатия ко всякому честному труду.

¹ Казаки на Уссури, да и в Забайкалье, употребляют довольно много особенных, местных слов. «Лонись, лонской», значит в прошлый раз. Притом каждому новому человеку как на Уссури, так и на Амуре бросается в глаза беспрестанное употребление жителями слова «однако». О чём бы вы ни заговорили, везде вклетят это «однако». Бывало, спросишь казака: «Это твоя мать?» — «Однако, да», — отвечает, подумав, он, как будто сомневается даже в этом случае.

Действительно, небывалому человеку трудно даже поверить, до какой степени доходит разврат среди уссурийского населения. Здесь везде мужья торгуют своими женами, матери дочерьми и делают это не задумываясь, часто публично, без всякого зазрения совести.

В несколько минут обыкновенно слаживается дело, и невинная девушка, иногда едва достигшая пятнадцатилетнего возраста, продается своею же матерью много, много если за 25 рублей, а часто и того менее.

Не только местные, но даже проезжие личности обыкновенно запасаются таким товаром, нисколько не думая о будущей судьбе невинной жертвы.

Для последней исход в подобном случае всегда бывает один и тот же: наскучив через год или два своему первому владельцу, она идёт к другому, потом к третьему, четвёртому, наконец, пускается на все стороны и гибнет безвозвратно.

Во многих станциях можно видеть подобные личности, для которых стыд, совесть и другие лучшие стороны человеческой природы не существуют.

Мало того, разврат до такой степени проник всё население, что нисколько не считается пороком, и на зимних вечерних сходбищах, или так называемых «вечёрках», постоянно разыгрываются такие сцены, о которых даже и неудобно говорить в печати.

С другой стороны, не менее резко бросается в глаза совершенное равнодушие казаков к своему настоящему положению и полная апатия ко всякому необязательному труду.

Конечно, с первого раза кажется весьма странным: каким образом население может умирать с голоду в стране, где воды кишат рыбой, а леса полны всякого зверя? Ведь здесь стоит только пойти с ружьём, чтобы убить козу или изюбра, а не то забросить сеть, или какой-нибудь другой снаряд, чтобы наловить сколько угодно рыбы.

Борьба с нуждой, голодом и различными невзгодами отражается не только на нравственной стороне, но даже и на самой физиономии уссурийских казаков. Бледный цвет лица, впалые щеки, выдавшиеся скулы, иногда вывороченные губы, по большей части невысокий рост и общий болезненный вид — вот характерные черты физиономии этих казаков.

Не увидите вы здесь красивого великорусского мужика, с его окладистой бородой, или молодого краснощёкого парня. Нет! сами дети казаков, живой тип своих отцов, какие-то вялые, неигривые. Ни разу не слышал я на Уссуре русской песни, которая так часто звучит на берегах Волги; не запоёт ямщик, который вас везёт, про «не белые снега» или про что-либо другое в этом роде; нет даже здесь обыкновенного русского покрикивания на лошадей, а какое-то особенное, вроде: цши, цши, цши... которое произносится тихо, вполголоса и так звучит неприятно, что иногда мороз дерёт по коже.

Вообще всё, что вы видите на Уссуре, — казаков, и их быт, — всё действует крайне неприятно, в особенности на свежего человека.

Везде встречаешь грязь, голод, нищету, так что невольно болеет сердце при виде всех явлений.

В последней главе настоящей книги при общем обзоре колонизации Уссурийского края мы разберём подробно те причины, которые поставили казаков в такое неутешительное положение, а теперь

скажем несколько слов о местной торговле, главным центром которой служит селение Хабаровка, лежащее при слиянии Амура и Уссури.

Это селение¹, живописно раскинувшееся на правом гористом берегу последней реки, вытянулось в настоящее время более чем на версту в длину и имеет 111 домов, в которых, кроме войск, считается 350 жителей обоюго пола; цифра же солдат бывает различна и колеблется между 150—400 человек, смотря по временам года.

Таким образом, главную массу населения составляют войска; затем следуют купцы, крестьяне, отставные солдаты и китайцы. Последние живут в нескольких фанзах², и число их невелико, но оно значительно увеличивается летом, в июне и в июле, когда китайские торговцы съезжаются сюда с Уссури, ближайших частей Амура и даже с Сунгари для продажи соболей, получаемых ими от гольдов, орочей и других инородцев Амурского края.

Количество ввозимых ежегодно летом в Хабаровку соболей весьма значительно и, по словам здешних купцов, простирается до двадцати тысяч.

Для продажи китайцы обыкновенно связывают этих соболей пачками по 10—12 штук. В каждой такой пачке можно найти два, три хороших соболя, штуки четыре порядочных, остальные же всегда весьма плохи; между тем как цена за всех одинаковая и простирается средним числом 4—6 и даже 8 серебряных рублей за шкурку. При этом следует заметить, что мех уссурийского соболя незавидный, по большей части светлый и короткопушистый. Лучшие соболи привозятся в Хабаровку только из Буреинских или Хинганских гор.

За соболей, покупаемых от китайцев, в большей части случаев надобно платить серебряными рублями, так как китайцы, а за ними и другие инородцы почти вовсе не берут наших бумажек и даже мелкое серебро принимают неохотно, только как сдачу.

Подобное условие ставит каждого путешественника, желающего что-либо купить у китайцев, в весьма затруднительное положение, так как серебряный рубль можно достать здесь, заплатив за него не менее 1 р. 50 к. кредитными билетами. За весьма немногими исключениями — это постоянный курс, но иногда он поднимается до 1 р. 70 к., а бывали примеры, что и до двух рублей.

Пользуясь таким обстоятельством, здешние купцы и в особенности благовещенские завели весьма выгодную для себя торговлю серебром. Они выписывают его из Москвы, где покупают по биржевым ценам, а затем продают китайцам, имея на каждом рубле 25—30 коп. чистого барыша.

Такая продажа идёт десятками тысяч рублей, и всё это серебро уходит безвозвратно в Китай, где тотчас же переливается в китайские деньги, имеющие форму слитков различной величины.

Покупка соболей как в Хабаровке, так и во всём Уссурийском крае производится исключительно местными купцами и приезжими сюда нарочно для этой цели из Читы или даже из Иркутска. Те и другие друг перед другом стараются закупить как можно больше соболей, а через то беспрестанно повышают их продажную цену.

¹ Хабаровка основана в 1857 году солдатами линейного батальона.

² Фанзой называется китайский дом, подробное описание которого будет сделано в IV главе настоящей книги.

Говорят, что в последние годы соболи стали вдвое, даже втрое дороже против того, почём они продавались при первоначальном занятии нами Уссурийского края, когда в этой торговле было еще мало конкурентов.

Однако местные торговцы нашли способ конкурировать и теперь с приезжими богатыми купцами. Для этой цели они дают китайцам в долг товаров, часто на несколько тысяч, с обязанностью доставлять им за это всех добытых соболей. Разумеется, цена на этих соболей назначается по обоюдному согласию, и в случае, если китаец хочет за них очень дорого, то и наш торговец накидывает лишнее на свой товар, так что не остаётся в убытке.

В свою очередь китайцы имеют большой расчёт получать товары вперёд, в кредит. Эти товары они сбывают иногородцам также в долг, но зато обязывают их доставлять им всех добытых зимой соболей, назначая за последних самые незначительные цены по собственному усмотрению.

Однако, несмотря на это, промышленнику — орочу или гольду — важно иметь кредит у китайца в том именно отношении, что даже в случае неудачного промысла он может брать у него в счёт будущей добычи всё необходимое, главным же образом, просо и водку, первое — как любимую пищу, а последнюю — как великое лакомство.

Таким образом, при обоюдной даче в долг товаров как наши торговцы, так и китайцы остаются в больших барышах, и только бедный инородец, тяжким трудом добывающий своих соболей, не получает за них и пятой доли той цены, по которой они идут в продаже. Хотя китайцы по большей части честно выплачивают соболями за взятые у наших торговцев товары, но в последнее время бывали также примеры, что, набрав побольше в долг, китаец уходил в Маньчжурию и не возвращался обратно.

Гораздо важнее, нежели соболиная торговля, для местного уссурийского населения торговля теми предметами, которые составляют насущную необходимость даже самого неприхотливого быта. Однако в этих отношениях весьма мало можно встретить утешительного не только в Хабаровке, но и во всём Уссурийском крае.

Основанная исключительно на спекуляциях различных аферистов, гольшей, пришедших сюда с десятками рублей и думающих в несколько лет нажить десятки тысяч, уссурийская торговля зиждется, главным образом, на эксплуатации населения, в особенности инородческого, на различных рискованных аферах, а всего более на умении пользоваться обстоятельствами и, по пословице, «ловить рыбу в мутной воде».

Представителями этой торговли служат десятка три различных личностей: частью питомцев бывшей Амурской компании, частью прежних маркитантов, приказчиков, оставших солдат, фельдшером и т. д.

Более богатые из них, т. е. успевшие нажиться, живут в Хабаровке, остальные же по казачьим станицам на Уссури и в Южноуссурийском крае на озере Ханка.

Товары свои хабаровские купцы получают частью из Николаевска¹, куда эти товары привозятся на иностранных кораблях, частью же выписывают их из Читы или из Иркутска, реже прямо из Москвы.

¹ Областной город Приморской области, лежащий в устье Амура.

Торговцы по уссурийским станицам запасаются товарами уже в Хабаровке.

Все эти товары самого низкого качества, потому что как из России, так и из-за границы стараются сбыть сюда самую дрянь, которая не идёт с рук дома. Притом же цены на них непомерные. Уже в Иркутске и Николаевске цены на всё, по крайней мере, двойные; затем хабаровские торговцы берут в полтора или два раза против того, почём они сами покупали; наконец, их приказчики или другие мелкие купцы, торгующие по станицам Уссури, берут опять в полтора или два раза против хабаровских цен. Из такого перехода товаров уже можно себе представить, до какой безобразной цифры достигает дороговизна на всё.

Товары, получаемые из Николаевска, продаются в Хабаровке и по уссурийским станицам также по двойной или, уже как редкость, по полуторной цене против той, которую они стоят на месте.

Смешно сказать, что выгоднее выписывать из Москвы по почте даже такие предметы, как свечи и пеньковые верёвки. Действительно, пуд последних в Москве стоит 3 руб., за пересылку нужно заплатить 12 руб., да за укупорку и страхование положим 50 коп., следовательно, выходит 15 руб. 50 коп., всё же не 16 руб., как в Хабаровке. Пуд стеариновых свечей с пересылкой будет стоить 25 руб., следовательно, на 5 руб. дешевле, нежели у купцов на Уссури. Многие товары, как-то материи, табак, сукна и пр., можно получать, выписывая вдвое дешевле против здешнего, но при этом с той огромной выгодой, что все предметы будут хорошего качества, а не та гниль и оборыши, которые продаются уссурийскими купцами.

Кроме того, при отсутствии всякой конкуренции цены на товары не имеют определённой нормы, а совершенно зависят от произвола продавца. Появится ли большой запас на какой-нибудь товар или просто он остаётся в продаже только у одного какого-нибудь купца, сейчас же цена на него накладывается двойная или, если уже сильно совесть зазрит, то полуторная.

Немного дешевле можно купить все вообще товары только летом, когда с верховьев Амура приходят в Хабаровку баржи с различными товарами, отправляемыми некоторыми купцами из Читы и из Иркутска собственно для продажи по амурским станицам и в городах Благовещенске и Николаевске. Однако названные баржи никогда не плавают по Уссури, население которой лишено даже и этой незначительной выгоды.

Таковыми-то спекуляциями и наживают себе деньги все аферисты, которые являются сюда нищими, а через несколько лет уже ворочают большими капиталами. Они сами открыто говорят, что «если на один рубль нельзя заработать в год три, то не стоит денег брать в руки», и подобное правило, конечно, может быть применимо в здешних местах, где вся торговля основана на эксплуатации и афере, а не на правильных и честных оборотах.

Через Хабаровку проходит линия амурского телеграфа, который соединяет город Николаевск с Новгородской гаванью, лежащей в заливе Посьета.

Не отрицая некоторой, впрочем, весьма малой пользы, приносимой в настоящее время этим телеграфом, нельзя не пожелать в будущем лучшего его устройства. В особенности теперь, когда телеграфное сооб-

щение устраивается, с одной стороны, от г. Сретенска по Амуру до Хабаровки, а с другой — от Новгородской гавани до Шанхая, и когда, таким образом, нынешний уссурийский телеграф войдёт в связь с Россией и Европой, — теперь является настоятельная необходимость обеспечить более правильное и постоянное по нему сообщение.

Мне кажется, прежде всего следует расширить просеку, которая в лесах Уссурийского края имеет всего пять сажен ширины, так что падающие деревья беспрестанно портят проволоку, а через то действие очень часто прерывается, иногда на долгое время.

Кроме телеграфного сообщения, в Уссурийском крае зимой производится почтовое, а летом пароходное¹, двумя небольшими казёнными пароходами, которые буксируют по Уссури, Сунгаче и на озере Ханка баржи с провиантом и фуражом для войск. Правильных рейсов эти пароходы не делают, но приходят и уходят из Хабаровки по мере надобности в казенной перевозке и буксировке барж. Вместе с тем эти пароходы возят и пассажиров, хотя такой провоз не обязателен для них, так что капитан по своему усмотрению может принять и не принять всякое частное лицо. Впрочем подобных путешественников бывает здесь немного, только купцы; все же офицеры и чиновники обыкновенно имеют различные предписания на право проезда.

Обращаясь ещё раз к самой Хабаровке, следует сказать, что выгодное положение этого селения при слиянии двух громадных водных систем — амурской и уссурийской — обещает ему широкое развитие даже в недалёком будущем. Что бы ни говорили, а рано или поздно Николаевск должен потерять своё значение как порта и как места центрального управления Приморской областью. В первом отношении он имеет весьма сильных конкурентов во Владивостоке и Посъете, наших южных гаванях, во втором — в Хабаровке. При самом поверхностном знакомстве с Приморской областью можно утвердительно сказать, что вся её будущность как страны земледельческой заключается в Уссурийском и в особенности Южноуссурийском крае, а никак не на низовьях Амура или в других, ещё более северных частях. Понятно, что и центральное управление краем должно находиться как можно ближе к тем местностям, куда направлена главная его деятельность; между тем как в настоящее время оно удалено от этих мест более чем на тысячу вёрст. И тем сильнее чувствуется подобный недостаток в стране без дорог, где сообщение совершенно прекращается весной и осенью на продолжительное время.

Всякое административное распоряжение, иногда очень спешное, не может быть доставлено во-время, в особенности при неисправном действии существующего телеграфа. Таким образом, даже известие о появлении в наших пределах весной 1868 года китайских разбойников было получено в Николаевске только через 17 дней после его отправления вследствие недействия телеграфа и невозможности почтового сообщения во время весенней распутицы.

С другой стороны, перенесение центрального управления из Николаевска в Хабаровку, куда, следовательно, переберутся все служащие, сильно поднимает местную производительность Уссурийского края и доставит ему возможность верного и обширного сбыта своих

¹ Пароходство на Уссури открывается обыкновенно около 20 апреля и продолжается до первых чисел октября.

земледельческих произведений, а это, без сомнения, выгодно отразится на благосостоянии его обитателей.

Начнём теперь про само путешествие.

Проведя несколько дней в Хабаровке, я направился вверх по Усури не на пароходе, а на лодке, так как при подобном способе движения можно было подробнее ознакомиться с краем, по которому приходилось ехать. Лодка у меня была своя собственная, гребцов же я брал в каждой станице посменно. Гоньба почты и провоз проезжающих составляют повинность казаков, которые поочередно выставляют в каждой станице зимой лошадей, а летом гребцов и лодки. Каждая такая очередь стоит неделю; прогоны платятся по три копейки на версту зимой за лошадь, а летом за каждого гребца. Впрочем летом проезжающих в лодках почти никого не бывает, кроме казачьих офицеров, которые ездят по делам служебным. Зимой дорога по льду Усури довольно хороша, но летом других сообщений, кроме водных, не существует. Правда, между станицами есть тропинки, но по ним можно пробраться только пешком или верхом, да и то не всегда благополучно, особенно во время наводнений.

Моё плавание по Усури от её устья до последней станицы Буссе (477 верст) [509 км] продолжалось 23 дня, и всё это время сильные дожди, шедшие иногда суток по двое без перерыва, служили большой помехой для всякого рода экскурсий.

Собранные растения зачастую гибли от сырости, чучела птиц не просыхали как следует и портились, а большая вода в Усури, которая во второй половине июня прибыла сажени на две против обыкновенного уровня, затопила все луга, не давая возможности иногда в продолжение целого дня выходить из лодки.

С поднятием вверх по реке изменяется и характер её берегов, по различию которых можно приблизительно определить границы нижнего, среднего и верхнего течения Усури.

Первое, т. е. нижнее, течение простирается от её устья до впадения слева реки Нор и характеризуется в общем преобладанием равнинной формы поверхности. Здесь, на левой стороне Усури, необозримые равнины тянутся не прерываясь от самого Амура вплоть до устья Нора, а на запад простираются до возвышенности, разделяющей притоки Усури с притоками Амура и Сунгари.

Эти громадные равнины везде имеют один и тот же характер: обширные заливные низменности с множеством больших и малых озёр сменяются площадями несколько возвышенными и невысокими, по большей части узкими и длинными увалами, или рёлками, идущими во всевозможных направлениях. Везде здесь преобладает травяная растительность, которая по заливным низинам состоит почти исключительно из *тростеполевицы* (*Calamagrostis purpurea*) [*C. Langsdorfii* — вейник], достигающей саженного роста [2 м], а по кочковатым берегам озёр, покрытых множеством *чилима* (*Typha latifolia*) и *кувшинки* (*Nymphaea tetragona*) и окаймлённых *тростником* (*Arundo phragmitis*) [*Phragmites communis*] или *айром* (*Acorus calamus*), — из видов *осоки* (*Carex*) и *ситовника* [сыть] (*Cyperus*). На болотистых окраинах этих озёр весной цветёт *сибирский касатик* (*Iris sibirica*) [касатик восточный — *Iris orientalis*], заливающий тогда целые пространства своим прекрасным голубым цветом, а позднее, уже летом, на тех же самых болотах во множестве развивается не менее красивый гигантский *мытник* (*Pedicu-*

laris grandiflora), усыпанный большими розовыми цветами. Кроме того, здесь же встречаются лютик (*Ranunculus flammula*)¹, пушица (*Eriophorum angustifolium*), чина (*Lathyrus palustris*) и другие болотные травы.

Там, где равнина делается возвышеннее, растительность становится более разнообразна, а множество кустов таволги и шиповника образуют густые заросли. Кой-где появляются здесь большие группы деревьев: дуба чёрной берёзы, осины, липы, маакии и др., между которыми густо растёт ветвистый кустарник леспедецы.

Но самая разнообразная растительность встречается на сухой почве рёлок, где всего более растут деревья и кустарники, а из травянистых растений чаще других попадаются: лилия, красная и жёлтая (*Lilium pulchellum*, *L. spectabile*) [Л. красивая — *Lilium pulchellum*, даурская — *L. dauricum*], пионы (*Paeonia albiflora*), ясенец (*Dictamnus fraxinella*) [*D. dasicarpus*], синюха (*Polemonium coeruleum*) [*P. acutiflorum*], валериана (*Valeriana officinalis*)², крестовник (*Senecio pratensis*), золотисто-жёлтый *Нemerocallis graminea* [красоднев малый — *N. minor*]. Густые заросли этих и других трав переплетают: подмаренник (*Gallium boreale*), повилка (*Cuscuta japonica*), диоскорея (*Dioscorea quinqueloba*) [*D. polystachya*] и *Menispermum dauricum*.

Правая сторона нижнего течения Уссури далеко не представляет однообразия равнины берега. Здесь, т. е. по правой стороне реки, вёрст за пятьдесят от её устья, вдруг вздымается, тысячи на три или на четыре футов [900—1 200 м] хребет *Хехцыр*, который тянется затем на некоторое расстояние вдоль Амура и пускает к берегу Уссури иногда крутые, по большей же части пологие, отрасли.

Этот хребет сплошь покрыт лесами, состоящими из ильма, липы, ясеня, клёна, дуба, грецкого ореха, пробки и других лиственных деревьев, с которыми перемешаны хвойные породы: кедр, ель, пихта и лиственница. Густой подлесок образуют лещина, бузина, жасмин, сирень, калина, елейтерококкус, жимолость и другие кустарники, свойственные Уссурийскому краю. Вообще *Хехцырский* хребет представляет такое богатство лесной растительности, какое редко можно встретить в других даже более южных частях Уссурийского края.

Южный крутой склон этого хребта резко обрамляет собой равнину, которая теперь раскинулась также и на правом берегу Уссури и несёт частью луговой, частью лесистый характер.

Но эта равнина продолжается недолго и вскоре примет волнообразную форму поверхности, которая всё более и более увеличивается с приближением к среднему течению Уссури, где, наконец, холмистые возвышенности правого берега подходят к реке пологими скатами.

Сама Уссури в нижнем течении разбивается на множество рукавов, или так называемых протоков, образующих большие и малые острова. Те из них, которые невысоко подняты над водой, имеют обыкновенно болотистую почву с множеством наносного леса и всегда сплошь покрыты тальником; те же, которые лежат возвышеннее, так что никогда или, по крайней мере, редко затопляются водой, представляют

¹ Повидимому, речь идёт о близком виде — *R. reptans* L., так как *R. flammula* L. на Дальнем Востоке не встречается. — *Ред.*

² Этот сборный вид в настоящее время разбит на ряд более мелких видов, из которых на Дальнем Востоке встречается *V. amurensis* P. Smirn., *V. inhcensis* Kt и др. — *Ред.*

разнообразную древесную и кустарную растительность, среди которой особенно часто попадаются таволга, виноград, яблоня и черёмуха.

В 38 верстах от своего устья Уссури соединяется с одним из больших рукавов Амура, известным под именем *Кырминской* протоки, и отсюда имеет весьма быстрое течение при ширине около $1\frac{3}{4}$ версты. Из притоков её нижнего течения, кроме Нора, впадающего слева, с правой стороны замечательны три реки: *Кий*, *Хор*, или *Пор*, и *Сим*.

Самая большая из них Хор, которая течёт чрезвычайно быстро и, по словам инородцев, имеет до 400 вёрст длины. Впрочем обо всех этих реках мы не имеем никаких сведений. Вообще вся страна к востоку от Уссури до сих пор еще совершенная для нас terra incognita¹. Во многих местах на расстоянии каких-нибудь двадцати или тридцати вёрст от берега Уссури не был никто из русских, а главный кряж Сихотэ-Алиня не посещается даже и нашими зверопромышленниками. Между тем эта часть Уссурийского края как по своим климатическим условиям, так и по характеру своей природы, по всему вероятно, резко отличается от самой долины, следовательно, представляет большой научный интерес и обширное поприще для будущих исследователей.

Среднее течение Уссури, простирающееся от устья Нора до впадения рек *Има* и *Мурени*, характеризуется обилием гор, которые сопровождают оба берега реки и часто подходят к ней то пологими скалами, то крутыми или отвесными утёсами; иногда же береговые горы удаляются немного в сторону и оставляют место для неширокой долины. Вместе с тем Уссури здесь гораздо беднее островами, нежели в нижнем течении, и притом значительно уменьшается в размерах, в особенности выше впадения справа самого большого из всех своих притоков — *Бикина*.

Эта река вытекает из главного кряжа Сихотэ-Алиня недалеко от берега и, наконец, понижаясь мало-помалу, сливается с болотистыми берегами Японского моря и, направляясь с востока на запад, имеет около 600 вёрст длины. Как все правые притоки Уссури, Бикин течёт весьма быстро и при устье достигает полутора сажен [300 м] ширины при значительной глубине.

Говорят, что по нему можно подниматься на небольших пароходах вёрст на сто, но подобных попыток еще не было сделано.

Долина Бикина в низовьях этой реки имеет вёрст десять ширины, но чем далее вверх, тем более и более суживается, так что, наконец, горы подходят к самому берегу. Эти горы покрыты дремучими, сначала лиственными, а потом хвойными лесами, которые славятся обилием соболей и служат главным местом зимнего промысла многих инородцев не только с Уссури, но даже с ближайших частей Амура.

Выше впадения Бикина Уссури сузилась почти наполовину против своего устья, и далее вверх оба берега её несут вполне гористый характер. С правой стороны хребет *Самур*, идущий параллельно Сихотэ-Алиню, наполняет всё пространство между Бикином и Имой; слева же горы² хотя и не столь высоки, но также тянутся непрерывно вдоль равнинами реки Мурени.

Береговые утёсы, которыми часто обрываются в реку боковые отроги главных хребтов, состоят, по исследованиям специалистов, из гли-

¹ Неизвестная земля (лат.). — *Ред.*

² Повидямому, речь идёт о хребте Дала-Цзымань. — *Ред.*

нистого сланца, песчаника и известняка; реже попадаетея гранит, иногда изменённый в гнейс.

На таких утёсах, в особенности обращённых к югу, встречаются самые разнообразные и интересные формы травянистых растений: *гвоздика* (*Silene inflata*) [*S. latifolia* — хлопущка], *череда* (*Bidens parviflora*), *очиток* (*Sedum selskianum*) *колокольчик* (*Campanula punctata*), *Selaginella rupestris* [*S. sibirica*], *Aspidium fragrans* [*Dripteris fragrans*] и др., а боковые, пологие их скаты одеты густыми зарослями различных кустарников, среди которых чаще других встречаются леспедеца, лещина, елейтерококкус, бузина, таволга, бересклет, калина; панакс, шиповник и сирень; виноград, максимовичия и диоскорея переплетают собой эти чащи и делают их почти непроходимыми.

Береговые леса, которые по мере удаления от реки становятся ещё гуще и величественнее, состоят из смеси различных лиственных пород: ясеня, клёна, ильма, акации, ореха, пробки, мааккии, между которыми попадаются изредка яблоня, черешня и довольно обширные кущи дуба, осины и чёрной берёзы.

Среди этих лесов разбросано множество лужаек, покрытых самым разнообразным ковром цветов и отчасти напоминающих европейские луга. Из травянистых растений, свойственных таким местностям, можно назвать: *лилию* (*Lilium avenaceum*), *живокость* (*Delphinium Maackianum*), *василистник* (*Thalictrum amurense*), *чемерицу* (*Vertrum nigrum*), *лактук* (*Lactuca amurensis*) [*Lactuca* sp.], *бубенчики* (*Adenophora latifolia*), *ландыш* (*Convallaria majalis*, *C. multiflora*¹), *Habenaria linearifolia*, *Melampyrum roseum*, вьющееся *Glossocoma lanceolata* и полукустарник *Smilax excesa* [*S. Oldhami*].

По лесным опушкам и в самих лесах растут: *прикрыт* (*Aconitum lycostopum*, *A. volubile*), *спаржа* (*Asparagus Sieboldi*) [*A. schoberioides*], *пижма* (*Tanacetum vulgare*), *чистотел* (*Chelidonium majus*), *Oreorchis patens* и *папоротник* (*Polipodium vulgare*)².

Но лишь только перейти к низменным равнинам, то опять являются непроходимые заросли тростеполевицы, многочисленные озёра с тростником и кочками, поросшими осокою; словом, все те страшные трупцы, которыми так богато нижнее течение Уссури и через которые в иных местах совершенно невозможно пробраться.

По мере приближения к устьям рек Имы и Мурени, из которых первая впадает с правой, а другая вёрст десять выше, с левой стороны Уссури, гористый характер берегов её среднего течения начинает малопомалу изменяться. Окрестные горы уже не так высоки, чаще и дальше бродят в стороны, образуют более обширные и пологие скаты, в самую реку гораздо реже вдаются утёсы; словом, всё возвещает о приближении вновь обширных луговых и болотистых равнин, которые характеризуют собою верхнее течение Уссури. К области этого последнего можно отнести всё дальнейшее пространство до слияния рек Ула-хэ и Дабуи-хэ, из которых первая как уже было сказано выше, составляет главную ветвь. Обе вышеназванные реки, Има и Мурень, весьма мало исследованы.

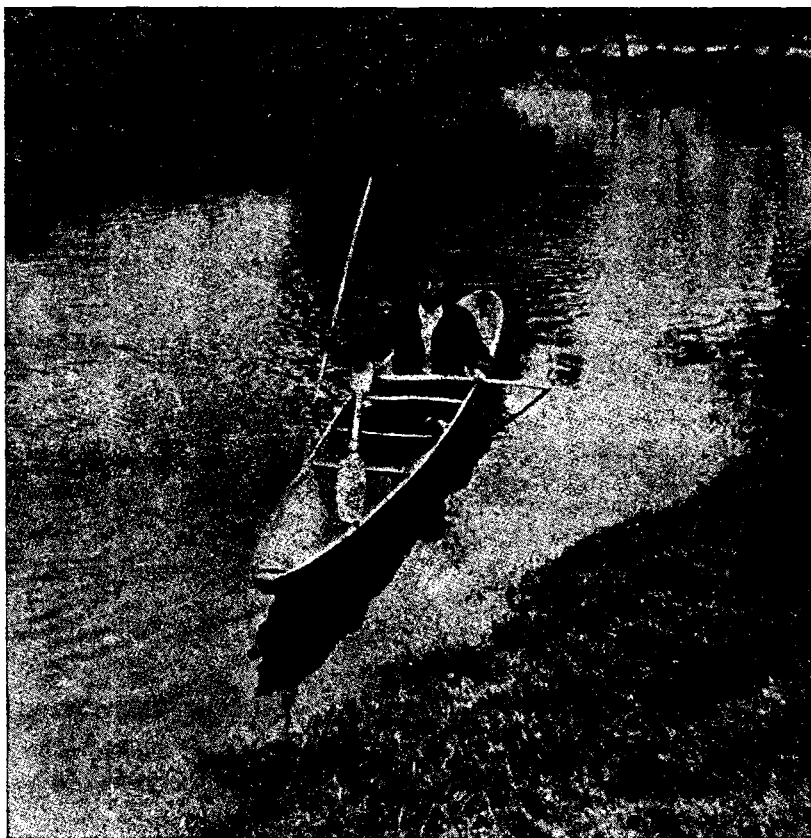
Первая из них, имеющая чрезвычайно быстрое течение и ширину

¹ Купеча. *Polygonatum acuminatifolium* и другие виды.—*Ред.*

² На Дальнем Востоке встречаются *P. virginianum* L. и *P. lineare* Thunb., но не *P. vulgare* L.—*Ред.*

при устье около восьмидесяти сажен [160 м], вытекает из Сихотэ-Алиня, и хотя длина её в точности неизвестна, но во всяком случае она гораздо менее длины Бикина.

Верстах в десяти от своего устья Има принимает слева реку *Ваку*, которая больше, нежели она сама. Обе эти реки, по причине своего быстро, извилистого течения и множества наносных карчей, совершенно негодны для плавания даже самых малых пароходов.

На р. Хор, правом притоке Уссури.

Другая река — Мурень — находится в китайских пределах и еще менее известна, нежели Има. Она вытекает из гор Кентей-Алинь, имеет около 300 вёрст длины и впадает в Уссури двумя главными устьями.

По длине этой реки китайская тропа ведёт от Уссури к двум ближайшим маньчжурским городам — Сан-Сину [Саньсин] и Нингуге.

Выше устья Има Уссури имеет уже не более ста пятидесяти сажен ширины и, чем далее вверх, тем более и более делается скромною рекою, так что при впадении Дауби-хэ суживается сажен на семьдесят.

Сообразно уменьшению ширины требуется и глубина реки, в особенности выше устья *Сунгачи*, где в малую воду во многих местах бы-

ваает не более 2½ футов [75 см]. Такая незначительная глубина при быстром течении весьма затрудняет движение даже самых небольших пароходов, так что собственно хорошее плавание по Уссури может производиться только от её устья до впадения реки Сунгачи, которая приносит воды озера Ханка.

Общий характер берегов верхней Уссури состоит в исключительном преобладании равнин, которые на правой стороне реки имеют луга, поросшие редким лесом; на левом же берегу состоит из болотистых низменностей, идущих непрерывно до самого озера Ханка.

Береговые горы, совершенно исчезающие на левой стороне, сначала чуть виднеются на горизонте правого берега и только впоследствии подходят всё ближе и ближе, так что при впадении Дауби-хэ отстоят от него не более четырёх или пяти вёрст.

Вместе с тем и сама долина правого берега изменяет свой луговой характер и делается весьма лесистою. Везде по ней встречается много мест, удобных для земледелия, но, к несчастью, такие места почти все бывают подвержены наводнениям.

Из притоков верхнего течения Уссури самый большой с правой стороны есть река *Та-Суду-хэ*, а слева в неё впадает Сунгача, о которой, равно как и обо всём ханкайском бассейне, будет подробно рассказано в следующей главе.

Во время следования в лодке, что происходило крайне медленно против быстрого течения, мы с товарищем обыкновенно шли берегом, собирали растения и стреляли попадавшихся птиц. То и другое сильно замедлило движение вперёд и невообразимо несносно было для гребцов-казаков, которые на подобного рода занятия смотрели как на глупость и ребячество. Одни из них, более флегматические, постоянно презрительно относились к моим птицам и травам; другие же, думая, что собираемые растения какие-нибудь особенно ценные, но только они не знают в них толку, просили открыть им свой секрет. Станичные писари и старшины как люди более образованные зачастую лезли с вопросами, вроде таких: «Какие вы это, ваше благородие, климаты составляете?» А однажды старик-казак, видя, что я долго не сплю и сушу растения, с полным участием и вздохом сказал: «Ох, служба, служба царская, много она делает заботы и господам».

Про ботаника Максимовича¹, который был на Уссури в 1860 году, казаки помнят до сих пор и часто у меня спрашивали: «кто такой он был, полковник или нет?» В станице Буссе, на верхней Уссури, мне случилось остановиться на той же самой квартире, где жил Максимович, и когда я спросил про него хозяйку, то она отвечала: «жил-то он у нас, да бог его знает, был какой-то травник». — Что же он здесь делал? — спрашивал я хозяйина. «Травы собирал и сушил, зверьков и птичек разных набирал, даже ловил мышей, козявок и червяков, — одно слово, гнус всякий», — отвечал он мне с видимым презрением к подобного рода занятиям.

Оставим всю эту пошлость и глупость, от которых нет спасения даже в далёких дёбрях Сибири, и перейдём к прерванному рассказу.

Чуть свет обыкновенно вставал я и, наскоро напившись чаю,

¹ Максимович Карл Иванович (1827—1891), ботаник-систематик и путешественник. В 1853 году совершил путешествие вокруг света. Написал ряд сочинений по флоре Восточной Сибири. — *Ред.*

пускался в путь. В хорошие дни утро бывало тихое, безоблачное. Уссури гладка, как зеркало, и только кой-где всплеснувшаяся рыба взволнует на минуту поверхность воды. Природа давно уже проснулась, и беспокойные *крачки* (*Sterna longipennis*) [*Cheidonias*] снуют везде по реке, часто бросаясь на воду, чтобы схватить замеченную рыбу. *Серые цапли* (*Ardea cinerea*) важно расхаживают по берегу; мелкие *кулички* (*Actitis hypoleucis*, *Tringa minuta*, *Totanus glareola*, *T. ochropus*) проворно бегают по песчаным откосам, а многочисленные стада уток перелетают с одной стороны реки на другую.

Голубые сороки (*Pica caurina*) и *стрикуны* (*Pastor sturninus*), каждый своим стадом, не умолкая кричат по островам, где начинает теперь попевать любимая их ягода — черёмуха. Из ближайшего леса доносится голос *китайской иволги* (*Oriolus chinensis*), которая больше, краснее, да и свистит погромче нашей европейской.

То там, то здесь украдкой мелькнёт какой-нибудь хищник, а высоко в воздухе носится большой *стриж* (*Acanthilis caudacuta*), который то поднимается к облакам, так что его почти совсем не видно, то, мелькнув, как молния, опускается до поверхности реки, чтобы схватить мотылька. Действительно этот превосходный летун едва ли имеет соперника в быстроте; даже хищный сокол и тот не может поймать его. Я видел во время осеннего пролёта этих стрижей, как целые стада их проносились возле сидящего на вершине сухого дерева *сокола чеглока* (*Falco subbuteo*), но он и не подумал на них броситься, зная, что не догнать ему этого чудовищного летуна.

Вплываем в узкую протоку¹, берега которой обросли, как стеною, густыми зелёными ивами, и перед нами явятся небольшая робкая *цапля* (*Ardea virescens* var. *scapularis*) [*Egretta alba*] или *голубой зимородок* (*Alcedo ipsida* var. *bengalensis*) [*A. atthis*], который сидит, как истукан, на сухом выдающемся над водою суку дерева и выжидает мелких рыбок, свою единственную пищу; но, встревоженный нашим появлением, поспешно улетает прочь.

Поднимается выше солнце, наступает жара, и утренние голоса смолкают; зато оживает мир насекомых, и множество бабочек порхает на песчаных берегах реки. Между всеми ними, бесспорно, самая замечательная и по своей красоте есть осторожная *Parvilio maackii*, в ладонь величиною и превосходного голубого цвета с различными оттенками. Но вместе с бабочками появляются тучи мучащих насекомых, которые в тихие дни не прекращают свои нападения в течение целых суток, но только сменяют друг друга.

Действительно, комары, мошки и оводы являются летом в Уссурийском крае в таком бесчисленном множестве, что не видавшему собственными глазами или не испытавшему на себе всей муки от названных насекомых трудно даже составить об этом и понятие.

Без всякого преувеличения могу сказать, что если в тихий пасмурный день идти по высокой траве уссурийского луга, то тучи этих насекомых можно уподобить разве только снежным хлопьям сильной метели, которая обдаёт вас со всех сторон. Ни днём, ни ночью проклятые насекомые не дают покою ни человеку, ни животным, и слишком мало заботится о своём теле тот, кто вздумает без дымокура присесть на уссурийском лугу для какой бы то ни было надобности.

¹ Протокою называют здесь рукав реки.

Дневной жар сменяет прохладный вечер. Надо подумать об оставке, чтобы просушить собранные растения, сделать чучело — другое птиц и набросать заметки обо всём виденном в течение дня. Выбрав где-нибудь сухой песчаный берег, я приказывал лодки приваливать к нему и объявлял, что здесь останемся ночевать.

Живо устраивался бивуак, разводился костер, и мы с товарищем принимались за свои работы, а между тем наши солдаты варили чай и незатейливый ужин.

Говорят, что голод — самый лучший повар, и с этим, конечно, согласится всякий, кому хотя немного удавалось вести странническую жизнь, дышать свободным воздухом лесов и полей...

Между тем заходит солнце, сумерки ложатся довольно быстро, и в наступающей темноте начинают мелькать, как звездочки, сверкающие насекомые, а тысячи ночных бабочек слетаются на свет костра. Понемногу замолкают дневные пташки; только однообразно постукивает японский козодой (*Sargutulgus jotasa*), да с ближайшего болота доносится дребезжащий, похожий на барабанную трель, голос водяной курочки (*Gallinula erythrothorax*), в перемежку с которым раздаётся звонкий свист камышовки (*Salicaria aëdon*), лучшей из всех здешних певиц.

Наконец, мало-помалу смолкают все голоса, и наступает полная тишина: разве изредка всплеснёт рыба или вскрикнет ночная птица...

Окончив, иногда уже поздно ночью, свои работы, мы ложились тут же у костра и, несмотря на комаров, скоро засыпали самым крепким сном. Утренний холод обыкновенно заставляет просыпаться на восходе солнца и спешить в дальнейший путь. Так проводили мы дни своего плавания по Уссури. К несчастью, частые и сильные дожди много мешали успешному ходу путешествия и принуждали в такое время ночевать в станицах, чтобы хотя во время ночи обсушить и себя и собранные коллекции.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Река Сунгача.—Окрестные равнины.—Великолепный цветок нелюбия.—Озеро Ханка.—Характер его берегов. Обилие рыбы. Русские поселения: Турий Рог, Троицкое, Астраханское, пост Камень-Рыболов.—Степи между озером Ханка и рекой Суйфуном.—Деревня Никольская.—Остатки старинных укреплений.—Река Суйфун.

двенадцати верстах выше станицы Буссе Уссури принимает слева реку Сунгачу, неширокое устье которой трудно даже и заметить в густых зарослях берегового ивняка. Между тем, эта река, составляющая сток озера Ханка, приносит значительную массу вод, а по оригинальному характеру своего течения заслуживает особенного внимания и любопытства. Действительно, едва ли можно найти другую реку, которая так прихотливо изломала бы своё русло и образовала столько частых и крутых извилин, как Сунгача.

Достаточно сказать, что в то время как по прямому направлению от её истока до устья только 90 вёрст, по самой реке это протяжение увеличивается почти втрое и составляет более 250 вёрст. Кроме того, во многих местах Сунгача поворачивает не только под прямым, но даже под острым углом к своему прежнему направлению, и часто, проехав три-четыре версты, случается вновь подъезжать сажен на десять к тому месту, откуда началась извилина. Наши солдаты довольно метко прозвали эти излучины «восьмёрками», и в самом деле, если взять сряду две большие извилины, то в общем своём очертании они будут походить на цифру 8.

Такая извилистость при незначительной ширине реки, от 20—25 сажен [40—50 м] на всём течении, затрудняет плавание даже небольших пароходов, которые при крутых поворотах часто выскакивают носом на берег или задевают за него своими колёсами.

К счастью, на всём своём протяжении Сунгача имеет большую глубину — от 2 до 5, даже в иных местах до 10 сажен [от 4—10 до 20 м], и притом эта глубина начинается у самого берега, так что река течёт в глубокой промоине. Скорость же течения при самом истоке из озера Ханка довольно велика, но в средних и нижних своих частях Сунгача струится медленно. Вместе с тем большая глубина отчасти

искушает те неудобства для плавания, какие представляют извилины реки.

Однако и эти неудобства могут быть значительно устранены впоследствии, если по мере заселения края возникнут более оживленные сообщения между уссурийским и ханкайским бассейнами. Нужно будет только прокопать узкие полосы земли между извилинами реки, и тогда путь по ней может сократиться наполовину.

Местность, орошаемая Сунгачею, представляет совершенную равнину, которая начинается на левой стороне Уссури еще от устья Мурени и тянется, не прерываясь, до восточных берегов озера Ханка.

В нижнем течении реки эта равнина имеет более возвышенное положение и во многих местах покрыта лиственными лесами, в которых преобладает дуб, а густой подлесок состоит из разнообразных кустарников, свойственных Уссурийскому краю.

Лесные луга замечательны разнообразием травянистой флоры. Вообще в нижнем течении Сунгачи можно найти места, удобные для поселений, и, действительно, в десяти верстах от её устья летом 1867 года выстроена новая казачья станица — Маркова. Но по мере поднятия вверх по реке окрестные равнины переходят мало-помалу в болотистые низменности, которые расстилаются по всему среднему и верхнему течению Сунгачи¹.

Эти утомительные, однообразные, покрытые множеством озёр и гладкие, как пол, низины на правом берегу реки простираются до гор, которые сопровождают течение реки Дауби-хэ, на левой же стороне идут, не прерываясь, как только можно охватить глазами, и сливаются с болотистыми равнинами реки Мурени.

На всём означенном пространстве, за исключением так называемых увалов, т. е. небольших и узких возвышений, которые иногда тянутся среди болот, нет ни одного клочка земли, удобной для заселения. Даже в сухую пору года сунгачинские низменности по большей части совершенно непроходимы, а во время дождей они бывают сплошь залиты водою.

Сообразно таким невыгодным условиям растительность этих равнин отличается своим однообразием и много напоминает болотистые луга нижней Уссури. Как там, так и здесь, везде преобладает тростеполевица, осока, различные злаки, а по берегам озера — тростник, достигающий саженого роста.

В то же время совершенное безлюдье характеризует эти непригодные для человека равнины. Ни инородческого, ни русского населения нет по Сунгаче. Только четыре наших пограничных поста, на которых живёт по несколько казаков, стоят одиноко на расстоянии 20—30 вёрст один от другого.

Но зато если взор путешественника томится однообразием как местности, так и флоры сунгачинских равнин, то он бывает с избытком вознаграждён появлением великолепного цветка *нелюбши* (*Nelumbium speciosum*) [лотос *Nelumbium piceifolium*], который местами во множестве растёт по береговым озёрам и заливам Сунгачи.

¹ Только в двадцати (если считать напрямик, а не по извилинам реки) от истока Сунгачи из озера Ханка, на правой её стороне, в трёх от берега реки стоит несколько горок средней высоты, покрытых лесом. Здесь же Сунгача принимает справа небольшой приток, который не носит никакого особенного названия и известен у казаков под общим именем «речки».

Это водное растение, близкий родственник гвианской царственной виктории, разве только ей и уступает место по своей красоте.

Чудно впечатление, производимое, в особенности в первый раз, озером, сплошь покрытым этими цветами. Огромные (более аршина в диаметре) круглые кожистые листья, немного приподнятые над водою, совершенно закрывают её своею яркой зеленью, а над ними высятся на толстых стеблях целые сотни розовых цветов, из которых иные имеют шесть вершков [25 см] в диаметре своих развёрнутых лепестков¹.

Такой огромной величины достигает здесь цветок этого растения, которого родина — далёкие тёплые страны: Япония, Южный Китай и Бенгалия².

Но, как странная аномалия, он заходит на север даже до устья Уссури, хотя попадает там в количестве несравненно меньшем, нежели в бассейне озера Ханка³.

Быстрая и удобная езда на пароходе после утомительного плавания в лодке казалась необыкновенно приятной, тем более, что дожди, наконец, кончились, наступила хорошая погода и солнце ярко светило с безоблачного неба. Само плавание по узкой, крайне извилистой реке, текущей среди пустынных равнин, имело особенный, оригинальный и привлекательный характер, которого, конечно, нельзя уже нигде найти в Европе.

Всё пернатое население реки, повидимому, нисколько не боялось шума парохода, а только удивлялось, откуда могло появиться такое невиданное чудовище. Многочисленные утки и цапли вылетали чуть не из-под самых колес; бакланы, эти осторожные птицы, подпускали к себе шагов на пятьдесят и уже тогда тяжёло поднимались с воды; даже белые китайские журавли, изредка ходившие парами по окрестным болотам, несмотря на всю пугливость, только пристально смотрели на пароход, испускали несколько раз свой громкий крик, но не улетали прочь.

Раза два-три случалось увидеть дикую козу возле самого берега, куда она приходила напиться речной воды или, быть может, полежать в прохладной тени густого тальника, которым обросли все берега Сунгачи. Увидав пароход, пугливое животное не знало, что делать от удивления и испуга, и стояло неподвижно, как вкопанное; только через несколько минут, когда первый страх проходил, оно пускалось быстро скакать по высокой траве.

Однажды шагах в двухстах показался даже медведь и, поднявшись из травы на задние лапы, начал смотреть на нарушителя спокойствия в его владениях. Однако пущенная мною в него пуля уразумила мишку, что гораздо лучше убраться подобру-поздорову, чем глазеть хотя на редкую, но не совсем безопасную диковинку.

Через два с половиной дня, по выходе из станицы Буссе, мы прибыли к истоку Сунгачи, и перед нами открылась обширная водная гладь озера Ханка, которое находилось в сильном волнении, так что

¹ Нелюбния цветёт в здешних местах в августе.

² В Европе нелюбния растёт в небольшом количестве в устье Волги.

³ Кроме Сунгачи, в ханкайском бассейне нелюбнии много по озёрам болотистой долины Лэфу — южного притока Ханка. На побережье Японского моря я нигде не встречал этого растения.

нужно было ожидать, пока утихнет ветер и можно будет пуститься по широкому водному бассейну на нашем маленьком пароходе.

Наружный вид озера Ханка не имеет в себе ничего привлекательного. Огромная площадь мутной воды, низкие болотистые или песчаные берега и далёкие горы, синюющие на противоположной стороне, — вот всё, что с первого раза представляется каждому, кто видит это озеро от истока Сунгачи.

По своей форме озеро Ханка представляет эллипс, расширенный на севере, суженный к югу и вытянутый большой осью в последнем направлении. Наибольшая длина его от севера к югу около 80, а ширина от востока к западу около 60 вёрст. Окружность простирается до 250 вёрст, а площадь занимает до 3 400 кв. вёрст¹. Однако, не смотря на такую величину, озеро Ханка чрезвычайно мелко, и хотя подробных промеров еще не было сделано, но наибольшая глубина, которая до сих пор найдена, равняется только 24 фут. [7,2 м], и то около середины. Начиная же от берегов, на полверсты, а часто и того более, глубина не превосходит пяти или шести футов [1,5—1,8 м]. Дно, везде гладкое, как пол, состоит из песка с примесью различных органических остатков.

Такая малая глубина при сильной бурливости служит большим препятствием к развитию судоходства на озере Ханка. Во время сильного ветра, часто налетающего вдруг, порывами, здесь разводится огромное вертикальное волнение, которое мутит воду до дна и делает решительно невозможным плавание на малых пароходах, которые иногда стоят суток по двое у истоков Сунгачи и ждут, пока успокоится озеро.

Впрочем, если со временем, при большем развитии судоходства на озере Ханка, будут большие пароходы, предназначенные специально для плавания по этому озеру, то, за исключением редких случаев, они будут иметь возможность плавать здесь во всякое время.

На северной стороне большого озера Ханка лежит так называемое *Малое озеро*², которое отделяется от большого лесистой рёлкой шириной от ста сажен до полуверсты или немного более. Над уровнем озера эта рёлка возвышена от 3 до 5 и в редких местах до 8 сажен [17 м].

Малое Ханка имеет верст 35 длины и от 5 до 12 ширины. Подобно Большому озеру оно также чрезвычайно мелко, так что в некоторых местах можно, как говорят, перейти вброд с одного берега на другой. За исключением лесистой полосы, разделяющей воды обоих озёр, все берега Малого Ханка болотисты, поросли тростником и трудно доступны.

По всему вероятно, это озеро составляло некогда часть большого, но господствующие юго-западные ветры образовали мало-помалу наносы, которые являлись в виде перешейка, отделившего собою эту часть. Местные китайцы передают слышанное от своих стариков, что на их памяти Малое Ханка было отделено от Большого только рядом островов, которые, увеличиваясь всё более и более от наносов, наконец образовали перешеек.

¹ Соответственно в километрах: длина — 85, ширина — 64, окружность — 267, площадь — 3 870 кв. км.—*Ред.*

² Большое Ханка китайцы называют Синка-ху (большая вода) и Малое — Сиа-ху (т. е. малая вода)..

Однако по временам и теперь ещё возобновляется сообщение между Большим и Малым озёрами. Таким образом, сильные дожди, шедшие в июле 1866 года, до того переполнили¹ Малое Ханка, что оно сделало в перешейке прорыв, через который излишняя вода вылилась в Большое озеро. Прорыв этот, шириною около полуверсты, существовал два года, но потом его опять забросало наносами, так что теперь воды обоих озер снова разобщены между собою.

Из притоков, питающих озеро Ханка², самые большие находятся на южной и западной его сторонах. С востока же и с севера вливается только по одной небольшой речке, именно: с севера — *Казанка*, а с востока — *Сандахэза*. Затем, по порядку с юга на запад, в Ханка впадают следующие реки: *Лэфу* — самая большая из всех; *Мо* — вторая по величине; *Сиян-хэ*, *Грязная*, *Усачи* и, наконец, *Тур*, или *Белен-хэ*.

Из всех этих рек только по одной *Лэфу* могут плавать небольшие пароходы, вёрст на 40 от её устья, но подобная возможность не представляет никакой выгоды, о чём подробно будет изложено в VIII главе настоящей книги³.

Таким образом, с первого взгляда кажется странным, что озеро, принимая восемь рек, из которых четыре — *Лэфу*, *Мо*, *Сиян-хэ* и *Тур* — довольно значительны, выпускает только одну, и то сравнительно небольшую, *Сунгачу*⁴. Но если принять во внимание огромную площадь самого озера, то станет ясно, что излишек привлекаемых вод уравнивается испарением. Притом же и *Сунгача*, имея значительную глубину и довольно быстрое течение при истоке⁵, отливает большую массу вод из озера Ханка и тем ежегодно их обновляет.

Переходя затем к описанию характера берегов озера Ханка, следует сказать, что весь южный и восточный берега Большого озера состоят из сплошных болот, которые на северной стороне огибают Малое Ханка и, продолжаясь по западную его сторону, переходят, наконец, в холмистую степь, раскинувшуюся по обе стороны пограничной речки *Белен-хэ*.

Эти болота, составляющие непрерывное продолжение сунгачинских низменностей, изобилуют небольшими, тенистыми, неглубокими озёрами и по большей части совершенно не доступны.

¹ Высота воды в озере Ханка не всегда бывает одинакова, смотря по тому, сухое или дождливое стоит время года. В последнем случае уровень воды иногда повышается фута на два, даже на три (на 60—90); это явление и служит наглядным доказательством того, какое огромное количество влаги выпадает в бассейне Ханка.

² Малое Ханка вовсе не имеет сколько-нибудь значительных притоков.

³ В той же главе будут подробно описаны и другие главные притоки, как-то: *Мо* и *Сиян-хэ*.

⁴ Следует заметить, что *Сунгача* вытекает из озера Ханка двумя устьями, из которых меньшее, известное под именем Малой *Сунгачи*, выходит из озера 12 верстами южнее истока главного рукава. Затем верстах в семи (если считать напрямик) от озера оба рукава соединяются между собою.

⁵ Скорость течения *Сунгачи* при истоке, измеренная мною в начале марта, равнялась у берега — 45 футам (13,5 м) в минуту, в пяти сажнях от него — 69 футам (21 м) и посредине реки — 125 футам (38 м) в минуту. Ширина реки при истоке равняется 18 сажням (38 м); наибольшая здесь глубина посредине 15 футов (4,5 м), у берегов 5 футов (1,5 м). Здесь же кстати сказать, что *Сунгача* не замерзает даже и зимою вёрст на двадцать от своего истока из озера, где постоянно стоит небольшая (около версты в окружности) полынья. Температура измеренной мною в начале марта воды в незамерзающей части *Сунгачи* (при выходе её из озера) равнялась +0°,9 Р, в то время, когда на воздухе термометр показывал — 11°,7 Р.

На всей южной стороне озера и на восточной до истока Сунгачи¹ они подходят вплоть к самому берегу, поросшему тростником². Начиная же от истока Сунгачи, далее к северу, болотистые равнины отделяются невысокою береговою рёлкою, или так называемым береговым увалом, от песчаного берега Ханка, который имеет несколько сажен ширины.

Узкий береговой увал, начавшийся от самого истока Сунгачи, соединяется затем с несколькими другими подобными же увалами, идущими среди болота³ и мало-помалу превращается в более широкую (от $\frac{1}{4}$ до $\frac{1}{2}$ версты) и высокую (от 2 до 5, иногда до 8 сажен) [от 4—10 до 17 м] береговую полосу, которая наполняет собою весь перешеек между Большим и Малым озёрами, а затем тянется до устья реки Белен-хэ.

Верстах в 20 севернее истока Сунгачи, на береговой полосе, сплошь покрытой лиственным лесом, вдруг появляется *сосна* (*Pinus sylvestris*), которую нигде нельзя встретить на Уссури и очень редко даже в Сихотэ-Алине. Достигая весьма крупных размеров, это дерево растёт довольно густым лесом вёрст на 40 по берегу Ханка, а затем разбросанными группами встречается в горах западной его стороны.

По болотистым низменностям восточного берега Ханка (собственно к северу от устья Сунгачи) тянутся, как сказано выше, узкие и невысокие, но иногда очень длинные рёлки, известные у местных жителей под именем увалов. Подобные же увалы встречаются по равнинам среднего и нижнего течения Сунгачи, а также на северо-восточной стороне Малого Ханка.

Судя по направлению этих увалов, их незначительной ширине и высоте⁴, а также по песчаному наносному грунту, из которого они состоят, можно с достоверностью полагать, что названные увалы были некогда берегами озера Ханка, которое занимало в то время нынешние сунгачинские равнины и, быть может, простиралось до самой Уссури.

Действительно, направление всех увалов, постоянно параллельное восточному и северо-восточному берегу Ханка, несомненно, находится в связи с господствующими здесь западными и юго-западными ветрами, которые набивают значительные массы песка и других наносов на восточный берег и таким образом способствуют образованию здесь возвышения, или увала.

Затем усиленное испарение, иссякновение или обмеление некоторых притоков⁵, а, быть может, и другие физические причины заставляли озеро уменьшаться в объёме и отступать от своего прежнего берега.

¹ Собственно до истока Малой Сунгачи, которая, как сказано выше, выходит из озера Ханка в 12 верстах к югу от начала главного рукава.

² Только в двух местах: на устье реки Лэфу и верстах в 10 южнее истока Малой Сунгачи, среди болот, на самом берегу стоят уединённо небольшие горки.

³ Последний, самый длинный из всех увалов, соединяется с береговым верстах в 30 севернее истока Сунгачи.

⁴ Все эти увалы имеют ширину 100—300 сажен (200—600 м) и возвышаются от 2 до 5, редко до 10 сажен (до 20 м) над окрестными равнинами.

⁵ Обмеление некоторых притоков озера Ханка могло произойти в весьма недавние времена вследствие громадной порубки лесов, которую до последних годов китайцы производили в горах западного его берега ради грибного промысла, о чём будет рассказано в следующей главе.

Оставленная таким образом площадь благодаря глинистой подпочве превратилась в болотистую равнину, а на новые берега озера опять стал приноситься песок и другие наносы, опять начало делаться возвышение и через много лет превратилось в увал.

Такая история, вероятно, повторялась несколько раз, и всегда результатом её было образование увала и болотистой низины между ним и отступившими водами озера. Ближайшие к озеру увалы сами наглядно говорят о таком их происхождении.

Здесь параллельно восточному берегу тянутся пять увалов в расстоянии $\frac{1}{4}$ —1 версты один от другого. Три из них, в том числе и береговой, самые высокие и вполне образовавшиеся. Два же другие, промежуточные, едва поднимаются на несколько футов над окрестными низинами, следовательно, ещё не успели достаточно возвыситься в то время, когда озеро принуждено было ещё раз отступить от своих берегов.

Пространство между всеми пятью увалами есть топкое полуболото, полуозеро, которое со временем, по всему вероятно, превратится в такую же болотистую низину, как и все прочие сунгачинские равнины.

Наконец, на подобный способ происхождения увалов и сунгачинских топких болот указывает ещё то обстоятельство, что все решительно озёра, во множестве рассыпанные по этим болотам, имеют почти одинаковую глубину, не превосходящую пяти или шести футов. Такое явление, несомненно, находится в связи с мелководьем самого озера Ханка.

Все увалы поросли прекрасными лиственными лесами, в которых преобладают дуб и липа, достигающие огромных размеров. Подлесок, состоящий, главным образом, из леспедецы и лещины, переплетённых виноградом и другими вьющимися растениями, образуют здесь страшно густые заросли, в которых летом выводят детей многие звери, в особенности козы, изюбры и кабаны.

В противоположность восточной стороне, западные берега озера Ханка несут гористый характер. Однако здесь горы идут в некотором расстоянии от озера и только в двух местах — между устьями рек Белен-хэ и Усачи и к югу от устья Сиян-хэ — подходят волнообразными возвышенностями к самому берегу, оканчиваясь здесь песчаниковыми и глинистыми обрывами вышиною от 10 до 25 сажен [20—50 м].

В пространстве между устьями Усачи и Сиян-хэ, где горы отходят вёрст на десять в сторону, по берегу Ханка стелются также равнины, частью болотистые, частью луговые, но затопляемые во время сильных дождей.

Горы западного берега озера Ханка¹ составляют продолжение и разветвление хребта, который отделяет собою бассейн этого озера от бассейна Мурени на севере и Суйфуна на юге. Вместе с тем этот хребет служит пограничной чертой наших владений с Китаем и, по всему вероятно, составляет боковую отрасль Сихотэ-Алиня.

Относительно рыбы, озеро Ханка представляет замечательное богатство и разнообразие, но ихтиологическая фауна его до сих пор еще почти совершенно не исследована.

Из наиболее часто встречающихся здесь рыб можно назвать:

¹ Подробно об этих горах будет изложено в IX главе настоящей книги.

таймень (*Salmo fluviatilis*) [*Hucho taimen*]; *ленок* (*Salmo coregonides*) [*Brachymystax lenok*]; *сазан* (*Cyprinus carpio*) [*Cyprinus carpio viridiviolacius*]; *карась* (*Carassius vulgaris*) [*Carassius auratus gibelio*]; *белая рыба* (*Culter mongolicus*) [*Erythrocul mongolicus*]; *касапка* (*Bagrus calvarius*) [*Pseudobagrus fulvidraco*]; *сом* (*Silurus asotus*) [*Parasilurus asotus*]; *налим* (*Lota vulgaris*) [*Lota lota leptura*]; *осётр* (*Acipenser schrenckii*); *калуга* (*Acipenser orientalis*) [*Huso dauricus*].

Список рыб, водящихся в озере Ханка¹

(Все русские названия рыб — местные)

I. Окунёвые (Percoidae)

1. Пила-рыба (*Perca chuan-tsi?* Baz.) [*Siniperca hua-tri* Salmonoidei]
2. Чорт-рыба (*Gen. sp.*)

II. Лососёвые

3. Таймень (*Salmo fluviatilis* Pall.) [*Hucho taimen*]
4. Ленок (*Salmo coregonides* Pall.) [*Brachymystax lenok*]
5. Хайрус (*Thymallus Grubii* Dyb.) [*Thymellus arcticus* Hrubel]
6. Сиг (*Coregonus chadar* Dyb.) [*Coregonus chadary*]

III. Карповые

7. Сазан (*Cyprinus carpio* vart mürgo. Dyb.) [*Cyprinus carpio viridiviolacius*]
8. Карась (*Carassius vulgaris* L.) [*Carassius auratus gibelio*]
9. Пискарь (*Gobio fluviatilis* nov. vart.) [*Gobio gobio*]
10. Пискарь морской (*Gobiobarbus nav. sp.*)
11. Конь (*Gobiobarbus labeo* Pall.) [*Hemibarbus labeo*]
12. Чебак (*Ibus Waleckii* Dubl.) [*Leucisus waleckii*]
13. Сыч (желтощёк) (*Gen. nov. sp. Nasus dauricus* Baz.) [*Elopichthys bambusa*]
14. Талпыга (*Gen. nov. sp. an cephalus mandjuricus* Baz.) [*Hypophthal — michtys molitrix*]
15. Лещ (*Gen. nov. sp. an Abramis mandjuricus* Baz.) [*Parabramis pekinensis*]
16. Лещ (*Gen. sp.*)
17. Чехонь (*Gen. sp. an Abramis pekinensis* Baz.) [*Megalobrama termihalos*]
18. Краснопёр (*Pseudaspius leptcephalus* Pall.) [*Pseudaspius leptose—phaluh*]
19. Краснопёр (*Pseudaspius sp. nov.*)
20. Белая рыба (*Culter mongolicus* Baz.) [*Erythroculter mongolicus*]
21. Верхогляд (*Gen. nov. sp?*) [*Erythroculter erythropterus*]
22. Вьюн (*Gobotis decemcirrosus* Baz.) [*Mrspurus fassilis angui—lliceulds*]

IV. Щуковые (Esocini) [Esocidae]

23. Щука (*Esox Rethertii* Dyb.) [*Esox reichertii*]

V. Сомовые (Silurini) [Siluridae]

24. Сом (*Silurus asotus* Pall.) [*Parasilurus asosus*]
25. Сом-хойза (*Silurus nov. sp?*)
26. Касапка (*Bagrus calvarius* Baz.)
27. Касапка-скрипун (*Bagrus nov. sp.*) [*Pseudobagrus fulvidraco*].

¹ Этот подробный список рыб, водящихся в озере Ханка, обязательно сообщён мне Дыбосским, известным ихтиологом, занимающимся в настоящее время исследованием озера Байкала. К сожалению, Дыбосский, посетивший озеро Ханка летом 1860 года, мог пробыть на нём слишком короткое время, всего три дня.

VI. Угревые (Anguilliformes Baz.)

28. Угорь (*Muraena pekinensis?* Baz.) [*Anguila anguila*]
 29. Лента-рыба (Gen. sp.). [?? *Ophicepalus argus*]

VII. Налимовые (Gadili) [Gadidae]

30. Налим (*Lota vulgaris* L.) [*Lota lota leptura*].

VIII. Осетровые (Sturiones) [Acipenseridae]

31. Осетр (*Acipenser Schrenckii* Brdt.) [*Acipenser schrenckii*]
 32. Калуга (*Acipenser orientalis* Pall.) [*Huso dauricus*]
 33. Стерлядь (Gen. Sp.).

Действительно, неглубокие, мутные и сильно нагреваемые¹ воды озера Ханка, имеющего дно песчано-илистое, а берега или болотистые, или песчаные, представляют такие выгодные условия для жизни рыбы и для развития икры, каких трудно найти где-либо в другом озере.

Для последней цели, т. е. для метания икры, ежегодно приходят сюда с Усури огромные массы рыб, в особенности белой и осетров.

Самый сильный ход бывает с начала мая, когда озеро уже совершенно очистится от льда², и так как вся рыба должна проходить через единственный путь — неширокую Сунгачу, то эта река в течение всего лета, в особенности в мае, в буквальном смысле кишит рыбой. Обилие последней бывает до того велико, что её очень часто убивают колёса пароходов. Мало того, выпрыгивающая из воды рыба часто сама заскакивает в лодки и даже иногда на палубу пароходов. Я сам был свидетелем подобного случая и могу, сверх того, представить речительство лиц весьма почтенных, как однажды на истоке Сунгачи сазан в 18 фунтов [7,4 кг] весом вскочил на палубу парохода, прямо под стол, на котором пассажиры пили вечерний чай.

Притом же некоторые рыбы достигают здесь громадных размеров. Правда, осетры попадают большей частью около пуда весом, редко в два и еще реже в три или четыре пуда, но зато калуга достигает 30 пудов [5 ц] при длине более двух сажен, а местные китайцы-старожилы говорят, что есть даже экземпляры и в 50 пудов³.

Странно, каким образом такая громадная рыба может привольно жить в озере, которого глубина в очень многих местах менее длины её туловища.

Однако, несмотря на всё баснословное обилие рыбы, это естественное богатство приносит весьма малую пользу местному населению, так как рыбный промысел существует здесь в самых ничтожных размерах. Им занимаются для собственного обихода только крестьяне, живущие на западном берегу озера Ханка, да отставной солдат и китаец при истоке Сунгачи.

Правда, крестьяне имеют невод, которым ловят преимущественно мелкую рыбу, но зато для ловли больших рыб — осетров и калуг —

¹ Температура воды, измеренная посредине озера Ханка 7 августа в 11 часов дня, была равна + 16° Р. В Сунгаче 8 августа в полдень + 18° Р. В Усури 10 августа в жаркий день + 19° Р на поверхности воды.

² Лёд на Ханке бывает в три фута [90 см] толщины и окончательно уничтожается только в начале мая. См. об этом главу X «О климате».

³ Несколько лет назад на устье Усури, действительно, поймали калугу в 47 пудов 17,3 ц.

употребляются единственно железные крючья, которые опускаются в воду без всякой приманки¹.

Но, несмотря даже на такой несовершенный способ ловли, употребляемый исключительно при истоке Сунгачи как в месте наиболее рыбном, китаец и солдат, здесь живущие, имея сотню крючков, в хороший период, ежедневно ловят по несколько осетров, а иногда и калугу.

Лов начинается обыкновенно с половины февраля, но наиболее успешный бывает в мае. Затем он продолжается все лето и осень до половины октября, когда по Сунгачу уже начинается итти мелкий лёд.

Рыбу солят и едят в свежем виде; икру же, которую не умеют готовить впрок, употребляют для еды свежепросоленную, а иногда, когда попадается калуга, в которой икры бывает от 3 до 4 пудов [50—60 кг], то выбрасывают эту икру как вещь не годную для хранения. Между тем в Хабаровке и даже на озере Ханка, на противоположной его стороне, в посту Камень-Рыболов, привозная из Москвы в жестянках икра продается по два рубля за фунт.

Китаец, живущий при истоке Сунгачи, ловит осетров и калуг, главным образом, для добывания из них хряща, который он сбывает в ближайший маньчжурский город Сан-Син по два серебряных рубля за фунт. Приготавливая этот хрящ для продажи, китаец сначала варит его немного в воде, чтобы удобнее можно было отделить мясо, которое потом совершенно очищает щеточкой; наконец, сушит на солнце уже совершенно очищенный хрящ. Последний должен быть без малейших частиц мяса, так что чистка щеточкой — процедура весьма кропотливая, но зато приносящая хорошие барыши.

По словам того же китайца, этот хрящ употребляется у них в кушаньях богатыми людьми.

Кроме рыбы, в озере Ханка водится также много черепах (*Troonix maaskii*), достигающих значительной величины: 10 вершков [45 см] длины, — 7 вершков (25—30 см) ширины и весом 10—15 фунтов [4—6 кг]. Впрочем эти черепахи водятся и на Уссури до самого её устья, но только попадают здесь в гораздо меньшем количестве, нежели на озере Ханка².

Весьма странно, что такое обширное и богатое рыбой озеро до прихода русских было чрезвычайно мало населено по берегам, где теперь, да и во время занятия нами края, раскинуто всего шесть-семь китайских фанз.

Зато с водворением русских западные берега Ханки начали быстро оживляться, и на них в настоящее время раскинуто уже три наших деревни: *Турий Рог* или *Воронежская*, *Троицкая* и *Астраханская*³.

Самое лучшее из всех поселений, не только на берегах Ханки, но во всем Южноуссурийском крае, есть, бесспорно, деревня *Турий Рог*, состоящая из 32 дворов, в которых обитает 241 душа обою пола.

Эти крестьяне пришли на Амур в 1860 году из губерний Воро-

¹ Устройство подобного снаряда, или как его здесь называют—снасти, будет подробно описано в следующей главе при рассказе о рыбном промысле инородцев.

² Что же касается до тюленей, о которых упоминает Маак в своём «Путешествии по долине Уссури», то, по тщательно наведенным справкам и личным наблюдениям, их вовсе нет в озере Ханка.

³ Сверх того, вновь переселившимися с Амурскими крестьянами в июле 1869 года уже выбрано место для четвертой деревни возле Тихой Губы, недалеко от устья реки Усачи.

нежской, Тамбовской и Астраханской и были первоначально поселены на левом его берегу, верстах в двадцати ниже устья Уссури. Затем, когда это место оказалось негодным, потому что его заливают водой, тогда через год их перевели на правую сторону Амура; но когда и здесь разлитие реки затопило все пашни, тогда, уже в 1862 году, этих крестьян поселили на северо-западном берегу озера Ханка, в двух верстах от устья пограничной реки Белен-хэ, там, где они живут в настоящее время.

Местность, на которой расположена описываемая деревня, представляет собой холмистую степь с суглинистой и черноземной почвой, покрытой невысокой, но чрезвычайно разнообразной травой. Благодаря такой удобной местности крестьяне распахали уже достаточное количество земли (239 десятин [265 га]), на которой засевают различные хлеба и получают хороший урожай, так что даже имеют возможность продавать ежегодно небольшой излишек.

Кроме того, в самой деревне находятся обширные огороды, а на полях устроены бахчи, где сеются арбузы и дыни. Последние рождаются довольно хорошо, но арбузы далеко не дают таких великолепных плодов, как, например, в Астраханской губернии, откуда крестьяне принесли с собой семена.

Кроме того, бурундуки (*Tamias striata*) [*Eutamias sibiricus*], которых на озере Ханка бесчисленное множество, сильно портят все плоды вообще, а арбузы и дыни в особенности. Они прогрызают в них сбоку дырки и достают семена, до которых чрезвычайно лакомы. Такая операция обыкновенно производится перед самым созреванием плода и никакие караулы не помогают, потому что зверёк пробирается тихомолком, ночью, и в то время, когда сторож ходит на одном конце огорода или бахчи, он спокойно работает на другом.

Скотоводство у жителей деревни Турий Рог развивается также довольно широко благодаря степной местности, представляющей на каждом шагу превосходные пастбища.

Из скота крестьяне всего более содержат быков, на которых здесь производится обработка полей. Сверх того, бык служит и как упряжное животное, так что лошадей здесь сравнительно немного. Наконец, овцеводство также начинает развиваться, находя на здешних степях все выгодные условия, которых нет на самой Уссури.

Вообще принявшись с энергией за устройство своего быта, жители деревни Турий Рог уже достигли того, что имеют почти все необходимые домашние обзаведения, живут довольно хорошо и в будущем могут надеяться на ещё большее довольство.

Две другие деревни, расположенные на западном берегу озера Ханка, — Троицкая и Астраханская¹ — гораздо моложе Турьего Рога по времени своего существования. Первая из них основана в 1866 году, а вторая только в начале 1868 года крестьянами из губерний Астраханской и Воронежской.

Обитатели деревни Троицкой жили первоначально на Амуре, верстах в двухстах ниже города Благовещенска, и уже вторично перекочевали на озеро Ханка, соблазнившись рассказами о плодородии здешних местностей.

¹ Деревня Троицкая расположена возле устья реки Сиян-хэ, а деревня Астраханская — верстах в десяти далее к югу. В первой 20 дворов и 120 душ обоего пола, во второй же 30 дворов и 205 душ.

Вообще громкие и часто преувеличенные слухи о богатствах Южноуссурийского края заставляют крестьян, поселённых на Амуре, бросать уже обжиженные места и ежегодно по несколько десятков семейств отправляться на озеро Ханка. Но этот переход не представляет и сотой доли тех трудностей, которые приходилось терпеть им, идя на обетованный Амур из России. Теперь при переселении на озеро Ханка и вообще по Амуру крестьян обыкновенно перевозят на баржах, буксируемых пароходами, так что переселенцы могут брать с собою скот, телеги, плуги и прочие хозяйственные принадлежности.

Пост Камень-Рыболов, единственное место, где пристают пароходы, плавающие по озеру Ханка¹, есть вместе с тем и пункт высадки новых переселенцев.

Обыкновенно по прибытии сюда несколько человек из них отправляются разыскивать удобные для поселения местности.

Хотя вся степная полоса, раскинувшаяся в длину на целую сотню верст, между озером Ханка и рекой Суйфином, представляет на каждом шагу такие места, но уже по привычке, сродной русскому крестьянину, вновь прибывшие долго затрудняются выбором нового пункта. В одном месте, кажись, и хорошо, лугов, полей много, да мало воды; в другом — до лесу далеко и т. д. Перебирая подобным образом, долго колеблются крестьяне в выборе места, долго советуются между собою и, наконец, решают или поселиться в одной из деревень уже существующих, или основать новую.

Замечательно, что даже здесь, где на квадратную милю едва ли придется три-четыре человека оседлого населения, и здесь уже крестьяне начинают жаловаться на тесноту и на то, что прибывшие ранее их заняли самые лучшие места.

Возвращаясь затем к деревням Астраханской и Троицкой, следует сказать, что первая из них почти не уступает Турьему Рогу по благосостоянию своих жителей. В особенности богато живут несколько семейств молокан, которые принесли сюда из России свое трудолюбие и свой религиозный фанатизм.

В то же время у крестьян деревни Троицкой, основанной ещё так недавно, сразу заметно меньшее довольство, нежели у обитателей деревень Астраханской и Турьего Рога. Впрочем, нет сомнения, что через несколько лет и эти крестьяне обстроятся как следует и заживут не хуже своих соседей, которые также много натерпелись при первоначальном обзаведении.

Кроме хлебопашества и скотоводства, рыбный промысел может доставить большие выгоды крестьянам, живущим по берегам озера Ханка.

До сих пор этот промысел начинает проявляться только в деревне Астраханской, жители которой, будучи рыбаками ещё на родине, успели уже обзавестись большим неводом. Нужно заметить, что для ловли этим снарядом лучшего места, как озеро Ханка, трудно даже и представить, так как при небольшой глубине оно везде имеет дно песчано-илистое и гладкое, как пол; притом постоянно мутная вода также много помогает успеху ловли. Крестьяне занимаются ею во всякое

¹ Одно из важных неудобств, представляемых озером Ханка для плавания, заключается в отсутствии заливов, удобных для пристанища пароходов, что особенно невыгодно при известной бурливости этого озера.

свободное от полевых работ время, всего чаще по праздникам или накануне их.

Лов всегда производится на одном и том же месте, возле деревни Астраханской, и способ его самый простой. Обыкновенно завозят на лодке невод на полверсты в озеро, потом спускают его там и на веревках тянут полукругом к берегу. За одну такую тоню вытягивают средним числом от 3 до 7 пудов [от 50 до 115 кг] различной рыбы, а при счастье пудов десять или даже того более.

Самое лучшее время для ловли неводом бывает, по рассказам крестьян, весною и осенью, когда рыба во множестве приближается к берегам. Зимой рыбной ловли вовсе не производится.

Быт крестьян здесь, на далекой чужбине, тот же самый, как и в России, откуда переселенцы принесли с собою все родимые привычки, поверья и приметы.

Все праздники, с различными к ним приложениями, исполняются ими так же аккуратно, как бывало на родине, и каждое воскресенье в деревнях можно видеть наряженных парней и девушек, которые спешат к обедне в церковь там, где она уже выстроена¹. Затем в праздничные дни после обеда в хорошую погоду как те, так и другие, нарядившись, прогуливаются по улице или сидят на завалинах у своих домов. Однако песни случается слышать очень редко; видно, крестьяне ещё дичатся на новой стороне.

Что же касается до воспоминаний о родине, то крестьяне теперь уже нисколько о ней не тоскуют.

«Правда, сначала, особенно дорогой², было немного грустно, а теперь бог с нею, с родиной, — обыкновенно говорят они. — Что там? земли мало, теснота, а здесь, видишь, какой простор, живи, где хочешь, паши, где знаешь, лесу тоже вдоволь, рыбы и всякого зверя множество; чего же ещё надо? А даст бог пообживёмся, поправимся, всего будет вдоволь, так мы и здесь Россию сделаем», — говорят не только мужчины, но даже и их благоверные хозяйки.

Кроме трех вышеописанных деревень, на юго-западном берегу озера Ханка лежит пост *Камень-Рыболов*, в котором расположен штаб 3-го линейного батальона.

Это поселение состоит из двух десятков казенных домов, выстроенных по одному образцу и вытянутых в две линии на возвышенном берегу озера Ханка. Кроме того, здесь есть пять крестьянских дворов, несколько китайских фанз и землянок, в которых помещаются отставные солдаты. Наконец, здесь же живут и два торговца, единственные во всем ханкайском бассейне. Разумеется, не имея конкурентов, эти торговцы продают все свои товары по самым безобразным ценам.

Здесь же кстати заметить, что название «Камень-Рыболов», присвоенное посту³, собственно относится к скалистому утёсу, который лежит верстах в пяти южнее и которым оканчиваются крутые берега озера Ханка, идущие непрерывно от реки Сиян-хэ.

Не знаю, почему дано такое название этому утёсу? Если по обилию чаек-рыболовов (*Larus capus*), то этих птиц встречается здесь не более, чем и в других местностях озера Ханка.

¹ Церкви есть в Турьем Роге и на посту Камень-Рыболов.

² Из России на Амур крестьяне идут обыкновенно от двух до трех лет.

³ У китайцев это место называется Хонту-найза.

Весь август провел я на берегах этого озера, занимаясь переписью крестьян и различными исследованиями. Несмотря на довольно позднее время года, я нашел в течение этого месяца еще 130 видов цветущих растений. В то же время и охотничьи экскурсии представляли очень много нового и интересного. В особенности памятны мне в последнем отношении пустынные, никем не посещаемые местности на север от устья реки Сиян-хэ.

Несколько раз проводил я здесь по целым часам в засадах на песчаных косах, выдающихся среди болотистых берегов, и видел лицом к лицу свободную жизнь пернатых обитателей.

Спугнутые моим приходом, различные кулики и утки снова возвращались на прежние места и беззаботно бегали по песку, или купались в воде на расстоянии каких-нибудь десяти шагов от засадки, вовсе не подозревая моего присутствия. Появившаяся откуда-то тяжеловесная скопа (*Pandion haliaëtos*) целых полчаса занималась ловлею рыбы, бросаясь на неё, как камень, сверху, так что от удара об воду брызги летели фонтаном, и всё-таки ничем не поживившись, с досадой улетела прочь. Сокол сапсан, мелькнув, как молния, из-за тростника, схватил глупую, беззаботную ржанку и быстро помчался к берегу пожирать свою добычу. Из волн озера поднялась черепаха, осторожно оглянулась, медленно проползла несколько шагов по песку и улеглась на нем. Тут же, неподалеку, несколько ворон пожирали только что выброшенную на берег мёртвую рыбу и по обыкновению затевали драку за каждый кусок. Этот пир не укрылся от зорких глаз орлана-белохвоста (*Haliaëtos albicilla*), который парил в вышине и, по праву сильного, вздумал отнять у ворон их вкусную добычу. Большими спиральными кругами начал спускаться он из-под облаков и, сев спокойно на землю, тотчас унял спор и драку, принявшись сам доедать остаток рыбы. Обиженные вороны сидели вокруг, каркали, не смея подступить к суровому царю, и только изредка урывали сзади небольшие кусочки. Эта история происходила недалеко от меня, так что, налюбовавшись вдоволь, я выстрелил из ружья. Мигом всполошилось всё вокруг: утки закрякали и поднялись с воды; кулички с разнообразным писком и свистом полетели на другое место; черепаха опрометью бросилась в воду, и только один орёл, в предсмертной агонии бившийся на песке, поплатился своей жизнью за право считаться царём между птицами и привлекать на себя особенное внимание охотника.

В начале сентября я оставил озеро Ханка и направился к побережью Японского моря.

Всё пространство между юго-западным берегом озера Ханка и рекой Суйфуном представляет холмистую степь, которая на востоке ограничивается болотистыми равнинами реки Лэфу, а на западе малопомалу переходит в гористую область верхнего течения рек Мо и Сахэзы¹.

На всем этом протяжении, занимающем в длину более ста вёрст (от Ханка до Суйфана), а в ширину от 25 до 40 верст, только две болотистые долины нижнего и среднего течения вышеназванных рек несколько нарушают однообразие местности, представляющей или обширные луга, или холмы, покрытые мелким дубняком и лещиной, с рощами

¹ Река Сахэза, или Лэ-фунцы, составляет левый и самый большой приток Лэфу.

дуба и чёрной березы. В некоторых местах, как например, на водоразделе Мо и Сахэзы, местность принимает даже гористый характер, но вскоре степь опять берёт своё и на десятки верст расстилается широкой волнистой гладью.

Травяной покров всей этой степи являет чрезвычайное разнообразие, совершенно противоположное однообразию той растительности, которая покрывает болотистые равнины по Сунгаче и Уссури.

С ранней весны до поздней осени расстилается здесь пёстрый ковёр цветов, различных, смотря по времени года.

Одними из первых появляются *пионы* (*Paeonia albiflora*), *ясенец* (*Dictamnus fraginella*) [*D. dasycarpus*], *касатик* (*Iris sibirica*¹, *I. laevigata*), *красная лилия* (*Lilium tenuifolium*), *желтовник* (*Trollius Ledebouri*) и *Hemerocallis graminea* [*Hemerocallis minor* — красоднев малый].

Несколько позднее, т. е. в конце июня и в июле, здесь цветут: *ломонос* (*Clematis manshurica*, *C. fusca*), *подмаренник* (*Gallium verum*), *Melampyrum roseum*, *Calystegia dahurica*, *Vincetoxicum amplexicaule*, *Platanthera hologlottis*, *Gymnadenia conopsea* и др., а по мокрым местам великолепный розовый *мытник* (*Pedicularis grandiflora*).

В августе степь то синееет от сплошных масс *колокольчика* (*Platycodon grandiflorus*), то желтеет полосами *золотушной* травы (*Patrinia scabiosaefolia*), вместе с которой во множестве цветет *кровохлёбка* (*Sanguisorba officinalis*).

Все эти, равно как и многие другие, виды трав достигают здесь по большей части лишь среднего роста, не представляют непроходимых зарослей, которые характеризуют собою уссурийские и сунгачинские луга.

В степной полосе появляется и всегдашняя спутница степей — *дрофа* (*Otis tarda*?), которая нигде не встречается на самой Уссури. Кроме того, здесь множество *перепелов* (*Perdix muta*) [*Coturnix coturnix*], *тетеревов* (*Tetrao tetri*) [*Lyrurus tetrix*], фазанов (*Phasianus torquatus*)² и мелких пташек, как-то: *жаворонков* (*Alauda argvensis*), *щевриц* (*Anthus campestris*)³, чекканов (*Saxicola rubicola*) [*S. torquata*], стренаток (*Emberize aur eola*), *E. sprodocerphala* [дубовник, седораловая овсянка] и др.

По болотистым долинам Мо и Сахэзы в изобилии держатся гуси и утки различных пород, а также *японские и китайские журавли* (*Grus leucochen*, *G. montignesia*) [даурские и уссурийские — *Grus fipid* и *G. japonensis*], *белые и серые цапли* (*Ardea alba*, *A. cinerea*) [*Egreta alba*, *Ardea cinerea*] и *аисты* (*Ciconia alba*, *C. nigra*) [*Ciconia ciconia*, *C. nigra*]. Скользя над самой землею, плавно летает *лунь* (*Circus melanoleucus*) и быстро носится *сокол чеглок* (*Falco subbuteo*), между тем как *коршун* (*Milvus govinda*) [*M. korschun*] и *белохвостый орлан* (*Haliaeetus albicilla*) медленно парят в вышине, высматривая для себя поживу.

Вообще ханкайские степи есть самое лучшее во всем Уссурийском крае место для наших будущих поселений. Не говоря уже про пло-

¹ *Iris orientalis*. — *Ред.*

² В Уссурийском крае водится фазан, которого теперь называют *Ph. colchicus-Pallasi*, а *Ph. torquatus*, на которого указывает автор, водится в Китае и вряд ли заходит на территорию Уссурийского края. — *Ред.*

³ Очевидно речь идет о степной щеврице — *A. richardi* — *Ред.*

родную, чернозёмную и суглинистую почву, не требующую притом особенного труда для первоначальной разработки, про обширные, прекрасные пастбища, — важная выгода заключается в том, что степи не подвержены наводнениям, которые везде на Уссури делают такую огромную помеху земледелию.

Правда, есть один недостаток этих степей — именно малое количество воды, но его можно устранить, копая колодцы или запрудив небольшие, часто пересыхающие ручейки в лощинах, и через то образовать там пруды.

В южной части степной полосы лежит главная ось Берегового хребта или Сихотэ-Алиня¹, который приходит сюда из Маньчжурских пределов и затем тянется параллельно берегу Японского моря до самого устья Амура.

Однако главный кряж этого хребта, служащий здесь водоразделом между бассейнами озера Ханка и реки Суйфуна, так невысок², что вовсе почти не изменяет характера степи, лежащей по обе его стороны.

Сообщение через степную полосу с побережьем Японского моря производится по почтовой дороге, которая идёт от поста Камень-Рыболов к реке Суйфуну. Эта дорога довольно хороша для колёсной езды благодаря самому характеру местности, через которую она проходит. Только долины Мо и Сахэзы, превращаясь в дождливое время года в сплошные болота, на которых вода стоит от 2 до 3 футов [60—90 см] глубины, создают тогда серьезное препятствие для сообщений. В особенности неудобна в этом отношении долина Мо, через которую почтовая дорога идёт на протяжении 12 вёрст.

Впрочем в настоящее время уже сделано изыскание для проложения новой дороги в более узком месте долины Мо, где, следовательно, можно удобнее устроить хорошие гати³.

Вообще относительно почтового сообщения как с побережьем Японского моря, так и, в особенности, с бассейном Уссури поселения, лежащие на берегу озера Ханка, находятся до сих пор в самых невыгодных условиях.

С последней местностью, т. е. с бассейном Уссури, почтовое сообщение возможно только зимою, так как оно производится по сунгачинским болотам, решительно недоступным летом. Затем от истока Сунгачи единственная наша почтовая дорога идёт по северному берегу озера Ханка, следовательно, в китайских пределах, где даже стоит наш пост (№ 5) на перешейке, разделяющем воды Большого и Малого озера. Потом эта дорога огибает западную сторону озера Ханка и через степную полосу направляется к реке Суйфуну.

На всем вышеозначенном протяжении, т. е. по Сунгаче, озеру Ханка и на степной полосе, устроены на расстоянии 20—30 вёрст одна от другой почтовые станции или, как их здесь называют, станки.

Некоторые из них вместе с тем — и наши пограничные посты. На них живут по несколько казаков или солдат, которые возят почту и проезжающих.

¹ Местные китайцы называют этот хребет Пей-сан.

² Высота главной оси Сихотэ-Алиня на водоразделе бассейна озера Ханка и реки Суйфуна, по всему вероятно, не достигает и тысячи футов (300 м). Вообще во всём Сихотэ-Алине, сколько до сих пор известно, главная ось хребта много ниже боковых его отрогов.

³ Гать — особый вид колёсной дороги, прокладываемой по болотистой местности. — *Ред.*

Почтовых лошадей на каждой из таких станций держат обыкновенно по две тройки, а иногда и того менее. Притом же эти лошади бывают совершенно изнурены от частой гоньбы и дурного корма, так что проезжающие очень часто ходят пешком и рады, если чуть живые клячи тащут их поклажу¹.

В самой южной части степной полосы расположены ещё две наши деревни — *Никольская* и *Суйфунская*. Впрочем, последняя составляет не более, как выселок из первой и лежит от неё на расстоянии пяти верст на берегу Суйфуна.

Суйфунское поселение весьма небольшое и состоит всего из 5 дворов, между тем как в Никольском считается 47 дворов и в обеих деревнях 313 душ обоёго пола. Как Никольская, так и Суйфунская основаны в 1866 году, одновременно с селением Астраханским и выходцами из тех же самых губерний, т. е. Астраханской и Воронежской. Но здешним крестьянам с первого раза не повезло, и в мае 1868 года обе деревни были сожжены партией китайских разбойников (хунхузов), ворвавшихся в наши пределы.

Однако, несмотря на недавний погром, Никольская и Суйфунская успели немного оправиться и даже расшириться, так как в том же 1868 году сюда перекочевали крестьяне, жившие первоначально на верхней Уссури и Дауби-хэ.

Во всяком случае, нет сомнения, что Никольское селение в скором времени достигнет полного благосостояния, чему лучшим ручатель-

¹ Названия почтовых станций от станции Буссе до порта Владивосток и Новгородской гавани следующие:

От ст. Буссе	Число вёрст	Число вёрст
1. Марковка (пост № 1)	23	23
П. № 2	25	25
„ № 3	35	35
„ № 4 (на истоке Сунгачи)	20	20
„ № 5 (на перешейке между большим и малым озером Ханка)	38	38
Турий Рог (№ 6)	41	41
П. № 7	28	28
Камень-Рыболов (№ 8)	35	35
Мо (№ 9)	17	17
Встречный (№ 10)	28	28
Утёсный (№ 11)	20	20
Дубининский (№ 12)	27	27
Д. Никольская	13	13
Барановский	15	15
Раздольный	15	15
Исаева	18	—
Шктова	20	—
Гаккелева	21	—
Черкасская	23	—
Новая Славянка	17	—
Рязановка	16	—
Гладкий	24	—
Гавань Новгородская	20	—
Итого	539	—
Угловой	—	28
П. Владивосток	—	35

Итого 440

ством служат трудолюбивая энергия её обитателей, с одной стороны, и прекрасная местность — с другой.

Действительно, обширная, немного всхолмленная степь с весьма плодородной чернозёмной и суглинистой почвой представляет здесь на каждом шагу отличные луга и пашни; две небольшие речки — *Чагоу* и *Тундагоу* и в пяти верстах река Суйфун; кроме того, обилие леса возле последней реки — всё это такие выгодные условия, что нет сомнения в быстром развитии Никольской даже в недалеком будущем, в особенности, если состоится предполагаемое передвижение сюда из поста Камень-Рыболов штаба 3-го линейного батальона.

Вблизи описываемой деревни находятся замечательные остатки двух старинных земляных укреплений, которые, впрочем, попадают изредка и в других частях нашего Южноуссурийского края.

Первое из этих укреплений лежит в трёх от деревни и представляет правильный четырёхугольник, бока которого расположены по сторонам света. Каждый из этих боков имеет около версты длины и состоит из земляного вала, сажени две с половиной высоты, со рвом впереди.

Внутреннее пространство укрепления представляет местность совершенно ровную, и только с западной стороны здесь приделана небольшая земляная насыпь. Сверх того, сажень в пятидесяти впереди южного бока устроен небольшой земляной квадрат, вероятно, для боковой обороны.

Другое укрепление лежит всего в полверсте от деревни и не представляет правильного четырёхугольника, хотя в общем своём очертании всё-таки напоминает подобную фигуру.

Вал этого укрепления имеет три сажени высоты [6,4 м], но рва впереди него нет вовсе. Как бы взамен этого рва в самом валу сделано много выдающихся частей для обстреливания и обороны сбоку.

Внутри второго укрепления находится много небольших возвышений, вроде курганов, на которых иногда лежат остатки кирпичей, а в одном месте стоят две каменные плиты с несколькими проделанными в них отверстиями.

Кроме того, по дороге к дальнему укреплению, в полуверсте от нашего селения, на небольшом бугорке лежит высеченное из красноватого гранита грубое изображение черепахи, имеющее семь футов в длину, шесть в ширину и три в толщину¹. Рядом с нею валяется каменная плита, которая, как видно по углублению в спине черепахи, была вставлена сверху.

Эта плита, сделанная из мрамора, имеет около восьми футов длины; тут же лежит отбитая её верхушка с изображением дракона.

В самой деревне стоят найденные в лесу два каменных грубых изображения каких-то животных, величиной с большую собаку.

Кому принадлежали все эти обделанные камни и укрепления? Некоторые относят их к XII в., ко временам династии Нюжчень, которая в то время владычествовала в Южной Манчжурии, но, мне кажется, что такое предположение не более как гадательное. Позднейшие археологические изыскания, вероятно, прольют больший свет на этот предмет и разъяснят нам историю этой страны, которая долго была местом кровавых столкновений, сначала корейских (гаолийских),

¹ Соответственно в метрах: 2,1; 1,8; 0,9. — *Ред.*

а потом маньчжурских племён с китайцами, и здесь несколько раз сменялось владычество тех и других.

Во всяком случае, с большой достоверностью можно предполагать, что некогда на этих, теперь пустынных местностях были не одни военные лагеря, но и пункты постоянной оседлости, быть может даже города.

Подтверждением такому предположению служат иссечения из камня, которые, конечно, не были бы сделаны в местах временной стоянки; тем более, что гранит, из которого высечена черепаха, приходилось везти издалека, так как этот камень, сколько известно, не встречается в ближайших частях Суйфуна.

Но давно, очень давно совершалось всё это, так что между нынешним скудным населением не осталось даже никаких преданий о тех временах...

В глубоком раздумье бродил я по валам укреплений, поросших кустарником и густой травой, по которой спокойно паслись крестьянские коровы. Невольно тогда пришла мне на память известная арабская сказка, как некий человек посещал через каждые пятьсот лет одно и то же место, где встречал попеременно то город, то море, то леса и горы и всякий раз на свой вопрос получал один и тот же ответ, что так было от начала веков.

Оставив деревню Никольскую, я поплыл вниз по реке Суйфуну, которая впадает в Амурский залив Японского моря и резко отделяет степную полосу от гористой и лесной, характеризующей собою всё морское побережье.

Истоки Суйфуна находятся в маньчжурских пределах, так что эта река принадлежит нам лишь средним и нижним своим течением.

Однако плавание по ней может производиться удобно только до поста Раздольного, т. е. верст на пятьдесят от устья. Далее же вверх Суйфун делается сильно извилистым и наполнен мелями, по которым в малую воду бывает менее двух футов (60 см) глубины.

Узкая долина, сопровождающая среднее течение этой реки, верстах в пятнадцать ниже деревни Никольской вдруг сжимается отвесными утёсами, которые тянутся на протяжении около версты и известны под именем Медвежьих Щек. Такое название присвоено им, как говорят, потому, что в расселинах этих скал медведи часто устраивают себе зимние логовища. Сам я могу только засвидетельствовать, что это место очень живописно и замечательно многократным повторением эха, так что ружейный выстрел долго гремит различными перекатами.

Тотчас за Медвежьими Щеками долина Суйфуна расширяется от 4 до 7 вёрст и сначала представляет возвышенные луга, а потом, ближе к устью реки, переходит в болотистые низменности, покрытые тростеполевицей, осокой и тростником.

Бока этой долины до самого моря обставлены горами, которые покрыты дремучими лесами, состоящими исключительно из лиственных деревьев: дуба, ильма, грецкого ореха, пробки, клёна, ясеня, липы и др. с чрезвычайно густым подлеском.

Как обыкновенно, эта растительность всего роскошнее развивается в падах¹, где текут горные ручьи и где переплетённые виноградом заросли почти совершенно непроходимы.

¹ Падами называют на Дальнем Востоке неглубокие плоские балки.—Ред.

В то же время открытые лужайки среди лесов покрыты огромной травой, среди которой попадаются экземпляры дягиля (*Archangelica*) в десять футов [3 м] высоты и толщиной у корня более двух дюймов [5 см].

Спустившись на лодке до устья Суйфуна, я отправился отсюда на винтовой шкуне «Алеут» в Новгородскую гавань, лежащую в заливе Посьета, на самой южной оконечности наших владений.

Осень, видимо, приближалась: ночи становились заметно холоднее, жёлтые листья уже показались на многих деревьях, стрижи и ласточки большими стаями тянули к югу, а другие птицы собирались в стаи и готовились к отлёту.

ГЛАВА ЧЕТВЁРТАЯ

Иностранческое население Уссурийского края: китайцы, гольды, орочи, или тазы.—Их быт и промыслы.—Корейские колонии в наших пределах.—Посещение корейского города Кыген-Пу

1. Китайцы

Иностранческое население Уссурийского края представлено четырьмя народностями: китайцами, гольдами, орочами, или тазы, и, наконец, корейцами. Начнём по порядку.

Из иностранческих племен, обитающих в Уссурийском крае, первое место по численности принадлежит китайцам, или манзам¹, как они сами себя называют.

Это население встречается как по самой Уссуре, так и по её большим правым притокам, но всего более скучено в Южноуссурийском крае; по долинам Сандогу, Лифудин, Ула-хэ, Дауби-хэ; затем в западной части ханкайского бассейна и по всем более значительным береговым речкам Японского моря, в особенности на Шито-хэ, Сучане, Та-Суду-хэ, Та-Уху, Пхусун и Тазуши.

Трудно с точностью объяснить историческое происхождение этого населения, и сами манзы на этот счёт ничего не знают. Всего вероятнее, что, с тех пор как в половине XVII в. маньчжуры овладели Китаем, восточная часть их родины, скудно населённая туземными племенами орочей и гольдов, сделалась местом ссылки различных преступников. С другой стороны, естественные богатства этой страны, в особенности соболь и дорогой корень жень-шень, ценный в Китае на вес золота, привлекали сюда целые толпы бездомных скитальцев, не имевших дела на родине и приходивших в новый край с надеждой на скорое и лёгкое обогащение. Наконец, морское побережье, где у скалистых выступов в изобилии растёт морская капуста (особый вид морского водоросля *Fucus*), представляло обширное поприще для

¹ Правильнее маньцза, по замечанию нашего пекинского учёного архимандрита Палладия. Однако я буду везде удерживать первое название как употребительное на месте. О значении этого слова я много раз допытывался у китайцев, но никогда не мог получить удовлетворительного ответа. Обыкновенно они говорят, что это слово есть настоящее название китайцев.

промысла¹, не менее выгодного, чем ловля соболя и искание жень-шеня. Таким образом, в зависимости от всех этих условий сложилось местное китайское население края, которое можно разделить на *постоянное*, или оседлое, и *временное*, или приходящее.

К первому относятся те китайцы, которые поселились здесь на вечные времена, занялись земледелием и живут на одних и тех же местах. Это население образовалось, вероятно, из беглых и ссыльных, а частью и из временно приходящих, которым нравилась дикая, свободная жизнь вне всяких условий цивилизованного общества.

Главнейшее занятие всех оседлых манз есть земледелие, которое доведено у них до совершенства. Поля, находящиеся при их жилищах или фанзах, могут служить образцом трудолюбия, так что урожай хлеба, в особенности проса, составляющего главную пищу, бывает чрезвычайно велик и обеспечивает годичное существование хозяина фанзы с его работниками. Кроме проса, манзы засевают также сорго, бобы, фасоль, кукурузу, ячмень и пшеницу, а на огородах различные овощи, как-то: огурцы, дыни, капусту, редьку, чеснок, лук, красный перец и табак. Лук и чеснок составляет для них любимую овощь и употребляется как в сыром виде, так и в различных кушаньях.

Сверх того, некоторые китайцы, правда, очень немногие, занимаются возделыванием жень-шеня (*Рана Ginseng*), корень которого весьма дорого ценится в Китае. Это растение, принадлежащее к семейству аралий, встречается в диком состоянии в Южной Маньчжурии и в Уссурийской стране приблизительно до 47° северной широты. Оно растёт в глубоких тенистых лесных падах, но везде очень редко.

С давних времен китайская медицина приписывает корню жень-шеня различные целебные свойства даже при таких болезнях, как истощение сил, чахотка и т. п.; поэтому в Китае платят за него громадные деньги. Оставляя даже в стороне преувеличенные в этом случае показания прежних писателей, которые, как, например, миссионер Вероль, уверяют, что фунт дикорастущего жень-шеня стоит в Пекине до 50 000 франков, всё-таки цена на дикорастущий жень-шень в Китае громадная и, по рассказам манз, простирается до двух тысяч рублей серебром на наши деньги за один фунт корня. Возделываемый же на плантациях жень-шень стоит несравненно дешевле и продаётся только по 40—50 руб. серебром за фунт.

Исканием дикого жень-шеня в Южной Маньчжурии ежегодно занимаются несколько тысяч человек, получающих на такой промысел дозволение и билеты от правительства. В прежние времена промысленники приходили и в Южноуссурийский край, но теперь этот промысел прекратился здесь совершенно, хотя существовал не так давно в размерах довольно обширных. Ещё миссионер де ла Брюпьер, посетивший Уссури в 1846 г. и бывший на ней первым из европейцев, в своих записках рассказывает об этом промысле и описывает исполненную трудов и опасностей жизнь искателей жень-шеня.

Между тем искусственное разведение жень-шеня идёт попрежнему, и его плантации изредка встречаются в Южноуссурийском крае на Даубя-хэ, Сандогу, Сучане и на некоторых речках морского побережья.

Разведение и воспитывание этого растения требует особенного,

¹ Морская капуста употребляется в пищу японцами и китайцами. — *Ред.*

тщательного ухода. Обыкновенно его сажают семенами или корнями (последний способ разведения гораздо лучше) в гряды, которые имеют одну сажень [2 м] в ширину и около десяти в длину [20 м]. Земля для этих гряд должна быть чистой чернозёмной, которую осенью сгребают в кучи, затем весной просеивают сквозь редкие сита и только после подобной обделки кладут в гряды. Для защиты от солнечных лучей, которых не любит это растение, над каждой грядой устраивают навес из холста, иногда же из досок; кроме того, с северной стороны также делается защита от холодного ветра.

С наступлением зимы навес снимается, и открытая гряда заносится снегом.

В первый год после посева корень вырастает очень небольшой, но с каждым годом толщина его увеличивается, хотя, впрочем, и при глубокой старости он достигает величины только указательного пальца человеческой руки. Через три года можно уже иметь довольно порядочные корни, но обыкновенно здешние китайцы держат их больший срок. Затем после сбора они готовят корни особым образом, посредством обчистки и вываривания в воде, а потом отправляют на продажу в Китай через Нингуту, а иногда и морем, прямо в Шанхай. Хотя искусственно разводимый корень, как сказано выше, ценится гораздо ниже дикого, но все-таки цена его довольно высока, так что китаец от продажи своей плантации получает целое состояние.

Кроме земледельческих фанз, располагающихся преимущественно в долинах рек, есть еще другие, так называемые зверовые, обитатели которых занимаются звериным промыслом.

Эти фанзы устраиваются в лесах, где обилне всяких зверей обуславливает возможность правильной и постоянной за ними охоты.

Впрочем, число зверовых фанз, принадлежащих собственно манзам, не велико, и этим промыслом занимаются исключительно орочи, или тазы, и гольды, не знающие земледелия.

Фанзы, в которых живут китайцы, располагаются большей частью в одиночку, иногда же по несколько вместе и образуют как бы поселения или деревни. Притом все эти фанзы выстроены на один и тот же образец. Обыкновенно каждая из них имеет четырёхугольную форму, более протянутую в длину, чем в ширину, с соломенной крышей, круто покатою на обе стороны. Стены фанзы около четверти аршина толщины и делаются из глины, которой обмазан плетень, служащий им основанием. С солнечной стороны проделаны два-три решётчатых окна и между ними двери для входа. Как окна, так и верхняя половина дверей всегда заклеена пропускной бумагой, промазанной жиром. Внутреннее пространство фанзы бывает различно по величине; это зависит от состояния хозяина и числа живущих. Обыкновенно же фанзы имеют 6—7 сажень [12—14 м] в длину и сажени 4 в ширину [8 м]. Кроме того, в богатых фанзах есть перегородка, которая отделяет место, занимаемое хозяином, от его работников.

Внутри фанзы с одной стороны, и в некоторых и с двух приделываются глиняные нары, которые возвышаются немного более аршина над земляным полом. Эти нары покрыты соломенниками, искусно сплетёнными из тростника, и служат для сиденья, главным же образом для спанья. С одной из сторон приделана печка, закрытая сверху большой чугунной чашей, в которой готовится пища. Труба от этой печки проведена под всеми нарами и выводится наружу, где оканчи-

вается большим деревянным столбом, внутри пустым. Дым от печи проходит по трубе под нарами, нагревает их и затем выходит вон.

Кроме печи, посредине фанзы всегда находится очаг, в котором постоянно лежат горячие уголья, засыпанные сверху золою для того, чтобы подольше сохранить жар. Очаг у бедных делается просто на земляном полу, у богатых же на особенном возвышении, и в нём иногда горит каменный уголь. Над таким очагом зимою, в холодные дни, манзы сидят по целым часам, даже днём, греются, курят трубки и попивают чай или просто тёплую воду, которая всегда стоит здесь в чайнике. Потолка в фанзе нет, а вместо него сажени на полторы от земли положено несколько жердей, на которых вешается разная мелочь: кукуруза, оставленная на семена, старые башмаки, шкуры, одежда и т. п. Около же стен, не занятых нарами, расставлены деревянные ящики и разная домашняя утварь. Вонь и дым в фанзе бывают постоянно, частью от очага, частью от разной развешанной на жердях дряни, которая ежедневно коптится в дыму в то время, когда топится печка, потому что трубы под нарами редко устроены так хорошо, чтобы в них выходил весь дым; большая его часть всегда идёт в фанзу. Кроме того, и прямо на очаге часто разводится огонь, а дым от него выходит в растворенную дверь.

По наружным бокам фанзы обыкновенно находятся пристройки, в которые загоняется скот, складываются вещи, хлеб и пр. Кроме того, при некоторых богатых фанзах в особом помещении устроены бывают жернова для выделки муки и крупы; эти жернова приводятся в движение быками, которые ходят по кругу.

Пространство вокруг фанзы, не занятое пристройками, обносится частоколом с воротами для входа. Кроме всего этого, при некоторых фанзах находятся молельни; они ставятся сажени на десять в сторону и имеют форму часовенки около сажени в квадрате. Вход в такую часовенку бывает закрыт решётчатыми дверями, а внутри её приклеено изображение бога в образе китайца. Перед этим изображением лежат разные приношения: полотенца с каким-то писанием, железная чашка для огня, палочки, ленточки и т. п.

Таковы наружная форма и внутреннее устройство фанз. Обитатели их — манзы — живут решительно все без семейств, которые они должны были оставить в своём отечестве при отправлении в этот край.

Бессемейная жизнь, как нельзя более, отражается на самом характере манзы и делает его мрачным, эгоистичным. Редко, редко можно встретить сколько-нибудь приветливого манзу.

В каждой фанзе живут один, два, а иногда и более хозяев и несколько работников, и везде, где только случалось мне видеть, образ жизни манз один и тот же. Обыкновенно утром, на рассвете, они топят печку, в чугунной чаше, которой она сверху закрыта, готовят свою незатейливую пищу, состоящую, главным образом, из варёного проса (буды). В то же время разводится огонь и на очаге, так что вскоре вся фанза наполняется дымом, для выхода которого растворяется дверь даже зимою, несмотря на мороз. Хлод снизу и дым сверху заставляют, наконец, подняться и тех манз, которые заспались подольше других. Когда все встали, то, не умываясь, тотчас же садятся на нарах около небольших столиков и приступают к еде проса, которое накладывается в глиняные чашки и подносится ко рту двумя тоненькими деревянными палочками. Как приправа к варёному просу

часто делается особый едкий соус из стручкового перца. Кроме того, в богатых фанзах готовят и некоторые другие кушанья, как-то: пельмени, булки, печёные на пару, а также козлиное и оленьё мясо. Утренняя еда продолжается около часа; манзы едят непомерно много и притом пьют из маленьких чашечек, величиной немного более напёрстка, нагретую водку (сули), которую готовят сами из ячменя.

После обеда работники обыкновенно отправляются на работу: молотить хлеб, убирать скот и пр.; сами же хозяева остаются в манзе и по большей части ничего не делают. В холодное время они по целым дням сидят перед очагом, греются, курят трубки и попивают чай, заваривая его прямо в чашках, из которых пьют. Так проходит целый день до вечера. Перед сумерками опять варится просо и опять едят его манзы тем же порядком, а затем с наступлением темноты ложатся спать или иногда сидят ещё недолго, употребляя для освещения лучину, чаще же ночник, в котором горит сало или травяное масло. Вечернее время обыкновенно посвящается истреблению собственных паразитов, которых манзы отвратительно казнят на передних зубах. Во избежание, вероятно, тех же самых врагов на ночь манзы снимают с себя всё платье и спят голыми на тёплых нарах, нагреваемых во время топки печи. Привычка делает такую постель весьма удобной, но для европейца не совсем приятно спать в то время, когда одному боку очень жарко, а другому очень холодно, потому что фанза во время мороза сильно выстывает за ночь.

Так однообразно проходит день за днем в течение целой зимы; летом же манзы с образцовым трудолюбием занимаются обработкой своих полей.

Одежда манз до того разнообразна, смотря по времени года, состоянию и вкусу каждого, что, право, трудно её точно описать. В большей части случаев преобладает длиннополый халат из синей дубы, такого же, а иногда и серого цвета панталоны и башмаки с очень узкими и загнутыми вверх носками. Эти башмаки делаются из звериной или рыбьей шкуры и в них зимой манзы накладывают для мягкости и теплоты сухую траву ула-цхао¹. Головной убор состоит из низкой шляпы с отвороченными вверх полями, а за поясом манзы постоянно носят длинный и узкий кисет с табаком и трубкой.

Зимняя одежда состоит из короткой меховой куртки шерстью вверх и такой же шапки с широкими меховыми наушниками. Всё это делается из шкуры енотов, редко из меха антилопы.

Волосы свои манзы, как все китайцы, бреют спереди и сзади, оставляя только на затылке длинный пучок, который сплетают в косу. Бороду также бреют, оставляя усы, а иногда и клочок бороды в виде эспаньолки.

Все оседлые манзы имеют свое собственное, организованное управление. В каждом поселении находится старшина, который разбирает мелкие жалобы своих подчинённых. Если же фанза стоит отдельно, то она всегда приписана к другому какому-нибудь месту.

Все старшины выбираются самими манзами на известный срок, по прослужении которого могут быть уволены или оставлены на вто-

¹ Эта трава принадлежит к роду ситовников (*Cyperus*) и есть та самая, которую маньчжуры считают в числе трёх благ (соболя, жень-шеня и травы ула-цхао), дарованных небом их родине.

ричную службу. В случае же дурного поведения или каких-нибудь проступков они сменяются и раньше срока по приговору манз.

Кроме того, известный район имеет одного главного, также выборного, старшину, которому подчиняются все прочие. Этот старшина судит важные преступления, например, воровство, убийство, и власть его так велика, что он может наказать даже смертью.

Приведу один редкий случай такого суда, совершённого в 1866 году, рассказанного мне очевидцами русскими. Виновный манза совершил убийство во время картёжной игры, которая происходила в фанзе Кызен-гу¹. Он играл здесь вместе с другими манзами и, заметив, что один из них сплутовал, встал, не говоря ни слова, взял нож, как будто для того, чтобы крошить табуку, и этим ножом поразил прямо в сердце того манзу, который смошенничал в игре. Убийцу тотчас же связали и дали знать главному старшине, который явился на суд вместе с другими манзами.

После долгих рассуждений приговорили, наконец, закопать виновного живём в землю и для более удобного исполнения такого приговора решили напоить его сначала пьяным.

Волею или неволею должен был осуждённый пить водку уже на виду выкопанной ямы, но хмель не брал его под влиянием страха смерти. Тогда манзы, видя, что он не пьянеет от маленьких чашечек, которыми он пил, стали насильно лить ему в горло водку большими и, наконец, когда привели в совершенное беспамятство, бросили в яму и начали закапывать. Когда насыпали уже довольно земли и несчастный, задыхаясь, стал ворочаться в яме, тогда несколько манз бросились туда, ногами и лопатами стали утаптывать плотнее землю и, наконец, совсем закопали виновного.

Количество оседлого китайского населения трудно определить с точностью, так как до сих пор еще не сделано точной переписи. Приблизительную же цифру этого населения можно полагать от четырёх до пяти тысяч душ.

Временное, или проходящее, китайское население является в Южноуссурийский край для ловли морской капусты и трепангов; кроме того, прежде много китайцев приходило сюда ради грибного промысла и для промывки золота.

Ловля капусты производится на всём нашем побережье Японского моря, начиная от залива Пюсета до гавани Св. Ольги. Самые лучшие места для этой ловли есть утёсистые берега заливов, где нет сильного волнения и где глубина не более двух или трёх сажен. В чистой, совершенно прозрачной морской воде на такой глубине видны мельчайшие раковины и, между прочим, названные водоросли, которые прикрепляются к камням, раковинам и т. п.

На одном и том же месте ловля производится через год, для того чтобы водоросли могли вновь вырасти.

Китайцы достают их со дна длинными деревянными вилами, сушат на солнце, связывают в пучки от 1 до 2 пудов, а затем везут во Владивосток, гавани Св. Ольги и Новгородскую, где продают средним числом на наши бумажные деньги по одному рублю за пуд. Покупкой морской капусты занимаются несколько иностранных купцов, живущих во Владивостоке и Новгородской гавани, откуда они отправляют её на

¹ Недалеко от вершины Уссурийского залива.

иностранных кораблях в Шанхай, Чу-фу и другие китайские порты. По словам тех же самых купцов, из трёх вышеназванных пунктов в 1868 году было вывезено 180 000 пудов капусты, а в 1869 году — 360 000 пудов¹.

Промысел морской капусты увеличивается с каждым годом, чему причиною служит возможность промышленникам сбывать свою добычу во Владивостоке, гаванях Новгородской и Св. Ольги, следовательно, в пунктах, лежащих возле самого места лова, а не отправлять её, как прежде, трудной вьючной дорогой в ближайшие маньчжурские города Сан-Син и Нингуту. Благодаря удобству сбыта и дешёвой морской перевозке наша капуста стала весьма выгодно конкурировать на китайских рынках с капустой, привозимой из Японии, и запрос на неё увеличивался с каждым годом, а вследствие этого развивается самый промысел и принимает более правильную, против прежнего, организацию. Теперь уже немного одиночных ловцов, которые промышленяют сами от себя. Богатые купцы из городов Хун-Чуна и Нингуты нанимают обыкновенно зимою работников на предстоящую летнюю ловлю, снабжают их всем необходимым и отправляют на лето в море под надзором доверенных лиц. Первые, т. е. хунчунские купцы, отправляют своих рабочих в Новгородскую гавань, где на мысе Чурухада зимуют их лодки, иногда в количестве более тысячи. Сюда в апреле приходят эти работники, садятся от двух до трёх человек в каждую лодку и пускаются в море на выгодный промысел.

Таким образом, одна, большая часть ловцов капусты следует через Новгородскую гавань, другая же — меньшая, избирает новый путь. Для этого из города Хун-Чуна они поднимаются вверх по реке того же названия, переходят через невысокий перевал на реку Мангугай и отсюда следуют двумя дорогами: или через пост Раздольный², мимо вершин Амурского и Уссурийского заливов на реки Цыму-хэ и Сучан; или же, если Амурский залив еще покрыт льдом, то прямо от устья Мангугая через полуостров Муравьёв-Амурский, также на Сучан и Цыму-хэ. В вершинах этих и некоторых других рек местные китайцы строят лодки, выдалбливая для такой цели стволы огромных ильмов, и этими лодками снабжают ловцов капусты. Наконец, часть тех же промышленников из Хун-Чуна спускается вниз по реке того же имени в реку Тумангу и уже по ней выплывает прямо в море.

Число ловцов капусты, приходящих из Нингуты, менее, нежели из Хун-Чуна, и они следуют сухопутной дорогой на вершину реки Суйфуна, потом мимо нашей деревни Никольской по реке Чагоу и, наконец, перевалом на реку Май-хэ, а по ней к Цыму-хэ и Сучану.

Собравшись таким образом из разных мест в количестве приблизительно от трёх до четырёх тысяч, китайцы с наступлением весны выходят в море на ловлю капусты и продолжают этот промысел до начала осени. Когда дни бывают сильно ветреные, то они укрываются в заливах и отправляются на охоту за оленями ради их молодых рогов, так называемых пантов, которые весьма дорого ценятся в Китае. Осенью, в сентябре, китайцы свозят свою добычу во Владивосток, га-

¹ Вывоз 1868 года был невелик вследствие беспорядков, произведённых в Южноуссурийском крае китайскими разбойниками (хунхузами), о чём будет рассказано далее.

² На реке Суйфуне.

вани Св. Ольги и Новгородскую, продают её там, а затем отправляются во-свояси. Часть идёт сухим путём, которым пришла, большее же количество направляется морем в Новгородскую гавань, где они оставляют до следующей весны свои лодки под надзором особых надсмотрщиков.

Однако не все китайцы уезжают на зиму домой. Некоторые из них, вероятно, промышляющие сами от себя или приходящие из дальних мест, как, например, из Нингуты, остаются в нашем крае, и большей частью на зиму нанимаются в работники у богатых манз. В особенности много таких китайцев на Сучане, где через это зимнее население, по крайней мере, вдвое более летнего.

Рядом с ловом капусты производится и ловля трепангов (*Holoturia*), но только в размерах, несравненно меньших. В сушеном виде они также сбываются в Хун-Чун и китайские порты.

Другой промысел, ради которого к нам ежегодно приходило значительное число китайцев из Маньчжурии, состоял в собирании и сушении грибов, растущих на дубовых стволах, подверженных гниению. Этот промысел всего больше развит в западной, гористой части ханкайского бассейна.

Для подобной цели китайцы ежегодно рубили здесь многие тысячи дубов, на которых через год, т. е. на следующее лето, когда уже начнётся гниение, являются слизистые наросты в виде бесформенной массы. Тогда манзы их собирают, сушат в нарочно для этой цели устроенных сушильнях, а затем отправляют в Сан-Син и Нингуту, где продают средним числом на наши деньги от 10 до 12 серебряных рублей за пуд.

Грибной промысел настолько выгоден, что им до последнего времени занималось всё китайское население западной части ханкайского бассейна, как местное, так и приходящее; последнее обыкновенно нанималось в работники у богатых хозяев. Каждый владелец фанзы, истребив в течение пяти или шести лет все окрестные дубы, перекочёвывал на другое, еще не тронутое место; опять рубил здесь дубовый лес и в течение нескольких лет занимался своим промыслом, после чего переходил на следующее место.

Таким образом, прекрасные дубовые леса истреблялись методически, и теперь даже грустно видеть целые скаты гор оголёнными и сплошь заваленными гниющими остатками прежних дубов, уничтоженных китайцами.

Местная администрация, сознавая весь вред от подобного безобразного истребления лесов, пыталась несколько раз запретить этот промысел, но все запрещения оставались мёртвой буквой, так как мы не имели ни средств, ни желаний фактически поддерживать наши требования. Во многих, даже очень многих местах Уссурийского края китайцы знали русских только понаслышке и, конечно, смеялись над всеми нашими запрещениями, передаваемыми вдобавок через китайских старшин.

Военные действия с хунхузами в 1868 году повернули это дело в другую сторону, и местные манзы, поплатившись за свои симпатии к разбойникам разорением не одного десятка фанз, сознали, наконец, над собою нашу силу и начали иначе относиться к нашим требованиям.

Теперь уже нет прежнего безобразного истребления лесов ради грибов, да и едва ли это может повториться в будущем, так как с

учреждением в Южноуссурийском крае конной казачьей сотни везде будут являться разъезды и наблюдать за китайским населением.

Третий род промысла, привлекавший, и весьма недавно, в наши владения также значительное число китайцев, была промывка золота, россыпи которого находятся преимущественно в пространстве между Уссурийским заливом, реками Цыму-хэ и Сучаном. Этот промысел существовал здесь уже давно, потому что в вышеозначенном пространстве на некоторых береговых речках видны следы прежде существовавших разработок, на которых теперь растут дубы более аршина [70 см] в диаметре.

Для промывки золота китайцы приходили из тех же мест, откуда и для ловли капусты, или по одиночке, чтобы работать, каждый для себя, или также небольшими партиями, снаряжаемыми от различных хозяев. Пути, по которым они следовали, были те же самые, как и для ловцов капусты, только нужно заметить, что большая часть их шла сухопутной дорогой. Работая на приисках, эти китайцы, так же как и ловцы капусты, получали всё продовольствие от богатых манз-землевладельцев — преимущественно с Цыму-хэ и Сучана, — которые от поставки провизии, конечно, имели хорошие барыши.

На зиму, когда промывка золота прекращается, часть китайцев, занимавшихся этим промыслом, отправлялась во-свояси, другая же, оставалась зимовать, преимущественно на Цыму-хэ и Сучане.

Таким образом, на обеих этих реках, в особенности же на первой, к зиме каждого года собиралось значительное количество всевозможных бродяг, готовых за деньги и добычу на всякое дело. Не способные ни к какому честному и постоянному труду, они вели праздную, разгульную жизнь и большую часть своего времени проводили за картёжной игрой, которая вообще весьма сильно распространена между всеми здешними китайцами. В некоторых местах для этой цели устраиваются особые фанзы, в которых играют целые дни и ночи.

Многие китайцы приходят издалека собственно для того, чтобы играть, и часто случается, что богатый хозяин за одну ночь проигрывает всё свое состояние, даже фанзу, и идёт в работники.

До последнего времени промывка золота, производившаяся по различным, преимущественно береговым речкам и, вероятно, доставлявшая не слишком большие барыши, не привлекала на себя особенного внимания. Когда же летом 1867 года на острове Аскольда¹ были случайно открыты золотые россыпи, тогда на этот остров устремились целые толпы всевозможных китайских бродяг. Однако они были вскоре прогнаны оттуда нашим военным судном, привезшим с собою небольшой отряд солдат. Китайцы не оказали при этом никакого сопротивления и добровольно убралась во-свояси.

Между тем молва об открытии золота на острове Аскольда быстро пронеслась по соседней Маньчжурии, Китаю, даже целому миру и, как обыкновенно, слухи преувеличивались по мере своего распространения. Понятно, как должны были действовать эти слухи на всех прежних искателей золота и на тех бездомных бродяг, которыми так богата соседняя Маньчжурия и которые известны там под именем хунхузов².

¹ Остров Аскольд, или Маячный, лежит верстах в пятидесяти на юго-восток от Владивостока и в семи верстах от берега материка.

² Слово хунхуз в буквальном переводе значит «красная борода». Объяснение происхождения такого названия я не мог узнать обстоятельно.

Эти люди по большей части различные преступники, бежавшие из Китая, чуждые всяких семейных связей, живущие сегодня здесь, а завтра там, конечно, всегда были готовы на предприятие, хотя и опасное, но в случае успеха обещавшее скорое и легкое обогащение. Они-то и решились, несмотря на неудачу первых золотоискателей, прогнанных с Аскольда, вновь попытать счастья на этом острове и в случае вторичного появления русских отражать уже силу силою.

В течение зимы 1867/68 года в пограничной Маньчжурии, и преимущественно в городе Хун-Чуне, сформировались вооружённые партии, которые, пополнившись прежними золотоискателями, явились в апреле 1868 года в числе пяти или шестисот человек на остров Аскольд и начали промывку золота. Однако эти хунхузы действием того же военного судна вскоре принуждены были очистить остров, перешли на материк, где значительно усилились приставшими к ним местными китайцами, сожгли три наших деревни¹ и два поста; но вскоре были разбиты подоспевшими войсками, а частью ушли за границу.

2. Гольды²

Другое инородческое племя нашего Уссурийского края — *гольды*, обитают по берегу Уссури и её притока Дауби-хэ; сверх того, они встречаются и по Амуру от Буреинских гор (Малого Хингана) до устья реки Горыни или несколько далее.

Цифра этого населения неизвестна, но во всяком случае на Уссури гольдов живёт более, чем китайцев, от которых они переняли очень многое, как в одежде, так и в постройке своих жилищ.

Последние есть те же самые фанзы, без изменения как во внутреннем, так и во внешнем устройстве. Вся разница состоит только в том, что при них всегда находится устроенный на деревянных стойках (для защиты от крыс) амбар, в котором складываются запасы сушёной рыбы.

Фанзы гольдов расположены на берегу Уссури и Дауби-хэ обыкновенно по несколько (3—10) вместе, и в каждой такой фанзе живёт отдельное семейство; впрочем, иногда вместе с родителями помещаются и их семейные сыновья.

Вообще добродушный от природы нрав этого народа ведёт к самой тесной семейной связи: родители горячо любят своих детей, которые с своей стороны платят им такой же любовью.

Мне лично много раз случалось давать гольду хлеб, сахар и т. п., и всякий раз, получив лакомый кусок, он делил его поровну между всеми членами своего семейства, большими и малыми. Притом нужно самому видеть ту искреннюю радость всего гольдского семейства, с какой оно встречает своего брата или отца, возвратившегося с промысла или с какой-нибудь другой отлучки; старый и малый бросаются ему навстречу, и каждый спешит поскорее поздороваться.

Кроме того, старики гольды, не способные уже ни к какой работе, прокармливаются своими детьми, которые всегда оказывают им полное уважение.

¹ Шкотову на реке Цыму-хэ, Суйфунскую и Никольскую.

² Правильное современное название нанайцы («земные люди»).—Ред.

На долю женщин у этого племени выпадают все домашние работы и уход за малыми детьми. На их же попечении остаётся фанза со всем имуществом в то время, когда зимой мужчины уходят на соболиный промысел.

В семейном быту женщины как хозяйки фанз пользуются правами, почти одинаковыми с мужчинами, хотя всё-таки находятся в подчинении у последних. Они не участвуют в совещаниях мужчин об общих делах, например, об отправлении на звериный промысел, рыбную ловлю и т. п. Словом, женщина у гольдов прежде всего мать и хозяйка дома; вне фанзы она не имеет никакого круга действий.

Каждый взрослый мужчина, в особенности если он хозяин фанзы, есть месте с тем господин самого себя и своего семейства, так как все дела у гольдов решаются не иначе, как с общего согласия, и только голос стариков, как людей более опытных, имеет большее значение в подобных совещаниях.

При миролюбивом характере гольдов больших преступлений у них почти вовсе не случается; даже воровство бывает очень редко, как исключение.

В своих религиозных верованиях гольды преданы шаманству, но, как кажется, шаманы пользуются у них меньшим влиянием, нежели у других инородцев Амурского края.

Вообще, гольды добрый, тихий и миролюбивый народ, которому от души можно пожелать лучшей будущности, хотя, к сожалению, наше влияние на них до сих пор ещё совершенно незаметно.

Хлебопашества гольды вовсе не знают; только изредка у тех, которые летом во время рыбной ловли не покидают свои фанзы, можно видеть огороды, где, кроме разных овощей, более всего засеваётся табак; его курят не только все мужчины, но даже женщины и малые дети.

Рыболовство летом и звериный промысел зимою составляют главное занятие этого народа и обеспечивают всё его существование.

Рыбный промысел начинается весною, лишь только вскроется Уссури и по ней начинает идти сплошною массою мелкий перетёртый лёд, или так называемая *шуга*, от которой рыба прячется по заливам. Так как в это время вода бывает высока, следовательно, ловля неводом неудобна, то для этой цели гольды употребляют особую круглую сеть, устроенную таким образом, что она может смыкаться, если потянуть за прикрепленную к ней верёвку. Бросив эту сеть на дно, рыбак тащит её за собой, двигаясь потихоньку в лодке, и когда попавшаяся рыба начнёт дергать, то он смыкает сеть и затем вытягивает свою добычу. Говорят, что при таком способе ловли можно в счастливый день поймать сотню и даже более крупных рыб.

Осенью, когда повторяется та же самая история, т. е. перед замерзанием Уссури по ней идёт шуга, ловля рыбы по заливам бывает несравненно прибыльнее, так как в это время вода всегда почти мала, следовательно, в дело можно употреблять невод. Иногда такие уловы бывают баснословно удачны и вместе с тем свидетельствуют о великом изобилии в Уссури всякой рыбы вообще.

Таким образом, осенью 1867 года в заливе возле станицы Нижне-никольской за одну тоню неводом в 90 сажень [190 м] длины было поймано 28 000 рыб, более всего белой, сазанов и тайменей. Когда подвели к берегу крылья невода, который, нужно притом заметить,

захватывал ещё не весь залив, то не могли его вытащить и, оставив в таком положении, вычерпывали рыбу в течение двух дней. Если положить круглым числом по двадцати рыб на пуд, что слишком уже много, то и тогда приблизительный вес всей этой рыбы был около 1 400 пудов [230 ц]. Впрочем, это не единственный пример такой удачной ловли; несколько раз случалось на Уссури в прежние годы, что за одну тоню вытаскивали семь, девять и даже двенадцать тысяч рыб.

Лишь только весною окончится ход льда и шуги, как вверх по Уссури идёт для метания икры множество осетров и калуг, лов которых производится гольдами и немногими нашими казаками посредством так называемых снастей.

Каждая такая снасть состоит из длинной толстой веревки, к которой на расстоянии от 2 до 3 футов [60—90 см] привязаны небольшие верёвочки длиной около аршина [70 см] с толстыми железными крючьями на свободных концах. К последним приделаны поплавки из бересты, сосновой коры или чаще из пробки, там, где она растёт.

К общей толстой верёвке прикреплены камни для того, чтобы она лежала на дне; концы же её привязываются к толстым кольям, вбитым в берег или на дно реки.

Подобный снаряд ставится на местах, наиболее посещаемых рыбою.

Главная верёвка лежит на дне; крючья же с поплавками поднимаются кверху на длину верёвочек, за которые они привязаны.

Для того, чтобы удобнее осматривать поставленную снасть, к общей верёвке привязывается большой поплавок, чаще всего обрубок дерева, который держится на поверхности воды.

Лов подобным снарядом производится при том расчёте, что большая рыба, идущая вверх по реке, любит, как говорят местные жители, играть с встретившимися ей поплавками и задевает в это время за крючок. Почувствовав боль, она начинает биться, задевает за другие соседние крючки и окончательно запутывается. Впрочем, иногда сильная калуга отрывает даже несколько крючков и уходит. Но случается также, что впоследствии, даже через несколько лет, она попадает вторично; зажившие раны на боках ясно свидетельствуют тогда, что эта рыба уже и прежде попадалась на крючья.

Небольшие осетры обыкновенно удерживаются на одном крючке и вытащить их из воды очень легко.

Совсем другое бывает дело, когда попадается калуга пудов в двадцать, тридцать и более. Тогда нужно много ловкости и умения, чтобы совладать с подобной громадой.

В таком случае попавшуюся рыбу захватывают ещё другими, так называемыми подъёмными крючьями и тащат на верёвках к берегу.

Лов вышеописанным снарядом распространён по всему Амуру и его притокам, но всё-таки способ его самый несовершенный и может быть употребляем с успехом разве только при здешнем баснословном обилии рыбы.

Мало того, что, конечно, одна из многих тысяч проходящих рыб попадает на крючок, необходимо, чтобы она задела за него задней частью тела, иначе её удобно сорваться. Притом же и ловить можно только рыб не покрытых чешуёй, так как чешуйчатые виды обыкновенно оставляют только одну чешуйку, за которую задел крючок.

В продолжение всего лета гольды промышляют рыбу преимущест-

венно острогою, которая имеет форму трезубца и усажена на древке длиной от двух до трёх сажень и толщиной около дюйма. Самый трезубец сделан из железа и надет неплотно, так что легко может соскакивать и держится в это время на длинной тонкой бичёвке, которая укреплена также в начале древка. Завидев место, где рябит вода от рыбы, или самую рыбу, гольд бросает в неё свое копьё, и железо, вонзившись в мясо, соскакивает с дерева; рыба, в особенности большая, метнётся, как молния, но никогда не в состоянии порвать крепкую бичёвку, за которую и вытаскивают её из воды.

Гольды чрезвычайно ловко владеют подобным оружием и при благоприятных обстоятельствах очень редко дают промах.

Проводя на воде большую часть своей жизни, гольд придумал для себя и особую лодку, так называемую *оморочку*. Эта лодка имеет 2½—3 сажени [5—6 м] длины, но не более аршина [70 см] ширины и оба носа её высоко загнуты над водой. Остов оморочки делается из тонких крепких палок и обтягивается берестой, так что эта лодка чрезвычайно легка и послушна мельчайшему движению весла; но нужно иметь большую сноровку, чтобы безопасно управлять ею. Под искусною рукою гольда, который одним длинным веслом гребёт на обе стороны, эта лодка летит, как птица; если же нужно потише, то он бросает длинное весло и, взяв в обе руки два маленьких, сделанных наподобие лопаток, изредка гребёт ими и неслышно скользит по зеркальной поверхности тихого залива.

Впрочем, гольды, с малолетства привыкшие к воде, смело ездят в этих лодках по Уссури даже и в сильный ветер.

Самая горячая пора рыбной ловли для всего уссурийского населения бывает осенью, когда в половине сентября идёт здесь в верх реки *красная рыба* (*Salmo lagocerphalus*) в бесчисленном множестве. Эта рыба, известная в здешних местах под именем *кэты*, входит в конце августа из моря в устье Амура, поднимается вверх по этой реке, проникает во все её притоки до самых вершин¹ и мечет икру в местах, более удобных для её развита.

Ход красной рыбы на Уссури продолжается недели две с половиной, до конца сентября, — и в это время все спешат на берег реки с неводами, острогами и другими снарядами. Даже белохвостые орланы слетаются во множестве к реке, чтобы есть убитую или издохшую и выброшенную на берег рыбу. Гольды в это время делают весь годовой запас для себя и для своих собак, которых они держат очень много как для звериного промысла, так и для зимней езды.

Приготовлением рыбы впрок занимаются гольдские женщины, которые для этой цели разрезают каждую рыбину пополам и сушат её на солнце. При этом вовсе не употребляют соли, так что подобная сушёная рыба, известная здесь под именем *юколы*, издаёт самый невыносимый запах.

Наши казаки хотя также занимаются ловлей красной рыбы, но далеко не с таким рвением, как гольды, и притом большая часть из них вовсе не делает себе запасов в зиму на случай голодовки.

Русские обыкновенно не сушат, но солят красную рыбу, в таком виде она очень похожа вкусом на сёмгу, только несколько поглубже её.

¹ Красная рыба совсем не заходит в озеро Ханка, вероятно, по причине его мутной воды.

Впрочем, на устье Амура, где эта рыба ловится ещё не исхудавшая от дальнего плавания, её вкус ничуть не уступает самой лучшей европейской сёмге.

Обратный ход красной рыбы неизвестен. Гольды и казаки говорят, что она не возвращается, но вся погибает. В этом, вероятно, есть своя доля правды, так как уцелевает и возвращается назад может быть одна из многих тысяч рыб, поэтому её обратный ход и незаметен.

Как ни много идёт красной рыбы по Уссуре, но всё-таки гольды говорят, что прежде её бывало гораздо больше. Может быть, этому причиной развивающееся по Амуру пароходство, а может быть, в этих рассказах играет общая многим людям страсть хвалить прошлое, старину.

Когда замерзает Уссуре, рыбные промыслы гольдов почти прекращаются, так как все здоровые мужчины отправляются в это время в леса на соболиный промысел. Только оставшиеся старики и женщины ловят еще рыбу на удочку, делая для этого проруби по льду Уссуре. На крючок для приманки привязывается кусочек красной материи или клочок козлиной шкуры.

Сидя на льду и держа удилице в руках, гольд беспрестанно держит им вверх и вниз, чтобы приманка не стояла неподвижно.

На такую удочку попадают преимущественно сазаны и таймени. В счастливый день, говорят, можно поймать от двух до трёх пудов [30—50 кг], но только нужно иметь терпение и здоровье гольда, чтобы от зари до зари просидеть открыто на льду во время ветра и иногда при морозе в 20° Р.

В то время когда гольды ловят зимой рыбу на удочку, казаки добывают её посредством так называемых *заездков*. Для этой цели перегораживают какой-нибудь рукав или глубокое место на главном русле реки посредством плетня, который опускается до дна и там вкочлачивается. В этом плетне на расстоянии 1—2 сажени делают свободные промежутки, в которые вставляют сплетённые из тальника морды. Эти морды иногда бывают сажени две длины и около сажени высоты, так что для поднятия их из воды тут же на льду устраиваются особые рычаги, вроде тех, какими достают из колодцев воду в наших русских деревнях.

Рыба, которая обыкновенно идёт против течения, встречая плетень, ищет прохода и попадает в морду. Эти морды осматривают каждый день утром и, с начала зимы, когда улов бывает всего прибыльнее, на 10 или 15 морд каждый раз вынимают от 10 до 15 пудов [165—250 кг] рыбы, т. е. средним числом по одному пуду на каждую морду.

С начала зимы более всего добывают таким образом налимов, которые в это время мечут икру; потом начинают попадаться сазаны, таймени, белая рыба и к концу зимы, т. е. в феврале, улов бывает весьма незначителен, так что многие заездки в это время совсем бросаются.

Кроме рыбной ловли, другой важный промысел, обеспечивающий существование гольдов, есть звероловство, в особенности охота за соболями, которая начинается с первым снегом и продолжается почти всю зиму.

Лишь только замёрзнет Уссуре и земля покроется снегом, гольды оставляют свои семейства и, снарядившись как следует, отправляются в горы, лежащие между правым берегом Уссуре и Японским морем,

преимущественно в верховья рек Бикина, Има и ее притока Вака. Многие из них, даже большая часть, идут на места ловли ещё ранее замерзания воды и поднимаются в верховьях названных рек на лодках для того, чтобы не терять времени и начать охоту с первым снегом; те же, которым итти поближе, отправляются уже зимой. Для этой цели они снаряжают особенные легкие и узкие сани, называемые *нарты*, кладут на них провизию и все необходимое, и тащат эти нарты собаками, которые служат также для охоты.

Обыкновенно, добравшись до места промысла, каждая партия разделяется на несколько частей, которые расходятся по различным падам и избирают их местом своей охоты.

Прежде всего устраивается шалаш, в котором складывается провизия и который служит для ночёвок. К этому шалашу каждая отдельная партия собирается всякий вечер, между тем как днем все ходят особо или только вдвоём.

При этом гольды никогда не забывают взять с собой своих богов, или бурханов, которые представляют изображения человека китайского типа, сильно размалёванные красной краской, на бумаге или на дереве. Устроив шалаш, каждая партия вешает тут же на дереве и своего бурхана. Отправляясь на промысел, гольды молятся ему, прося хорошего лова, и в случае действительной удачи, т. е. поймав хорошего соболя, убив кабана или изюбра, опять приносят своему бурхану благодарственные моления, причем брызгают на него водкой, мажут са-лом или варёным просом и вообще стараются всяким образом выразить свою признательность.

В начале зимы, т. е. в течение ноября и декабря, когда снег ещё мал, охота производится с собаками, которые отыскивают соболя и, взогнав его на дерево, начинают лаять до тех пор, пока не придёт промышленник. По большей части соболь, взбежав на дерево, начинает перепрыгивать с одного на другое чрезвычайно быстро, но хорошая собака никогда не потеряет зверя из виду и, следуя за ним с лаем, всегда укажет охотнику дерево, на котором, наконец, он засел.

Случается, что иной соболь пускается науход по земле и залезает в дупло дерева, в нору, или под камни. В первом случае дерево обыкновенно срубается; во втором — копают нору, если только это позволяет грунт земли, и, наконец, в третьем — выкуривают зверька дымом. Охотясь за соболями, гольды бьют и других зверей, если только они попадают. Весьма большой помехой для всех этих охот служат тигры, которых довольно много на Уссури и которые часто ловят охотничьих собак, а иногда приходят даже к самым шалашам спящих промышленников.

В IX главе настоящей книги я сообщу подробно об этом звере и его проделках, теперь же скажу только, что гольды страшно его боятся и даже боготворят. Завидев тигра, хотя издали, гольд бросается на колени и молит о пощаде; мало того, они поклоняются даже следу тигра, думая этим умилостивить своего свирепого бога.

Впрочем, с тех пор как на Уссури поселились русские, и начали почти каждый год бить тигров, многие гольды, видимо, сомневаются во всемогуществе этого божества и уже менее раболепствуют перед ним. Некоторые даже совсем перестали поклоняться тигровым следам, хотя всё ещё не отваживаются прямо охотиться за страшным зверем.

Здесь кстати заметить, что гольды охотно заменяют свои прежние

фитильные ружья нашими сибирскими винтовками, которые хотя по виду не стоят и двух копеек, но в искусных руках здешних охотников без промаха бьют всякого зверя и большого и малого.

Когда выпадут большие снега и охота с собаками делается крайне затруднительной, тогда гольды промышляют соболей иным способом. Нужно заметить, что в это время, т. е. в январе, у соболей начинается течка, и каждый из них, напав на след другого, тотчас же пускается по этому следу, думая найти самку. Другой, третий делают то же самое, так что, наконец, протаптывается тропа, по которой уже непременно идут все, случайно попавшие на неё соболи. На таких тропах гольды настораживают особые луки, устроенные таким манером, что когда соболю заденет за привод, то стрела бьёт сверху вниз и пробивает его насквозь. Такой способ охоты гораздо добычливее и не требует особых трудов от охотника, который только однажды в сутки обходит и осматривает свои снаряды, а остальное время сидит или спит в своём шалаше.

Кроме того, есть ещё один способ добывания соболей, который также употребляется с успехом. Этот способ основан на привычке соболя бегать непременно по всем встречным колодам. Не знаю, чем объяснить такую привычку, но я сам, видевши не одну сотню соболиных следов в хвойных лесах, покрывающих главный кряж Сихотэ-Алиня, всегда замечал то же самое: соболю непременно влезет и пробежит по верху каждой встречной колоды.

Зная такое его обыкновение, в тех местах, где много соболиных следов, устраивают на колодах особенные проходные перегородки, в которых настораживают брёвна, а иногда даже кладут приманку: кусочек рыбы или мяса. Соболю, взбежав на колоду и схватив приманку или просто пробегая сквозь загородь, трогает за привод бревно, которое падает и давит зверька. Такой снаряд употребляется всеми инородцами на Уссури и нашими казаками, у которых называется *слопцом*. Подобные слопцы употребляются также для ловли енотов и зайцев.

Между всеми соболиными промышленниками, как инородцами, так и русскими, развита чрезвычайная честность относительно добычи охоты, запасов и т. п. Часто случается, промышленник набредёт на чужой шалаш, в котором никого нет и где лежит вся провизия или добытые соболи, но он никогда ничего не украдёт. Только, по существующему обычаю, он может сварить себе обед и поест, сколько хочет, но ничего не смеет брать в дорогу. Примеров воровства никогда не бывает, и я, несколько раз расспрашивая об этом у казаков и гольдов, всегда получал один ответ, что если бы случайно набредший на чужой шалаш промышленник украл из него что-нибудь, то хозяин украденной вещи непременно нашёл бы его по следу и убил бы из винтовки. Вероятно, такая острастка сильно действует даже и на тех охотников, которые при случае не прочь стянуть чужое.

С соболиного промысла гольды возвращаются в конце зимы, т. е. в феврале и марте; другие же остаются в лесах до вскрытия рек и выезжают уже на лодках. Число соболей, добываемых каждым охотником, не одинаково каждый год и меняется от 5 до 15 и даже до 20 штук. Это зависит от большего или меньшего счастья; главным же образом, от количества соболей, которых в один год бывает много, а в другой на тех же самых местах мало. Подобное явление происходит оттого,

что соболи, так же как белки, хорьки, а в Уссурийском крае даже кабаны и дикие козы, предпринимают периодические переселения из одной местности в другую. Такие переселения обуславливаются различными физическими причинами. Так, например, когда снег падает на мёрзлую землю, то кабанам неудобно копать её и они тотчас же перекочёвывают на другие, более удобные места; точно так же урожай кедровых орехов в данном месте привлекает туда множество белок, за которыми следует и соболь, их главный истребитель.

Всех добытых соболей гольды отдают китайцам за порох, свинец, просо, табак, соль и другие продукты, которые они забирают наперёд в долг и за это обязываются доставлять весь свой улов. Заплатив за прежнее взятое, гольд снова забирает у китайца, опять несёт ему на будущий год всех добытых тяжким трудом соболей и, таким образом, никогда не освобождается от кабалы. Эта кабала так велика, что гольд не смеет никому продать своих соболей даже за цену гораздо бóльшую, а обязан всех доставить своему заимодавцу китайцу, который назначает цену по собственному усмотрению. Я думаю, что каждый соболь обходится китайцу гораздо менее рубля. Этих соболей китайцы в свою очередь отдают русским купцам, большей частью за товар, взятый в долг, или свозят летом на продажу в селение Хабаровку, о чём уже было говорено во II главе.

Соболиным промыслом занимаются и наши казаки, но только в размерах, несравненно меньших, чем гольды.

Русские охотятся на этих зверьков только с собаками, и уходят из станиц в горы по первому снегу недели на две, на три или уже многие на месяц.

3. Орочи, или тазы¹

Этот народ по количеству, вероятно, не уступающий гольдам, обитает по береговым речкам Японского моря, начиная от устья Суйфуна до устья реки Тазуши и даже несколько далее к северу; сверх того, он встречается внутри страны по большим правым притокам Уссури: Бикину, Има и др.

По образу своей жизни орочи разделяются на два сорта — бродячих и оседлых.

Первые из них представляют в полном смысле тип дикарей-охотников и целую жизнь скитаются со своими семействами с места на место, располагаясь в шалашах, устраиваемых из бересты.

Это жалкое убежище ставится обыкновенно там, где можно добыть побольше пищи, следовательно, на берегу реки, когда в ней много рыбы, или в лесной пади, если там много зверей. Часто случается, что ороча, убив кабана или оленя, перекочёвывает сюда и живет, пока не съест свою добычу, после чего идет на другое место.

Во время странствований по Уссурийскому краю мне несколько раз случилось встречать одинокие становища этих бродяг, и я всегда с особенным любопытством заходил к ним. Обыкновенно вся семья сидит полуголая вокруг огня, разложенного посредине шалаша,

¹ Слово «таза», как объясняли мне манзы, есть местная переделка китайского названия «юпи-да-цзы», что значит в буквальном переводе рыбокожие инородцы. Этим именем китайская география издавна называет обитателей восточной Маньчжурии, употребляющих для обуви и одежды выделанные шкуры рыб. [Правильное современное название удэгейцы. — Ред].

Представитель племени удэге.

до того наполненного дымом, что с непривычки почти невозможно открыть глаза. Тут же валяются звериные шкуры, рыболовные снаряды, различная рухлядь и рядом с малыми детьми лежат охотничьи собаки. При появлении незнакомца целое общество разом забормочет, собаки залают, но через несколько минут все успокоится: собаки и дети по-прежнему улягутся в стороне, взрослые орочи и их жены опять начнут продолжать еду или какую-нибудь работу, словом, появление неизвестного человека производит на этих людей впечатление не больше, чем и на их собак.

С грустным настроением духа выходил я всегда из такого шалаша. Какая малая разница, думал я, между этим человеком и его собакой. Живя, как зверь в берлоге, чуждый всякого общения с себе подобными, он забывает всякие человеческие стремления и, как животное, заботится только о насыщении своего желудка.

Поест мяса или рыбы, полужаренной на углях, а затем идёт на охоту или спит, пока голод не принудит его снова встать, развести огонь и в дымном, смрадном шалаше вновь готовит себе пищу.

Так проводит этот человек целую жизнь. Сегодня для него то же, что вчера, завтра то же, что сегодня.

Другая часть орочей поднялась ступенью выше своих собратьев и достигла уже некоторой степени оседлости. Хотя они, так же как и гольды, не знают земледелия, но подобно последним живут в фанзах, которые как по своему наружному виду, так и по внутреннему устройству ничем не отличаются от китайских. Летом орочи покидают эти фанзы и переселяются на берега рек, обильных рыбой, но с наступлением зимы снова возвращаются в них. Здесь остаются тогда жёны, старики и малые дети, все же взрослые мужчины уходят в леса на обильный промысел, с которого возвращаются к началу весны. За забранные у соседнего или какого-нибудь другого манза просо, табак, водку и пр. ороча несёт ему всех добытых соболей, отдаёт их по цене, назначенной китайцем, и затем опять в течение года берёт у него в долг всё необходимое для себя, так, что остаётся в постоянной кабале.

Женщины орочей если и не отличаются красотой, то, тем не менее, имеют большую претензию на щегольство, хотя, конечно, по собственному вкусу. Прежде всего у каждой из них в правой ноздре и в ушах продеты довольно толстые кольца, на которых висят медные или серебряные бляхи, величиной с двугривенный. Кроме того, на всех пальцах надеты, иногда по несколько штук на одном, медные и серебряные кольца, а на кистях рук такие же или реже стеклянные браслеты.

Наконец, голова и всё платье украшено множеством различных побрякушек: бубенчиков, медных или железных пластинок и т. п., так что при мельчайшем движении такой красавицы издаются самые негармонические звуки.

Однако «о вкусах не спорят», и бессемейные манзы часто берут себе этих женщин в наложницы. Мужья и отцы орочи, как видно, смотрят на такое дело весьма хладнокровно, потому что зачастую сами живут вместе с китайцем, у которого находится их дочь или жена в обоюдном владении.

Нужно заметить, что все инородцы нашего Уссурийского края совершенно свободно объясняются по-китайски, так что этот язык в здешних местах в таком же ходу, как и французский в Европе.

4. Корейцы

К числу замечательных явлений, совершающихся в последнее время на крайнем востоке Азии, следует отнести также иммиграцию корейцев в пределы России и образование ими здесь новых колоний. Густая населённость Корейского полуострова и развившиеся там вследствие этого нищета, грубый деспотизм, сковавший все лучшие силы народа, наконец, близость наших владений, обильных плодородной, нетронутой почвой,— всё это было сильной пружиной, достаточной даже для того, чтобы заставить и неподвижных жителей востока отречься от преданий прошлого и, бросив свою родину, искать себе при новых условиях и новой обстановке лучшей и более обеспеченной жизни.

И вот, боязливо, как будто ещё не решаясь покончить вдруг со всем прошлым, начали мало-помалу жители ближайших к нам владений Кореи изъявлять свою готовность на переселение в русские пределы.

С нашей стороны подобное заявление было встречено с полным сочувствием, и ещё в 1863 году к нам переселилось 12 семейств.

Затем переселение повторялось каждый год, так что в настоящее время в наших пределах образовались три корейские деревни — *Тызен-хэ*, *Янчи-хэ* и *Сидими*¹, в которых считается 1 800² душ обоего пола.

Пример всех этих переселенцев сильно действует на пограничное корейское население, так что и теперь ещё есть много желающих переселиться к нам.

С своей стороны корейское правительство всеми средствами старалось и старается приостановить подобное переселение и употребляет самые строгие меры, расстреливая даже тех корейцев, которых удаётся захватить на пути в наши владения. Однако, несмотря на это, корейцы бросают свои фанзы, втихомолку ночью переправляются через пограничную реку Тумангу (Гоали-дзян или Тумень-дзяи) и уже там, иногда даже под прикрытием наших солдат, безопасно следуют в Новгородскую гавань. До чего корейское правительство чуждается всяких сношений с русским, можно судить уже из того, что начальник пограничного города Кыген-Пу запретил жителям, под страхом смерти, продавать что-либо русским, чтобы никто из корейцев не мог переезжать на левую сторону реки, где стоит наш пограничный пост. Однако, несмотря на строгое запрещение своего начальника, жители Кыген-Пу зимой, когда замёрзнет река, приходят ночью на этот пост в гости к солдатам.

Корейские деревни состоят из фанз, расположенных на расстоянии 100—300 шагов одна от другой. Своим наружным видом и внутренним устройством эти фанзы ничем не отличаются от китайских. Только в тех из них, где находятся несколько женатых, нары разделены перегородками на части, служащие отдельными спальнями для каждой пары.

В пространствах между фанзами находятся поля, в трудолюбивой и тщательной обработке которых корейцы несколько не уступают китайцам.

Все полевые работы производятся на коровах и быках; но плуги весьма дурного устройства, так что работа ими тяжела как для скотины, так и для человека.

¹ Дер. Тызен-хэ лежит в 18 верстах от Новгородской гавани в заливе Посыета; Янчи-хэ — в 14 верстах от той же гавани, а Сидими в 80 верстах севернее её. Все три деревни расположены на берегу речек того же названия.

² Подробная статистическая таблица помещена в приложении.

Из хлебов корейцы более всего засевают просо (буды), которое составляет для них, так же как и для китайцев, главную пищу, потом бобы, фасоль и ячмень; в меньшем же количестве сеют кукурузу, картофель, гречиху, коноплю и табак, а также огородные овощи: огурцы, тыкву, редьку, салат, красный перец и пр.

Хлеб свой корейцы жнут небольшими серпами, вроде нашей косы, и затем связывают в снопы, которые молотят колотушками на особых токах, находящихся возле фанз.

Табак после сбора вешают под навес для просушки; курят все, даже женщины. Для обработки конопли они сначала варят самый стебель часа два в горячей воде, а потом уже руками обдирают волокно.

Кроме того, корейцы, так же как и китайцы, готовят для себя масло из семян *кунжута* (*Sesamum orientale*). Для этого они сначала мелют семена в жернове, потом наливают на них немного воды и варят; наконец, кладут в мешок под тяжёлый камень. Масло вместе с водой вытекает в подставленный сосуд. Вкусом оно похоже на подсолнечное.

Кроме хлебопашества, корейцы занимаются скотоводством, в особенности разведением рогатого скота, который служит им для работ. Коров своих они никогда не доят и, так же как китайцы, вовсе не употребляют молока.

В своем домашнем быту корейцы, или как они сами себя называют — *каули*, отличаются трудолюбием, особенно чистотой, что совершенно противоположно китайским манзам, грязным донельзя. Самое одеяние их белого цвета уже указывает на любовь к чистоте.

Обыкновенная одежда мужчин состоит из верхнего платья вроде халата с чрезвычайно широкими рукавами, белых панталон и башмаков; на голове они носят черные шляпы с широкими полями и узкой верхушкой. Шляпы эти сплетены в виде сетки из волос; ободки их сделаны из китового уса. Кроме того, старики носят постоянно, даже и дома, особый волосяной колпак.

Одежда женщин состоит из белой кофты и такой же белой юбки с разрезами по бокам.

Волосы свои корейцы не бреют, как китайцы, но собирают их в кучу наверху головы и сплетают здесь в виде столба; женщины же обвивают волосы кругом головы и тут их связывают. Вообще красота волос считается главным щегольством, так что щеголихи, обиженные в этом случае природой, носят искусственные косы, работа которых доведена у корейцев до высшей степени совершенства.

В общем, физиономии корейцев довольно приятны, хотя стан их, в особенности женщин, далеко не может назваться стройным. Здесь прежде всего бросается в глаза очень узкая, как будто сдавленная грудь. Лица корейцев по большей части круглые, в особенности у женщин, но притом белые, и все они решительно, как мужчины, так и женщины, брюнеты.

Мужчины носят бороды, которые, впрочем очень невелики и редки. Роста мужчины большей частью среднего; женщины же несколько меньше. Последние носят маленьких детей не на руках, как обыкновенно это делается у нас, но привязывают их полотенцем за спину возле поясицы.

Замечательно, что женщины у корейцев не имеют имён, а назы-

ваются по родне, например: мать, тетка, бабушка и пр.; у мужчин же сначала пишется и говорится фамилия, а потом имя.

Каждый кореец может иметь только одну жену, но этот закон не строго соблюдается, и богатые иногда держат до трёх жён.

Корейский властитель *наран-ними* или *наран* имеет девять жён и живёт во дворце *Пухан*, из которого есть подземный ход в соседнюю крепость *Сеуль*, или *Сяури*, столицу государства. Он считается меньшим братом китайского богдохана и совершенно независим от него, хотя, по заведённому исстари обычаю, однажды в год отправляет в Пекин подарки, в оплату за которые получает новый календарь.

Каждый из подданных, являющихся перед лицом своего царя, должен пасть ниц на землю. Этот обычай соблюдает также простой народ относительно чиновников, в особенности важных по чину.

Вообще деспотизм у корейцев развит до крайней степени и проник все суставы государственного организма. Самый вид чиновника приводит в трепет простого человека. Когда от нас был послан офицер с каким-то поручением в пограничный город Кыген-Пу, то бывший с ним переводчик из корейцев, перешедших к нам, трясся, как лист, увидав своего бывшего начальника, хотя теперь был от него в совершенной безопасности, до того ещё сохранилась в нём прежнее укоренившееся чувство страха перед начальством.

В Корее каждый город и деревня имеют школу, где все мальчики обучаются корейскому языку, а более способные, сверх того и китайскому, на котором ведётся вся высшая дипломатическая переписка с Китаем¹.

В своих нравственных воззрениях корейцы имеют понятие о высшем существе, душе и загробной жизни. Бога они называют *Путэ-ними*, душу — *Хани*, а небо или рай — *Ханыри*.

Собственно в Корее две религии: *буддийская и религия духов*, состоящая в поклонении разным божествам и гениям. Служителями (шаманами) этой религии могут быть не только мужчины, но и женщины, последние даже в особенности. Те и другие состоят при особых кумирнях и славятся вообще силой своих заклинаний от различных бедствий, во что корейцы веруют безусловно².

Замечательно, что у корейцев сохранились предания, как бы заимствованные из Ветхого завета, например, о потопе, Моисее и т. д.³

Однажды во время пребывания в деревне Тызен-хэ мне случилось быть свидетелем поминок по умершему. Обряд этот совершается следующим образом. Когда я пришёл в фанзу, где происходили поминки, то все корейцы просили меня сесть на солому, разостланную на дворе, и тотчас же поставили передо мной небольшую деревянную скамейку, на которой стояло глиняное блюдо с тонко нарезанными кусочками свинины и сушёной рыбы. В то же время мне предложили самого лакомого напитка — нагретой водки с медом; я нарочно попробовал

¹ Кроме того, по словам отца Палладия, китайский язык обязательно употребляется в законодательных и административных актах корейского правительства («Известия Географического общества», 1870 г., т. VI, № 11, стр. 20).

² Сообщение архимандрита Палладия («Известия Географического общества», 1870 г., т. VI, № 11, стр. 22).

³ Эти предания, по замечанию отца Палладия, могут быть известны в Корее, по рассказам христиан-корейцев, которых прежде было довольно, в особенности в северной части этого государства (там же, стр. 22).

один глоток — мерзость ужасная. Между тем началась самая церемония поминок, для чего сначала принесли несколько выделанных собачьих шкур и разостлали их на дворе. Два, три человека присутствующих поочередно ложились ниц на эти шкуры и что-то бормотали шопотом.

В то же время двое сыновей умершей матери, по которой совершались самые поминки, стояли подле лежащих и напевали самым плачевным голосом.

Полежав минуты три, гости вставали, заменяясь новыми и, отойдя немного в сторону, садились большей частью на корточки; при этом получали свинину и рыбу, так же как и я, и выпивали чашку водки. Эта чашка несколько раз обходила всех присутствующих, которые в антрактах между едой и питьём наклонялись друг к другу и что-то тихо бормотали. Каждый вновь приходящий проделывал всю церемонию, от которой не увернулся даже и мой крещённый спутник — старшина деревни Тыхен-хэ. Женщины находились отдельно от мужчин внутри фанзы, даже с завешанным окном, и голосили там во время церемонии.

Все присутствующие были одеты в свою обыкновенную белую одежду, а на головах имели черные шляпы с широкими полями; только одеяние обоих сыновей умершей матери было серого цвета и вместо шляп у них были надеты какие-то серые колпаки. Такая одежда считается признаком траура, который, по закону корейцев, должен носиться три года. Самые поминки совершаются, как и у нас, однажды в год, в день смерти, и продолжаются с утра до глубокой ночи. Праздников у корейцев очень мало, всего четыре в году, да и из них только один продолжается трое суток, остальные же празднуются по одному дню.

Переселяясь к нам, некоторые из корейцев приняли православную веру, так что теперь в деревне Тыхен-хэ есть несколько десятков христиан мужчин и женщин и в том числе старшина деревни. Его прежняя фамилия и имя были *Цуи-ун-кыги*; теперь же он называется Петр Семёнов, по имени и отчеству своего крёстного отца, одного из наших офицеров.

Этот старшина, пожилой человек 48 лет, умеет, хотя и плохо, говорить по-русски и, кроме корейского языка, знает немного по-китайски. Ходит он в русском сюртуке, обстрижен по-русски и даже при своей фанзе выстроил большую русскую избу. Любознательность этого человека так велика, что он несколько раз высказывал мне своё желание побывать в Москве и Петербурге, чтобы посмотреть эти города. Притом же этот старшина человек весьма услужливый и честный. В продолжение двух суток, которые я пробыл в деревне Тыхен-хэ, он находился неотлучно при мне; везде ходил со мной, рассказывал, и когда на прощанье я предложил ему деньги за услуги, то он долго отказывался от них и взял только после настоятельной просьбы с моей стороны.

Вообще услужливость, вежливость и трудолюбие составляют, сколько я мог заметить, отличительную черту характера корейцев.

Кроме всего вышеизложенного, я мог весьма немного узнать от корейцев об их родине, частью по неимению хорошего переводчика, а частью и потому, что они сами мало знают об отдалённых частях своего отечества. Однако ввиду большого интереса сообщаемых фак-

тов, я передам их в том виде, как сам слышал, не ручаясь за достоверность.

Начну с того, что, по рассказам корейцев, хребет Чан-бо-шан (или правильнее Тянь-пэ-сян) бывает покрыт снегом не круглый год, а только зимой, весной и осенью; летом же снег сходит даже с самых высших точек.

В дремучих лесах, его покрывающих, водятся соболы, которых нет во всей остальной Корее.

Высоко в горах лежит озеро, имеющее около пяти верст в окружности, из которого вытекают три реки: Сунгари — к северу, Туманга — к востоку и Амнокка к западу (Ялу-цзян), впадающая в Жёлтое море и составляющая границу между Маньчжурией и Кореей. Озеро это еще замечательно тем, что по берегам его множество каких-то особенных камней, которые легки, как дерево, так что плавают на воде и выносятся вытекающими реками.

Подобный рассказ я слышал не только от корейцев, но также и от одного китайца, который долго жил в городе Нингуте (у подошвы Чан-бо-шаня) и хорошо знает об этом явлении. Если действительно такое показание справедливо, то не есть ли вышеупомянутые камни пемза вулканического происхождения — факт в высшей степени интересный.

Наконец, корейцы говорят, что на южном склоне Чан-бо-шаня живет особое горное племя (леу-танги), независимое ни от Кореи ни от Маньчжурии и строго оберегающее свою независимость.

В заключение главы об инородческом населении я считаю уместным поместить рассказ о посещении мной в октябре 1867 года пограничного корейского города Кыген-Пу.

Этот город находится в 25 верстах от Новгородской гавани и расположен на правом берегу реки Туманги¹, которая имеет здесь около ста сажень [200 м] ширины.

Весь город, состоящий из трёх или четырёх сот фанз, налепленных, как гнёзда ласточек под крышей, выстроен на довольно крутом южном склоне горы, которая упирается в реку отвесным утёсом.

Самая большая часть, приблизительно три четверти города, расположена внутри стены, сложенной из камня и имеющей сажени полторы вышины, а толщину около сажени.

Стена эта в общем своём очертании представляет форму квадрата. Одной стороной она примыкает к обрыву берега, а отсюда тянется вдоль горы, заключая внутри себя пространство с версту длины и около полверсты ширины.

Впрочем, большая часть этого пространства остаётся пустой, так как фанзы, там находящиеся, скучены к подошве горы.

В самой стене вделано несколько пушек без лафетов, так что эти грозные орудия могут стрелять только по одному направлению — вниз по Туманге.

Вообще своим наружным видом городская стена сильно напоминает каменные ограды, которыми обыкновенно обносятся кладбища больших городов. На юго-западном углу её находится вышка, где постоянно стоит часовой, и тут же устроена комната в виде каземата, в которую садят преступников.

¹ Исправлено. В авторском издании было напечатано на левом. — *Ред.*

В середину крепости, если только можно употребить здесь подобное название, ведут троё ворот, и там живёт сам начальник города; вне её находится немного, только несколько десятков фанз, да и те жмутся как можно ближе к самой крепости. Таков наружный, весьма не привлекательный вид города Кыген-Пу, который мне предстояло посетить.

Обождая до девяти часов утра, чтобы дать как следует проспаться тамошним жителям и в особенности их начальнику, я взял лодку, находящуюся на нашем пограничном посту, трёх гребцов и поплыл вверх по реке к городу, до которого расстояние от нашего караула не более версты. Со мной был также переводчик, один из солдат, живущих на посту, хотя он весьма плохо говорил по-корейски, но всё-таки с помощью пантомим мог передать обыкновенный разговор.

В то время когда наша лодка плыла по реке, несколько раз показывались около фанз внизу и в крепости наверху горы белые фигуры корейцев и, пристально посмотрев, куда-то быстро скрывались. Но лишь только мы вышли на берег и направились к городу, как со всех концов его начали сбегаться жители, большие и малые, так что вскоре образовалась огромная толпа, тесно окружившая нас со всех сторон. В то же время явилось несколько полицейских и двое солдат, которые спрашивали, зачем мы пришли. Когда я объяснил через переводчика, что желаю видеться с начальником города, то солдаты отвечали на это решительным отказом, говорили, что их начальник никого не принимает, потому что болен, и что даже если пойти доложить ему, то за это тотчас отрежут голову. Впрочем, всё это было только одна уловка со стороны солдат, не желавших пустить нас в город; вместе с тем они требовали, чтобы мы тотчас же уходили на свою лодку и уезжали обратно.

Зная характер всех азиатцев, в обращении с которыми следует быть настойчивым и даже иногда дерзким для достижения своей цели, я начал требовать, чтобы непременно доложили начальнику города о моём приезде.

Между тем толпа увеличивалась всё более и более, так что полицейские начали уже употреблять в дело свои палочки, которыми быстро угощали самых назойливых и любопытных.

Действительно, становилось уже несносным это нахальное любопытство, с которым вас рассматривают с ног до головы, щупают, берут прямо из кармана или из рук вещи и чуть не рвут их на части. Впрочем, в толпе были только одни мужчины; женщин я не видал ни одной во всё время своего пребывания в Кыген-Пу. Не знаю, действовало ли здесь запрещение ревнивых мужей, или корейки, к их чести, менее любопытны, чем европейские женщины.

Между тем солдаты¹ опять начали повторять своё требование, чтобы мы убирались обратно, и, наконец, видя наше упорство спросили: имею ли я какую-либо бумагу к их начальнику, без чего уже никоим образом нельзя его видеть. Хотя со мной не было никакого документа в этом роде, но, по счастью, оказалось в кармане открытое из Иркут-

¹ Одежда корейских солдат такая же, как у обыкновенных жителей, т. е. широкая вроде халата; только на шляпе они имеют по два павлиньих пера. У полицейских на шляпах нашито по два красных шнура.

ска предписание на получение почтовых лошадей, и я решил пустить в дело эту бумагу, на которой сидела большая красная печать, самая важная вещь для корейцев.

Взяв от меня это предписание, один из солдат начал рассматривать печать и потом вдруг спросил: почему же бумага написана не по-корейски?

На это я ему отвечал, что корейского переводчика теперь нет в Новгородской гавани, что он куда-то уехал, а без него некому было писать.

Убедившись таким аргументом и помявшись ещё немного, солдат решил, наконец, доложить обо мне начальнику города. Для этого он сделал рукой знак, чтобы следовать за ним, и повёл нас в особый дом, назначенный для приёма иностранцев, которые до последнего времени состояли только из пограничных китайских властей.

Дом, назначенный для такого приёма, находится с краю города, шагах в пятидесяти от крепости и состоит из простого навеса, обнесённого тремя деревянными стенами, с таким же полом, на который ведут несколько ступенек. Внутри здания к средней стене приделано ещё небольшое отделение, вроде маленькой комнаты, с решётчатыми дверями. Над этими дверями висит доска с каким-то писанием, вероятно, заключающим правила, как должны вести себя иностранцы, удостоенные великой чести видеть начальника города Кыген-Пу. Однако едва ли кто из немногих иностранцев, здесь бывших, мог читать наставления относительно своего поведения, так как они написаны только по-корейски.

Оставив нас в приёмном доме и сказав, чтобы мы здесь ждали, солдаты пошли с докладом к начальнику города.

Между тем толпа, не отстававшая ни на минуту и всё более увеличивавшаяся, опять окружила нас со всех стороны и битком набилась даже под навес.

Мальчишки начали уже школьничать, дёргали нас исподтишка за фалды или за панталоны, а сами скрывались. Взрослые же корейцы попрежнему ошупывали, обнюхивали или стояли неподвижно, не спуская с нас глаз.

Минут через десять после ухода солдат принесли несколько плетёных из травы циновок, которые разостлали на полу и одну из них покрыли небольшим ковром; всё это было знаком, что начальник города согласился на свидание.

Спустя ещё немного времени в крепости вдруг раздалось пение — знак шествия начальника, которого несли четыре человека на деревянных носилках. Впереди шло несколько полицейских, которые своими длинными и узкими палочками или скорее линейками разгоняли народ; потом четыре мальчика, исполняющие должность прислужников; за ними ехал на плечах своих подчинённых сам начальник города и, наконец, человек десять солдат заключали шествие. Всё это пело или, лучше сказать, кричало во всю глотку, что, вероятно, у корейцев делается всегда, когда только куда-нибудь несут начальника. Сам он сидел сложа руки и совершенно неподвижно на деревянном кресле, приделанном к носилкам и покрытом тигровой шкурой.

Вся толпа, до сих пор шумная, лишь только увидела шествие, мигом отхлынула прочь и, образовав проход, почтительно стала по бокам дороги; несколько человек даже повернулись ниц.

Взойдя на ступеньки приёмного дома, носильщики опустили свои

носилки. Тогда начальник встал с них, сделал несколько шагов внутрь здания и, поклонившись мне, просил сесть на тигровую шкуру, которую сняли с кресел и разостлали на циновках.

Сам он довольно красивый пожилой человек 41 года, по фамилии Юнь-Хаб и в чине капитана, *сатти* по-корейски.

В одежде начальника не было никаких особенных знаков отличия. Как обыкновенно у корейцев, эта одежда состояла из белого верхнего платья, панталон, башмаков и шляпы с широкими полями.

Прежде чем сесть на ковер, разостланный рядом с тигровой шкурой, назначенной собственно для меня, Юнь-Хаб снял свои башмаки, которые взял и поставил в стороне один из находящихся при нём мальчиков.

В то же время возле нас положили бумагу, кисточку, тушь для писания и небольшой медный ящик, в котором, как я после узнал, хранится печать. Наконец, принесли ящик с табаком, чугунный горшок с горячими угольями для закуривания, и две трубки, которые тотчас же были наложены и закурены. Одну из них начальник взял себе, а другую предложил мне, но когда я отказался, потому что не курю, тогда эта трубка была передана переводчику-солдату, который, по моему приказанию, уселся рядом со мной.

Все же остальные присутствующие, даже адъютант начальника и много других корейцев, вероятно, самых важных обитателей города, стояли по бокам и сзади нас.

Наконец, когда мы уселись, Юнь-Хаб прежде всего обратился ко мне с вопросом: зачем я приехал к нему?

Желая найти какой-нибудь предлог, я отвечал, что приехал собственно для того, чтобы узнать, спокойно ли здесь на границе и не обижают ли его наши солдаты. На это получил ответ, что все спокойно, а обиды нет никакой.

Затем он спросил: сколько мне лет и как моя фамилия? То и другое велел записать своему адъютанту, который скоро записал цифру лет, но фамилию долго не мог выговорить и, наконец, изобразил слово, даже не похожее на неё по звукам. Однако чтобы отделаться, я утвердительно кивнул головой и в свою очередь спросил о возрасте и фамилии начальника.

Этот последний сначала принял меня за американца и долго не хотел верить тому, что я русский.

Затем разговор свёлся на войну, недавно бывшую у корейцев с французами, и Юнь-Хаб как истый патриот совершенно серьёзно уверял меня, что эта война теперь уже кончилась полным торжеством корейцев, которые побили несколько тысяч врагов, а сами потеряли за всё время только шесть человек.

Потом принесли географический атлас корейской работы, и Юнь-Хаб, желая блеснуть своей учёностью, начал показывать мне части света и различные государства, называя их по именам. Но, как видно, он имел весьма скудные географические сведения, потому что часто сбивался в названиях и справлялся в тексте, приложенном к каждой карте. Я же нарочно притворился ничего не знающим, а потому корейский географ мог врать не смущаясь. Все карты были самой топорной работы, и хотя очертания некоторых стран нанесены довольно верно, но в то же время попадались страшно грубые ошибки. Так, например, полуостров передней Индии урезан до половины, а на месте нашей

Камы показана какая-то река без истока и устья вроде длинного, узкого озера.

Перебирая одно за другим различные государства и часто невообразимо искажая их названия, Юнь-Хаб, наконец, добрался до Европы, где тотчас же отыскал и показал Францию с Англией. Потом, пропустив всё остальное, перешёл к России, где также показал Петербург, Москву и, не знаю почему именно, Уральские горы. Показания его относительно России оказались настолько обширны, что он даже знал о сожжении Москвы французами. Когда эту фразу мой переводчик никак не мог понять и передать, то Юнь-Хаб взял пеплу из горшка, в котором закуривают трубки, положил на то место карты, где обозначена Москва и сказал: «французы».

Затем разговор перешёл опять на Корею. Здесь начальник выказал большую осторожность, даже подозрительность и давал только самые уклончивые ответы. Когда я спрашивал у него, сколько в Кыгген-Пу жителей? далеко ли отсюда до корейской столицы? много ли у них войска? — то на всё это получил один и тот же ответ: «много».

На вопрос: почему корейцы не пускают в свой город русских и не ведут с ними торговли? Юнь-Хаб отвечал, что этого не хочет их царь, за нарушение приказания которого без дальнейших рассуждений отправят на тот свет. При этом он наивно просил передать нашим властям, чтобы выдали обратно всех переселившихся к нам корейцев, и он тотчас же прикажет всем им отрезать головы.

Между тем принесли для меня угощение, состоявшее из больших, довольно вкусных груш, чищенных кедровых орехов и каких-то пряников.

Во время еды всего этого начальник, оказавшийся не менее любопытным, чем и его подчиненные, рассматривал бывшие со мной вещи: штуцер, револьвер и подзорную трубу. Всё это он, вероятно, видел ещё прежде, потому что знал, как обращаться с револьвером и подзорной трубой.

Между тем бывшие со мной солдаты беседовали в стороне, как умели, с корейцами, даже боролись с ними и показывали разные гимнастические фокусы. Всё это очень нравилось окружавшей их толпе и, наконец, когда один из солдат проплясал в присядку, то это привело в такой восторг корейцев, что они решились даже доложить о подобной потехе своему начальнику.

Последний также пожелал видеть пляску, а потому солдат еще раз проплясал перед нами к полному удовольствию всех присутствующих и самого Юнь-Хаба.

В это время привели на суд трёх виновных, уличённых в покраже коровы.

Представ пред лицом своего начальника, подсудимые поверглись ниц и что-то бормотали минут с пять. Выслушав такое, вероятно, оправдание, Юнь-Хаб сказал отрывисто несколько слов, и полицейские, схватив виновных за чубы — что весьма удобно при корейской причёске — потащили их куда-то в город.

После суда разговор продолжался недолго и, наконец, когда я объявил, что желаю уйти, то Юнь-Хаб тотчас же встал и вежливо раскланялся.

На прощанье он только пожелал, чтобы я выстрелил из штуцера, для чего приказал поставить небольшую доску на расстоянии околу ста

шагов. Когда я выстрелил и пуля, пробив эту доску, далеко ещё пошла рикошетами по полю, то вся толпа издала какой-то громкий, отрывистый звук, вероятно, знак одобрения, а Юнь-Хаб тонко улыбнулся и вторично раскланялся со мной.

Затем, усевшись на носилки, с прежней церемонией и пением он двинулся в крепость. Я же с своими солдатами в сопровождении всей толпы направился к берегу и, переправившись через реку, поехал обратно в Новгородскую гавань, откуда вскоре предпринял экспедицию для исследования Южноуссурийского края.

ГЛАВА ПЯТАЯ

Залив Посьета.—Вьючное путешествие в гавань Св. Ольги и оттуда на реку Усури.—Выход из Новгородской гавани.—Общий характер побережья Японского моря.—Ловля зверей ямами.—Фитильные ружья.—Травяные пожары, или палы.—Владивосток.—Охота за оленями.—Переправа через реку Май-хэ. Деревня Шкотова.—Пустая фанза в лесу.—Манза гастроном.—Прибытие на реку Сучан.

жная часть принадлежащих нам берегов Японского моря представляет обширную впадину, известную под общим именем залива *Петра Великого*¹, изрезанную множеством других меньших заливов, бухт, гаваней и изобилующую целым архипелагом островов.

Из всех меньших заливов впадины наиболее удобств для стоянки судов представляют: бухта *Золотой Рог* на южной оконечности полуострова Муравьёва-Амурского и залив *Посьета*, о котором скажем теперь несколько слов.

Этот залив лежит на самом юге наших владений и состоит из трёх частей: рейда Паллады, образующего его наружную сторону, и двух бухт — *Новгородской* и *Экспедиции*, глубоко врезавшихся внутрь материка. Первая из них лежит вправо от рейда Паллады, последняя прямо против него.

По своей величине бухта Экспедиции гораздо больше Новгородской, но зато менее удобна для стоянки судов, потому что вследствие открытого положения подвержена сильным северо-западным ветрам, которые разводят здесь огромное волнение. От Новгородской гавани и рейда Паллады эта бухта отделяется длинной, но узкой песчаной косой, оканчивающейся скалистым мысом *Чурухада* и небольшим полуостровом, оконечность которого известна под именем мыса *Шелехова*. На этом полуострове находятся залежи каменного угля, разработка которого производится линейными солдатами для потребности наших военных судов.

¹ Длина этого залива (по хорде), от мыса Поворотного до устья реки Туманги равняется 175 верстам, а ширина, т. е. углубление от этой линии внутрь материка, составляет около 80 верст.

Новгородская гавань меньше¹ бухты Экспедиции, но зато имеет более закрытое положение, следовательно, удобнее для стоянки судов. При самом её начале расположен пост Новгородский, состоящий из восьми казённых домов, в которых живут солдаты со своими начальниками, двух частных, принадлежащих иностранному купцу, занимающемуся здесь покупкой морской капусты, и из нескольких китайских фанз. Кроме того, на северном берегу бухты Экспедиции возникло недавно селение *Новокиевское*², в котором расположен 1-й линейный батальон, а в нескольких верстах от него лежит корейская деревня Янчи-хэ. В 18 верстах от Новгородского поста или, как его называют, гавани находится другое большое корейское селение — Тызен-хэ, а на противоположной стороне бухты Экспедиции лежит китайская деревня *Ханшина*, одно из складочных мест морской капусты, привозимой сюда осенью промышленниками.

Таким образом, берега залива Посьета, хотя и безлесные³, но весьма плодородные по своей почве⁴, начинают понемногу оживляться, и нельзя не пожелать быстрого развития здесь наших поселений. Тем более, что этот залив есть едва ли не самое лучшее место для окончательного устройства порта на наших берегах Японского моря. Правда, он имеет в этом отношении сильного конкурента во Владивостоке, представляющем на первый взгляд большие выгоды, в особенности для стоянки судов, так как бухта Золотой Рог совершенно закрыта горами, но при более подробной и беспристрастной оценке выгод или невыгод того и другого места шансы преимущества, сколько кажется, склоняются на сторону залива Посьета.

Действительно, одна из первых выгод этого последнего перед Владивостоком заключается в меньшем замерзании, вследствие чего залив Посьета более открыт для навигации.

Правда, бухты Новгородская и Экспедиции замерзают месяца три, но зато рейд Паллады покрывается льдом только в внутренней светлой части и не более как на два месяца. Притом же в этом весьма нетвёрдом льду судно всегда может прорубиться для подхода к Новгородской гавани. Между тем Владивостокская бухта с заливами Амурским и Уссурийским бывает покрыта льдом в продолжение трёх месяцев⁵ и для судна невозможно прорубиться, чтобы войти сначала в узкий пролив Босфор Восточный, а оттуда в бухту Золотой Рог к Владивостоку.

Затем другое важное преимущество залива Посьета заключается в том, что берега этого залива весьма плодородны и удобны для заселения, чего уже совершенно нельзя найти не только вблизи Владивостока, но даже и на всём полуострове Муравьёва-Амурского. Далее, в

¹ Бухта Экспедиции имеет в окружности около 50 вёрст, Новгородская гавань около 10 вёрст при средней ширине 1—2 вёрст. Глубина её в нижних и средних частях 5—10 сажен (10—20 м), а в верхних только от 2 до 3 сажен (4—6 м).

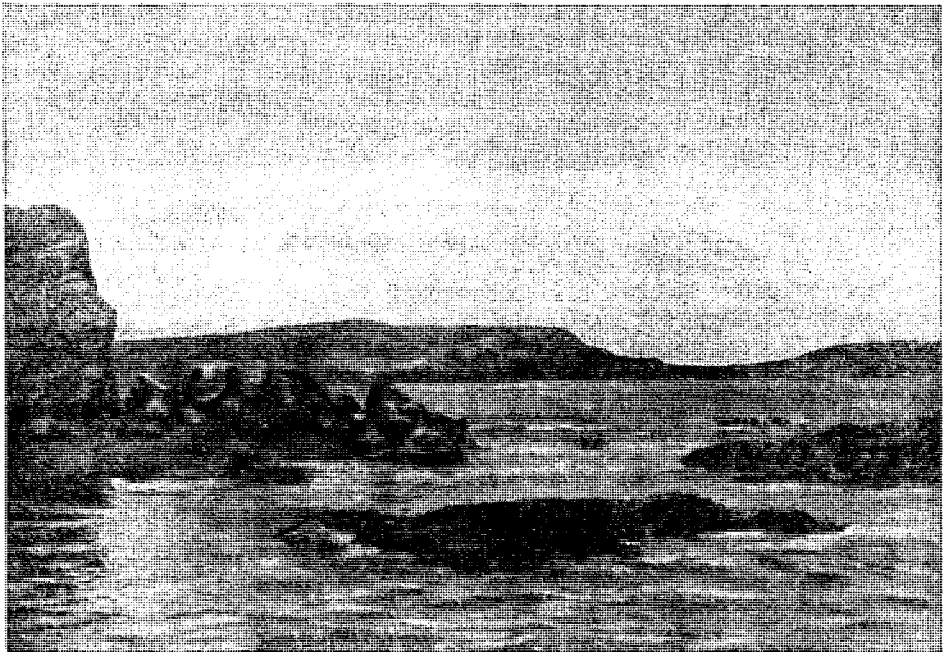
² Это селение основано в 1867 году и в настоящее время имеет около 100 домов.

³ Берега залива Посьета покрыты только мелким кустарником и высокой травой. Впрочем, в 15 верстах от северного берега бухты Экспедиции лежат горы, покрытые строевым лесом.

⁴ Только восточная часть бухты Экспедиции имеет болотистые берега.

⁵ В 1868 году Владивостокская бухта замёрзла 18 декабря; вскрывается же она вместе с Амурским и Уссурийским заливами обыкновенно во второй половине марта.

военном отношении залив Посьета имеет также большое преимущество перед Владивостоком, так как укрепление его несравненно удобнее. Действительно, Владивосток, находящийся на самой оконечности полуострова Муравьёва-Амурского, может быть легко отрезан неприятелем, расположившимся в вершинах Амурского и Уссурийского заливов. Притом этот порт удобно бомбардировать с трёх сторон — запада, востока и юга, — так что для обеспечения его в этом отношении потребуются большие и дорогостоящие сооружения. Между тем

Залив Петра Великого.

как залив Посьета, врезанный внутрь материка, не может быть отрезан неприятелем, ни подвержен бомбардированию во всех своих частях, и самый доступ к Новгородской гавани легко заградить укреплением только внешних частей рейда Паллады и расположением батарей на некоторых других выдающихся мысах.

Правда, Владивосток, кроме закрытого положения бухты, имеет ещё преимущество перед Посьетом, заключающееся в обилии лесов, которых вовсе нет в самом заливе Посьета и мало даже в его окрестностях, но мне кажется, что подобная выгода немного перетягивает весы на сторону Владивостока. Хороший строевой и даже корабельный лес находится только в пятнадцати верстах от самого порта¹, и доставка его туда может производиться лишь морем, следовательно, огибая большой мыс, отделяющий бухту Золотой Рог от Амурского залива. Вследствие этого расстояние доставки увеличивается до 25 вёрст, между тем как при перевозке из того пункта в залив Посьета

¹ Возле урочища Седанки.

судно должно проходить около 130 вёрст, т. е. расстояние, в пять раз большее.

Но мне кажется, что ввиду других несомненных преимуществ залива Посьета перед Владивостоком дальность доставки леса в Новгородскую гавань едва ли может служить сильным аргументом относительно её неудобства. Тем более, что такой лес может доставляться сюда из мест более близких, например, с устья реки Мангугая или даже с реки Сидеми.

Третье преимущество Владивостока заключается в том, что этот порт менее удалён от внутренности Уссурийского края, нежели залив Посьета. Однако подобное неудобство много сглаживается при том условии, что сообщение залива Посьета с внутренностью Уссурийского края может производиться по морю до устья Суифуна, а оттуда вверх по этой реке до поста Раздольного и далее по той же самой сухопутной дороге, которую предполагают устроить от Владивостока к озеру Ханка.

Таковы «pro et contra»¹, которые можно высказать относительно Владивостока и Посьета и которые, сколько кажется, оставляют право первенства за последним из них.

Проведя около месяца в Новгородской гавани и её окрестностях, я предпринял выючную экспедицию в гавань Св. Ольги и оттуда на реку Уссури. Цель моей экспедиции заключалась в том, чтобы познакомиться с этой малоизвестной частью Южноуссурийского края, и, кроме того, я имел служебное поручение, переписать наших крестьян, живущих на Сучане и возле гавани Св. Ольги.

Сборы в дорогу не обошлись без больших хлопот, так как нужно было купить шесть лошадей и снарядить их всей выючной принадлежностью, что далеко не легко и не дёшево в здешних местах, где часто нельзя достать самых обыкновенных вещей, например, ремней, верёвок и т. п., однако кое-как удалось уладить всё для дороги. Лошади были куплены в пограничном маньчжурском городе Хун-Чуне, сёдла и прочие выючные принадлежности были собраны по кусочкам из разных мест, и 16 октября я выступил из Новгородской гавани. Кроме товарища — неизменного спутника всех моих странствований, — я взял с собою ещё двух солдат для ухода и присмотра за выючными лошадьми. Последние везли кое-какие вещи, бывшие со мной в дороге, продовольствие как для меня, так и для солдат, заключавшееся в нескольких пудах сухарей и мешке проса; наконец, одна лошадь была специально навьючена дробью, свинцом, порохом и другими принадлежностями охоты.

Эта последняя, т. е. охота, составляла главный источник нашего продовольствия, так как при громадном обилии птиц и зверей в здешнем крае можно было ежедневно иметь сколько угодно свежего мяса. Притом же, будучи страстным охотником, я часто убивал так много разной дичи, что не знал даже, куда её девать и много раз приходилось бросать целиком диких коз, так как не было возможности тащить всех их с собой.

Впоследствии я буду иметь ещё много случаев поговорить о здешней охоте, а теперь скажу только читателю, что в течение менее чем полутора лет, проведенных мной собственно в экспедициях по Уссурий-

¹ За и против (лат.). — Ред.

скому краю, я расстрелял вместе с товарищем двенадцать пудов [192 кг] дробы и свинца. Такая цифра весьма наглядно говорит: каково обилие дичи и какова охота в девственных местах Уссурийского края.

На всём пространстве от залива Посъета до гавани Св. Ольги я намеревался следовать, держась морского побережья, которое здесь везде носит один и тот же характер. Горы, составляющие сначала отроги пограничного хребта, а потом Сихотэ-Алиня, обрываются в море отвесными утёсами¹, между которыми открываются неширокие долины береговых рек. Такие долины оканчиваются у моря низменными, песчаными берегами, представляющими резкий контраст с ограждающими их утёсами.

Морские ветры и сильные туманы, господствующие на побережье, вредят успешному росту деревьев, поэтому береговая полоса на ширину от 10 до 20 вёрст вообще бедна лесами. Правда, здесь везде растёт высокая трава и густой кустарник, состоящий, главным образом, из леспедецы, лещины, мелкого дубняка с примесью винограда, таволги, калины, бузины и шиповника, но из деревьев почти исключительно попадает дуб. Он образует по склонам гор редкие леса и хотя достигает иногда значительных размеров, но, вероятно, вследствие неблагоприятных климатических условий обыкновенно имеет пустой внутри ствол, так что совершенно не годен для построек.

За береговой полосой, далее внутрь страны, леса становятся гуще, величественнее и самый состав их делается чрезвычайно разнообразным, так что здесь встречаются все породы деревьев, свойственные Уссурийскому краю, и даже появляются некоторые новые, как, например, *граб* (*Ostrya mandjurica*), достигающий десятисаженной вышины при толщине 2—3 футов [60—90 см].

Различные кустарники, поименованные во II главе, достигают здесь роскошного развития и составляют густой подлесок, в котором особенно часто попадает колючая *аралия* (*Aralia mandjurica*), довольно редкая на самой Уссуре. Это небольшое деревцо растёт, преимущественно, по каменистым горным скатам и, будучи усажено острыми шипами, образует чащу, через которую иногда совершенно невозможно пробраться.

Быстро начали мелькать дни моего путешествия... Обыкновенно, вставши с рассветом, я приказывал вьючить лошадей, которые должны были следовать вместе с солдатами по указанному направлению; сам же отправлялся вперёд, иногда вместе с товарищем или чаще один. На случай встречи с каким-нибудь врагом — человеком или зверем — я имел при себе, кроме ружья, кинжал и револьвер, а неизменный друг — лягавая собака, всегда заранее могла предупредить об опасности.

Особенную заманчивость всегда имели для меня эти одинокие странствования по здешним первобытным лесам, в которых единственная тропинка, бывало, чуть заметно вьётся среди густых зарослей кустарников и травы, иногда высотой более сажени.

Кругом не видно ни малейшего следа руки человека: всё дико, пустынно, не тронуто. Только звери, которые то там, то здесь мелькают по сторонам, напоминают путнику, что и эти леса полны жизни, но жизни дикой, своеобразной...

¹ От 100 до 300 футов [30—100 м] высоты.

Часто, увлекшись охотой, я заходил далеко в сторону от тропинки, так что догонял своих спутников уже на ночлеге, который избирался обыкновенно в лесу или на песчаном берегу быстрой горной речки.

Здесь живо разводился костёр, лошади пускались на пастбище, а мы, покончив свои работы, ложились под великолепным пологом ясного ночного неба и засыпали крепким сном под музыкальные звуки лебединого крика или под шум буруна¹, если такая ночёвка случалась недалеко от берега моря.

Первоначальный путь наш из Новгородской гавани лежал к посту Раздольному на реке Суйфуне. На этом пространстве, занимающем около 170 вёрст, идёт выючная почтовая тропа и выстроено шесть станций, на которых содержится по несколько лошадей и живут по три солдата, исполняющие должность ямщиков.

Хотя по вышеописанному пути нельзя и думать ехать в каком бы то ни было экипаже, однако выючная тропа проложена довольно хорошо и в некоторых местах устроены даже мосты через речки. Правда, эти мосты состоят из простого накатника на подпорках, так что его сносит в каждое наводнение, но всё-таки благодаря им можно, по крайней мере, скоро и сухо перевести лошадей через попутные речки, а не переправлять их в брод или вплавь, как то обыкновенно делается здесь во всех других местах.

Из береговых рек названной местности замечательны по своей величине *Сидеми*, *Манугай* и *Аммба-белла*, впадающие в Амурский залив. По живописным их долинам разбросаны китайские фанзы и, кроме того, на Сидеми лежит небольшая корейская деревня.

Несмотря на мелководье как вышеназванных, так и других береговых речек Японского моря, везде я встречал по ним множество красной рыбы (*Salmo lagoscephalus*), которая заходит сюда осенью для метания икры. Такой ход в здешних местах начинается несколько позже, чем на Амуре, именно с половины сентября, и продолжается до половины и даже до конца октября.

Русские и китайцы ловят тогда красную рыбу большими плетёными из тальника мордами, которые кладут в реку, загораживая её поперёк, или просто крючьями, привязанными штук по десяти к длинной палке без всякой приманки.

Проходящая мимо рыба сама задевает за крючки, дёргает палку, и человек, держащий её, вытаскивает пойманную добычу на берег.

Такой способ ловли всего лучше удаётся ночью, но гораздо в меньшем употреблении, нежели лов мордами, который не требует никакой особенной заботы и притом бывает несравненно добычливее.

Во время сильного хода морды осматривают утром и вечером и всякий раз обыкновенно находят в них от 50 до 100, даже и более рыб, которые иногда до того набьются в эту плетушку, что вовсе не оставляют свободного места.

Удивительно, как далеко заходит красная рыба по мелким горным речкам морского побережья. Я видал её и бил из ружья в таких лесных ручьях, которые имели не более сажени ширины и глубину во многих местах меньшую, нежели толщина самой рыбы, спинной плавник которой шёл тогда совсем над поверхностью воды.

¹ Бурун — морские волны, разбивающиеся в некотором расстоянии от берега над полосой отмели. — *Ред.*

Однако недаром достаются красной рыбе подобные странствования. Почти все экземпляры, убитые мной в таких местах, имели поломанные плавательные перья, а тело было покрыто язвами и какого-то белеватого цвета, так что, видимо, были болезненные и сильно изурованные.

Горные хребты, окружающие долины вышеназванных береговых рек, сплошь покрыты дремучими, преимущественно лиственными лесами, в которых держится множество различных зверей: *диких коз* (*Cervus carpatensis*), *аксисов*, или *пятнистых оленей* (*Cervus axis*), *изюбров* (*Cervus elaphus*), *медведей* (*Ursus arctos*, *U. thibetanus*), *кабанов* (*Sus scrofa ferus*), *енотовидных собак* (*Canis procyonides*) [*Nyctereutes procyonoides*], *барсуков* (*Meles taxus*) [*M. meles*]; менее часто попадаются: *тигр* (*Felis tigris*), *барс* (*Felis irbis*), *рысь* (*Felis lynx*), *дикая кошка* (*Felis undata*), *гималайская куница* (*Mustella flavigula*) и *антилопа* (*Antilope crista*). Об этих зверях, равно как и о других млекопитающих Уссурийского края, будет подробно рассказано в одной из следующих глав, теперь же я упомяну только о способе добывания их местными инородцами и преимущественно китайцами посредством ловли в ямы.

Для этой цели на известном месте в лесу, где, по охотничьим приметам, наиболее любит бродить зверь, устраивается из срубленных деревьев и валежника засека вышиной около двух аршин. В такой засеке на расстоянии 100—150 сажен выкапываются глубокие (10—14 футов [3—4,2 м]) ямы с более широким основанием, нежели верхушкой, следовательно, с наклонными боками. Отверстие подобной ямы закладывается тонким хвостом или сухой травой, так что предательская ловушка совершенно незаметна. Сверх того, перед ней вбивается ряд колышков, на которые кладётся жердь, для того чтобы животное непременно сделало скачок и, пробив покрывку ямы, ввалилось бы в нее.

Так действительно и случается. Олень, коза или какой-либо другой большой зверь, встречая в лесу засеку, направляется вдоль неё, пока не найдет отверстие, в которое прыгает через набитые колышки и попадает в ловушку.

Иногда подобные засеки устраиваются на большие расстояния. Таким образом, поперёк всего полуострова Муравьева-Амурского, между вершинами Амурского и Уссурийского заливов, устроена засека, которая имеет в длину девятнадцать вёрст и около полутора ям. Кроме оленей и коз, в них попадают кабаны и волки. Случалось даже, что тигр проваливался в эту западню, но всегда одним прыжком выходил на свободу.

Самый лучший лов в ямы бывает весной, когда звери идут на лето в гольцы¹ и глухие пади. Худшее же время для этой ловли зима, когда глубокий снег засыпает поверхность ям, так что нужно делать прочную покрывку, через которую зверь иногда не проваливается.

Пойманных в ямы самцов пятнистых оленей и изюбров китайцы приводят домой живыми, помещают их здесь в особых стойлах и кормят сеном до того времени, пока у них спадут старые рога и заменятся новыми, так называемыми пантами.

¹ Гольцами называются в Сибири горы, поднимающиеся выше верхней границы распространения лесов и имеют поэтому как бы оголённые вершины. — *Ред.*

Тогда оленей убивают и за молодые рога выручают хорошие деньги¹. Говорят, что даже старые самцы в неволе скоро ручнееют и делают весьма смиренными.

Самую большую помеху для ловли ямами составляют медведи, которые достают оттуда попавших зверей и съедают. Иногда же мишка сам спускается в яму, часто до половины наполненную водой, и ест там козу или оленя. Замечательно, что как ни неловок кажется с первого взгляда зверь, но всегда сумеет выбраться благополучно из ямы, в которую залезет. Если последняя глубока, то, по рассказам промышленников, мишка приносит предварительно толстое бревно, по которому спускается в яму и вылезает из неё.

Кроме ям, китайцы да и все другие инородцы охотятся за зверями с фитильными ружьями. Эти ружья имеют ствол среднего калибра, длиной аршина два с половиной [1,8 м] и короткое ложе вроде ручки у пистолета. Замок состоит только из курка, спуска и пружины, прикреплённой на внешней стороне. Для стрельбы в курок вставляют зажжённый фитиль, который, падая при спуске пружины на полку, воспламеняет насыпанный порох. Нечего и говорить, что в дождь из подобного ружья совсем нельзя стрелять, да и во всякое другое время чересчур много хлопот, потому что наперед необходимо вставить на место зажжённый фитиль, который носится обмотанным вокруг руки. Случается и так, что фитиль не зажжён, или как-нибудь потух, когда вдруг появляется зверь; тогда охотник должен наперед высечь огонь из кремня, зажечь фитиль и потом уже думать о выстреле.

При охоте за большими зверями манзы кладут в своё ружьё огромный заряд — раз в пять больше нашего обыкновенного — и загоняют в ствол от пяти до семи пуль, сделанных по калибру ружья, так что заряд по длине занимает иногда более полуаршина. Можно себе представить, как сильна бывает отдача при выстреле, когда охотник должен ещё приложить короткую ручку этого ружья к скуле своей правой щеки. Обыкновенно после выстрела подобным зарядом стрелок получает такой удар в лицо, что делает бог знает какую гримасу, и мне несколько раз случалось видеть ярых охотников, которые постоянно имели вспухнувшие правые щёки.

От поста Раздольного путь мой лежал к Владивостоку. Отвратительная тропинка вела сначала по болотам суйфунской долины, а затем мимо вершины Амурского залива, где стоит наш пост Угловой, направилась берегом вдоль полуострова Муравьёва-Амурского. Последний довольно горист и сплошь покрыт смешанным лесом, в котором многие деревья, в особенности ель, кедр и ильм, достигают огромных размеров и могут доставить прекрасный материал для кораблестроения.

Совершенно походящая трава везде уже истреблялась пожарами или, как их здесь называют, палами, которые весной и осенью нарочно пускаются местными жителями для облегчения охоты за зверями и вообще для уничтожения тех страшных травянистых зарослей, которые успевают вырасти за лето.

Способ распространения палов самый лёгкий: стоит только зажечь одну былинку засохшей травы, и пожар, в особенности во время ветра, распространяется на большое пространство со страшной быстротой.

¹ Об этих рогах будет рассказано в IX главе при описании оленей.

Чёрное облако дыма обозначает днём направление огня, впереди которого бегут различные звери и летят стаи птиц, спасаясь от пожирающей стихии. Не раз и мне самому, вместе с вьючными лошадьми, случалось выжидать, пока пронесётся огненная струя, а иногда даже уходить вброд на противоположную сторону реки.

Ночью горящие палы представляют великолепную картину. Извиваясь змеёю, бежит огненная струя, и вдруг, встречая массы более сухой и высокой травы, вспыхивает ярким пламенем, и опять движется далее узкой лентой.

Для избежания опасности от огня местные жители в тихую погоду нарочно обжигают траву вокруг своих жилищ и таким образом обеспечивают их от пожара.

Под вечер 26 октября я добрался до Владивостока, и в ту же ночь поднялась сильная метель, которая продолжалась до полудня следующего дня, так что снегу выпало вершка на четыре¹. Слыша теперь завывание бури, я благодарил судьбу, что успел добраться до жилья, а то пришлось бы целую ночь мёрзнуть на дворе. Замечательно, что ещё накануне этой метели я нашёл в лесу вторично расцветший куст рододендрона, который так отраднo было видеть среди оголённых деревьев и иссохших листьев, кучками наваленных на землю.

Почти все мои лошади сбили себе спины, частью от дурной дороги, частью от неумения вьючить, поэтому я решил прожить с неделю во Владивостоке, чтобы заменить сильно сбитых лошадей новыми, а другим дать немного оправиться.

Владивосток вытянут на протяжении более версты по северному берегу бухты Золотой Рог, обширной глубокой², со всех сторон обставленной горами и потому чрезвычайно удобной для стоянки судов.

Кроме солдатских казарм, офицерского флигеля, механического заведения, различных складов провианта запасов, в нём считается около пятидесяти казённых и частных домов, да десятка два китайских фанз. Число жителей, кроме китайцев, но вместе с войсками, простирается до пятисот человек³. Частные дома принадлежат по большей части отставным, навсегда здесь поселившимся, солдатам и четырём иностранным купцам, которые имеют лавки, но преимущественно зани-

¹ Ранее этого времени снег шёл только однажды, ночью с 15 на 16 октября, но тогда его выпало очень немного, да и тот согнало часам к десяти следующего утра.

² Бухта Золотой Рог имеет в длину до 3 вёрст, а ширину 1½—2 версты, при глубине 5—14 сажен.

³ По произведенной в 1868 году переписи во Владивостоке считалось:

Домов	
Частных	35
Казённых	22
Китайских фанз	20

Жителей

а) Служащих, солдат и матросов с их жёнами и детьми . . .	348
б) Разного свободного сословия с жёнами и детьми	89
в) Поселенцев и отставных солдат	32
г) Их жён и детей	5
д) Китайцев	36

маются торговлей морской капустой. Главный рынок этой капусты бывает во Владивостоке в конце августа и в начале сентября, когда сюда собирается несколько сот манз, привозящих на продажу всю добычу своей летней ловли.

Высушенная капуста, как уже говорено было прежде, связывается в пучки весом от 1½ до 2 пудов и в таком виде пускается в продажу. Манзы складывают эти пучки на берегу кучами вышиной более сажени, покрывают их соломой от дождя и сами живут в палатках, разбитых возле куч.

Таким образом, в начале сентября, т. е. в самый разгар капустной торговли, во Владивостоке устраивается целый базар или, правильнее, лагерь, который продолжается до половины этого месяца.

Затем купленная капуста нагружается на иностранные корабли и отправляется в Шанхай или Чу-фу для продажи.

Но если, с одной стороны, развивается торг капустой и через это богатеют иностранные купцы¹, то, с другой — немного можно сказать похвального про торговлю этих купцов во Владивостоке товарами, составляющими насущную потребность местных жителей. Не говоря уже про то, что все эти товары — самый низкий брак, покупаемый по большей части с аукциона в Гамбурге или в Шанхае, существующие на них цены безобразно высоки и постоянно увеличиваются по мере того, как товар уже на исходе или остаётся в руках только у одного купца.

Не буду приводить цен различных товаров, продающихся во владивостокских лавках; эти цены можно узнать каждому, если помножить на три, а иногда даже на четыре, и только в редких случаях на два ту сумму, которую стоит данная вещь в Европе. При сём непременно следует помнить, что каждый из этих товаров самого низкого достоинства: гнилой, подмоченный или каким бы ни было образом, но непременно искажённый.

Исключение, только не в цене, а в качестве, можно сделать для одной водки, которая готовится из чистого американского алкоголя и составляет главный предмет торговли и главный продукт потребления в здешних местах.

Пользуясь снегом, выпавшим 27 октября, я отправился на другой день вместе со знакомым офицером на охоту в лес, который начинается рядом с последними домами Владивостока.

Не успели отойти мы и двух вёрст от этого города, как я заметил семь аксисов (*Cervus axis*), которые спокойно бродили возле оврага. Место было довольно открытое, поэтому, спрятавшись за дерево, я выжидал, пока все эти олени спустились в овраг, и тогда, пользуясь тем, что ветер был встречный, следовательно, звери не могли меня почуять, бегом пустился к этому оврагу. Подкравшись затем осторожно к его окраине, я увидал всех семь аксисов, которые спокойно поднимались на противоположный скат в расстоянии каких-нибудь ста шагов от меня. В первый раз в жизни я так близко видел от себя этих красивых зверей и, как обыкновенно бывает в подобных случаях с горячим охотником, дал промаха из обоих стволов своего штуцера.

Крайне огорчённый такой неудачей и проклиная свою горячность, я снова зарядил штуцер и пустился с товарищем, который тем временем

¹ Из русских купцов только один, живущий во Владивостоке, занимается торговлей морской капустой, но и то в небольших размерах.

подошёл на выстрелы, преследовать ушедших оленей. Долго ходили мы по следам, подымаясь с горы на гору, наконец, опять увидели всё стадо, которое шло наискось от нас в гору. Отправив своего товарища подходить прямо, я пустился наперерез и, пробежав с полверсты, наткнулся, не далее, как шагах в пятидесяти, на всех оленей, которые, перевалив через гору, спускались в падь. Опять потемнело у меня в глазах при такой встрече и опять — стыдно сказать — я дал промах из обоих стволов. К довершению огорчений, после выстрелов всё стадо, прибавив немного рыси, продолжало бежать по прежнему направлению мимо меня, так что, выхватив из пояса револьвер, я успел, после пяти осечек, ещё раз выстрелить в догонку. После вторичной салютации, конечно, нечего было и думать о преследовании зверей, и так как дело было под вечер, то мы вернулись во Владивосток.

Дурно спалось мне целую ночь. Никак не мог забыть я об оленях и чуть свет опять отправился в лес с прежним товарищем, давши себе клятву не горячиться и стрелять обдуманно. Вообще сильная охотничья горячность много мешала мне сначала на здешних баснословных охотах за птицами и зверями. Однако впоследствии я до того привык ко всему этому, что хотя не совсем равнодушно, но довольно спокойно мог видеть и козу, и оленя, и других тварей, обитающих в лесу.

Почти до полудня проходил я на этот раз, не видав ничего, и уже отчаивался в удаче охоты, как вдруг заметил двух аксисов, которые шли по направлению ко мне. Спрятавшись за вывороченный корень дерева, который, по счастью, оказался в двух шагах, я ждал с замирающим сердцем, пока звери подойдут на верный выстрел. И вот, совершенно спокойно один олень остановился шагов на сто двадцать. Мешкать было нечего; я спустил курок, и пуля, пробив зверя насквозь, сразу уложила его на месте. Другой же его товарищ, ошеломлённый выстрелом и не зная, откуда опасность, сделал несколько прыжков и остановился за кустами, посматривая на своего собрата, который ещё барахтался на земле. Опять не утерпел я и, опасаясь, чтобы здоровый олень совсем не ушёл, выстрелил в него из другого ствола, но пуля, пущенная по кустам, не попала в цель. После вторичного выстрела аксис бросился со всех ног и, подскочив ко мне шагов на тридцать, снова остановился, смотря на убитого товарища. Дрожжами от волнения руками достал я патрон, зарядил штуцер и уже начал надевать пистон, как вдруг зверь, почуяв меня, мелькнул, как стрела, и исчез в кустах. Затем, выпотрошив убитого, я оставил его в лесу до завтра, а сам продолжал охотиться, но ничего более не убил. Между тем мой товарищ наткнулся на стадо аксисов и одним выстрелом убил двух: одного в шею на вылет, а другого той же пулей в грудь.

На другой день мы взяли трёх лошадей и на них привезли убитых оленей во Владивосток.

4 ноября я выступил из него в дальнейший путь и, пройдя вверх по полуострову Муравьёва-Амурского, в полдень 6-го числа добрался до нашего поста, лежащего возле фанзы Кызен-Гу, в вершине Уссурийского залива.

Недалеко отсюда предстояла переправа через устье реки Майхэ, которая имеет здесь сажен восемьдесят ширины, хотя собственно глубокого места встречается только наполовину этого расстояния.

Снарядив на следующий день небольшую лодку, на которой сначала были перевезены на противоположную сторону реки наши вещи

и вьючные принадлежности, а потом переехали мы с товарищем, всех лошадей я приказал пустить вплавь. Нужно заметить, что к довершению трудности переправы по реке неслись небольшие льдины, а берега были замёрзшими на несколько сажен, так что сначала пришлось про рубать проход для лодки и лошадей.

Пока было мелко, то дело шло хорошо. Вслед за передней лошадей, которую вели в поводу мои солдаты, бывшие в лодке, шли остальные в линию одна за другой. Но лишь только началось глубокое место и на беду небольшая льдина врезалась в середину лошадей, как эти последние сбились с направления и сначала стали кружиться на одном месте, а потом три из них поплыли по реке в море.

Солдаты в лодке, растерявшись, не знали, что делать: спасти ли тех лошадей, которые ещё кружились в реке, или бросаться за уплывавшими. Действительно, положение было довольно критическое, тем более, что мы с товарищем, стоя на берегу, не могли ничем пособить со своей стороны.

Наконец, солдатам удалось направить четырёх¹, бывших ещё в реке, лошадей к нашему берегу, где, добравшись до мели, они могли встать на ноги, следовательно, были уже безопасны.

Проводив их до такого места, люди в лодке бросились за теми тремя лошадей, которые уплыли уже довольно далеко в море.

Совершенно изнеможённые, эти лошади едва болтали ногами и, наконец, одна из них погрузилась на дно; две же другие с большим трудом были подтащены к отмели и выведены на берег.

Сильно озябшие, все лошади дрожали, как в лихорадке, так что мы сначала водили их около часу, чтобы согреть и обсушить, а потом завьючили и к вечеру пришли на устье реки *Цыму-хэ*, где расположена небольшая деревня *Шкотава*.

Она основана в 1865 году и состоит из шести дворов, в которых живут 34 души обоего пола. Состав населения самый пёстрый: здесь есть и ссыльные поселенцы, и крестьяне с низовьев Амура, и, наконец, бессрочно-отпускные солдаты с матросами. Земля в окрестностях деревни весьма плодородна и при серьёзной обработке даёт хороший урожай².

Река *Цыму-хэ* имеет около пятидесяти вёрст длины и весьма плодородную долину, на которой в то время было раскинуто до тридцати китайских фанз. Общее направление течения этой реки с востока на запад и устье её, находящееся в вершине Уссурийского залива, отстоит только на шесть вёрст от устья реки *Май-хэ*, которая по длине почти равна *Цыму-хэ*, но долина её менее удобна для заселения, потому что во многих местах болотиста. Однако и на этой реке лежало тогда около десятка китайских фанз³.

До последнего времени *Цыму-хэ* была главным притоном всякого сброда, который приходил к нам из пограничных частей Маньчжурии. Богатые земледельческие фанзы, здесь находившиеся, снабжали жизненными припасами промышленников золота и ловцов капусты, а на

¹ При выходе из Владивостока я имел семь вьючных лошадей.

² Эта деревня была сожжена хунхузами в 1868 году, но теперь снова возобновлена.

³ Долины *Цыму-хэ* и *Май-хэ* совершенно опустошены во время военных действий с хунхузами летом 1868 года. Все фанзы сожжены до основания, а жители их или пристали к хунхузам, или разбежались.

зиму для развлечения этого люда открывали у себя игорные дома.

Одна из таких фанз находилась возле самой нашей деревни, а так как я пробыл здесь целые сутки, то нарочно отправился посмотреть, каким образом играют китайцы.

Когда я пришел в фанзу, то был уже первый час дня и игра шла в полном разгаре. На нарах, обведённых вокруг стен, стояло семь столиков, и за каждым из них сидело по четыре китайца в своём обыкновенном положении, т. е. поджав под себя ноги. Один из них играл в кости, а другие в карты, которые по форме гораздо меньше наших, с изображением каких-то каракуль.

Все играющие курили трубки и без всяких разговоров вели своё дело, так что в фанзе, несмотря на большое число людей, весьма говорливых в другое время, теперь была совершенная тишина. Действительно, замечательно хладнокровие, с которым китайцы делают даже последнюю ставку. Ни голос, ни выражение лица не выдают той внутренней борьбы, которая происходит у всякого игрока в подобном случае.

Среди играющих на особом столе сидел писарь, сводивший все счёты и писавший расписки тем манзам, которые, проиграв наличное, играли уже в долг.

Китайцы вообще страстные и притом азартные игроки, так что многие из них проигрывают всё своё состояние. В этой же фанзе находился один такой манза, который проиграл сначала деньги, потом хлеб, наконец, фанзу и поступил в работники.

Обыкновенно игра начинается часу в десятом утра и продолжается до полуночи, а иногда и всю ночь, если игроки уже слишком азартные. Сам хозяин не играет, а только берёт с присутствующих деньги за удовольствие и право играть в его фанзе. Таким образом, он самый счастливый из всех играющих, так как, ничем не рискуя, зарабатывает порядочный куш денег.

От устья Цыму-хэ путь наш лежал к реке Шито-хэ, откуда тропинка, и без того весьма плохая, сделалась почти совершенно незаметной, в особенности там, где она шла по лугам или по горным падам, в которых уже лежал снег. Притом же, следуя без проводника, я всегда определял путь по компасу, карте¹ и расспросам у местных китайцев.

Последнее средство самое лучшее, но без знания языка и без переводчика расспросить подробно о чём-либо нет никакой возможности.

Обыкновенно все расспросы такого рода начинались одним и тем же: т а у - ю, т. е. есть ли дорога? — спрашиваешь, бывало, у манзы, и, получив утвердительный ответ «ю» — есть, прибавишь еще: и г а - т а у? т. е. одна ли тропинка или от неё отходят боковые ветви? На вторичный вопрос китаец начинает много говорить, но из всего этого можешь понять только утвердительный или отрицательный ответ, а подробности, иногда очень важные, всегда остаются втуне.

Затем манза обыкновенно идёт показать самую тропинку, которая начинается у его фанзы.

Но какова эта тропинка, в особенности там, где она вьётся по густым травянистым зарослям лугов! Ей-ей, всякая межа между десятинами наших пашен вдесятеро приметнее подобной тропинки, по которой

¹ Карта Южноуссурийского края составлена чинами Генерального штаба и пополняется по мере распространения сведений об этом крае. В меньшем масштабе она вошла в состав карты, приложенной к настоящей книге.

только изредка пробредёт манза или какой-нибудь другой инородец, неизмаятая трава тотчас же опять поднимется и растёт с прежней силой. Положительно, можно держать какое угодно пари, что новичок не пройдёт, не сбившись, и трёх вёрст по большей части местных тропинок — этих единственных путей сообщения в здешнем крае.

Вот идешь, бывало, по тропинке, указанной китайцем. Прошёл версту, другую, третью... Хотя и не особенно хорошо, но всё-таки заметно вьётся дорожка то между кустами, то по высоким травянистым зарослям падей и долин. Вдруг эта самая тропинка разделяется на две: одна идёт направо, другая налево. Изволь итти, по какой хочешь! Помнится, китаец что-то бормотал в фанзе, может быть, и про это место; но кто его знает, о чём он говорил. Посмотришь, бывало, направление по солнцу или по компасу и идёшь по той тропинке, которая, сколько кажется, направляется в нужную сторону. Так как я шёл всегда за несколько вёрст впереди своих лошадей, то обыкновенно клал на таких перекрёстках заметки, всего чаще бумажки, которые указывали товарищу и солдатам, куда нужно итти. Правда, впоследствии несколько раз случалось блуждать, даже ворочаться назад, или, что ещё хуже, пройдя целый день, вновь выходить на прежнее место, но в несравненно большей части случаев я угадывал истинное направление дороги.

Пройдя теперь от реки Шито-хэ, вёрст пятнадцать по лесу, который делается всё более и более густым, я вдруг наткнулся на фанзу, стоявшую среди небольшой, свободной от деревьев площадки.

Такие одинокие фанзы встречаются иногда по здешним лесам и устраиваются манзами исключительно для охотничьих целей, а потому называются зверовыми. Для обеспечения от нападения тигров они всегда обносятся высоким толстым тыном, через который зверь не может ни перелезть, ни перескочить.

Ворота в ограде фанзы, которая теперь стояла передо мной, были снаружи припёрты бревном. Отбросив его, я вошёл во двор, но там не было ни одной души, хотя всё указывало, что здесь жили недавно. В пустых стойлах, устраиваемых для содержания пойманных оленей, ещё лежало сено; в пристройке рядом насыпаны были хлеб и бобы, а в самой фанзе стояла различная посуда, запёртые ящики, даже котёл с варёным, хотя уже замёрзшим, просом, но ни одного живого существа — ни собаки, ни даже кошки, которых манзы держат обыкновенно по нескольку штук. Недоумевая, куда могли деться хозяева и все обитатели, я подождал здесь своих лошадей и направился далее.

От фанзы шли целых три тропинки, так что сперва нужно было угадать, по которой из них итти. Зная в общем направление своего пути и определив его по компасу, я направился по одной из этих тропинок, но она, пройдя шагов сто, упёрлась в ручей и кончилась. Нечего было делать, пошёл я по другой тропинке, но и та через полверсты потерялась в лесу. Тогда, вернувшись к фанзе, я направился по последней тропинке. Однако и эта оказалась не лучше всех других и также кончилась шагов через двести у нарубленных дров.

В третий раз вернулись мы к фанзе и, не зная куда итти, остались ночевать в ней, потому что дело уже клонило к вечеру.

Вошли во двор, развьючили лошадей и разместили их по стойлам, в которых лежало готовое сено. Затем разложили в фанзе огонь и принялись готовить ужин. Тут нашлись и ведра для воды, и котелки для

нагревания её, столы, скамейки даже соль и просо, словом, всё было к услугам, за исключением только одних хозяев. Точь в точь, как в сказке о заблудившемся охотнике, которую я слышал ещё в детстве. Но куда же девались хозяева этой фанзы? Всего вероятнее, что они были задавлены тигром; иначе я не могу себе объяснить, каким образом китайцы могли бросить фанзу со всем имуществом. Правда, иногда манзы делают это, уходя не надолго в лес. Но здесь замёрзшее варёное просо, отсутствие собак с кошками — непременной принадлежности каждой фанзы — ясно говорили, что довольно много дней прошло с тех пор, как эта фанза опустела.

Быть может, один или два манзы, обитавшие здесь, отправились в лес на охоту или за дровами, наткнулись там на тигра и были им разорваны, а фанза с припёртой дверью с тех пор никем не была посещена, что далеко не редкость в здешних пустынных местах.

Переночевав совершенно благополучно, на другой день утром я пошёл отыскивать тропинку и, сделав большой круг, действительно нашёл её. Дело в том, что эта тропинка, дойдя до ручья возле фанзы, круто поворачивала в сторону, а так как здесь место было заросшее густым кустарником и притом ещё покрытое снегом, то вчера мы и не заметили поворота.

Завьючив лошадей, отправились далее. День был чисто весенний; в полдень термометр в тени показывал $+5^{\circ}$ Р и, несмотря на 11 ноября, я слышал ещё жужжание летавшей мухи. Вообще с самого выхода из Новгородской гавани, т. е. уже почти месяц, за исключением только одной метели с 26 на 27 октября, погода стояла отличная, ясная и довольно тёплая. Хотя на восходе солнца обыкновенно бывал небольшой мороз, но в полдень термометр почти всегда поднимался выше нуля на несколько градусов.

Как будто сглазил я эту погоду, похвалив её в своём дневнике, и на следующий же день с утра пошёл дождь, а к вечеру поднялась сильная метель, продолжавшаяся всю ночь.

Эта метель застала нас на реке *Ся-Удми*, и так как по близости не было фанз, то пришлось ночевать в лесу, несмотря на то, что днём мы сильно промокли, а ночью поднялся сильный ветер и сделался мороз в 8° . С трудом могли мы общими силами развести огонь и целую ночь просидели возле него почти без сна.

От реки *Ся-Удми* мы направились к реке *Та-Удми*. Обе эти реки вливаются в залив Восток и имеют отчасти болотистые, отчасти чернозёмные и удобные для обработки долины.

Осенний перелёт птиц теперь кончился, и по заливам моря уже не стало видно прежних огромных стай лебедей, гусей, уток, и по песчаным и грязным отмелям — цапель и куликов. Только бакланы и чайки ещё попадались в небольшом количестве. Зато везде в лесах мы находили множество рябчиков и фазанов. Кроме того, также часто встречались голубые сороки (*Pica caapa*), которые обыкновенно держатся обществами по береговым зарослям рек; затем дятлы (*Picus capus*), дрозды (*Turdus naumannii*), ещё продолжавшие свой осенний перелёт, и свиристели (*Bombicilla gagulla*), появившиеся здесь с начала ноября. Но самыми неотвязчивыми спутниками во всё продолжение нашей экспедиции были чёрные вороны (*Corvus corone*), которые за неимением жилых мест держатся здесь круглый год по лесам.

Не успеешь, бывало, остановиться и разложить костёр, как они уже

обсядут кругом по деревьям и ждут нашего ухода, если привал бывает днём; если же это ночлег, то, просидев до вечера, опять появляются утром на прежних местах.

Особенной ненавистью воспыал я к этим птицам с тех пор, как они украли у меня несколько фазанов, убив которых дорогой, я клал обыкновенно на тропинке, а солдаты, шедшие сзади при лошадях, подбирали их. Сверх того, эти же самые вороны выклевали однажды целый бок оленю, которого я убил и оставил в лесу до следующего дня.

Зато не одна из дерзких птиц поплатилась своей жизнью и была пронизана пулей из превосходного охотничьего малокалиберного штуцера.

Проведя предыдущую ночь почти без сна на метели и морозе, я старался теперь добраться до какой-нибудь фанзы, чтобы, по крайней мере, не ночевать опять в лесу. Действительно, пройдя вёрст пять вверх по реке Та-Удми, мы встретили фанзу, в которой жил одинокий старый манза. По обыкновению он сделал кислую мину, когда мы вошли к нему и объявили, что остаёмся здесь ночевать.

Однако у нас скоро восстановилась дружба и довольно оригинальным образом. Увидев у меня стеариновые свечи, манза, как и всегда, попросил кусочек, и когда я дал ему небольшой огарок, то он тотчас же принялся его есть, откусывая понемногу, словно вкусную конфету, и всякий раз приговаривая: «шангау, ша-шангау», т. е. хорошо, очень хорошо. Видя такой высокий гастрономический вкус моего тогдашнего хозяина, я предложил ему кусочек мыла для пробы; манза взял это мыло, разрезал на несколько частей, и тотчас съел одну из них с полным удовольствием.

Наконец, желая довершить своё наслаждение, он положил в рот мыла и стеарину, разжевал всё это потихоньку и съел, не переставая расхваливать. Последний десерт, видно, пришёлся манзе более по вкусу, потому что он и далее продолжал угощаться подобным же образом.

На следующий день, пройдя сначала вёрст десять вверх по реке Та-Удми, мы повернули вправо, на перевал через горы, отделяющие собой долину этой реки от долины Сучана. Здесь опять пришлось ночевать в лесу, и, как на зло, опять поднялась метель, не перестававшая до полудня следующего дня. Перемёрзши как следует, мы спустились в долину Сучана и вскоре достигли двух наших деревень, в которых расположились отдохнуть несколько дней.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Река Сучан.—Деревни Александровская и Владимирская.—Земли удельного ведомства.—Обилие фазанов.—Охота на тигра.—Путь от Сучана до гавани Св. Ольги.—Описание лесного бивуака.—Гавань Св. Ольги.—Окрестные деревни.—Залив Св. Владимира.—Морской орлан.—Река Тазуши.—Перевал через Сихотэ-Алинь.—Замечательная разница климата.—Трудности вьючного путешествия.—Окончание зимней экспедиции.

Из всех прибрежных долин Зауссурийского края самая замечательная по своему плодородию и красоте есть, бесспорно, долина реки Сучана, которая вытекает из главного хребта Сихотэ-Алинь и, стремясь почти в меридиональном направлении к югу, впадает в залив Америка. Имея истоки недалеко от верховьев Уссури, эта река в своих верхних и средних частях представляет характер вполне горной речки, т. е. малую глубину и быстрое течение по каменистому ложу. Только в низовьях Сучан делается тихой, спокойной рекой и при значительной глубине достигает от 30 до 40 сажен ширины [60—80 м], так что здесь возможно плавание для речных судов всякого рода. Впрочем, такие благоприятные свойства река представляет не более, как вёрст на двадцать от устья; далее же вверх мелководье, камни и быстрое течение делают решительно невозможным плавание даже на лодках.

Гигантский отвесный, как стена, утёс сажен в семьдесят [150 м] вышины обозначает в заливе Америка то место, где находится устье Сучана и откуда начинается его долина, с трёх сторон обставленная горами и открытая только к югу.

Эта долина, гладкая как пол, тянется в длину вёрст на шестьдесят и, имея в начале не более двух вёрст в поперечнике, постепенно увеличивается по мере приближения к устью реки, так что достигает здесь от четырёх до пяти вёрст ширины.

Боковые горы, её ограждающие, довольно высоки, круты и изрезаны глубокими падами, которые в различных направлениях сбегают к главной долине. Эти горы сплошь покрыты лесами, в которых растут все породы лиственных деревьев, свойственные Уссурийскому краю, и

только на самых вершинах и в некоторых высоких падах встречаются хвойные деревья: кедр и реже ель.

Густой кустарник и высокая трава покрывают собой почву этих лесов, в которых растительная жизнь развивается до огромных размеров.

Почва сучанской долины, за исключением только болот при устье реки, чрезвычайно плодородна и состоит из чернозёма в смеси с суглинком. Такой слой достигает средним числом до трёх футов толщины [до 1 м], а в некоторых местах вдвое более и лежит на подпочве, состоящей из глины и песку.

Давнишние обитатели Сучанской долины — китайцы — говорят, что это самый лучший и плодородный край из всего нашего побережья Японского моря. Недаром же скопилось тут довольно густое, по крайней мере, для здешних мест, китайское население. Фанзы этих китайцев стоят или отдельно, или по несколько вместе, образуя поселение или деревни. Таких поселений считается по Сучану и его притоком одиннадцать и в них 69 фанз, а отдельно лежащих фанз шесть, так что всего 75 фанз, в которых живут около пятисот человек. Впрочем, цифра этого населения, как я уже говорил в IV главе, в прежние времена была далеко не постоянна, но уменьшалась летом и увеличивалась зимой, когда сюда приходили до весны многие ловцы капусты и искатели золота.

В сучанской долине находятся два наших небольших селения: *Александровское* и *Владимирское*, которые лежат одно возле другого и верстах в двенадцати от берега моря. В каждом из них только по пяти дворов, и в первом живут поселенцы, привезённые сюда из Николаевска в 1864 году, а во втором — вятские¹ крестьяне, жившие первоначально на нижнем Амуре, но переселившиеся сюда в 1865 году. Поселенческая деревня, т. е. Александровская, заключает в себе 16 человек обоёго пола, а во Владимирской считается 27 душ крестьян.

Обе сучанские деревни, несмотря на плодородные местности, среди которых они расположены, находятся в самом незавидном положении и производят на свежего человека крайне неприятное, отталкивающее впечатление.

В 1868 году вся долина Сучана и пространство между этой рекой, с одной стороны, Уссурийским заливом — с другой, вместе с долинами рек Цыму-хэ и Май-хэ и островом Аскольдом поступило в ведомство уделов². От этого ведомства на первый раз решено поселить в Сучан-

¹ Выходцы из бывш. Вятской губ. (Вятка — ныне г. Киров). — *Ред.*

² Земля удельного ведомства заключают в себе 466 000 десятин 1509 000 га, и их подробная граница обозначается следующим образом: от устья реки Май-хэ, вверх этой рекой до Майхинской кумирни, стоящей в самой вершине на перевале с этой реки в реку Лефу, причем в состав участка входит левый берег реки Май-хэ. Далее, от Майхинской кумирни грань участка обозначается водораздельным хребтом между системами рек Лефу и Дауби-хэ, с одной стороны, и реками, текущими в Японское море — с другой, до двух крестов, стоящих на перевале в вершине реки Тудогу. Затем граница идёт водораздельным хребтом между реками, текущими на юг в Тудогу и на северо-восток в реку Тундогу, и спускается к вершине Сучана, который образуется из слияния двух рек — Тундогу и Эрльдогу. Отсюда рекой Сучан до устья Болотной речки, впадающей слева в Сучан, и восьми верстах выше устья реки Сичи. От Устья Болотной речки через горы левого берега Сучана граница идёт на вершину речки Хомеру, от которой водораздельным хребтом между притоками, с одной стороны, Сучана, а с другой — Суду-хэ, до вершины речки Большой Хонго, текущей в Японское море, и, наконец, от вершины этой

ской долине колонистов из Финляндии и, действительно, в следующем 1869 году сюда уже прибыло, кругом света, семь финляндских семейств.

Место для постройки помещений управляющему и чиновникам удельного ведомства отведено в гавани Находка, которая лежит на западном берегу залива Америка, как раз против устья Сучана. Эта гавань при ширине 1—2 версты имеет около шести вёрст длины и представляет удобное место для стоянки судов, так как здесь всегда спокойно, даже во время сильного ветра.

Сучанская долина замечательна необыкновенным обилием *фазанов* (*Phasianus torquatus*), которых вообще множество во всём Южноуссурийском крае и в особенности на морском побережье. Любимую пищу этих птиц составляют различные зерновые хлеба, поэтому осенью фазаны держатся преимущественно возле наших деревень и китайских фанз. Здесь они немилосердно истребляют всякий хлеб и даже молодой картофель, который проглатывают целиком. Кроме того, фазаны очень любят жолуди, и я часто убивал в дубовых лесах экземпляры, у которых целый зоб был набит исключительно очищенными от кожуры желудями.

Во время своего пребывания в Новгородской гавани я встретил там великое множество фазанов, но ещё более нашёл их в Сучанской долине, где они большими стадами бегали по китайским полям или без церемонии отправлялись к скирдам хлеба, сложенным возле фанз.

Испытав ещё прежде неудобство обыкновенного, хотя и очень большого ягдташа при здешних охотах, где убитую дичь можно считать на вес, а не на число, я брал теперь с собой, идя за фазанами, солдата с большим мешком, а сам нагружался порохом и дробью.

На чистом поле фазаны довольно осторожны, в особенности в стаде, и не подпускают к себе на выстрел, но летом, а часто и пешком, уходят в ближайшую густую траву.

Зная это, я проходил сначала вдоль поля и сгонял с него всех фазанов, а затем отправлялся искать их с лягавой собакой.

Тут начиналась уже не охота, а настоящая бойня, потому что в нешироких полосах густого чернобыльника, которым обыкновенно обрастают здешние поля, собака находила фазанов в буквальном смысле на каждом шагу. Пальба производилась настолько скорая, насколько можно было успевать заряжать ружье; и, несмотря на то, что часто сгоряча делались промахи, да притом много подстреленных уходило и пропало, всё-таки часа через три или даже иногда менее я убивал от 25 до 35 фазанов, которые весили от двух до трёх пудов, так что мой солдат едва доносил домой полный и тяжёлый мешок.

Такой погром производил я почти ежедневно во время своего десятидневного пребывания на Сучане, и долго будут помнить меня тамошние фазаны, так как дня через три уже можно было видеть на полях хромых, куцых и тому подобных инвалидов. Роскошь в этом случае доходила до того, что я приказывал варить себе суп только из одних фазаньих потрохов, а за неимением масла употреблял и собирал

речки, захватывая в состав участка все ручьи и речки, текущие в море, а притоки Суду-хэ и речку Янмодогу, оставляя свободными, пограничная черта направляется водораздельным хребтом до вершины реки Юездю и этой речкой спускается к её устью, которое находится близ мыса, называемого Столб Лапласов.

на дальнейший путь их жир, которого старый самец даёт в это время почти со стакан.

Но не одним истреблением смиренных фазанов ограничились мои охотничьи деяния на Сучане; пришлось здесь поохотиться даже и на тигра, хотя, к сожалению, неудачно.

Дело происходило следующим образом.

Утром 23 ноября, лишь только стало рассветать, является ко мне один из крестьян деревни Александровки, где я тогда жил, и объявляет, что по всей деревне видны свежие следы тигра, который, вероятно, гулял здесь ночью. Наскоро одевшись, я вышел во двор и, действительно, увидел возле самых своих окон знакомый круглый след: четыре вершка [18 см] в длину и более трёх в ширину [13 см], так что, судя по такой лапке, зверёк был не маленький. Направляясь далее по деревне, этот след показывал, как тигр несколько раз обходил вокруг высокой и толстой изгороди, в которой содержались мои лошади, даже лежал здесь под забором и, наконец, отправился в поле.

Таким образом, представлялся отличный случай выследить зверя, который, по всему вероятно, не ушёл же, бог знает, куда от деревни. Осмотрев хорошенько свой двухствольный штуцер, заткнув кинжал за пояс, я взял с собой солдата, вооружённого рогатиною в виде пики, и пустился по следу. Переходя от одной фанзы к другой, тигр, наконец, поймал собаку и, направившись со своей добычей в горы, зашёл в густой тростник, росший на берегу небольшого озера и по окрестному подвигались вперёд, так как здесь каждую минуту можно было опасаться, что лютый зверь бросится из засады. Пройдя таким образом шагов триста, мы вдруг наткнулись на место, где тигр изволил завтракать собакою, которую съел всю дочиста, с костями и внутренностями. Невольно приостановился я, увидав кровавую площадку, где тигр разорвал собаку. Вот, вот мог броситься он на нас, а потому, держа палец на спуске курка своего штуцера и весь превратившись в зренье, я осторожно и тихо подвигался вперёд вместе с солдатом. Вообще трудно передать чувство, которое овладело мною в эту минуту. Охотничья страсть, с одной стороны, сознание опасности — с другой, — всё это перемешалось и заставило сердце биться тактом, более учащённым против обыкновенного.

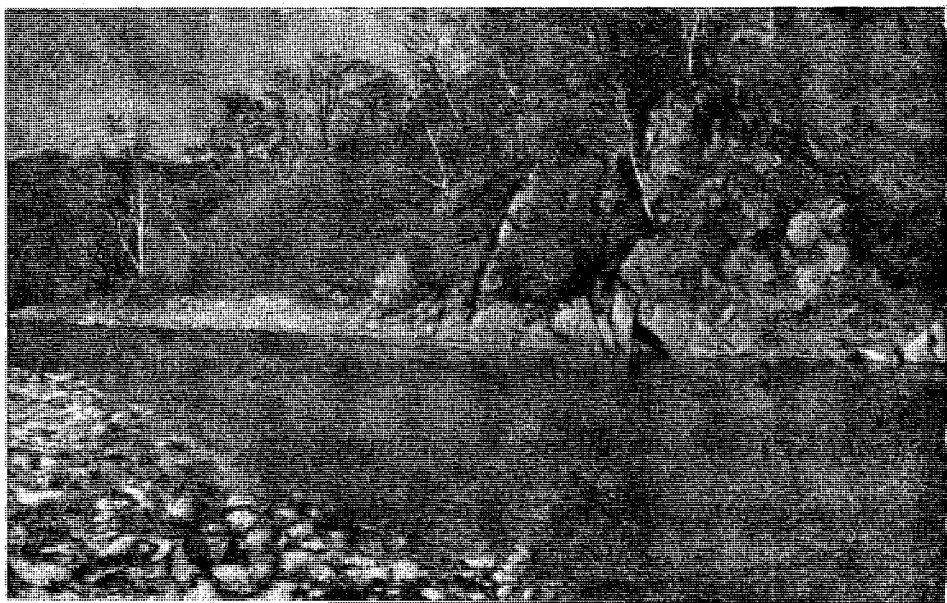
Однако тигра не оказалось на этом месте, и мы пустились далее. Скоро след вышел из тростника и направился в горы. Не теряя надежды догнать зверя, мы продолжали следить и раза три находили места, где он отдыхал сидя или лёжа. Наконец, вдруг на небольшом холме, шагов за триста впереди нас, что-то замелькало по кустам, и увы! Это был тигр, который, заметив приближение людей, решился лучше убраться по добру по здорову и, пробежав крупной рысью, скрылся за горой. Напрасно, удвоив шаги, пустились мы в догонку: зверь был далеко впереди, до притом и бежал довольно скоро, так что мы более его не видели и, пройдя ещё версты две по следу, вернулись домой.

В тот же самый день у меня издохла одна лошадь, которую я приказал положить на ночь возле бани, а сам сел туда караулить тигра; но он, будучи уже напуган днём, не приходил в эту ночь, так что и здесь дело кончилось неудачно.

Подобные посещения наших деревень и китайских фанз на Сучане тигры производят зимой почти каждую ночь, так что, по рассказам крестьян, после сумерок опасно выходить из избы.

Наглость этих зверей доходит даже до того, что они несколько раз таскали собак, привязанных для безопасности в сених.

25 ноября я оставил долину Сучана и направился в гавань Св. Ольги, держась попрежнему берега моря. На всем этом пространстве, занимающем в длину около 270 вёрст, путь весьма затруднителен, так как он лежит поперёк боковых отрогов Сихотэ-Алиня, стоящих в направлении, перпендикулярном морскому берегу. Притом же и самая тропинка, редко посещаемая даже инородцами, то чуть заметно вьётся

Река Малая Судзу-хэ.

в дремучей тайге, то поднимается очень круто на высокие горы, то, наконец, идёт вброд по морю, обходя утёсы, и вообще крайне затруднительна даже для вьючной езды.

К вечеру третьего дня по выходе из Сучана мы достигли реки *Та-Суду-хэ*, в долине которой, по словам китайцев, лежит до двух десятков фанз. Эта речка, равно как и две другие, встреченные нами на пути — *Ся-суду-хэ*¹ и *Янмодогу* — имели от пяти до десяти сажень [10—20 м] ширины и были весьма мелки, хотя по наносам на берегах можно видеть, что во время дождей они прибывают футов на десять [3 м] против своего обыкновенного уровня. Притом же, несмотря на позднее время года, названные речки вследствие своей быстроты были

¹ Слово «та» по-китайски обозначает большой, а «ся» — малый; поэтому манзы называют речки по их сравнительной величине, так, например, Та-Суду-хэ значит Большая Суду-хэ.

замёрзшими только наполовину, и по ним держалось довольно много чёрных водяных дроздов, или *оляпок* (*Cinclus palasii*), которые затем попадались и на других береговых речках.

Хотя в пространстве, пройденном нами от Сучана до Та-Суду-хэ, преобладали лиственные леса, но в высоких падах и на перевалах встречалось много кедров, на которых висели, часто кучами, ещё неопавшие шишки. Чтобы полакомиться орехами и хотя немного сократить долгие ночи, которые приходилось проводить в лесу наполовину без сна, я сбивал пулями эти шишки, а затем на ночёвке, сидя у костра, клал их в огонь и доставал орехи. Впоследствии я до того напрактиковался в щёлкании этих последних, что, пожалуй, мог поспорить с любым сибиряком, который с измальства уже привыкает к подобной забаве¹.

Миновав небольшие речки: *Ся-Уху*, *Чангоуза* и *Чябигу*, мы пришли 1 декабря к реке *Та-Уху*, на левом берегу которой стоят высокие и теперь покрытые снегом горы.

Вообще самые значительные вершины между Владивостоком и гаванью Св. Ольги я видел в верховьях *Шито-хэ*, на Сучане, *Ся-Уху* и, наконец, *Та-Уху*. Конечно, без барометра² трудно определить на-глаз их абсолютную высоту, но, сколько кажется, эта высота должна быть не менее четырёх или пяти тысяч футов [1200—1500 м].

Тропинка, по которой мы шли, часто выходила на самый берег моря, где в тихих пустынных заливах удавалось видеть китов, пускающих фонтаны. Здесь же на песчаных, низменных берегах часто валялись выброшенные кости этих великанов, а иногда целые черепа, прекрасно сохранившиеся, рядом со множеством водорослей и раковин, среди которых попадались морские звёзды и великолепного малинового цвета медузы. Но несравненно величественнее являлись морские берега там, где над самыми волнами угрюмо висели высокие отвесные утёсы, у подошвы которых вечно бьёт бурун сердитого океана. Присядешь, бывало, на вершине такого утёса, заглядишься на синеющую даль моря, и сколько различных мыслей заройтся в голове! Воображению рисуются далёкие страны, с иными людьми и с иной природой, те страны, где царствует вечная весна и где волны того же самого океана омывают берега, окаймленные пальмовыми лесами. Казалось, так бы и полетел туда стрелою посмотреть на все эти чудеса, на этот храм природы, полный жизни и гармонии...

Погрузится затем мысль в туманную глубину прошедших веков, и океан является перед нею ещё в большем величии.

Ведь он существовал и тогда, когда ещё ни одна растительная или животная форма не появлялась на нашей планете, когда и самой суши еще было немного! На его глазах и, вероятно, в его же недрах, возникло первое органическое существо! Он питал его своей влагой, убаюкивал своими волнами! Он давнишний старожил земли; он лучше всякого геолога знает её историю, и разве только немногие горные породы старше маститого океана!..

¹ Во всей Сибири кедровые орехи составляют одно из главных лакомств простого люда, и часто собравшееся общество, за неимением интересных для сообщения предметов, проводит большую часть вечера молча, только пощёлкивая орешки, которые и слыvät в этих странах под метким названием «сибирского разговора».

² К сожалению, во всё время своего пребывания в Уссурийском крае я не имел барометра, и потому не мог делать определений высот.

Зов товарища заставит, бывало, вдруг очнуться от подобных мечтаний и спешить к своим спутникам, которые уже достаточно заждались меня.

По самому берегу моря очень редко встречаются жилые фанзы, но довольно много пустых, в которых летом находят для себя приют промышленники морской капусты. Обитатели жилых фанз занимаются здесь иногда добыванием соли из морской воды посредством выпаривания её сначала в мелководных бассейнах действием лучей солнца, а потом в чугунных чашах на медленном огне.

В ночь с 27 на 28 ноября прошёл небольшой дождь, который хотя и согнал окончательно весь снег на открытых местах, но через это путь сделался ещё труднее, так как вся тропинка покрылась теперь льдом, по которому итти было невыносимо скользко как для нас, так и для вьючных лошадей. Для последних в особенности затруднительно было продовольствие, потому что иссохшая трава не могла доставить даже сколько-нибудь сносного питания, а кормить вдоволь ячменём или овсом, покупая его у китайцев, стоило очень дорого, да притом и не всегда можно было достать этого хлеба.

Обыкновенно манзы продают здесь мерку ячменя по весу в 88 наших фунтов за серебряный рубль, так что, давая только по семи фунтов на лошадь, я тратил ежедневно на их прокорм по полтора серебряных рубля, следовательно, по 2 р. 25 к. кредитными билетами. Так как этого количества хлеба при трудности ежедневного движения было недостаточно, то подспорьем к нему служила или солома, если ночёвка была в фанзе, или сухая трава, если мы располагались в лесу. Конечно, то и другое не совсем-то приходилось по вкусу бедным лошадям, но с голоду они поневоле должны были есть, чтобы хотя чем-нибудь набить пустой желудок.

От реки Та-Уху до гавани Св. Ольги, следовательно, на протяжении около 120 вёрст, лежит самое пустынное место всего морского побережья, начиная от залива Посьета. Здесь только на одной реке *Пхусун* встречается китайское население (около двадцати фанз), а затем везде безлюдье, пустыня в пустыне, если можно так выразиться. Даже серебряная руда, находящаяся, как говорят, в вершине реки *Ванцин*, не привлекла в её долину ни одного китайца с его копотливым трудолюбием.

Характер лесов до сих пор не изменился. В береговой полосе преобладает всё тот же дуб, и только с приближением к гавани Св. Ольги чаще показываются кедры и ели, да и то преимущественно на северных склонах гор.

Ровно пять суток употребили мы на переход от Та-Уху до гавани Св. Ольги и все ночи сряду должны были ночевать в лесу, так что я считаю уместным сделать здесь описание хотя одного из многих наших бивуаков.

Обыкновенно за час или полтора до заката солнца сильно уставшие ноги начинают громко напоминать, что время отдохнуть. Притом желудок также давно уже заявляет о своей пустоте, и всё это настолько сильные побуждения, что мы начинаем выглядывать по сторонам дороги место, удобное для ночлега. Для этого обыкновенно избирается лесная лужайка на берегу какого-нибудь ручья, чтобы иметь под боком дрова, воду и пастбище для лошадей. В здешних местностях всё это очень нетрудно отыскать: ручьи текут в каждой

пади, и вода в них не хуже знаменитой невской, трава растёт везде и всюду, а в лесу столько сухого валежника, что нетрудно добыть сколько угодно дров.

Выпадет, бывало, такое удобное место, хочется отдохнуть, соблазнительно и греющий костёр на морозе, но солнце стоит ещё высоко, целый час до заката, так что можно успеть сделать версты три — и с досадой идешь далее.

Тут мой юный спутник обыкновенно начинает ворчать: «Надо остановиться, сегодня и так уже много прошли, а тебе бы всё больше да больше; другого такого места не будет, а здесь, посмотри, как хорошо», и т. д. в этом роде. Большею частью я оставался глух ко всем подобным просьбам и увещаниям, но иногда соблазн был так велик, что по слабости, присущей в большей или меньшей степени каждому человеку, останавливался на ночлег ранее обыкновенного времени.

И как магически действует надежда! Уставшие солдаты и лошади идут молча, шаг за шагом, повесив головы, но лишь только я скажу: «Сейчас остановимся ночевать», — все мигом ободрятся, даже кони пойдут скорее, завидя огонёк, который мой товарищ уже успел разложить, уйдя вперёд.

Пришли на место, остановились... Солдаты развьючивают лошадей и, привязав их за деревья, чтобы дать остынуть, рубят и таскают, пока светло, дрова на костёр, который необходимо держать целую ночь, иначе нет возможности хотя сколько-нибудь заснуть на морозе. Тем временем я отправляюсь нарубить кинжалом веток или сухой травы, чтобы сидеть, по крайней мере, не на голом снегу, а товарищ варит кирпичный чай, вкусом и запахом мало чем отличающийся от настоя обыкновенного сена. Однако в это время и подобный согревающий напиток кажется слаще нектара олимпийского, в особенности если в приложение к нему жарятся на палочках тонко нарезанные куски козы или оленя.

Закусив немного, я достаю дневник и сажусь писать заметки дня, разогрев предварительно на огне замерзшие чернила¹. Между тем солдаты уже натаскали дров, пустили на траву лошадей и варят для себя и для нас ужин. Часа через два всё готово, дневник написан и мы ужинаем, чем случится: фазаном, убитым днём, куском козы или рыбы, а иногда и просто кашей из проса.

После ужина посидишь ещё немного у костра, поболтаешь или погрызёшь кедровых орехов, а затем укладываешься спать, конечно, не раздеваясь и только подстлав под себя побольше травы, а сверху укрывшись какой-нибудь шкурой, в которую закутаешься герметически. Но при всём том, несмотря даже на усталость, спишь далеко не спокойно, потому что со стороны, противоположной огню, ночной мороз сильно холодит бок и заставляет беспрестанно поворачиваться. Мои солдаты очень мелко говорили, что в это время «с одной стороны — петровки², а с другой — рождество».

Наконец, все уснули и кругом водворилась тишина... Только из-

¹ Я всегда предпочитал писать свои заметки чернилами, а не карандашом: последний скоро стирется, так что потом трудно, а иногда даже невозможно разобрать рукопись.

² То-есть петров пост, который бывает в июне, следовательно, в период жаров.

редка трещит костёр, фантастически освещающий своим пламенем окрестные деревья, да звенят бубенчики пасущихся невдалеке лошадей. Широким пологом раскинулось над нами небо, усеянное звёздами, а луна сквозь ветви деревьев украдкой бросает свои бледные лучи и ещё более дополняет впечатление оригинальной картины...

Часа за два до рассвета встают солдаты, собирают лошадей, дают им овёс или ячмень, затем варят для себя и для нас завтрак. Когда последний готов, тогда поднимаемся и мы, часто дрожа от холода, как в лихорадке, но горячий чай хорошо и скоро согревает. Позавтракали, а еще только что начинает светать. Тогда я велю вычистить лошадей;

Берег моря против острова Петрова.

сам же, по обыкновению, отправляюсь вперёд, и только в полдень останавливаемся мы на полчаса, чтобы немного закусить и произвести метеорологические наблюдения.

К вечеру 7 декабря мы пришли в гавань Св. Ольги, где я расположился в доме начальника поста. После ночёвок под открытым небом, на снегу и морозе, невыразимо отраднo было заснуть в тёплой уютной комнате, предложенной мне радушным хозяином. Сильная усталость, в лохмотья изношенные сапоги, сбитые спины у четырёх лошадей — всё это красноречиво говорило в пользу того, чтобы прожить здесь хотя с неделю, отдохнуть и починиться, променять сбитых лошадей на здоровых, словом, снарядиться как следует к дальнейшему пути. Кроме того, я должен был переписать крестьян в окрестных деревнях и исполнить некоторые служебные поручения в самом посту.

Этот последний, состоящий из церкви, двенадцати жилых домов и двух казённых магазинов, расположен в вершине бухты *Тихая Пристань*, составляющей часть гавани Св. Ольги. Сама по себе гавань не представляет особенной выгоды для стоянки судов, потому что имеет открытое положение и подвержена сильному волнению. Но зато бухта Тихая Пристань, которая глубоко (более версты в длину и около четырёхсот сажен в ширину) вдаётся в северо-восточном направлении внутрь твёрдой земли, составляет отличное место для якорной стоянки, так как здесь всегда спокойно, даже в сильную бурю.

Хотя эта бухта была теперь уже покрыта льдом, но самая гавань, несмотря на позднее время года, ещё не замёрзла и на ней держались стада уток и лебедей. По рассказам местных жителей, гавань покрывается льдом не более как месяца на полтора — с начала января до половины февраля, — между тем, как бухта Тихая Пристань замерзает в половине ноября и расходитя не ближе конца марта.

Замечательно, что на следующие сутки после моего прибытия в гавань Св. Ольги выдался такой тёплый день, какого никак уже нельзя было ожидать в декабре. В полдень термометр в тени показывал почти 4° тепла, а на солнце поднимался до 11° и снег таял, как весной. Вообще в течение всего ноября погода на побережье стояла большей частью ясная, и хотя по утрам бывали морозы¹, но в полдень термометр обыкновенно поднимался выше нуля и делалось довольно тепло. Впрочем, теплота бывает здесь только во время безветрия; когда же поднимается ветер, преимущественно северный или северо-западный в это время года, то и при небольшом морозе всегда делается холодно.

В окрестностях гавани Св. Ольги расположены четыре наших деревни: *Новинки*, *Фудин*, *Арзамазовка* и *Пермская*. В них поселены в 1864 году крестьяне, первоначально жившие на нижнем Амуре, поселенцы с острова Сахалина, наконец, отставные матросы и солдаты. Общая цифр всего этого населения доходит до 257 человек обоюбого пола.

По обширности и благосостоянию жителей из всех четырёх деревень самая лучшая есть Новинки, лежащая в одной версте от поста при устье небольшой речки, называемой Ольга.

В этой деревне 25 дворов, довольно чистых и выстроенных по обе стороны широкой улицы, так что Новинки имеют довольно приличный наружный вид. Только избы поселенцев, за исключением двух-трёх, не подходят под общий строй и стоят какие-то ободранные, грязные.

Так как река Ольга часто разливается и затопляет свою долину, то почти все пашни крестьян находятся в пятидесяти верстах к северо-востоку от деревни в прекрасной и плодородной местности.

Остальные три деревни, Фудин, Арзамазовка и Пермская, расположены в долине реки *Вай-Фудин*², в расстоянии — первая 15 вёрст от нашего поста, а две другие ближе к нему, каждая версты на две. Эти деревни несравненно хуже Новинок; избы большею частью не обстроены, некоторые стоят даже без крыш и, кроме того, пашни расположены в долине Вай-Фудин, где вода их затопляет. Последнее

¹ Наибольший мороз, наблюдавшийся мною в ноябре, был 14-го числа этого месяца и равнялся — 12° Р.

² Река Вай-Фудин, или Аввакумовка, вытекает из Сихотэ-Алиня и, имея 70 вёрст длины, впадает в северо-западный угол гавани Св. Ольги; для судоходства эта река неудобна по причине своей малой глубины.

неудобство принуждает крестьян искать себе поблизости другое место для селитьбы, безопасное от наводнения.

Прожив шесть дней в гавани Св. Ольги, отдохнув и заменив сбитых лошадей свежими, вымененными у крестьян, я вышел оттуда 14 декабря с намерением идти уже на Уссури. К этой реке отсюда ведут два пути: один по долине реки Вай-Фудин и перевалом через горы на реку Лифудин, правый приток Ула-хэ; другой направляется попрежнему берегом моря до реки Тазуши и вверх по этой реке, откуда переваливает также в долину Лифудина. Хотя последний путь длиннее, но я избрал его потому, что здесь, по крайней мере, сначала, вьючная тропа несравненно лучше, а, во-вторых, я хотел видеть реку Тазушу¹, долина которой довольно густо населена китайцами и тазами.

На переход от гавани Св. Ольги до реки Тазуши, где расстояние около 80 вёрст, я употребил пять суток. На всём этом протяжении вовсе нет населения, за исключением одинокой фанзы зверопромышленника-таза. Тропинка ведёт недалеко от берега моря, и характер местности здесь тот же, как и прежде: горы и пади беспрестанно сменяют одна другую. Они покрыты редким дубовым лесом с густым кустарником и высокой травой.

Верстах в 30 севернее гавани Св. Ольги лежит залив Св. Владимира, где прежде находился наш пост, который теперь упразднён. На пустынных берегах этого залива я видел в первый раз великолепного *морского орлана* (*Haliaeetus pelagica*), который вместе с орланами белохвостыми держался возле шалаша на берегу небольшой речки, где осенью орочи ловили рыбу и где эти орланы привыкли поживляться остатками.

Морской орлан живёт в большом числе на берегах Охотского моря, на Курильских островах и на Камчатке, но залетает к югу до Японии. Эта огромная, сильная и красивая хищная птица питается преимущественно рыбой; иногда даже нападает на молодых тюленей и таскает их из моря. Старинный исследователь Камчатки Стеллер рассказывает, что видел однажды, как этот орлан схватил полярную лисицу, поднялся с нею на воздух и бросил оттуда вниз на камни, после чего начал пожирать свою убившуюся добычу.

Более осторожный, нежели его товарищи, красивый орлан не допустил меня шагов на двести и, описывая круги, поднялся сначала высоко вверх, а потом совсем улетел. Однако я не терял надежды, что он возвратится, и так как было уже не рано, то приказал останавливаться на ночлег и развьючивать лошадей, а сам устроил засадку, повесив для приманки незадолго перед тем убитую козу. Не прошло и полчаса, как прилетели орланы белохвостые и, усевшись на деревьях, сладко поглядывали на приманку, но желанный гость не являлся, так что я напрасно прождал его до вечера.

На другой день чуть свет я опять был уже в засадке и просидел в ней часов до десяти утра, но всё-таки неудачно.

Морской орлан, хотя и прилетел на этот раз вместе с другими, но, как будто чуя опасность, держался вдали и садился там на деревья, не подлетая к приманке. Видя, что он так осторожен и что можно

¹ Река Тазуши впадает в Японское море верстах в 50 севернее залива Св. Владимира. На картах эта река называется везде Лифуле, но такое название совершенно неизвестно местным жителям, равно как и название Фудзи, даваемое правому притоку реки Ула-хэ, который на месте называется Лифудин.

прождать безуспешно ещё целый день, я вышел из засадки, и когда спугнутый моим появлением орёл начал высоко кружиться в облаках, я пустил в него из штуцера две пули как прощальный салют великолепной птице.

18 декабря мы достигли реки Тазуши, которая вытекает из Сихотэ-Алиня и имеет около 60 вёрст длины при ширине 10—20 сажен [20—40 м], но как все вообще береговые речки быстра, мелководна и камениста, так что совершенно негодна для плавания.

Её долина достигает 1—2 вёрст ширины, а по плодородию и красоте не уступает даже знаменитой в этом отношении Сучанской долине. По бокам она также обставлена довольно высокими крутыми горами, часто живописно сгруппированными и выдвигающими к реке голые каменные утёсы. Все эти горы покрыты лесами, в которых с удалением от берега моря начинают преобладать хвойные породы и в особенности ель.

Долина Тазуши в нижнем и среднем течении этой реки, т. е. верст на тридцать от её устья, населена довольно густо тазами и китайцами, из которых последние живут очень зажиточно. Фанзы тех и других расположены на расстоянии $\frac{1}{2}$ —1 версты между собой и общее число их насчитывается до 35. Впрочем, возделыванием земли занимаются только китайцы; тазы же, хотя и живут здесь оседло, но не знают земледелия, а исключительно занимаются охотой и соборным промыслом. Как обыкновенно, всех добытых соборей они отдают китайцам за продукты, забранные у них в течение года, и на Тазуши есть три-четыре манзы, которые ведут значительный торг соборями. Собирая этих соборей от тазов и других мелких торгашей манз, они продают их приезжающим китайским купцам или прямо от себя отправляют в Шанхай на больших лодках (джонках), а иногда даже и на вьючных лошадях. В Шанхае, по рассказам манз, эти соборы, и дурные и хорошие, идут гуртом по два мексиканских доллара¹ за штуку.

Наибольшее количество соборей у китайцев на Тазуши бывает в конце декабря, именно в то время, когда я пришёл сюда. Обыкновенно они продают их пачками по десяти штук, среди которых наполовину дурных. Такими пачками соборей отдают по три серебряных рубля² или по два доллара за штуку гуртом.

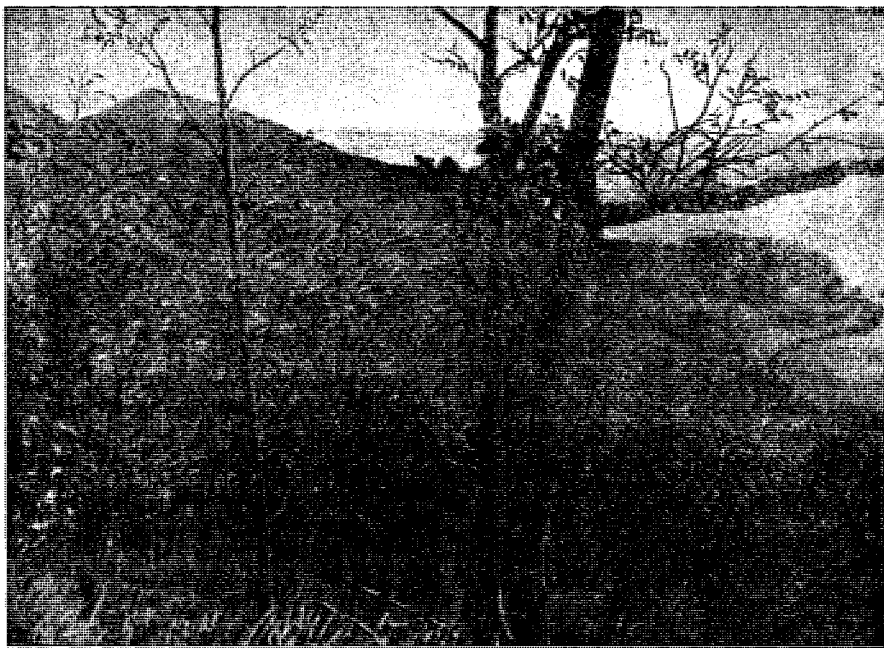
Во время моего пребывания на реке Тазуши там можно было купить, я думаю, тысяч до двух, если не более, соборей, имея только серебряную монету и большое терпение во время торговли с манзами. Обыкновенно они запрашивают вдвое против настоящей стоимости продаваемой вещи и потом долго не спускают цены, выжидая, каков покупатель и очень ли нужна ему эта вещь. В последнем случае упорно держатся своей цены и уступают, часто догоняя покупателя уже на дороге. Самое лучшее при всех подобных торговых сделках показывать вид, что вещь вовсе не нужна, а покупаешь её между прочим. Тогда манза живо спускает цену и, наконец, уступает за ту, которая ему назначена, но при этом непременно выторгует какой-нибудь прибавок, в роде куска сахара, мыла или огарка стеариновой свечки.

¹ Мексиканские доллары весьма уважаются манзами, которые считают каждый доллар в два рубля нашими кредитными билетами, а иногда даже и того более.

² Наши серебряные рубли китайцы, не знаю почему, называют талерами.

Притом же их навязчивость выводит из всякого терпения. Станешь ли пить чай или есть что-нибудь, все наличные манзы тотчас же обступят кругом, смотрят в самые глаза и беспрестанно просят то того, то другого, а иногда даже и сами берут, пока не припугнешь их как следует.

Каждая вещь интересует их, как малых детей, а стоит бывало только начать писать, чтобы возбудить всеобщее удивление, смех и горячие толки. Впрочем, изредка попадались и флегматические манзы, которые довольно равнодушно относились к свечам, спичкам и тому подобным мелочам, до крайности всех их интересующим.

Лес на побережье Тихого океана.

От крайней фанзы в верховьях реки Тазуши нам предстоял перевал через Сихотэ-Алинь в долину реки Лифудин. Здесь на протяжении восьмидесяти вёрст нет ни одного жилого места, и четыре дня, употреблённые на этот переход, были самые трудные из всей моей экспедиции. Как нарочно, сряду три ночи, которые пришлось тогда провести под открытым небом, выпали морозы в 23, 25 и в 27 градусов, а ночёвка на таком холоде, да при том ещё в снегу на два фута глубиной [60 см], чрезвычайно тяжела.

Собственно перевал через главную ось Сихотэ-Алиня, т. е. расстояние между истоками Тазуши и Лифудин, всего несколько вёрст. Подъём здесь весьма отлогий, и горы гораздо ниже тех, которые стоят на берегу моря при устье реки Тазуши.

Однако, несмотря на такую сравнительно малую высоту, Сихотэ-Алинь делает замечательную разницу относительно климата морского

побережья и тех местностей, которые лежат по западную сторону этого хребта. Переваливая с реки Тазуши на реку Лифудин, я мог хорошо это заметить. В береговой полосе от Сучана до самой реки Тазуши за исключением значительных горных вершин снег лежал только в лесистых падах и на северных склонах гор, но и здесь он был не более двух-трёх вершков. По долине реки Тазуши, вёрст за тридцать от её устья, почти вовсе не было снега, но, начиная с этого расстояния, он покрывал землю на 4—5 вершков [17—22 см] глубины. Чем далее в горы, тем снег делался больше, так что на перевале, который отстоит от берега моря вёрст на 60 или 65, он лежал уже более чем на фут [30 см].

Затем на западной стороне Сихотэ-Алиня, в верховьях реки Лифудин и далее вниз по этой реке снег имел везде два фута глубины, а ближе к Уссури увеличивался даже до трёх футов.

Сообразно изменению климата изменяется растительность по мере удаления от берега моря внутрь страны.

Обыкновенный характер растительности берегов на всём пройденном мною расстоянии, т. е. залива Посьета и по реке Тазуши, как я уже упоминал прежде, везде один и тот же — редкий дубовый лес, в котором только иногда, преимущественно в падах, попадаются другие лиственные деревья; подлесок состоит из различных кустарников с преобладанием дубняка, леспедецы и лещины.

По реке Тазуши, вёрст на двадцать от её устья, идут леса с таким же характером. Затем далее вверх начинают, сначала изредка, а потом все чаще и чаще попадаться хвойные деревья и, наконец, в верхнем течении реки, вёрст на пятьдесят от моря, уже окончательно растут хвойные леса, которые восходят на горы и затем спускаются на верхние части долины Лифудина. Впрочем, среди хвойных пород — кедра и ели — попадаются также липа, дуб, береза, ильм, и из них последний достигает громадных размеров. Все эти деревья теснятся здесь сплошной, непроницаемой стеной, и тайга делается в полном смысле дремучею.

Притом же, сколько можно было заметить, она имеет болотистый характер.

По выходе из последней фанзы на реке Тазуши мы в тот же день сделали перевал через главную ось Сихотэ-Алиня и спустились в верховья реки Лифудин. На самой высшей точке перевала стоит китайская капличка с изображением размалёванного божества.

Такие каплички ставятся манзами на всех перевалах даже через небольшие возвышенности и в достаточном количестве существуют в самых глухих местах Уссурийского края.

Хотя на имеющихся картах подобные каплички обозначаются громогласным названием кумирни, но они в сущности ничего более, как квадратные деревянные клетки вышиною около аршина. Бока их делаются глухими, и только с одной стороны находится отверстие перед которым на противоположной стороне наклеено изображение бога в образе китайца.

Перед таким изображением иногда стоит чугунный горшок и лежат различные приношения в виде мелких монет, ленточек, полотенец, кусочков красной материи и т. п.

Всякий проходящий мимо такой каплички манза непременно сядет возле неё, покурит трубку и выбьет пепел в чугунный горшок, делая,

таким образом, приношение, по пословице: «На тебе, боже, что мне негоже».

Здесь же, на перевале через Сихотэ-Алинь, я в первый раз видел японскую лиственницу (*Larix japonica*), которая изредка попадает в Зауссурийском крае и отличается от обыкновенной изогнутым стволом и курчавыми ветвями. Все нижние ветви этой лиственницы, под которою стоит капличка, были увешаны различными ленточками, пожертвованием одиноко сидящему здесь китайскому богу.

Первая ночь захватила нас на несколько вёрст ниже перевала в тайге, где даже не было воды. Однако нечего делать, надо было останавливаться ночевать. Прежде всего разгребли снег, который лежал везде на два фута [60 см] и развели костёр, чтобы сначала немного отогреться. Потом развьючили лошадей, которых отпускать кормиться было некуда (в тайге нет и клочка травы), поэтому я велел дать им ячменя и привязать на ночь к деревьям.

Холод был страшный (термометр показывал — 20° Р) и ещё счастье, что здесь в лесу не хватал нас ветер, который дул целый день, но не стих и к вечеру. За неимением воды мы натаяли сначала снегу, а потом сварили чай и ужин. Ни до одной железной вещи нельзя было дотронуться, чтобы не пристали к ней руки, а спина, не согреваемая костром, до того мёрзла, что часто приходилось поворачиваться задом к огню.

Около полуночи я улегся вместе со своим товарищем и собакою возле самого костра на нарубленных еловых ветках и велел закрыть нас сложенной палаткою. Скоро сон отогнал мрачные думы; но этот сон на морозе какой-то особенный, тяжелый и не успокаивающий человека. Беспреданно просыпаешься, потому что холод со стороны, противоположной костру, сильно напоминает, что спишь не в постели. От дыхания обыкновенно намерзают сосульки на усах и бороде и, часто, опять растаяв, мокрыми, страшно неприятными каплями катятся через рубашку на тело. Иногда снится родина и всё хорошее прошлое, но пробудишься... и мгновенно сладкие мечты уступают место не совсем-то приятной действительности...

На следующий день путь наш лежал большей частью по самой реке Лифудин, которая вскоре после истока имеет 15—20 сажен ширины. Дремучая тайга сопровождает всё верхнее течение этой реки и несёт дикий, первобытный характер. Сплошную стеной теснятся столетние деревья к самому берегу, на который часто выходят то справа, то слева высокие утёсы окрестных гор.

Редко эти утёсы стоят голыми: могучая растительность даже здесь не хочет оставить пустого места, и по ним, прицепившись в расщелинах своими корнями, растут ели, кедры и густой кустарник. Только уж слишком отвесные и нависшие над рекой утёсы лишены деревьев и отливают желтоватым или сероватым цветом от покрывающих камень лишаев.

Мёртвая тишина царит везде кругом, и только изредка слышится крик дятла или ореховки. Эти звуки и множество звериных следов напоминают путнику, что он не одинок в пустынной тайге...

Вообще в здешних лесах очень много всяких зверей и в особенности соболей, так что здесь главное место промысла для тазов, живущих на реках Тазуши и Лифудин.

Тигров также довольно, и я несколько раз видел, как рядом шли

следы этого зверя, жителя тропиков, и соболя, обитателя лесов крайнего севера. Тот и другой сходятся вместе в Уссурийской стране, представляющей такое замечательное смешение и северных и южных форм.

Другая и третья ночь были проведены так же, как и первая, на снегу и морозе, который не только не уменьшился, но даже ещё увеличился на несколько градусов. Только на четвёртые сутки, в самый день Рождества, добрались мы до фанзы, которую каждый из нас увидел с особенною радостью, зная, что в ней можно будет, по крайней мере, отдохнуть на тёплых нарах.

Дикий характер берегов Лифудина не изменяется до самого принятия слева реки, по которой идёт другая тропа из гавани Св. Ольги¹. Только отсюда долина его, расширяясь версты на полторы или на две, делается удобною для обработки, и по ней, так же как и по Тазуши, встречаются довольно часто фанзы китайцев и тазов.

Последние живут или отдельными семействами или большей частью вместе с манзами. Число фанз как тех, так и других в долине Лифудина простирается до 25.

Пробежав вёрст около семидесяти, если считать по прямому направлению, Лифудин сливается с рекою Сандогу, которая отсюда несёт уже название Ула-хэ, сохраняя его до впадения Дауби-хэ, откуда соединённая река принимает имя Уссури.

Таким образом, начало последней есть собственно Сандогу, истоки которой лежат в Сихотэ-Алине, верстах в семидесяти от берега Японского моря.

По долине этой еще малоизвестной реки также живут китайцы, занимающиеся земледелием. Что же касается до плавания, то Сандогу для этого решительно не годна по причине быстроты, мелей и наносного леса.

Вследствие тех же самых неудобств плавание не может производиться и по Ула-хэ, несмотря на то, что ширина этой реки простирается от 30 до 40 сажень [60—80 м]. Её долина, имеющая сначала версты три в поперечнике, значительно расширяется к устью Дауби-хэ и так же, как долина нижнего течения Лифудина, покрыта высокою травой, с редкими деревьями или небольшими рощами. Боковые горы этой долины гораздо ниже тех, которые сопровождают течение Лифудина. Притом же они имеют более мягкие очертания, так что утёсов и обрывистых скатов здесь вовсе нет. Наконец, от устья Лифудина опять начинают преобладать лиственные леса.

Китайцев также довольно много живёт по долине Ула-хэ, и первое поселение, встреченное мною здесь, была деревня *Нота-Хуза*, состоящая из пятнадцати фанз. Эти фанзы довольно большие и хорошо обстроенные, так что, судя по наружному виду, здешние китайцы живут зажиточно.

От деревни Нота-Хуза оставалось уже недалеко до устья реки Дауби-хэ, где расположена наша телеграфная станция и куда я всеми силами торопился поскорее добраться, рассчитывая притти накануне нового года. Однако в здешних местах, более чем где-либо, применима пословица «человек предполагает, а бог располагает», и метель, бывшая 30 декабря, до того занесла тропинку, что на следующий день к вечеру мы были еще за 25 верст от желанного места.

¹ У местных китайцев я не мог узнать, как называлась эта река.

И вот что писалось тогда в моём дневнике: «Незавидно пришлось мне встретить нынешний новый год в грязной фанзе, не имея никакой провизии, кроме нескольких фунтов проса, так как все мои запасы и даже сухари, взятые из гавани Св. Ольги, вышли уже несколько дней тому назад, а ружьём при глубоком снеге ничего не удалось добыть.

Теперь, когда я пишу эти строки, возле меня десятка полтора манз, которые обступили кругом и смотрят, как я пишу. Между собой они говорят, сколько можно понять, что, вероятно, я купец и записываю свои покупки или продажи.

Во многих местах вспомнят сегодня обо мне на родине и ни одно гадание, даже самое верное, не скажет, где я теперь нахожусь.

Сам же я только мысленно могу понестись к своим друзьям, родным и матери, которая десятки раз вспомнит сегодня о том, где её Николай.

Мир вам, мои добрые родные и друзья! Придёт время, когда мы опять повеселимся вместе в этот день! Сегодня же, через полчаса, окончив свой дневник, я поем каши из последнего проса и крепким сном засну в дымной, холодной фанзе...»

Целый следующий день тащились мы целиком по снегу и к вечеру добрались до телеграфной станции «Бельцовой», которая лежит на реке Дауби-хэ, в четырёх верстах выше её устья. Девятнадцать дней сряду шли мы сюда из гавани Св. Ольги и сделали около трёхсот вёрст. Во всё это время я даже ни разу не умывался, так что читатель может себе представить, насколько было приятно вымыться в бане и заснуть в тёплой комнате.

Река Дауби-хэ, которая в четырёх верстах ниже Бельцовой сливается с Ула-хэ и образует Уссури, вытекает из главного хребта Сихотэ-Алиня и, имея в общем направление от юга к северу, тянется на 250 вёрст.

Как и большая часть рек нашего Уссурийского края, Дауби-хэ характеризуется весьма малою глубиной во время засухи и быстрым разлитием после дождей. В это время вода прибывает в ней сажени на две против обыкновенного уровня, так что затопляет всю долину. Эта последняя имеет при устье реки не более трёх вёрст в поперечнике, но в среднем течении, где горы правого и левого берега отходят в стороны, достигает ширины от 5 до 10 вёрст. В нижних своих частях долина Дауби-хэ имеет болотистый характер, но в средних и верхних — луговой, так что представляла бы превосходные места для земледелия, если бы не подвергалась периодическим наводнениям, которые оставляют незатопляемыми только немногие и небольшие оазисы, где расположены большею частью китайские фанзы.

Однако, несмотря на всё это, по Дауби-хэ есть много мест, удобных для обработки и заселения на широких (2—4 версты) пологих скатах, которые идут от боковых гор к самой долине, в особенности на левой её стороне. Эти скаты покрыты редким лиственным лесом и, имея наклон в несколько градусов, вовсе не подвержены наводнениям, так что здесь именно должны заводить свои пашни будущие поселенцы.

Хотя при своём устье Дауби-хэ имеет сажень 70 ширины [150 м] и в обыкновенную воду не слишком быстрое течение, но всё-таки эта река неудобна для плавания пароходов по причине мелей. По долине её идёт телеграфная линия, которая, как я уже говорил во II главе, соединяет город Николаевск с Новгородскою гаванью. Кроме того,

здесь же пытались завести и почтовое сообщение, но оно вскоре прекратилось по причине крайне плохого состояния дороги, устроенной наскоро, в одно лето.

Миновав небольшую крестьянскую деревню *Романовку*¹, которая в то время лежала на берегу Уссури, верстах в тридцати ниже устья Дауби-хэ, мы прибыли 7 января в станицу Буссе, чем и кончилась зимняя экспедиция, продолжавшаяся почти три месяца, в течение которых я обошёл более тысячи вёрст².

Не узнал я теперь свои знакомые места на Уссури, по которой снег везде лежал на три фута [90 см] глубины и намело такие сугробы, какие можно видеть только на далёком севере. Вся могучая растительность здешних лесов и лугов покрылась этим снегом, как саваном, и в тех местах, где летом не было возможности пробраться по травянистым зарослям, теперь только кое-где торчали засохшие стебли. Даже виноград, переплетавшийся такую густою стеною, теперь казался чем-то вроде верёвок, безобразно обвившихся вокруг кустарников и деревьев. На островах реки густые, непроходимые заросли тальника смотрели довольно редкими, а луга, пестревшие летом однообразным цветом тростеполевицы, теперь белели, как снеговая тундра. Даже птиц почти совсем было не видно, кроме тетеревов, да изредка дятлов и синиц. Не найдут теперь себе пищи ни насекомоядные, ни зерноядные, ни голенастые, ни водные, и они все покинули страну, цепенеющую под холодным, снеговым покровом...

¹ В конце 1868 года жители деревни Романовки оставили это место, подверженное, как оказалось, затоплению, и переселились в деревню Никольскую, лежавшую на южной оконечности ханкайской степной полосы.

² С 16 октября 1867 года, т. е. со дня выхода из Новгородской гавани, по 7 января 1868 года — дня прихода в станицу Буссе, я сделал 1 070 вёрст, а именно: от Новгородского поста до Владивостока — 230 вёрст, от Владивостока до Сучана — 170 вёрст, от Сучана до гавани Св. Ольги — 270 вёрст и, наконец, от гавани Св. Ольги до станицы Буссе 400 вёрст.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ВЕСНА НА ОЗЕРЕ ХАНКА

Зимняя картина сунгачинских равнин.—Первые вестники весны: лебеди, бакланы, журавли.—Трудности весенней охоты.—Появление других видов птиц.—Япчский ибис.—Постоянные холода в марте.—Валовой пролёт уток.—Их баснословное обилие.—Вновь прибывающие птицы.—Гуси и их привычки.—Начало разливов.—Порядок дневного пролёта.—Охота на стойках.—Холода в начале апреля.—Вдруг тепло.—Появление многих птишек.—Весенний ход диких коз.—Оригинальная охота за ними. Второй период весенней жизни: гнёзда орланов, белых аистов, цапель и коллиц.—Травяные пожары — истребители утиных и других гнёзд.—Позднее вскрытие озера Ханка.—Его задерживающее влияние на развитие береговой растительности.—Бедность продолжающегося пролёта.—Великолепный летун.—Морозы в начале мая.—Теплота устанавливается.—Быстрое развитие растительной жизни.—Ход рыбы.—Последний прилёт птиц.

ушшими, незабвенными днями моего пребывания в Уссурийском крае были две весны — 1868 и 1869 годов, проведённые на озере Ханка при истоке из него реки Сунгачи.

Пустынное это место, где кроме нескольких домиков, именуемых пост № 4, на сотню вёрст, по радиусам во все стороны, нет жилья человеческого, предоставляло полное приволье для тех бесчисленных стай птиц, которые явились здесь, лишь только пахнуло первою весной. Никогда не тревожимые человеком, они жили каждая по-своему и представляли много интересного и оригинального, что я наперёд сознаю в неумении передать вполне всё то, чего был счастливым наблюдателем.

Но пытаясь набросать хотя слабый очерк всего виданного, я возьму предметом своего описания вторую весну, здесь проведённую, именно 1869 года, так как впечатления её полнее и свежее в моей памяти, тем более что общая картина оба раза была одинакова и разнообразилась только в немногих частностях.

...Уже конец февраля; было несколько хороших тёплых дней; по выжженным с осени местам кой-где показались проталины; но ещё

уныло безжизненно смотрят снежные берега озера Ханка и те громадные травянистые равнины, которые раскинулись по восточную его сторону. Даже Сунгача, не замерзающая при своём истоке целую зиму и теперь уже очистившаяся от льда вёрст на сто, и та безмолвно струит в снежных берегах свои мутные воды, по которым плывёт то небольшая льдинка, то обломок дерева, то пучок прошлогодней травы, принесённой ветром.

Мертвая тишина царит кругом, и только изредка покажется стая тетеревов, или раздаётся в береговых кустах стук дятла и писк болотной птицы, или, наконец, высоко в воздухе, сначала с громким и явственным, но потом всё более и более замирающим свистом пролетит несколько уток *гоголей* (*Anas clangula*) [*Bucephala clangula*], зимовавших на незамерзающих частях реки.

Неоглядные равнины, раскинувшись по обе стороны последней, отливают желтоватым цветом иссохшей прошлогодней травы, а по береговым заливам и озёрам, где летом во множестве цветет нелюбимья, теперь лежит лёд толщиной до трёх футов [90 см], и странно видеть, как заморожены в нём листья и цветочные стебли этого южного растения. Здесь же обыкновенно можно встретить небольшие стаи *снежных стренаток* (*Plectrophanes nivalis*) [лапландский подорожник — *Plectrophenas nivalis*] и даже *белую сову* (*Nyctea nivea*) [*N. scandiara*], которая зимою спускается из родных тундр севера до таких низких широт.

Присоедините ко всему этому несколько зверьков: енота, барсука, лисицу, ласку, хорька, и вы получите полное перечисление тех немногих животных видов, которые держатся зимой на сунгачинских равнинах.

Но вот наступает март, и хотя холода всё еще не уменьшаются, однако весна чувствуется уже недалеко. Как в первом, так и во втором году первыми вестниками её прилёта явились *лебеди кликуны* (*Cygnus musicus*) [*C. cygnus*] и своим громким, гармоническим звуком немного оживили безмолвие равнины. Затем появилась небольшая стая *бакланов* (*Phalacrocorax carbo*), которые, видимо, утомлённые перелётом, несколько времени вились над Сунгачею и, наконец, опустились на поверхность воды. С тех пор эти птицы постоянно держались на Сунгаче, и часто можно было слышать хриплые, похожие, на гоготанье, голоса, которые они издают как знак удовольствия, отдыхая целым обществом на низких ветвях берегового тальника или занимаясь рыбной ловлей.

В последней бакланы великие мастера, и, как известно, китайцы с давних времён употребляют их для подобной цели. Мне самому много раз случалось наблюдать, как долго может оставаться под водой нырнувший баклан, обыкновенно редко возвращающийся на поверхность без добычи. В случае, если пойманная им рыба велика, так что проглотить её довольно трудно, то ближайšie товарищи бросаются тотчас же отнимать добычу, начинается шум и драка, которая не всегда оканчивается в пользу правого.

Притом же иногда не даром обходится баклану и самая ловля. Случается, что проглоченная им касатка, во множестве водящаяся в Сунгаче и в озере Ханка, распускает свои колючки в горле птицы, которая не имеет возможности освободиться от такой грустной неожиданности и бывает задушена рыбой.

По своему поведению баклан весьма хитрая и осторожная птица.

При виде опасности он тотчас же погружается всем телом в воду, оставляя на поверхности только длинную шею и голову, которую вертит во все стороны и зорко следит за движениями своего неприятеля. От последнего спасается или быстрым нырянием или чаще улетает, тяжёло захлопав крыльями по воде, как лебедь, но потом летит скоро и сильно.

Валовой пролёт бакланов на озере Ханка начинается обыкновенно с половины марта и продолжается до конца этого месяца.

Тогда они являются по Сунгаче большими стадами, но для вывода молодых здесь остаются только очень немногие.

Вслед за первыми водяными птицами начали появляться и голенастые, несмотря на то, что холода продолжали стоять попрежнему и по болотам нигде еще не было оттаявших мест. В ожидании лучшего времени, которое обыкновенно наступает здесь только в конце марта, все эти, равно как другие птицы, держались по берегу Сунгачи.

Только здесь пролётные гости могли находить для себя пищу, хотя, вероятно, случалось, особенно при большом скоплении потребителей, что многие из них иногда подолгу постничали.

Самыми нетерпеливыми выскочками из голенастых, несмотря на всю свою флегматичность, оказались журавли, которых два вида: японский (даурский) и китайский (уссурийский), прилетели 3 и 4 марта.

Первый из этих журавлей родиной из Японии, по своим нравам очень схож с европейским малым журавлём (*Grus virgo*) и, подобно последнему, весной устраивает забавные пляски для развлечения и удовольствия своих любимых подруг. С такой похвальной целью общество этих журавлей, обыкновенно от трёх до пяти пар, живущих по соседству, выбирает среди болота сухое, гладкое место, позаботясь предварительно, чтобы оно находилось в почтительном расстоянии от всяких кустов, оврагов и тому подобных местностей, могущих скрывать врага.

Ранним утром и в особенности перед вечером журавли слетаются на такое условное место и, покричав здесь немного, принимаются за пляску. Для этого они образуют круг, внутри которого находится собственно арена, предназначенная для танцев. Сюда выходят один или два присутствующих, прыгают, кивают головой, приседают, подсакивают вверх, машут крыльями и вообще всякими манерами стараются показать свою ловкость и искусство. Остальные присутствующие в это время смотрят на них, но немного погодя сменяют усталых, которые в свою очередь делаются зрителями.

Такая пляска продолжается иногда часа два, пока, наконец, с наступлением сумерок утомлённые танцоры закричат хором во всё горло и разлетятся на ночь по своим владениям.

Независимо от общих танцев, самец этого вида, один из самых любезных кавалеров между своими длинноногими собратьями, не упускает ни одного случая выказать любезность перед самкою и, бродя с нею по болоту, часто делает самые смешные движения, между тем как его более положительная супруга занимается в это время проглатыванием пойманных лягушек.

Хотя в период весеннего пролёта японские журавли держатся в значительном количестве по сунгачинским равнинам и некоторые остаются здесь для вывода молодых, но этот вид предпочитает открытым местностям горные долины и в них охотнее гнездится.

В верхних частях Дауби-хэ, Лэфу и Сиян-хэ я видал часто этих журавлей. Обигая в таких тихих, уединенных долинах и никогда не тревожимые человеком, они становятся гораздо смелее и подпускают к себе довольно близко, что никогда не делают на открытых сунгачинских болотах.

Привязанность названных журавлей к своим детям и между собой очень велика. Так, однажды в долине Сиян-хэ я убил самку из пары, обитавшей недалеко от того места, где я жил несколько дней. Оставшийся самец долго летал вокруг меня, пока я не снес его убитую подругу; затем держался два дня возле того места, часто и громко крича, и, наконец, убедившись в бесплезности своих поисков, на третий день решил покинуть родину, в которой жил счастливо, может быть, несколько лет. Для этого он начал подниматься спиральными кругами вверх, как то обыкновенно делают осенью, перед отлётом, наши аисты, поднялся так высоко, что был замечен чёрной точкой, и затем полетел в направлении к озеру Ханка. Что будет делать он далее? Куда улетит? Найдёт ли себе другую подругу?

Прилетающий почти одновременно с японским журавлём другой его собрат — журавль китайский — есть самая большая птица здешних местностей, так как в стоячем положении он имеет до 5 футов [1,5 м] вышины, 7½ футов [2,3 м] в размахе крыльев и весит 23 фунта [9,2 кг]. Притом же он очень красив: весь снежно-белый, за исключением черной шеи и такого же цвета малых маховых и плечевых перьев; последние достигают больших размеров и образуют при сложенных крыльях объёмистый пучок, возвышающийся над хвостом и задней частью спины.

Вместе с тем этот журавль так осторожен, что не подпускает к себе на открытом месте даже на триста шагов, и убить его весьма мудрёная задача. Стрелять дробью, конечно, и думать нечего, так как эта птица очень крепка на рану, притом же никогда не даст подкрасться к себе на близкое расстояние, кроме самых редких исключений, так что для охоты надобно непременно употреблять штуцер.

Но для меткой стрельбы пулей, во-первых, необходим огромный навык, а во-вторых, даже и при таком условии далеко не всегда можно рассчитывать на успех при стрельбе с большой дистанции в сравнительно малую цель, какую представляет собою журавль.

Самое лучшее время для охоты за этими птицами бывает, как только они появятся и, за неимением растаявших мест на болотах, волей или неволей должны держаться по берегу Сунгачи, где к ним можно ещё иногда подкрасться из-за лозы и тростника на меткий штуцерный выстрел, т. е. шагов на полтораста.

Но охотничьи экскурсии по сунгачинским равнинам, в особенности в это время года, дело не лёгкое.

Уцелевшая от осенних пожаров сухая прошлогодняя трава, вышиною в три-четыре фута, притом же страшно густая и скрученная ветром, да ещё со снегом внизу, до того затрудняет ходьбу, что нужно пробираться вперёд с большими усилиями. Ноги беспрестанно запутываются, часто падаешь и вообще на одной версте умаешься очень сильно.

Но вот выдалась *паленина*, т. е. выжженное прошедшей осенью место, где снегу теперь совсем нет. Ну, думаешь, слава богу, можно будет идти удобнее, и оно действительно так, да не совсем.

Торчащие остатки сторевшей травы, вышиною около вершка, довольно толстые да притом обледенелые, до того дерут сапоги, что после двух-трёх дней на них уже являются дырки, сквозь которые иногда так уколешься тою же самой травой, что сделаешь невольный скачок.

Сунешься в кусты — там, и, боже упаси! Ветер, постоянно гуляющий по окрестным равнинам, сдувает сюда множество снега, так что даже и в малоснежную зиму, какова была нынешняя¹, образуются саженные сугробы, в которые, если привалишься, то еле-еле вылезешь и, верно, не пройдёшь даже одной сотни шагов.

Но вот после подобной прогулки в несколько вёрст заметишь, наконец, вдали пару красивых китайских журавлей, важно расхаживающих по берегу Сунгачи или стоящих неподвижно на льду залива, словно погружённых в глубокое философское раздумье.

По горькому опыту первоначальных хождений знал я, как трудно рассчитывать на оплошность этой птицы, и потому издалека начинал уже подкрадываться, прикрываясь кустами тальника или большей частью пользуясь высокой прошлогодней травой, по которой нужно двигаться ползком.

Подвинешься, бывало, таким образом сотню, другую шагов, выглянешь украдкой, журавли стоят попрежнему неподвижно, следовательно, ещё не заметили опасности, и с радостью ползёшь далее.

Ещё порядочный кусок остался позади, опять тихонько посмотришь, и попрежнему стоят журавли, так что надежда растёт все более и более.

Отдохнув немного, продолжаешь ползти, как вдруг раздаётся громкий отрывистый крик одного из пары — знак, что осторожные птицы заметили что-то недоброе.

Насторожившись и вытянув шею, смотрят они теперь в ту сторону, где несколько пошевелившихся от моего движения кустиков травы возбудили их подозрительное внимание.

Притаив дыхание, лежу я на земле, но что делать далее? Ползти ли вперёд или стрелять наудачу отсюда, несмотря на то, что до журавлей ещё более двухсот шагов?

С первых разов, когда я мало был знаком с нравами этой птицы, мой выбор обыкновенно склонялся на первое решение, но оно всегда приводило к неудачным результатам. Встревоженные журавли уже зорко продолжали смотреть в ту сторону, где чуяли опасность, и лишь только, обождав, я начинал ползти, как они, заметив снова шевелившуюся траву, тотчас же улетали и иногда очень далеко.

Впоследствии, убедившись в бесполезности первой меры, я всегда предпочитал в подобном случае стрелять на-авось, и, действительно, убил одного журавля шагов на двести, но это случилось только раз, а промахов делалось многое множество.

Грустно и обидно бывало видеть, как пуля взрывала снег, не долетая или перелетая через журавлей, и, таким образом, все трудности далёкого ползанья, иногда через весенние лужи, пропадали совершенно даром. Но зато, когда удавалось подкрадываться в меру меткого

¹ Количество снегу, выпадающего в ханкайском бассейне и вообще в Уссурийском крае, бывает из года в год далеко не одинаково. Таким образом, в 1867/68 году снег лежал здесь более чем на три фута (90 см) толщины, между тем в зиму 1868/69 года он имел всего 1—1½ фута (30—45 см). Впрочем, по рассказу туземцев, чаще бывают обильные снегом, нежели малоснежные зимы.

выстрела и пронизанный пулей журавль падал, как сноп, на землю, я радовался, как ребенок, и изо всех сил пускался бежать к дорогой добыче.

Тотчас по пролёте, который описываемые журавли совершают небольшими стайками от 4 до 12 экземпляров, они разбиваются на пары и держатся, как я уже говорил выше, по берегу Сунгачи, пока в конце марта не начнут таять болота. Тогда каждая пара выбирает себе определённую область, в которой выводит детей и живёт до осеннего отлёта.

Для вывода птенцов в ханкайском бассейне китайских журавлей остаётся немного менее, чем японских. Они предпочитают для этой цели совершенно открытые равнины, и потому никогда не попадают в узких горных долинах, в которых любят держаться японские журавли. Притом же они менее оказывают привязанности к детям, нежели эти последние, и хотя постоянно приводят охотника в отчаяние своей осторожностью, но все-таки служат лучшим украшением здешних обширных болот.

Вслед за первыми прилётными птицами, несмотря на постоянные холода, начинают показываться другие виды и не проходит дня, чтобы не появился какой-нибудь новый экземпляр, так что к 9 марта, т. е. ко дню, с которого собственно считается начало весны, в прилёте было уже 22 вида.

В том числе, кроме вышеописанных, находились: *орлан белохвостый* (*Haliaeetus albicilla*), появляющийся здесь ранее всех других птиц, еще с половины февраля; *сокол пустельга* (*Falco tinnunculus*) и *ястреб тетеревиатник* (*Astur palumbarius*) [*A. gentilis*], оба довольно редкие в здешних местах; *чёрный коршун* (*Milvus govinda*) [*M. korschun*], в большом числе гнездящийся в ханкайском бассейне. Утки: *кряква* (*Anas boschas*) [*A. platyrhynchos*], *косачка* (*A. falcata*), *шилохвость* (*A. acuta*), *чирик* [*чирик*] (*A. crecca*), *широконоска* (*A. clupeata*) и *моклок*, или *клоктун* (*A. glochitans*) [*A. formosa*]. За исключением двух последних видов, из которых широконоска остаётся здесь в малом количестве, а клоктун вовсе не остаётся для вывода птенцов, остальные четыре породы во множестве гнездятся в ханкайском бассейне. *Крохаль большой* (*Mergus merganser*), являющийся здесь только пролётом, хотя и в большом числе. *Белый аист* (*Ciconia alba*) [*C. ciconia*], также гнездящийся на Ханке. *Чибис* (*Vanellus cristatus*) [*V. vanellus*], который здесь, как и в Европе, с громким пискливым криком встречает каждое подозрительное существо, приближающееся к его владениям. *Стрелатки*: *тростниковая малая* (*Emberiza polaris*) [*E. pallasi*], *белоголовая* (*E. pythiornis*) [*E. leucorhynchus*] и *глухая* (*E. cyoides*) [*красноухая* — *E. cyoides*]. Два последних вида, как кажется, вовсе не гнездятся на Ханке. *Сорокопут* (*Lanius excubitor*) — очень редкий здесь даже во время пролёта, и *японский сныгирь* (*Uragus sanguinolentus*), в большом количестве гнездящийся в густых зарослях по берегам рек ханкайского бассейна.

Однако все эти птицы показались только в небольшом количестве — в одиночку, парами или небольшими стайками, словно передовые гонцы тех бесчисленных стад, которые должны были нагрянуть, лишь только погода сделается немного теплее.

Между тем в ожидании такого благополучного времени ещё появились: *белая* и *серая цапля* (*Ardea alba*, *A. cinerea*) [*Egretta alba*, *Ardea cinerea*], в большом числе гнездящиеся на Ханке, *чайка сизая* (*Larus calvus*) — одна из самых обыкновенных здесь птиц; *гусь боль-*

шой (*Anser grandis*) [сухонос — *Cygnopsis cygnoides*], всегда держащийся только небольшими обществами или отдельными парами, хотя и появляющийся весной в значительном числе; *улит*, или *лозник* (*Totanus fuscus*), являющийся на Ханке, и то в небольшом числе, только во время пролёта; *нырец* (*Podiceps subcristatus*) [*P. griseigena*], гнездящийся на всех здешних болотистых озёрах; *дрозд Наумана* (*Turdus naumanni*), растягивающий свой пролёт до начала мая, но для вывода молодых здесь не остающийся; *стрнатка деревенская* (*Emberiza arustca*) [овсянка ремез — *Emberiza rustica*]; *жаворонок полевой* (*Alauda arvensis*), в большом числе гнездящийся в степной полосе ханкайского бассейна. Наконец, 13 марта появилась самая значительная и редкая птица здешних стран — *японский ибис* (*Ibis Nipon*) [красноногий ибис — *Nipponia nippon*].

Родной брат знаменитой священной птицы древних египтян, этот ибис чрезвычайно красив. Достигая в размерах крыльев до 4 футов [120 см], он имеет спину, верхнюю часть шеи и хохол пепельно-голубого цвета, низ тела бледнорозового, а крылья огненнокрасные; передняя голая часть головы и ноги кирпично-красные, длинный же согнутый клюв чёрный с ржавчинно-красным концом.

Появление этого ибиса на озере Ханка в такую раннюю весеннюю пору, когда все болота и озёра ещё закованы льдом, а термометр по ночам падает до — 13° Р, составляет весьма замечательный факт в орнитологической географии.

Даже странно сказать, что в то время, когда эта южная птица прилетает на снежные сунгучинские равнины, вместе с нею, ещё в продолжение почти целого месяца, живёт здесь белая сова, гнездящаяся, как известно, на тундрах крайнего севера.

Я сам онемел от удивления, когда однажды выстрелом, направленным в пролетавшего мимо меня ибиса, вспугнул эту сову и пустил в неё другой заряд своего двухствольного ружья.

Подобно всем прочим водным и голенастым, ибисы с прилёта до тех пор, пока не начнут таять болота, держатся на берегу Сунгачи, обыкновенно в сообществе других птиц, всего чаще белых и серых цапель, на чуткость и осторожность которых могут вполне положиться. Притом же они сами по себе очень осторожны, так что если я и представлял охоту за белыми журавлями как одну из самых трудных, то теперь должен сказать, что охота за ибисами несколько не уступает ей в этом отношении.

Прежде всего нужно заметить, что стрельба пулями в такую небольшую птицу, как ибис, не может быть годною; поэтому волей или неволей нужно употреблять дробовик, из которого выстрел действителен, конечно, только на близком расстоянии.

Но попробуйте-ка подкрасться к ибису на такую меру, в то время когда два-три их экземпляра сидят на берегу оттаявшего залива в сообществе целой сотни серых и белых цапель, не один раз приводивших меня в отчаяние своим лукавством и осторожностью.

Ведь, кажется, ползешь, бывало, по такой густой и высокой траве, что сам черт не углядит; нет, смотришь, не приблизился еще и на сотню шагов, как тебя уже заметили эти длинноногие дьяволы, взлетели и вместе с ибисом отправились на другое место.

Идешь за ним туда, опять ползешь и опять повторяется та же самая история.

Иногда же случалось таким образом, что, подкравшись шагов на полтараста, вдруг встречаешь гладкий лёд широкого залива, на противоположном конце которого ходят ибисы в сообществе своих друзей цапель, часто же и других знакомых: журавлей, бакланов, гусей, уток и прочей пернатой братии. В подобных случаях уже нечего и думать о дальнейшем подкрадывании, так что, лёжа на окраине травы и любуясь на всё это общество в бинокль, я, как нельзя более, олицетворял собой басню о лисице, пришедшей за виноградом.

Однако после многих неудачных хождений мне удалось, наконец, убить двух ибисов; кроме того, одного убил мой товарищ и ещё двух случайно, во время сильной метели, застрелили казаки, так что я имею в своей коллекции пять экземпляров этих прекрасных птиц. Такое число добытых ибисов очень удачно, так как они здесь вообще редки и на нижней Сунгаче держалось никак не более двух-трёх десятков даже во время весеннего пролёта.

С конца марта, когда начнут таять болота, ибисы откочёвывают на них, но вскоре удаляются отсюда и размещаются для вывода молодых по небольшим роцам, рассыпанным, подобно островам, среди здешних недоступных болот.

Здесь они устраивают свои гнёзда на деревьях, и хотя мне самому ни разу не удалось найти такого гнезда, но местные казаки и китайцы уверяли, что прежде им случалось доставать молодых, которых они употребляли для еды.

Голос ибиса весьма неблагозвучен и очень похож на карканье вороны, только несколько громче и грубее. Такой крик он издаёт часто как на лету, так и сидя на земле, но в особенности сильно кричит, будучи подстрелен.

После вывода молодых ибисы скитаются небольшими партиями, вероятно, выводками, по берегам озёр, преимущественно же тихих, уединённых рек и проводят таким образом целое лето до времени осеннего отлёта.

Появление японского ибиса служило как бы сигналом к началу валового пролёта других птиц; в тот же самый день, т. е. 13 марта, несмотря на сильную метель, продолжавшуюся всю ночь и днём до полудня, показались большие стада уток клоктунов. Низко, почти над самую землёю, неслись они с юга и затем, встретив Сунгачу, направлялись вверх по ней на полынью, которая стоит целую зиму при истоке этой реки из озера Ханка. Поплавав здесь немного, клоктуны усаживались на льду для отдыха. Затем каждое вновь прилетевшее стадо присоединялось к прежнему, так что вскоре образовалась стая приблизительно около трёх тысяч штук.

Посидев несколько часов, вся эта живая громада поднялась с шумом, напоминая бурю, и на лету то свертывалась в одну сплошную кучу, то вытягивалась фронтом в линию, то, наконец, летела углом, или разбивалась на другие меньшие стаи, которые вскоре опять соединялись с общей массой.

С этих пор в течение всего марта клоктуны держались по Сунгаче такими огромными стадами, что однажды с одного выстрела я убил 14 штук, а по пяти и семи экземпляров за один раз случалось убивать довольно часто.

Присутствие этих уток всегда можно было слышать ещё издали по непрерывному крику, который издают самцы и который совершенно

похож на слог: кло, кло, кло, отчего, конечно, произошло и русское название этой птицы.

Однако, несмотря на начавшийся 13 марта валовой пролёт клоктунов и серых цапель, постоянные, нисколько не уменьшавшиеся холода опять задержали на целую неделю появление в больших массах других пород птиц, хотя небольшие партии продолжали лететь попрежнему. Вообще весна на озере Ханка, и в особенности март, характеризуются постоянными и сильными холодами, которых, повидимому, никак нельзя ожидать при таком южном положении этого края.

Между тем здесь в иную зиму снег выпадает на три фута [90 см] толщины, и первые разливы показываются только в последних числах марта. Даже в апреле случаются, и довольно часто, снежные метели, а термометр minimum в нынешнюю весну из 30 дней этого месяца 23 раза падал по ночам ниже нуля.

В X главе при более подробном обзоре здешнего климата я укажу и на другие факты, свидетельствующие об его неожиданной суровости; теперь же скажу, что хотя погода весной на Ханке стоит большей частью ясная, но зато постоянно ветреная, а эти-то ветры и усиливают собою холод, так что термометр иногда разом падает на два-три градуса, лишь только поднимается ветер после кратковременного затишья.

Такое постоянное господство ветров, между которыми преобладают юго-западные, можно отчасти объяснить обширностью равнинной формы поверхности, где малейшее нарушение равновесия в атмосфере вызывает ветер, беспрепятственно дующий в любом направлении.

Действительно, за исключением ночей затишья бывают здесь очень непродолжительны. Притом же ветер часто начинается вдруг порывами и дует иногда суток по двое сряду в одном направлении.

В период с 13 по 20 марта, т. е. до того времени, с которого начался настоящий валовой пролёт уток и других птиц, появлялись вновь: крохаль луток (*Mergus albellus*) огромными стаями; чайка обыкновенная (*Larus ridibundus*), во множестве гнездящаяся на Ханке; даурская галка (*Corvus monedula daurica*), гнездящаяся здесь в достаточном количестве; лунь (*Circus sp.?*); пискливый малый гусь (*Anser minutus*) [пискулька — *A. erythropus*]; утка чернеть (*Anas fuligula*) [чернеть хохлатая — *Nyroca fuligula*]; утка свищ [утка свиязь] (*A. penelope*) и чирок полевой [чирок трескунок] (*A. querquedula*). Последние два вида уток выводят молодых в значительном количестве в ханкайском бассейне, но первый вовсе не гнездится.

Вместе с тем начался настоящий валовой пролёт уток, которые, за исключением клоктунов, появлялись до сих пор только отдельными небольшими стайками. Но теперь стадо за стадом, сотня за сотней, целые тысячи несутся к северу, останавливаясь для отдыха и продовольствия на Сунгаче, которая в буквальном смысле кишит и голенастыми птицами. День и ночь стоит здесь настоящий кагал от всевозможного крика, свиста и писка, среди которого нельзя разобрать отдельные голоса.

Такое обилие всяких птиц привлекло сюда и различных хищников, которые потихоньку поживляются от общего пира.

Белохвостые орланы везде сидят то парами, то в одиночку на высоких ивах, стоящих где-то по берегу реки, и терпеливо ждут какой-нибудь усталой или подстреленной утки. Не один раз этот хищник уносил у меня подбитых птиц, падавших на противоположную сторону

реки, но зато и не один из них поплатился жизнью за своё нахальное воровство.

Ястреб тетеревятник, как хитрый разбойник, шныряет по кустам и ловит оплошных птиц. Сокол сапсан бьёт сверху летящее стадо уток и заставляет его мигом броситься на воду, чтобы там искать спасения от своего страшного врага.

Чёрный коршун парит широкими кругами в вышине и зорко высматривает для себя какую-нибудь добычу, часто остаток от обеда орла, ястреба или сокола. Даже сороки вместе с воронами и те держатся по берегу Сунгачи, поживляясь иногда чем бог послал.

Каждодневные охотничьи экскурсии делаются теперь баснословно удачны, так как уток можно настрелять сколько угодно, хотя притом очень много пропадает подстреленных и убитых, падающих на противоположную сторону и на середину реки. Моя лягавая собака, слазив раза два-три в воду, часто при морозе в несколько градусов, обыкновенно окончательно мёрзла после такого купанья, стучала зубами и не хотела итти вновь; да я и сам посылал её только за особенно редким или красивым экземпляром. Не было никакой надобности гоняться за всякой убитой уткой, когда в несколько минут можно было настрелять ещё целый десяток.

Иногда за одну охоту я убивал 30—40 штук и вообще всю весну продовольствовал как себя с товарищем, так равно двух своих солдат почти исключительно гусями да утками.

Обилие последних до того было велико, что они не только попадались на каждом шагу по реке, но даже беспрестанно садились, пока не начали таять болота, на лужи возле домика, в котором я жил.

Бывало, препарируя какую-нибудь птицу или занятый писанием своих заметок, я постоянно держал возле себя ружьё и стрелял садившихся на луже уток из разбитого окна комнаты, в которой жил; между тем как казаки, находившиеся на посту, делали то же самое из окна и сеней своей казармы, употребляя, за неимением дрови, крупную соль.

В то же время, не довольствуясь дневными охотами, я устроил на полынье озера засадки, в которые отправлялся вместе с товарищем за полчаса или час до рассвета. Ещё с вечера обыкновенно собирались сюда огромнейшие стада уток, проводили ночь жируя и утром, с восходом солнца, летели на Сунгачу. Этих-то уток и стреляли мы на рассвете, когда они целыми кучами подплывали к нашим шалашам.

Конечно, не было никакой особенной надобности в подобных ночных охотах, так как уток и днём можно было настрелять сколько угодно, но здесь уже действовала охотничья жадность, ради которой я часто не знал даже, что делать с целой кучей набитых птиц.

Возвратясь с восходом солнца из засадки домой, мы пили чай, завтракали и тотчас же отправлялись на охоту вниз по Сунгаче. Часто, кроме одного двухствольного ружья, я брал с собой ещё штуцер для стрельбы крупных и осторожных птиц, и хотя очень накладно было носить одно ружьё в руках, а другое за спиной, но зато я мог стрелять всех и каждого, не заботясь о расстоянии.

Лишь только мы выходили из дома, как тотчас же начиналась стрельба и охота, об удаче которой в это время года нечего здесь и спрашивать. На каждой луже, на каждом шагу по берегу реки — везде встречаются стада уток, гусей, крахалей, бакланов, белых и серых

цапель, реже лебеди, журавли и ибисы. Всё это сидит, плавает, летает и очень мало заботится о присутствии охотника.

Выстрел за выстрелом гремит по реке, но ближайšie спугнутые стада тотчас же заменяются новыми, между тем как ещё целые массы, не останавливаясь, несутся к северу, так что в хорошее утро слышен в воздухе только неумолкаемый крик на разные голоса и свист крыльев. Иногда среди этого хаоса вдруг раздаётся шум наподобие бури и, быстро оглянувшись кверху, видишь, как целое стадо уток, в несколько сот экземпляров, летевшее высоко, но вздумавшее присесть на Сунгачу, бросается, словно падающий камень, из-под облаков на поверхность воды.

Идя по берегу и беспрестанно стреляя то в лёт, то в сидящих, мы с товарищем скоро набивали порядочное количество, и для того чтобы не таскать убитых понапрасну взад и вперёд, обыкновенно оставляли их где-нибудь в заметном месте и брали уже на возвратном пути.

Однако, оставляя таким образом застреленных птиц, необходимо хорошенько их прятать, потому что в противном случае вороны, сороки, коршуны и белохвостые орланы не преминут в отсутствие охотника воспользоваться его добычей, что случалось и со мной с первых разов, когда я не был ещё достаточно знаком с воровскими наклонностями этих птиц.

Нужно непременно или закопать убитых в снег, но притом довольно глубоко, или привязать верёвкой к суку дерева так, чтобы они висели свободно. Вероятно, подозревая в таком случае ловушку, ни один из хищников не дотронется до оставленных птиц, хотя кругом их обсыдут на деревьях целые десятки ворон и сладко поглядывают на лакомую добычу.

В полдень, а часто и далеко позднее, возвращались мы с охоты, обедали и затем принимались препарировать лучшие или редкие экземпляры из нашей утренней добычи.

Удостоенные такой чести, птицы ещё на охоте завёртывались в бумагу или тряпку, чтобы не помять и не испачкать перьев, а затем носились с осторожностью, отдельно от прочих своих собратий, предназначенных собственно для еды.

Возня с набивкою чучел продолжалась обыкновенно часов до 5 вечера, после чего мы отправлялись снова где-нибудь поблизости стрелять и наблюдать, нет ли вновь появившихся птиц. Затем с наступлением темноты возвращались домой, и я принимался писать заметки обо всём виденном в течение дня. Эта работа оканчивалась часам к девяти или десяти вечера, после чего, уже сильно утомлённые, мы ложились спать и тотчас же засыпали самым богатырским сном.

Вместе с началом пролёта уток, который с каждым днём усиливался всё более и более, за исключением тех случаев, когда шёл снег или дул сильный ветер, в последние десять дней марта вновь прилетели следующие виды: *белый журавль*, или *стерх* (*Grus leucogeganus*), которого гармонический, похожий на музыкальные звуки крик всегда заставлял меня останавливаться и слушать его подолгу; *колпица* (*Platalea leucordia*) — осторожная, но добрая и безобидная птица; *лунь полевой* (*Circus cyaneus*); *черный аист* (*Cygnus nigra*), не гнездящийся в бассейне Ханка, но являющийся здесь вновь в конце лета уже с молодыми; *австралийский крошней* (*Numenius*

australis) [дальневосточный большой коршун — *N. arquata madagascariensis*), которого звонкий свист с этих пор слышался постоянно на Сунгаче и окрестных болотах; *выпь*, или *водяной бык* (*Botaurus stellaris*), тотчас же заявивший о своём появлении далеко не гармоническим буканьем; *хохлатый нырец*, или *чомга* (*Podiceps cristatus*), голос которой, похожий на ржание жеребёнка, раздавался с этих пор особенно часто утренней и вечерней зарёй, а также перед ненастьем; *белолобый гусь* (*Anser albifrons*); *серый гусь* (*Anser cinereus*) [*A. anser*]; *гусь-лебедь* (*Anser cygnoides*); *перепел* (*Perdix muta* [немой перепел — *Coturnix coturnix japonica*]); наконец, запоздавшая в нынешнем году великолепно красивая *китайская* или *мандаринская утка* (*Anas galericulata*) [*Aix galericulata*]. Затем появилось несколько пород пташек; *серый скворец* (*Sturnus cineraceus*) [*Spodiopsar cineraceus*]; *белая плисица* [трясогузка] (*Motacilla alba* var. *paradoxa*) [*M. a. leucopsis*], *удод* (*Urua erops*); *Ruticilla aurea* [*Phoenicurus aureus* — горихвостка], *королек* (*Troglodytes fumigatus*)¹, *стрелатка тростниковая большая* (*Emberiza pyrrhuloides*)² и *вьюрок настоящий* [юрок] (*Fringilla montifringilla*).

В то же время начался валовой пролёт больших и малых гусей, белых цапель, жаворонков и лебедей кликунов. Последние, впрочем, продолжали лететь понемногу весь март, и хотя в конце этого месяца показались в количестве, большем против прежнего, но всё-таки были не особенно многочисленны.

Между пятью породами гусей, замеченными мною на озере Ханка, а именно: *гусь большой* (*Anser grandis*) [сухонос — *Cygnopsis cygnoides*], *гусь белолобый* (*A. albifrons*), *гусь серый* (*A. cinereus*) [*A. anser*], *гусь малый* (*A. minutus*) и *гусь-лебедь* (*A. cygnoides*)³ — решительно преобладали во время весеннего пролёта два последних вида, хотя и прочие, в особенности гусь большой и гусь белолобый, появились также в весьма значительном количестве.

Валовой пролёт малых гусей, известных здесь под именем *казарок*, начался в конце марта, т. е. недели две спустя после того, как стали появляться стаи. Затем гуси эти держались сначала по нерастающему льду заливов или по болотам, которые начали расходиться в конце марта, а потом, с апреля, по палининам, т. е. выжженным прошедшего осенью местам, где всего скорее начинают появляться молодые ростки травы, доставляющие им любимую пищу.

На этих палининах малые гуси собирались стадами иногда в несколько тысяч, и хотя сами по себе они довольно смирны, но при таком количестве были весьма осторожны и не подпускали даже на пятьсот шагов.

Стоит, бывало, только одному из них или нескольким подняться и закричать своим пискливым голосом, как тотчас же взбудоражутся все остальные, заорут во всё горло и поднимут такой шум, что не только утки, но даже всё пернатое население болота — кулики, чибисы, цапли и пр., встревоженные этим кагалом, улетали прочь, думая, что опасность бог знает какая.

Однако весьма часто случалось, что излишняя суматоха была причиной гибели нескольких гусей.

¹ Повидимому, крапивник — *Troglodytes troglodytes*. — *Ред.*

² Такая в Уссурийском крае не водится, надо — *Emb. schoeniclus*. — *Ред.*

³ Вероятно, сухонос — *Cygnopsis cygnoides*. — *Ред.*

Лишь только закричит и поднимется ближайшее стадо, я тотчас же прячусь вместе со своей собакой в сухую прошлогоднюю траву и жду, что будет далее.

Как обыкновенно, начинается полная суматоха; кричат и поднимаются целые тысячи гусей, из которых одни летят вперёд, другие вправо или влево, а третьи даже назад, не видя меня и не зная, откуда опасность. Этим-то последним и нужно. Притаив дыхание, лежу я в траве и с замирающим сердцем страстного охотника вижу, как большое стадо низко и плавно летит прямо ко мне.

Вот оно всё ближе и ближе, наконец, не далее, как на сто шагов... Как бы не заметили, думаю я, и ещё плотнее прижимаюсь к земле — но это опасение напрасно. Мой охотничий сюртук, сделавшийся от подобных упражнений, такого же цвета, как засохшая трава с грязью, не выдаёт меня, и начинающее уже успокаиваться стадо беззаботно налетает иногда шагов на пятнадцать или на двадцать.

В одно мгновение вскакиваю я теперь с земли, и нужно видеть, что делается с гусями, поражёнными такой неожиданностью. Как будто по команде, всё стадо вскрикивает громким, отчаянным голосом и вертикально бросается кверху, но уже гремит меткий выстрел, потом другой и один или два, а иногда даже три гуся падают на землю.

Затем я не иду поднимать убитых, даже отзываю бросившуюся на них собаку, но опять ложусь в траву и как можно скорее заряжаю ружьё, чтобы вновь стрелять с этого же самого места.

Действительно, гул выстрелов пугает сидящих вдали гусей и уток, и вот с обычным криком летят ко мне новые стада. Одно из них пролетает левее, другое правее, но которое-нибудь угодит прямо через голову, так что опять раздаются выстрелы и опять падают гуся, но иногда, впрочем, и не падают от промахов.

Таким образом мне удавалось стрелять 6—8 раз с одного места и убивать несколько гусей, которые, нужно заметить, все вообще весьма крепки на рану, так что часто улетают очень далеко, будучи даже смертельно ранены.

Валовой пролёт этих гусей происходил всю первую половину апреля, после чего их стало гораздо меньше. Но остаются ли малые гуся на Ханке для вывода молодых или улетают для этого далее к северу, не могу сказать утвердительно, так как во время лёта я не находил здесь ни молодых, ни даже старых этого вида. Всего вероятнее, что они, так же как утки клоктуны, хотя и являются в ханкайском бассейне во время весеннего пролёта в огромном количестве, но для вывода молодых улетают далее на север.

Другой, преобладающий на Ханке по своему количеству вид гуся есть гусь-лебедь, появившийся в конце марта и совершавший свой валовой пролёт в первые дни апреля.

Этот гусь, по своей величине приближающийся к большому гусю, смелее, как кажется, всех прочих своих собратий и, будучи в паре или в одиночку, подпускает иногда к себе, даже на открытом месте, в меру выстрела дробью, т. е. шагов на семьдесят или на восемьдесят. Притом же он крайне любопытен, так что, заметив присевшего в траву человека и в особенности собаку, непременно свернёт с направления, по которому летел, и с криком облетит раза два вокруг предмета, возбудившего его внимание, держась, впрочем, в почтительном расстоянии, т. е. вне выстрела.

Голос этого вида похож на крик обыкновенного серого гуся, но только какой-то силльй, так что его всего можно сразу отличить, даже издали.

По количеству остающихся здесь для вывода молодых гусь-лебедь составляют преобладающий вид, и я часто находил его выводки в июне по озерам болотистой долины Лэфу, впадающей в южную оконечность озера Ханка.

С приближением апреля весна начала, наконец, сильнее вступать в свои права, и несколько тёплых дней, бывших в конце марта, окончательно распустили болота, на которых везде показались разливы. Сюда откочевали теперь все водные и голенастые птицы, так что по Сунгаче держится их очень немного и охота там кончилась. Зато везде на болотах стоит пир горой, и тысячи самых разнообразных голосов оживляют еще так недавно совершенно безмолвные равнины.

Громкий крик журавлей, криканье уток, гоготанье гусей, свист куликов, песнь жаворонков, токанье тетеревов, писк чибисов, — всё это сливается в один общий, неясный шум, свидетельствующий о полном разгаре и приволье здешней весенней жизни.

Между тем валовой пролёт уток и гусей, к которым теперь присоединились *лебеди-шипуны* (*Cygnus olor*), кроншнепы и большие крохали, усиливался с каждым днём, но особенно был велик в первых числах апреля.

Обыкновенно такой лёт начинается с восходом солнца, всего сильнее бывает с 6—8 часов утра, а затем уменьшается и, наконец, вовсе прекращается около 11 часов дня. В это время пролётные стада садятся отдыхать, где попало: на льду озера, на лужах, разливах, выжженных местах, словом, везде и всюду.

Однако, несмотря на всю усталость, эти стада не дремлют и ни в каком случае не прозевают опасности. Редко, редко, разве как-нибудь из сухой высокой травы, можно подкрасться, в особенности к большому стаду гусей, и счастливый выстрел вознаграждает тогда за трудности хождения по весенним разливам и ползанье по густой траве.

Но вот солнце спускается к западу, и часов с четырёх пополудни снова начинается лёт, который продолжается уже до поздних сумерок. Тогда утомлённые путники рассыпаются по речкам и разливам, проводя там ночь, а утром снова пускаются в путь, спеша без оглядки к обетованным местам, в которых будут выводить детей.

Так правильно происходит пролёт в тёплые и не слишком ветреные дни. Если же погода холодная и в особенности если при этом дует сильный ветер, то лёта почти вовсе не бывает, разве изредка пронесётся кое-где небольшое, чересчур нетерпеливое стадо.

В хорошие ясные дни и в особенности ранним утром вся птица летит по большей части вне выстрела, средним числом от 100 до 200 шагов над землёй, редко выше.

Но зато по вечерам и в пасмурные дни пролёт бывает очень низкий, так что гуси, утки и даже лебеди летят почти по самой земле, и в такое-то именно время я великолепно охотился на стойках.

Одним из самых лучших мест для подобной охоты был близкий к моему жилищу берег озера Ханка, через который напрямик никогда не летят пролётные птицы, но, следуя, направлению этого берега (с юга на север), движутся вдоль его.

Так как здесь везде растёт высокий тальник с тростником, то мо-

жно удобно сделать какую угодно засадку, в которую, бывало, и спрячешься, принеся с собой целую сотню зарядов, приготовленных заранее дома.

Начинается лёт... Стадо за стадом несётся то справа, то слева, то высоко через голову, так что целые сотни и тысячи чуть не каждую минуту уходят к северу, а число летящих не уменьшается, но всё более и более возрастает.

Приближение каждой партии слышно еще издали, так как птицы не летят молча, но беспрестанно кричат, каждая по-своему. И каких не услышишь тут голосов: то крикает утка кряква, то кыркает шилохвость, то свистит косачка, то хрипло пищит чирок, то гогочут самцы больших гусей, ободряя или усталых или давая знать, что нет никакой опасности, или просто от скуки.

Ко всему этому присоединяется изредка унылый, монотонный крик лебеда-шипунa или громкий гармонический голос его собрата лебеда-кликуна, услышав который всегда невольно заслушаешься.

Но вот опять загоготали впереди гуси... Высматриваешь осторожно из засадки и видишь, как целое их стадо низко и прямо летит на то место, где стоишь.

Только страстный охотник поймёт то волнение, которое всегда овладевало мной в подобную минуту. Притаив дух и совершенно изготовившись, жду я, пока гуси не налетят на самую голову. Громким криком даёт тогда знать об опасности первый заметивший меня гусь, но раз за разом раздаются два выстрела и убитые тяжело падают на землю, а остальное стадо опрометью бросается вверх и с неумолкаемым тревожным криком летит далее.

Собака бросается и хватается убитых; сам же я тем временем спешу зарядить ружьё, чтобы не пропустить вновь налетающих птиц.

Гром выстрелов нисколько не смущает другие стада, и вот через несколько минут вновь налетают утки или гуси, вновь раздаются выстрелы и вновь падают убитые на землю. Так стоишь, бывало, беспрестанно стреляя, часа три-четыре и набьёшь целую кучу.

Между тем заходит солнце, наступают сумерки, а лёт всё ещё не прекращается, но уже не видно летящих, а только по свисту крыльев и голосам можно узнать, какие именно летят птицы.

Такие охоты на стойках представляют, кроме собственного интереса, ещё превосходный случай для наблюдений.

Из тихой засадки видишь лицом к лицу жизнь пернатых обитателей, полную интереса и оригинальности.

Тут разгорячённый селезень увивается около своей самки, которая сначала представляется довольно равнодушной к его объяснениям, но потом, подчиняясь всемогущему голосу природы, сама увлекается страстью. То видишь, как сокол сапсан бросается на летящее стадо уток и хватается одну из них. Громкий предсмертный крик бедной жертвы не спасает её от когтей хищника, который спускается тотчас же на землю и начинает терзать свою добычу. Лишь только приметят такой обед вороны — эти воры и попрошайки, — тотчас же начнут слетаться со всех сторон, обсядут кругом занятого едой сокола и ждут, пока он, наевшись, улетит, оставя им подачку.

Осторожный, хитрый лунь тихо и плавно носится над самой землёй, часто бросаясь в траву, чтобы схватить замеченную мышь. Вот он, не подозревая присутствия человека, подлетает всё ближе, пока выстрел

не уложит его на месте или в случае промаха не заставит опрометью броситься в сторону.

Однако такой огромный валовой пролёт уток и гусей продолжался недолго. Он окончился 8 апреля, хотя после того, до начала мая почти ежедневно летели изредка на север небольшие, вероятно, запоздавшие стада.

Вместе с тем наступавший апрель принёс с собой не особенно много тепла, и хотя уже с последних чисел марта везде показались разливы, но весна подвигалась вперёд вообще довольно туго. Лёд на Ханке еще нисколько не тронулся, так что по нему можно было совершенно безопасно ходить, а на берегу озера, куда зимой надувает огромные сугробы, во многих местах лежали их остатки толщиной в три фута¹.

Вообще нынешняя весна была не лучше прошлогодней, которая хотя также не отличалась особенным теплом, но зато я видел тогда 1 апреля распускавшийся цветок *адониса* (*Adonis amurensis*) и первую порхающую бабочку, тогда как в настоящем году цветы на ивах показались 7 апреля.

Даже снежные стренатки или, как их называют, подорожники улетели на север с берегов Ханки только 24 марта, а ещё 7 апреля, правда, уже в последний раз, я видел здесь белую сову, эту питомицу холодов и метелей севера.

Но зато, так же как и в прошедшем году, здешний климат вскоре вполне заявил свой континентальный характер, и после 10 апреля вдруг наступили тёплые, даже очень тёплые дни, хотя по ночам термометр всё-таки продолжал падать на несколько градусов ниже точки замерзания.

После нескольких тёплых дней на Ханке показались забереги, а по Сунгаче начало нести из озера лёд и шугу, т. е. тот же самый лёд, но только распавшийся от действия солнечных лучей и воды на тонкие длинные палочки, вроде сосуллек. То и другое служило знаком, что вскоре на самом озере взломает лёд, который теперь совершенно пошел от просачивающейся в него воды.

Вместе с тем лишь только выдался первый, более других тёплый день, как уже 11 апреля показались, и в весьма большом количестве, комары — эти мучители, отравляющие здесь летом жизнь не только животных, но даже и человека. С первого же дня своего появления они начали сильно надоедать, в особенности в хорошую тихую погоду, и даже ночные морозы, которые продолжали стоять в течение всего апреля, повидимому, нисколько не действовали на этих дьяволов.

Кроме того, в лесах появилось такое множество клещей, что стоило только немного пройти по кустам, как они уже ползали по платью целыми десятками и часто даже впивались в тело. Но всего более страдала от них моя собака, в которую клещи впивались целыми сотнями, так что бедное животное видимо худело и не было никакой возможности избавить её от этих мучителей.

¹ Зимой на берега озера Ханка навеваются огромные сугробы, которые в обильную снегом зиму 1867/68 года имели 10—12 футов 13—3,7 м высоты и лежали сплошной стеной. Последние остатки их я видел тогда ещё 25 апреля. Впрочем, и в нынешнем году береговые сугробы были немного разве меньше, и их остатки окончательно растаяли только 22-го числа того же месяца.

Новые породы птиц продолжали являться попережнему и в первую половину апреля прилетел двадцать один вид в следующем порядке: *утка* (*Anas marilla*, *Anas roesilohuncha*) [*Nyroca marila* — морская чернеть, *Nyroca roesilohuncha* — черная кряква] — последние из тех пятнадцати пород, которые замечены мною на озере Ханка¹. Впрочем, эти два вида были очень немногочисленны, в особенности последний, которого родина далёкая Индия и который, таким образом, умножает собой число южных видов, появляющихся летом в бассейне озера Ханка, в Уссурийском и иногда Амурском крае; *плисица жёлтая* (*Motacilla cinereo-capilla*) [*Motacilla flava*], которая во множестве гнездится по луговым равнинам ханкайского бассейна; *лозник прудовой* (*Totanus stagnatilis*) [поручайник — *Tringa stagnatilis*], *шеврица лесная* (*Anthus arboreus*) [*Anthus hodgsoni*], гнездящаяся в ханкайском бассейне в весьма малом количестве; *лысуха* (*Fulica atra*), живущая, как в раю, на здешних многочисленных тенистых, притом же поросших тростником и аиром, озёрах; *дрозд* (*Turdus daulias*) [*T. dauma*?] — весьма редкий здесь даже пролётом; *дикий голубь* (*Columba gelastis*) [большая горлица *Streptopelia orientalis*], который хотя и гнездится в ханкайском бассейне, но всё-таки довольно здесь редок; *завирушка горная* (*Accentor montanellus*) [*Prunella montanella*?], ни разу не замеченная в прошедшую весну, но нынче попадавшаяся довольно часто; *славка голубоватая* (*Sylvia cyanuga*); *бекас барашек* (*Scolopax gallinago*) [*Capella gallinago*], старый европейский знакомый, для которого здешние болота, сплошь поросшие высокой густой травой, не представляют удобных мест для вывода молодых, и который поэтому весьма мало гнездится в ханкайском бассейне, но бывает во множестве весной и осенью; *Sylvia superciliosa*, крошечная птичка, ростом, пожалуй, меньше европейского королька; *стренатка пепельноголовая* [с. сероголовая] (*Emberiza sordoccephala*) и *стренатка красивая* [жёлтогорлая] (*E. elegans*), из которых первая гнездится здесь в достаточном количестве, а последняя, как кажется, вовсе не гнездится, да и во время весеннего пролёта является в небольшом количестве; *крохаль длинноносый* (*Mergus serrator*), появившийся, вероятно, раньше, но по малому числу особей не замеченный тогда среди обилия прочих водяных птиц; *дрозд* (*Turdus fuscatus*) [*T. naumanni sinomus*], который обыкновенно держится по кустам берегового тальника и по горелым местам на лугах вместе со своим собратом дроздом Наумана, но, подобно последнему, не гнездится в ханкайском бассейне; *японский бекас* (*Scolopax heteroerca*? *Sab.*), замечательный своим весенним токованием; взвываясь подобно обыкновенному европейскому бекасу, высоко кверху, он бросается стремглав в косвенном направлении к земле и при этом производит крыльями особый, громкий звук, очень похожий на свист ракеты, у которой изломался хвост. С приближением летуна к земле такой шум всё более и более усиливается, вероятно, по причине усиливающейся быстроты полёта. Затем, не достигая до земли шагов около ста, а иногда и того менее, бекас прекращает этот звук, но уже голосом производит несколько раз особую трель и спокойно летит далее. Во второй половине апреля, в мае и даже в июне, не только днём, но часто и ночью,

¹ Пятнадцатый вид: *утка полуха* (*Anas strepera*) замечена была мной только в конце апреля, но, без сомнения, прилетела гораздо раньше, хотя во всяком случае в самом небольшом количестве.

можно было постоянно слышать вышеописанные звуки, которые этот неутомимый летун издаёт по целым часам, описывая в воздухе большие круги над тем местом, где сидит его самка; вместе с этим бекасом прилетает весьма красивый и редкий в коллекции вид *луня* (*Circus melanoleucus*), который живёт в Индии, но летом залетает даже в Забайкалье; этот лунь, хитрый, как и все его собратья, в ханкайском бассейне попадает очень часто на болотистых равнинах и гнездится там.

11 апреля прилетел, запоздавший сравнительно с другими журавлями, *журавль белошейный* [чёрный] (*Grus monachus*), не гнездящийся в бассейне Ханка, но являющийся здесь только пролётом. Наконец, 14-го числа появились: *вертиголовка тикун* (*Jynx torquilla*) и красивый сибирский *соловей красношейка* (*Lusciola kamtschatkensis*) [L. qectogalis], пение которого хотя, конечно, далеко не может сравниться с искусством европейского соловья, но, раздаваясь в полусвете раннего утра вместе с голосами других просыпающихся певцов, много дополняет общую картину весенней жизни природы.

Вместе с тем с наступлением апреля начался валовой пролёт многих видов птишек, которые появлялись до сих пор только единичными экземплярами или небольшими обществами.

Кроме того, нырцы, или чомги, и чайки продолжали усердно лететь на север, первые тихомолком ночью, а последние днём, но всегда враспынную или только небольшими партиями.

Выпь, голос которой с конца марта слышался беспрестанно целые дни и ночи, потихоньку также пробиралась далее, между тем как перепел заявлял о своём присутствии монотонным и скучным чирканьем, не имеющим ни малейшего сходства с отчётливым криком европейского вида.

Но не одними птицами кишат и оживляются сунгачинские равнины. С первых чисел апреля или даже с конца марта начинается здесь ход диких коз, которые ежегодно осенью и весной совершают периодические переселения из бассейна Уссури далее к югу и обратно.

Возвращаясь весной, часть этих коз идёт по северной стороне озера Ханка и направляется через бассейн Сунгачи к верхней Уссури и Дауби-хэ или остаётся для вывода молодых на сунгачинских равнинах.

Так как последние по большей части представляют одни сплошные топкие болота, по которым тянутся узкими полосами лесистые рёлки, то все козы, здесь проходящие, волею или неволею должны держать свой путь по этим рёлкам, переправляясь с большими трудностями через попутные болота, которых уже нельзя обойти.

Самый лучший валовой ход бывает обыкновенно около половины апреля и продолжается с неделю. Тогда-то и наступает здесь время баснословной, оригинальной охоты, когда коз можно бить целыми десятками из засадок, устраиваемых на пути следования этих зверей.

Такие засадки обыкновенно делаются в виде шалашей из хвороста или из старой травы, но нет никакой особенной надобности устраивать их очень аккуратно, так как коза своим плохим зрением не скоро разглядит даже и открыто стоящего человека. Зато непременно условием должно быть, чтобы ветер был не от охотника, иначе осторожный зверь почует его за несколько сот шагов и уже ни за что не пойдёт в ту сторону.

Самое лучшее время для подобной охоты бывает по утрам и вечерам, в особенности же на ранней заре, так что в засадку надо приходиться еще в потёмках.

Как в первую, так и во вторую весну своего пребывания на озере Ханка, я несколько раз искушался такими охотами и забирался для этой цели на лесистый увал, находившийся верстах в 20 от моей бывшей резиденции, т. е. от поста № 4.

Так как этот увал тянется вёрст на двадцать среди непроходимых болот и притом в направлении от северного берега Ханка к Сунгаче, то большая часть коз идёт именно по нему. Притом же, имея только полверсты или даже менее ширины, он представляет отличное место для устройства засадки, из которой штуцерный выстрел может хватать в обе стороны до самых окраин леса.

Добравшись сюда с большим трудом и устроив предварительно склад запасов как охотничьих, так и продовольственных, а потом выбрав место для засадки, с следующего же утра я приступал к самой охоте.

Бывало, еще совершенно темно, а я уже сижу в своей засадке и с нетерпением жду рассвета. Далеко впереди раздаётся изредка глухой, отрывистый голос козла самца или, как в Сибири его называют, гурана, а на ближайшем болоте, неумолкая, гукает выпь; всё ещё спит, и кругом полная тишина. Но лишь только станет заниматься заря и мало-помалу начнут просыпаться лесные и болотные птицы, каждая по-своему приветствуя наступление дня, как показывается первая коза или чаще целое стадо. Шагом или тихой рысью идёт оно, беспрестанно останавливаясь, прислушиваясь и пощипывая траву.

Вот уже приблизилось шагов на двести... далеко, думаю я, и подпускаю ещё ближе. Наконец, раздаётся выстрел и громким эхом, с различными перекатами, гремит в тишине раннего утра.

Испуганное такой неожиданностью, не зная притом, откуда опасность, всё стадо делает несколько прыжков, толпится в кучу и стоит неподвижно, так что можно иногда зарядить и выстрелить в другой раз.

Только после вторичного выстрела или разузнав, наконец, врага, козы пускаются скакать, что есть духу, и вскоре исчезают из глаз охотника. Но это не большая беда. Через полчаса, а иногда и того менее... показывается другое стадо, потом третье, четвёртое, десятое, и с каждым из них, если только оно проходит возле засадки, повторяется та же самая история.

Часам к девяти или десяти утра ход оканчивается. Тогда встаёшь и отправляешься собирать свои трофеи, т. е. убитых коз. Последних оказывается всегда менее, нежели ожидаешь, потому что сгоряча иногда не рассмотришь хорошо, убил или нет. Кроме того, раненные часто уходят далеко, так что мне случалось находить их через несколько дней уже испортившимися. Наконец, несмотря на такую, повидимому, лёгкую стрельбу, промахов всегда бывает множество, вероятно, от излишней ажитации. По крайней мере, у меня всегда тряслись руки и сильно билось сердце, когда я ещё издали замечал коз, которые должны были проходить мимо засадки.

Однако, несмотря на обилие промахов, мне случалось убивать за утро по три, даже по четыре козы, а один гольд, специально посвятивший себя этой охоте, убил на том же самом увале за всё время хода,

т. е. в течение трёх недель, сто восемнадцать штук. Какой страстный охотник в Европе не позавидует такому обилию зверей, такой чудной охоте за ними, о которой ему и не снилось на своей густо населённой родине!

С половины апреля картина весенней жизни, представленная на предыдущих страницах, много изменилась.

По выжженным и мокрым местам начала показываться первая зелень, разливов почти совсем уже не стало¹, но в то же время с окончанием валового пролёта водяных и голенастых птиц опустели болотистые равнины, на которых теперь не осталось и двадцатой доли прежнего обилия.

Притом многие птицы приступили уж к постройке гнёзд, следовательно, были заняты весьма важным делом и, удалившись на избранные места, старались вести уединённую жизнь.

Так, белые аисты и орланы вместе с коршунами, ястребами и соколами, словом, со всей разбойничьей братией разместились по лесистым увалам, где вдали от всяких треволнений спокойно предались семейной жизни.

Действительно, сунгачинские увалы представляют самое обетованное место для подобных жильцов, так как летом они вовсе не посещаются человеком, а на высоких деревьях можно устроить какое угодно гнездо по собственному вкусу. Притом же эти увалы окружены болотами, где гнездится множество всяких птиц; следовательно, не нужно далеко летать за пищей, которая всегда под боком.

Из года в год различные птицы выводят здесь молодых, так что, кроме занятых гнёзд, тут довольно и старых, владельцы которых, вероятно, уже не существуют.

Гнёзда белохвостых орланов устроены обыкновенно на высоких столетних дубах, всего чаще на их вершинах, иногда же и посередине дерева, в развилине толстого сука.

Кроме того, мне удавалось несколько раз находить на берегу Ханки гнездо этой птицы, сделанное на невысокой иве, сажени на три от земли, так что достать его было очень легко. Этот факт весьма замечателен, так как в Европе белохвостый орлан весьма осторожная птица и гнездится в самых уединённых местах на высочайших деревьях.

Как обыкновенно, гнездо у него 5—6 футов [1,5—1,8 м] в поперечнике, и делается из довольно толстых сухих сучьев, которых иногда натаскивается целый воз. Внутреннее пространство, шириной около двух футов, выстилается сухой травой, служащей подстилкой сперва для яиц, а потом для молодых.

¹ Не только весной 1869 года, но даже и в предыдущем году, несмотря на обильную снегом зиму, разливы по сунгачинским равнинам были очень невелики, так что недели через две после их появления вода стояла почти уже на обыкновенном уровне. Причина такого явления заключалась в следующем: 1) в нынешнюю зиму снегу было очень мало, а в прошедшую, хотя он лежал на три фута 190 см. толщины, но был сухой, как песок, поэтому, занимая много места по объёму, давал мало воды растаивая; притом же самое таяние от солнечных лучей происходило долго (весь март) и равномерно; 2) болотистая почва здешних местностей, как только оттаивала, тотчас же впитывала в себя много воды; 3) на совершенно горизонтальных равнинах, каковы сунгачинские, вода не могла скопиться местами в большие массы, но разливалась равномерно по обширной площади, где подвергалась значительному испарению при большой дневной теплоте и постоянных ветрах.

Высиживание начинается обыкновенно около половины апреля, реже в начале этого месяца. Молодые выходят из яиц в начале мая и совершенно оперяются по истечении месяцев двух, т. е. в первых числах июля.

Как от яиц, так и в особенности от молодых, которых обыкновенно, бывает пара, реже один, родители очень смелы.

Завидев приближающего человека, они вылетают к нему навстречу и с беспрестанным клектаньем кружатся шагах в пятидесяти над головой.

Впрочем, после выстрела они делаются благоразумнее и уже не налетают так близко, а парят кругами высоко, тщательно следя за всеми действиями своего неприятеля.

Лишь только вылупятся на свет молодые, как родители очень усердно заботятся об их продовольствии, так что мне случалось находить от пяти до семи довольно больших рыб, лежащих по краям гнезда и уже совершенно испортившихся, потому что детки, несмотря на всё свое обжорство, не успевали поедать приносимой им пищи.

Эту рыбу белохвостые орланы собирают по берегу Ханки, куда её часто выбрасывает во время сильных ветров, разводящих здесь огромное волнение. Вероятно, ради такого промысла они устраивают свои гнезда даже на ивах возле самого берега или на близких увалах, между тем как на дальних, т. е. вёрст за двадцать от озера, эти гнезда попадают реже.

Ближайшими соседями орланов во время вывода детей являются белые аисты, с которыми они хотя и не ведут особенной дружбы, но и не находятся во враждебных отношениях, а сохраняют самый строгий нейтралитет.

Хотя белых аистов вообще немного гнездится в ханкайском бассейне, но всё-таки гнезда их можно найти по лесистым увалам сунгачинских равнин, а также по долинам Мо и Лэфу, там, где берега этих рек обросли прекрасными и высокими рощами.

В таких местах аисты делают гнезда или на вершинах деревьев, или в развалинах толстых сучьев, иногда всего сажени две над землёй, и в первой половине апреля каждая пара кладёт обыкновенно четыре больших грязно-белых яйца.

Однако характер здешнего аиста весьма отличен от характера его европейского собрата, и насколько последний бывает доверчив к людям, настолько первый хитёр и осторожен, так что в отношении подобных качеств может, пожалуй, поспорить с белым журавлём.

Не только во время прогулки где-нибудь по болоту, но даже на гнезде, здешний аист не подпускает к себе ближе двухсот шагов. В последнем случае, т. е. когда человек приближается к гнезду, высиживающая пара вылетает к нему навстречу еще за полверсты, начинает описывать круги, поднимаясь всё выше и выше, так что, наконец, едва виднеется в облаках, и уже ни в каком случае не возвратится прежде ухода неприятеля.

Казалось бы, аисту можно совершенно спокойно и счастливо жить со своим семейством в здешних пустынных местностях, тем паче имея квартиру на дереве, но злая фортуна, как видно идущая наперекор блаженству не одних только людей, послала совершенно неожиданно и ему врага в особе тибетского медведя, которого, повидимому, никоим

образом нельзя было подозревать во враждебных отношениях к голенастой птице.

Правда, этот вертлявый мишка частенько промышляет диких пчёл и очень ловко лазит по деревьям, но что он летом специально посвящает своё время на отыскивание различных гнёзд, из которых достаёт и ест молодых, — этому бы я никогда не поверил, если бы не убедился в подобных проделках собственными глазами.

В июне того же года, весну которого теперь описываю, я делал по служебному поручению промер реки Лэфу, для чего поднимался вверх по ней в небольшой лодке. Миновав болотистые низовья реки, мы вошли в область её среднего течения, где извилистые берега обросли превосходными рощами из ясеня, ильма, яблони, чёрной берёзы, грецкого ореха, пробкового дерева, иногда даже абрикоса.

В них гнездились множество всяких птиц, в том числе и аисты.

На первом же гнезде последних я увидел следы весьма недавнего разрушения: оно было разломано с одного бока, так что целая куча хвороста лежала внизу на земле, где также валялись желудки трёх молодых аистов, почему-то не понравившиеся завтракавшему здесь зверю.

По исцарапанной во время влезания и слезания коре дерева, по измятой вокруг траве, наконец, по совершенно свежему следу не было сомнения, что вся эта история сотворена мишкой, которого я отправился следить и, действительно, нашёл верстах в двух отсюда, но не мог стрелять по причине густейших кустарных зарослей. Однако небольшой след, особенно явственный на грязи, ясно указывал, что это был не бурый, а именно тибетский медведь.

Мало того, плывя далее вверх по Лэфу, я видел ещё около десятка аистовых гнёзд, и ни в одном из них не оставалось молодых, скушанных также медведем, может быть, тем же самым, которого я гонял.

Одно из разорённых гнёзд было устроено высоко, на вершине совершенно гладкого и прямого дерева с отломленной макушкой, но мишка всё-таки вскарабкался туда и достал молодых. Интересно было бы застать его в подобном положении!

Старые аисты некоторое время держались возле разорённых гнёзд, часто производя известную трескотню клювом, словно рассуждая о постигшем их несчастье, но потом улетали из этих мест. Не знаю, каждый ли год медведи совершают здесь такие проделки или это дело случая, но я передаю то, чему сам был свидетелем.

В то время когда белые аисты размещаются по своим гнездам, их близкие родственники — белые и серые цапли, вместе с колпицами избирают для той же цели одно уединённое место, где, поселившись большим обществом, занимаются высиживанием яиц и воспитанием детей.

Долго было для меня загадкой, куда деваются с половины апреля все вышеназванные птицы, которых до тех пор бывает в окрестностях Сунгачи очень много, но потом вдруг не станет, так что редко, редко увидишь когда-нибудь единичный экземпляр.

Сначала я думал, что они удаляются на увалы и рёлки выводить молодых, но по тщательному наведённому справкам на таких увалах не оказалось как ни одной цапли, так равно и ни одной колпицы.

Эта загадка интересовала меня всё более и более, пока, наконец,

не разъяснилась совершенно случайно во время той же поездки на реку Лэфу, о которой я выше упомянул.

Нужно заметить, что река Лэфу перед самым своим устьем образует большое озеро, пройдя через которое впадает в Ханку.

В пространстве между этим последним и озером, образуемым рекой, лежит несколько островов, поросших невысокой, чрезвычайно густой лозою, которая залита водой на глубину 3—4 футов [0,4—1,2 м].

На двух таких островах, почти совершенно недоступных, несколько сот пар колпиц, белых и серых цапель, вероятно, обитателей всего ханкайского бассейна, избрали место для вывода молодых.

В половине июня, когда я подъезжал к этим островам, еще издали слышался громкий крик молодых, которые в это время были уже почти на взлёте. Кроме того, старые, сновавшие беспрестанно взад и вперёд или кружившие над лодкой, указывали, что здесь именно находится так долго отыскиваемое мной место гнездования этих птиц.

Подъехав к одному из занятых островов, я отправился в середину его, чтобы посмотреть, как устроены гнёзда и, может быть, найти ещё яйца у поздних выводков.

Трудно было лазить по густой лозе, залитой водою, доходившей до пояса, притом же с топким, тинистым дном, но зато, лишь только я отошёл сажени на три от наружного края острова, как уже начали попадаться гнёзда, устроенные на горизонтальных ветвях лозы не выше двух-трёх футов [30—60 см] над уровнем воды. Все эти гнёзда как у цапель, так и у колпиц были сделаны на один образец и одинаково небрежно.

Несколько десятков прутьев без всякой подстилки составляли и основу и внутренность гнезда, которое было совершенно плоское, так что я удивлялся, каким образом могли уцелеть в такой посудине яйца при сильных ветрах, обыкновенно здесь господствующих. Гнёзда колпиц были несколько плотнее, но как у них, так и у цапель они имели фута два или несколько более в диаметре.

Молодые, которых в каждом гнезде находилось два или три, были уже на взлёте. При моём приближении они соскакивали с места и, перебираясь с помощью крыльев с ветки на ветку, старались уйти. Старые же в это время вились невысоко, заботливо посматривая вниз и, видимо, удивляясь такому неожиданному посещению.

Яиц нигде уже не оказалось, так что я поймал несколько молодых и застрелил двух-трёх старых для своей коллекции.

Вместе с вышеописанными птицами во второй половине апреля, частью немного раньше или позднее, заводят гнёзда вороны, сороки, коршуны, скворцы, соколы, ястребы, ибисы, гуси, журавли, кулики, чибисы и различные утки; мелкие же птички, равно как и многие другие, отсрочивают это дело до мая, когда устанавливается совершенно тёплая погода.

Великим препятствием к успешному высиживанию яиц для всех вообще птиц, гнездящихся на земле по сухим лугам, и в особенности для уток служат здесь травяные пожары, которые, как сказано в V главе, начинаются осенью в октябре, продолжаются иногда даже зимой, но с полной силой появляются вновь около половины апреля, когда уже спадают весенние разливы и прошлогодняя трава совершенно обсохнет.

Затем эти палы появляются местами в течение всего мая и даже до конца июня, когда молодая трава достигает уже роста человека.

но сгораёт вместе со старой, лежащей на земле и уцелевшей по какой-либо причине от осенних или весенних пожаров.

На несколько вёрст в длину растягивается весной по сунгачинским равнинам огненная линия, которая, будучи гонима ветром, движется весьма быстро и по ночам представляет великолепный вид.

Но зато по несколько дней сряду воздух бывает наполнен удушливым дымом, а солнце при восходе и закате кажется совершенно красного цвета.

Вслед за линией огня летят обыкновенно стада ворон и коршунов, чтобы поживиться какой-нибудь обгорелой мышью или гнездом. Последние, т. е. гнёзда, истребляются в страшном количестве, так что наши казаки, живущие на постах, нарочно ходят на горелые места собирать яйца, которые часто совершенно спекаются от жара или, лопнув, образуют в гнезде готовую яичницу.

Только подобным истреблением утиных гнезд пожарами можно объяснить общее всему Уссурийскому краю позднее появление выводков молодых уток, которое находится в странном противоречии с ранним весенним прилётом этих птиц.

Действительно, не только в половине и в конце июня, но даже в начале июля здесь сплошь да и к ряду можно найти молодых утят еще в пушкё, тогда как в средней полосе России, где утки прилетают позднее, чем на озере Ханка, в это время года молодые уже летают или, по крайней мере, близки к взлёту.

Гнёзда других, высиживающих на земле птиц, как, например, журавлей, куликов, гусей, чибисов, также подвергаются истреблению от весенних палов, но в несравненно меньшей степени, чем утиные, потому что вышеназванные птицы устраивают их на кочках болот, куда огню, конечно, трудно проникнуть, между тем как глупая утка кладёт свои яйца на сухом месте и непременно в прошлогоднюю траву. Исключение составляет только одна мандаринская утка, которая делает своё гнездо в дупле дерева и таким образом сберегает его от пожара.

Вторая половина апреля, ещё сильнее нежели первая, заявила о континентальном характере здешней весны. Вместе с наступившими днём жарамы, которые в полдень доходили до $+18^{\circ}$ Р в тени, по ночам, как и прежде, продолжали стоять морозы иногда в 5° , а 18-го числа утром поднялась даже сильная метель, не перестававшая часа четыре и покрывшая землю, конечно, не надолго, снегом почти на вершок толщины.

В тот же самый день сильным юго-западным ветром взломало лёд на Ханке, но этот лёд на восточной стороне озера продолжал стоять до начала мая¹ и уничтожился большей частью от действия солнечных лучей в самом озере, в меньшем же количестве был вынесен через Сунгачу, по которой всю вторую половину апреля шла сильнейшая шуга.

Между тем влияние холода, наносимого весной со льда озера, весьма велико, так что возле самого берега заметно холоднее, нежели

¹ Вследствие постоянно господствующих весной на Ханке юго-западных ветров западная часть озера неделями двумя ранее, нежели восточная, очищается от льда, который ветром сгоняет к восточному берегу, так что, например, у истока Сунгачи этот лёд держится до начала мая, между тем как у поста Камень-Рыболов Ханка бывает чисто уже в половине апреля.

в расстоянии нескольких вёрст от него, и термометр обыкновенно падает на несколько градусов, лишь только хотя немного дует ветер с этой стороны.

Вследствие той же самой причины, т. е. влияния холода, приносимого со льда озера юго-западным ветром, растительность на восточной стороне Ханки весной развивается медленнее, нежели в горах западной его части, не подверженных такому неблагоприятному влиянию.

Даже и на восточном берегу, но верстах в двадцати от него, подобное влияние уже не так ощутительно, и я видел в конце апреля возле поста № 3 ивы почти уже совершенно распустившимися, между тем как на самом берегу Ханка в это время они едва только начинали зеленеть.

Но во всяком случае, даже не принимая во внимание подобной, чисто местной, случайности, весеннее развитие флоры в бассейне Ханка вследствие постоянных ночных морозов идёт весьма туго, так что к концу апреля едва появляется шесть-семь видов цветов, и хотя по мокрым местам трава достигает уже фута вышины, а некоторые кустарники, как, например, ива, смородина, таволга, леспедеца, уже начинают в это время зеленеть, но ни одно дерево еще не разворачивает своих сильно напухших почек и лес, как бы зимой, стоит совершенно оголённый.

Пролёт птиц во второй половине апреля происходил в довольно скромных размерах и даже новые виды появлялись в ограниченном числе.

Эти виды в порядке их прилёта были следующие: *пуночка лапландская* (*Plectrophanes lapponica*), прилетевшая сравнительно очень поздно; эти птицы держались по выжженным местам до начала мая, после чего улетели на север; *зук галстучник* (*Charadrius hiaticula*); *долгохвостая крачка* (*Sterna longipennis*), которая вскоре появилась в большом числе и постоянно занималась рыбной ловлей при истоке Сунгачи, целый день надоедая своим противным криком; *щеврица* (*Anthus japonicus*) [*A. spinoleta japonicus*]; *дрозд* (*Turdus chrysolaus*), гнездящийся в ханкайском бассейне в небольшом количестве; *деревенская ласточка* (*Hirundo rustica* var. *rufa*) [*Hirundo guisi erythrogaster*], которая гнездится здесь даже внутри жилых китайских фанз иногда так низко, что можно достать рукой; китайцы считают подобное явление хорошим знаком, берегут гнездо и даже подвешивают доски, чтобы помёт молодых не падал на землю и не пачкал бы фанзы. Со своей стороны ласточка делается до того доверчива к людям, что высиживающая самка позволяет спокойно смотреть на себя в расстоянии какого-нибудь фута и насколько не заботится о том, что на ночь двери и окна в фанзе наглухо закрываются; *улит травник* (*Totanus ochropus*) [*Tringa totanus*]; *земляной дрозд* (*Turdus varius*) [*T. dauma*] и *альпийский жаворонок* (*Alauda alpestris*) [*Eremophila alpestris*] — оба чрезвычайно редкие на Ханке и только однажды здесь мною замеченные; *бекас* (*Scolopax* sp.?) [*Capolla* sp.?), вместе с другими своими собратиями появившийся в весьма большом количестве; *щеврица полевая* (*Anthus richardii*), — в большом числе гнездящаяся на степной полосе ханкайского бассейна; *плисица серая* (*Motacilla melanope*) [*M. cinerea melanope*] — довольно здесь редкая; *большой стриж* (*Acantillis caudacuta*) [*Chaetura caudacuta*] — одна из замечательных, хотя и не редких здесь птиц; *береговик серый* (*Acitis*

hurreleucus); *стренатка чернолицая* [дубровник] (*Emberiza aureola*), которая во множестве гнездится в ханкайском бассейне и приятное пение которой с этого времени слышалось постоянно по лугам; *улит большой* (*Totanus glottis*) [*Tringa nebularia*], бывающий здесь только пролётом, и, наконец, 30 апреля показалось первое стадо *ласточек городских* (*Hirundo urbica*) [*Chelidon urbica*], которые также не гнездятся на Ханке, но являются здесь в большом количестве во время весеннего и осеннего пролёта.

Из всех вышепоименованных птиц самая замечательная есть, бесспорно, большой стриж, который появляется на Ханке в двадцатых числах апреля и продолжает свой пролёт до конца этого месяца или до начала мая.

Обыкновенно пролёт совершается враспынную, невысоко над землёй или по самой её поверхности, но притом эти стрижи беспрестанно то поднимаются кверху, описывая большие круги в воздухе, то опять опускаются до земли и летят в прежнем направлении.

Для вывода молодых в ханкайском бассейне остаётся хотя не особенно много, но всё-таки довольно этих птиц, которые гнездятся в дуплах высоких старых деревьев, а может быть, даже и в каменистых утёсах по долинам рек.

Днём они носятся по нескольку вместе или парами, реже в одиночку по окрестным долинам, вероятно, охотясь за насекомыми, но по утрам и вечерам собираются на те места, которые заняты для гнёзд, и здесь, подобно нашим стрижам, гоняются за самками, описывая большие (шагов пятьсот в диаметре) круги возле одного и то же места. При этом они издают особый тихий писк, скорее похожий на голос обыкновенной ласточки, нежели на крик европейского стрижа.

Всегда с особенным удовольствием смотрел я на чудный полёт этой быстрой птицы, которая как будто не имеет тяжести, чтобы упасть на землю, и несётся по воздуху в буквальном смысле, как стрела. В особенности велика бывает быстрота полёта во время гонки за самками, когда целое общество этих стрижей то вдруг промелькнёт между деревьями над самой головой, так что даже не успеешь и ружья вскинуть к плечу, как они уже вылетели из меры выстрела, то в одно мгновение очутятся под облаками и также быстро опустятся до земли.

Присутствие человека и даже выстрелы несколько не смущают этих птиц, продолжающих попрежнему летать возле одного и того же места, несмотря на несколько пущенных в них зарядов, которые один за другим оказываются промахами. Даже в том случае, если свинцовый дождь спрыснет, наконец, которого-нибудь стрижа, то и тогда, будучи уже убит, он всё ещё пронесётся вперёд на несколько сажен — до того велика скорость первоначального движения.

Лёт за самками происходит ежедневно в течение всего мая и, начинаясь утром, когда уже порядочно обогрело солнце, продолжается часов до девяти дня; вечером же он тянется с пяти часов пополудни до сумерек. Когда отдыхает этот стриж? Неужели только ночью! Днём я ни разу не видал, чтобы он хотя на минуту прицепился к какому-нибудь предмету. Всегда, как легкий ветер, носится по воздуху, и сколько вёрст пролетает ежедневно при своей быстроте! Как мало значит для этой птицы перелёт с юга на север и обратно!

Постоянная борьба между холодом и теплом, длившаяся в течение

всего апреля и много раз заявлявшая о себе то метелями, то ночными морозами¹, не умолкала даже при наступлении мая — этого лучшего и так много раз воспетого весеннего месяца.

Однако теперь проявлялась только последняя агония умирающей зимы, и после первых четырёх дней, в которые по ночам термометр *minimum* падал ниже нуля, наступило совершенное тепло, и погода сделалась в полном смысле майской.

Одной недели такой погоды было достаточно, чтобы пробудить к жизни всякую растительность и вызвать её из того полудремлющего состояния, в котором она находилась до сих пор. Действительно, деревья начали быстро распускаться, яблоня и черемуха вскоре покрылись душистыми цветами, а трава, в особенности по мокрым местам, поднялась на два фута вышины.

По болотам везде зацвёл *курослепник* [калужница] (*Caltha palustris*), по лесам *хохлатка* (*Corydalis bulbosa*) и *сухоребрица* (*Draba lutea*), а на лугах стали красоваться: *первоцвет* (*Primula cortusoides*), *лютик* (*Ranunculus acris* var²), *лапчатка* (*Potentilla sprengeliana*), живучка (*Ajuga genevensis*) [*A. multiflora* Bgl.], *незабудка* (*Viola prionanthe*, *V. acuminata*) и *одуванчик* (*Leontodon taraxacum*) [*Taraxacum officinale* (Web)], который здесь, так же как в Европе, является одними из первых весенних цветов. И всё это появилось вдруг, как будто май по праву принёс с собой настоящую весну. Даже вечно бушующее Ханка в тихие вечера иногда совершенно успокаивалось и делалось гладким, как зеркало.

Водные обитатели также почуяли наступление полной весны, и лишь только Ханка очистилось от льда, по Сунгаче начался сильный ход белой рыбы, осетров и калуг. Хотя эти породы живут в озере Ханка круглый год, но, сверх того, каждую весну они приходят сюда в огромном количестве с Амура и Усури для метания икры.

Невольно удивляешься: какой инстинкт побуждает эту рыбу подниматься сначала по Амуру, а потом вверх по Усури и, отыскав устье Сунгачи, которое среди других рукавов трудно заметить даже человеку, приходит к озеру Ханка в то время, когда его поверхность только что очистится от льда? Какой голос внушает ей, что почти за две тысячи вёрст от устья великого Амура есть место, удобное для метания и развития икры?

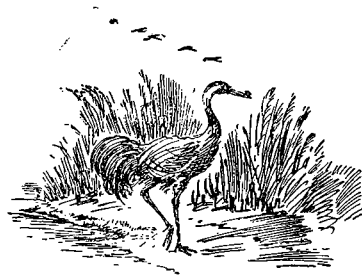
Между тем пролёт и прилёт птиц продолжался, хотя и не особенно сильно, всю первую половину мая, и в это время вновь появились следующие виды: *песочник* (*Tringa Temminckii*) [*Calidris* sp.], *зимородок* (*Alcedo ispida* var^t. *bengalensis*) [*A. atthis*], в большом количестве гнездящийся по рекам, впадающим в Ханку; *крачка белокрылая* (*Sterna leucoptera*) [*Chedonias leucoptera*], во множестве гнездящаяся в ханкайском бассейне, *Squatarola helvetica* [*S. scuatarola*] — весьма редкая на Ханке, но в значительном числе встречающаяся на песчаных берегах Японского моря; *улит болотный* (*Totanus glareola*) [*Tringa glareola*], являющийся в большом числе во время пролёта, но, как кажется, здесь не гнездящийся; *голубой соловей* (*Lusciola cyane*) [синий соловей — *Luscinia cyane*] — красивая, но редкая птичка; *камышёвка дроздовидная* (*Salicaria turdoides*) [*Acrocephalus arundinaccus*], гнездящаяся в

¹ Морозных ночей в апреле было 23, снежных дней — 7.

² Повидимому, *R. japonicus Thun b.* — *Ред.*

ханкайском бассейне чуть не на каждом шагу и целые дни надоедающая своим усердным, но далеко не благозвучным пением; *сорокопут* (*Lanius phoeniceus*) и *шрикун* (*Hataegornis dauricus*), оба в большом количестве здесь гнездящиеся; *камнешарка северная* (*Sterpsilas interpres*)—очень редкая на Ханке даже во время пролёта; *мухоловка* (*Muscisapa parvissima*); *кукушка* (*Cuculus canorus*) и здесь, так же как в Европе, тотчас же заявившая о себе громким кукованьем; *камышёвка Маака* (*Calamodyta maackii*); *малая выпь* (*Ardea cinnamomea*); *японский козодой* (*Carpodacus japonicus*), голос которого много схож на частые удары молотком по наковальне, за что в Сибири эта птица и получила название *кузнец*; *камышёвка* (*Salicaria* sp.?)¹—очень усердный певун, целый день, с утра до поздней ночи, затягивающий свою громкую, но далеко не искусную и монотонную песнь; *болотная курочка* (*Callinula erythrorhynchos*), голос которой, похожий на барабанную трель, начал беспрерывно раздаваться по утренним и вечерним зорям; наконец, 15 мая появилась красивая *китайская иволга* (*Oriolus chinensis*), которая прилетела сюда из далёких стран юга, из пальмовых лесов Индо-Китая и своим громким мелодическим свистом возвестила об окончании весеннего пролёта и о начале летней трудовой жизни всех пернатых гостей ханкайского бассейна.

¹ Повидимому, камышёвка толстоклювая — *Phragmaticola aedon*. — *Ред.*

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Летняя экспедиция в западной и южной части Ханкайского бассейна — Обычный порядок вьючных хождений.—Майская ночь.—Исследование бассейна Сиян-хэ и промер Лэфу.—Птицы и звери в долине последней реки.—Мучители-насекомые.—Характер бассейна Мо.—Последние впечатления.

оследним, заключительным актом моего пребывания в Уссурийском крае была экспедиция, совершённая летом 1869 г. в западной и южной части Ханкайского бассейна, для отыскания там новых путей сообщений как водных, так и сухопутных.

Три месяца странствовал я по лесам, горам и долинам или в лодке по воде и никогда не забуду это время, проведённое среди дикой, нетронутой природы, дышавшей всей прелестью сначала весенней, а потом летней жизни. По целым неделям сряду не знал я иного крова, кроме широкого полога неба, иной обстановки, кроме свежей зелени и цветов, иных звуков, кроме пения птиц, оживлявших собою луга, болота и леса.

Это была чудная, обаятельная жизнь, полная свободы и наслаждений! Часто, очень часто теперь я вспоминаю её и утвердительно могу сказать, что человеку, раз нюхнувшему этой дикой свободы, нет возможности позабыть о ней даже при самых лучших условиях дальнейшей жизни.

Но оставим увлечение и начнём по порядку.

Обождая до наступления совершенно тёплой погоды, а вместе с нею и подножного корма для вьючных лошадей, купленных заранее на Уссуре, я оставил 8 мая пост № 4 и по северному берегу озера Ханка направился на западную его сторону — в бассейн реки Сиян-хэ.

После однообразных сунгачинских болот отрадно было увидеть лесистые горы и сухие долины, одетые в самый пышный майский наряд, так как здесь благодаря более защищённому положению растительность развивается скорее, нежели на восточной стороне озера Ханка.

Уже не редкими, как бы боязливо выглядывавшими экземплярами, а целыми полосами цветущих ландышей, жёлтых лилий, касатика, первоцвета и других весенних цветов красовалась живописная долина

Сиян-хэ, достигающая в средних частях реки от трёх до четырёх вёрст ширины, а далее вверх суживающаяся наполовину и даже на одну треть этого расстояния.

Сама Сиян-хэ имеет 10—15 сажен [20—30 м] ширины и несёт вполне характер быстрой горной речки, так что решительно не годна для плавания даже на лодках. За исключением болотистых низовьев, весь бассейн её представляет местность гористую, наполненную отрогами пограничного хребта, составляющего, по всему вероятно, отрасль Сихотэ-Алиня и служащего вместе с тем разделом между притоками Ханки с одной стороны, Мурени и Суйфуна — с другой.

Эти отроги, набросанные то группами, то небольшими кряжами, достигают приблизительно величины гор средней высоты и, продолжаясь далее к югу, наполняют собой бассейн верхнего течения Мо, переходя на западе и юго-западе в волнообразные возвышенности степной полосы.

Все эти горы покрыты лиственными лесами, состоящими, главным образом, из дуба и чёрной берёзы с густым подлеском лещины, таволги, леспедецы, калины, бузины и других кустарников. Однако среди этих деревьев, в особенности ближе к вершинам, попадаются довольно часто группы сосен, которые всё более увеличиваются в числе по мере удаления к пограничному хребту, где появляется также ель и пихта, а самые горы делаются выше и рельефнее в своих очертаниях.

Кроме дуба и чёрной берёзы, как преобладающих пород, в лесах бассейна Сиян-хэ встречаются и другие деревья, как то: ильм, ясень, клён, черемуха, черешня, яблоня, тополь, пробковое дерево, грецкий орех, акация и абрикос.

Последний растёт обыкновенно единичными экземплярами на южных скатах гор, ближе к опушкам лесов. Кроме того, абрикосовое дерево изредка встречается на южной и восточной стороне озера Ханка по лесистым увалам и достигает здесь северной границы своего распространения.

Почти весь май пробыл я в бассейне Сиян-хэ и день за днём ходил то в экскурсии и охотах, то в передвижениях с места на место.

Хотя здесь довольно тропинок, проложенных китайцами от одной фанзы до другой¹, но я пользовался этими тропинками только для перехода через горные перевалы, а затем обыкновенно шёл напрямик по долине как самой Сиян-хэ, так и боковых её притоков для того, чтобы лучше познакомиться с характером этих долин.

Но подобные хождения напрямик возможны только в сухую пору года, да и то представляют много затруднений для вьючных лошадей, которым приходится часто переправляться вброд через быстрые речки или лазить через крутые горные отроги, упирающиеся в реку, или, наконец, топнуть в болотах, рассыпанных по долинам. Однако здешние привычные лошади умеют благополучно справляться со всеми этими невзгодами и, неся на спине вьюк от трёх до четырёх пудов, идут напрямик, как ни в чём не бывало. Один человек обыкновенно ведёт за повод передовую, другой подгоняет заднюю, средние же идут сами по

¹ Кроме этих тропинок, от озера Ханка существуют две тропы в ближайшие маньчжурские города Сан-Синь и Нингуту. По этим тропам в прежние, впрочем весьма недавние, времена приходили сюда маньчжурские купцы с просом, водкою и другими предметами, которые меняли у местных жителей на соболей и панты.

себе и, таким образом, все пять лошадей, бывших в экспедиции, управлялись только двумя солдатами.

Обычно порядок наших хождений был всегда один и тот же.

Поднявшись с восходом солнца и указав направление, по которому нужно идти, мы отправлялись с товарищем вперёд, собирали попадавшиеся на пути растения и охотились. Между тем солдаты, завьючив лошадей, отправлялись вслед за нами и шли не торопясь, выбирая по возможности сухие и лучшие места. Впрочем, иногда какая-нибудь небольшая речонка с топкими берегами или узкий залив, которого нельзя было обойти, делали большую помеху, заставляли снимать с лошадей вьюки, переносить их на себе через неудобные места и затем уже переводить через него свободных от тяжестей лошадей. Однако такие препятствия встречались сравнительно редко, так как в большей части случаев лошади шли напрямик через речку или через болото, если только здесь не было чересчур большой топи.

Пройдя таким образом до полудня, мы останавливались, выбирая для этого удобное место на берегу реки, всего чаще лужайку среди высоких деревьев, доставлявших прекрасную тень своими густыми вершинами.

Здесь обычным порядком сначала развьючивали лошадей, которых после небольшого отдыха пускали пастись на сочной траве ближайшего луга; потом разводился костёр, и один из солдат, исполнявший должность повара, принимался готовить обед из добычи нашей вчерашней или сегодняшней охоты. Между тем мы с товарищем сушили прежние и вновь собранные растения¹ и делали чучела птиц. Последняя работа, т. е. делание чучел, во время беспрестанных передвижений с места на место составляет крайне затруднительную процедуру, так как, независимо от самой работы, каждый день необходимо развешивать собранные экземпляры для просушки, строго наблюдать, чтобы их не смочило дождём или росой и не испортило бы перьев сильным ветром.

Кроме того, всякий раз необходимо, завернув в бумагу, тщательно уложить каждый экземпляр вместе с другим в особые деревянные ящики, которые сильно портят спины лошадям и очень неудобны для вьючной перевозки вообще. Одним словом, возня с деланием чучел во время самой экспедиции настолько велика и так много отнимает времени, что я препарировал обыкновенно только самые редкие экземпляры попадавшихся мне птиц.

Часов около четырёх пополудни мы снова отправлялись на экскурсию или на охоту в окрестностях нашей стоянки и возвращались сюда уже с наступлением сумерек. На следующий день шли далее описанным порядком, но иногда, встретив особенно хорошее для экскурсии место,

¹ Самый обыкновенный способ сушения растений во время экспедиции состоит в том, чтобы, просушив до горяча перед огнём листы пропускной бумаги, класть в них растения. Однако в хорошую погоду я прибегал к другому средству: раскладывал на песчаном откосе реки войлоки, кожи, медвежьи шкуры, одним словом, всё, что было у нас с собою; потом на эту постилку клал пропускную бумагу (от 4 до 5 листов в одной куче) вместе с уложенными в неё предварительно сжатыми в деревянном прессе растениями, которые и сушились жарким летним солнцем. Продержав таким образом часа три-четыре эти растения, я снова складывал их вместе, переложив каждый занятый лист двумя или тремя листами пропускной бумаги, и затем сдавливал всё это в прессе до следующего дня. Последний способ несравненно удобнее первого, так как при нём гораздо менее хлопот и притом растения высыхают несравненно лучше, нежели при просушке перед огнём.

или для того, чтобы дать отдых лошадям, я проводил день или два на одном и том же пункте.

К довершению всех наслаждений, день в день стояла великолепная погода, но в особенности хороши бывали ночи, в полном смысле весенние, майские.

Бывало лишь только солнце станет приближаться к западу горизонта, как присмирившие в дневной жаре различные пташки начинают петь не умолкая, и между их голосами более других выдаётся чистый, прекрасный свист камышёвки (*Salicaria aedon*); журавли перекликаются между собою; по временам крикает утка или токует фазан¹; на болоте беспрестанно раздаётся дребезжащий голос водяной курочки и неутомимый летун — японский бекас — кружится в вышине, издавая крыльями громкий свистящий звук.

Заходит солнце, и сумерки ложатся быстро. Один за другим смолкают певуны; только долго еще раздаются голоса бекаса, курочки и камышёвки, к которым присоединяется теперь однообразное постукивание японского козодоя.

Обаятельная прелесть ночи ещё более увеличивается дикостью и безлюдием окрестных местностей. Действительно, далеко вокруг здесь нет души человеческой, и природа еще настолько девственна, что даже след, оставленный на береговом песке, сохраняется надолго, пока его не замоют дожди и речные волны. Густые травянистые или кустарные заросли стоят не измяты ничьей ногой, и только кой-где след на грязи или клочок сорванной травы указывают, что здесь прошёл какой-либо зверь, свободный обитатель окрестных лесов.

Между тем последние лучи света погасли на западе, а полная луна, появившись с востока, льёт тихий свет на окрестные горы и долины. Мёртвая тишина воцарилась кругом и только тихо журчат волны реки да изредка стукнет полночник или гукнет дикий козёл. Приближается полночь, и всё спит сном тихим, спокойным.

Солдаты давно уже улеглись вокруг костра, который чуть тлеет в темноте деревьев, но сон бежит от моих глаз... Казалось так бы всё смотрел и любовался чудной ночью...

Однако дневная усталость берёт своё, сон мало-помалу смыкает глаза, и только холод раннего утра заставляет вновь очнуться. На востоке уже занимается заря нового дня, и одна за другой просыпаются птицы: бекас ранее всех закружился опять в вышине, камышёвка и камчатский соловей (*Lusciola kamtschatkensis*) начали еще в полусвете свои песни, закуковала кукушка, журавли кричат не умолкая, задрезжала курочка, токует фазан... и все эти певцы вместе с другими, мало-помалу просыпающимися пташками, общим хором приветствуют восход солнца и начало весеннего, радостного дня.

В общих чертах результат моего исследования бассейна Сиян-хэ был тот, что хотя долина этой реки, за исключением её низовьев, имеет большей частью луговой характер и почву чернозёмную, но, по всему вероятно, она подвергается затоплению во время сильных дождей, следовательно, негодна для возделывания. Подтверждением этому служит ещё и то обстоятельство, что здесь очень мало китайских фанз, между тем как их довольно много в горах, по долинам небольших речек, впадающих в Сиян-хэ. Здесь же, равно как и на пологих скатах гор, окай-

¹ Токованье маньчжурского фазана много похоже на крик молодого петуха, только несколько короче и отрывистее.

мляющих главную реку, встречается много мест, удобных для возделывания после предварительной расчистки лесов, но, конечно, заселение подобных местностей в настоящее время не может, да и не должно быть производимо, так как степная полоса между Ханкой и рекой Суйфуном представляет несравненно более удобств для подобной цели.

Однако бассейн Сиян-хэ имеет и в настоящее время большую важность в том отношении, что может снабжать, да и теперь уже снабжает, лесом наши поселения, лежащие на западном берегу озера Ханка. Конечно, Сиян-хэ по причине своей быстроты не совсем удобна для сплава по ней брёвен, но, однако, этот сплав возможен, хотя довольно затруднителен и во всяком случае только этим путём лес может доставляться к месту своего назначения, так как о сухопутной его перевозке даже зимой нечего и думать. Других путей сообщений, кроме выючных, часто едва приметных тропинок, здесь не существует, а единственная тележная дорога, уже достаточно проторённая, идёт по окраине гор, невдалеке от самого Ханка и соединяет поселения на северном берегу озера с теми, которые лежат на западной и юго-западной его стороне.

По окончании исследования бассейна Сиян-хэ я приступил в начале июня, согласно своей служебной программе, к съёмке и промеру реки Лэфу, впадающей в южную оконечность озера Ханка. Здесь нужно было решить окончательно вопрос: возможно ли пароходное плавание вверх по этой реке до впадения в неё слева Сахэзы, так как в подобном случае представлялась бы возможность проложить от устья последней реки отличную сухопутную дорогу к Суйфуну, следовательно, избежать болот реки Мо, через которые проходит настоящая дорога, направляющаяся от юго-западного берега озера Ханка.

Шесть гребцов солдат и лодка были к моим услугам на посту Камень-Рыболов, а потому, оставив здесь своих выючных лошадей и выбрав тихий день, я отправился напрямик через южную оконечность озера Ханка к устью Лэфу, до которой отсюда около 30 вёрст.

Более трёх недель было употреблено мною на исследование Лэфу, и так как вопрос о возможности здесь пароходного плавания был до сего времени спорным, то, чтобы дать понятие об его решении и о самом характере этой реки, я выпишу здесь несколько страниц из своего служебного отчёта.

«Весь южный берег озера Ханка, начиная от утёсистого мыса, носящего название Камень-Рыболов, вплоть до устья Лэфу, представляет одно сплошное, топкое и решительно недоступное болото, поросшее тростником, так что название Камышёвой бухты, данное обширному заливу, здесь находящемуся, придумано как нельзя более удачно.

Только на юго-западной оконечности Камышёвой бухты одиноко среди болот стоит небольшая и невысокая горка, против которой лежит устье реки Лэфу¹, имеющей здесь 40—50 сажён [80—100 м] ширины и значительную глубину. Вскоре затем встречается довольно большое озеро² (версты четыре в длину и около двух в ширину), через которое проходит Лэфу, разбиваясь при своём в него впадении на две протоки, из коих каждая глубока и удобна для плавания пароходов. Само озеро неглубоко и на поперечном промере везде дало одинаковую глубину в 6 футов [1,8 м].

¹ Река Лэфу вытекает из Сихотэ-Алиня и имеет более 150 вёрст длины.

² Озеро Лебехэ.— *Ред.*

В дальнейших частях нижнего течения Лэфу почти не изменяет своего характера. Имея везде глубину, гораздо большую 7 футов [2 м], а в ширину 25—30 сажен [50—60 м], она струится весьма медленно, так что течение почти вовсе незаметно. Берега её и долина, раскинувшаяся здесь вёрст на 20 ширины, представляет сплошное болото, поросшее тростником, аиром, тростеполевицею, осокою и другими болотными травами и вообще представляющее совершенное подобие сунгачинских низин.

С таким характером тянутся река и её долина вёрст на десять, если считать по прямому направлению от устья, но потом характер той и другой начинает изменяться.

Сплошные болота, из которых до сих пор исключительно состояла долина, начинают сначала изредка, а потом все чаще и чаще прерываться более сухими площадками, а сама река сузилась наполовину своей прежней ширины, начинает образовывать частые и крутые извилины. Последние вскоре увеличиваются ещё более, так что протяжение по ним выходит вдвое или даже втрое длиннее, нежели по прямому направлению, и часто, проплывая версту или две на лодке, снова приходишь на несколько десятков сажен к тому месту, откуда началась извилина.

Берега Лэфу здесь также возвышаются уже везде от 5 до 7 футов [1,5—2 м] над низким уровнем воды и, вместе с тем, эти берега сплошь обросли густым тальником, который только изредка можно было встретить на низовьях реки.

Однако глубина Лэфу не уменьшается, и в нижнем течении эта глубина везде более 7 футов [2 м]. Но вскоре за появлением крутых извилин, т. е. со вступлением в среднее течение, эта глубина спадает, с пережками, на шесть, на пять, на четыре, и, наконец, на три фута на перекатах. Последняя цифра встречается в первый раз верстах в 25, если считать по реке, и верстах в 14, если взять по прямому направлению от устья Лэфу.

С изменением характера реки и её долины изменяется характер и растительности. Вместо сплошных масс тростника, аира и тростеполевицы является более разнообразная луговая флора из валерианы, лютика, лилии, касатика, лапчатки и других, а из кустарных пород всего чаще попадает таволга, реже шиповник и дубняк. Однако все эти травы и кустарники растут только по самому берегу Лэфу и на сухих рёлках, которые рассыпаны, как оазисы, по долине, всё ещё достаточно переполненной озёрами и болотами.

Почва таких лугов состоит из превосходного чернозёма, но все они решительно не годны для хлебопашества, так как в полуно воду подвержены наводнениям, что можно видеть по береговым наносам.

Совершенное безлюдье характеризует всё вышеописанное течение Лэфу. Кроме одинокой, пустой фанзы, стоящей при её устье, здесь нигде не встречается и следа человека, даже не видно ни одной тропинки, только звери и птицы — единственные обитатели этих пустынных, не пригодных для человека равнин.

Трёхфутовая глубина на перекатах по мере поднятия вверх по реке начинает попадаться довольно часто, в особенности с приближением к тому месту, где отрог хребтов, окаймляющих справа долину, упирается в реку высокой и крутой горой. У подошвы этой горы впервые встречается жилая китайская фанза, и, вместе с тем, это есть крайний

пункт, до которого еще можно, хотя и с трудом, дойти в малую воду на пароходе, сидящем менее трёх футов. Но подобная возможность не представляет никакой выгоды, потому что на левом берегу болотистая долина имеет всё ещё, по крайней мере, вёрст десять ширины, так что проложить по ней дорогу далее к рекам Сахэе и Суйфуну чрезвычайно затруднительно.

От горы, которая подошла к правому берегу реки и у подошвы которой находится китайская фанза, Лэфу принимает уже характер горной речки и совершенно не годна для плавания. Оставляя всё ту же извилистость и обрывистые (10—12 футов [3—3,6 м] вышины) берега, она имеет на перекатах довольно часто только два фута глубины, а с приближением к устью Сахэзы эта глубина спадает на полтора и даже на один фут. Притом в реке появляется множество наносного лесу и карчей, до того в иных местах загромождающих русло, что даже раз приходилось прорубать проход для нашей лодки.

Вместе с тем и скорость течения, которая делается довольно значительной с приближением к вышеназванной горе, здесь увеличивается в сильной степени, и река стремится весьма быстро по своему ложу, дно которого состоит из песка и мелкой гальки, а на низовьях из всякого ила.

Быстрота течения увеличивается, вероятно, ещё более во время разливов, когда вода, насколько можно видеть по береговым наносам, прибывает футов на десять против своего обыкновенного уровня и, по всему вероятно, затопляет долину. Но даже и тогда, во время самого высокого стояния воды, едва ли можно пройти на пароходе до устья Сахэзы по причине множества карчей, торчащих высоко из воды, и деревьев, часто наклонившихся с одного берега почти до другого.

В этой части среднего течения Лэфу как по самой реке, так и в особенности в извилинах, ею образуемых¹, появляются превосходные рощи из ясеня, тополя, ильма, грецкого ореха, пробкового дерева, яблони, липы, чёрной березы, изредка абрикоса с густым подлеском различных кустарников, в особенности винограда, и образующих густейшие заросли.

Сама долина сузилась здесь до 4—5 вёрст, будучи обставлена справа Даубихинскими горами, а слева волнообразными возвышенностями степной полосы. Но характер этой долины изменился весьма мало, и она попрежнему переполнена множеством болот и небольших тинистых озёр.

Вообще в исследованном мной нижнем и среднем² течении Лэфу удобные для заселения местности находятся только на степной полосе,

¹ Нужно заметить, что в среднем течении Лэфу везде по хорде извилин, ею образуемых, идут узкие озёра, которые замыкаются твёрдой землёю у самых берегов реки, так что пространство каждой извилины образует как бы остров. Эти озёра при небольшой ширине (10—20 сажен [20—40 м]) имеют везде одинаковую глубину (4—5 футов [1,2—1,5 м]) и, вероятно, образовались из бывших рукавов, а может быть, из самого русла реки, изменившей своё прежнее течение.

² Соображаясь с изменением характера как самой Лэфу, так равно и её долины, за нижнее течение этой реки можно принять пространство от её устья до рукава, который верстах в десяти выше отделяется влево и впадает в южную часть Камышёвой бухты. Среднее течение занимает пространство от этого рукава до устья Сахэзы, выше которого следует уже верхнее течение, не годное для плавания даже на лодках по причине быстроты и множества карчей.

окаймляющей долину справа, и на скатах тех предгорий, которые идут по левой её стороне.

Во всяком случае заселение по Лэфу при неудобстве пароходного плавания по этой реке может состояться в далёком будущем, так как прилегающие к ней степи на много десятков вёрст представляют приволье, девственные местности, где труд земледельца всегда может хорошо вознаградиться».

Вообще результаты произведённых мной исследований Лэфу были следующие:

1) Пароходство по этой реке может производиться беспрепятственно при всяком стоянии воды только вёрст на 25, если считать по реке, и вёрст на 14, если взять по прямому направлению, от устья.

2) Свободно при высокой воде, но с трудом при малой, пароходы, сидящие менее трёх футов, могут подниматься по Лэфу до первой горы, упирающейся в правый берег, т. е. вёрст на 40 от устья, если считать по реке, и вёрст на 14, если взять по прямому направлению, от устья.

3) Выше названной горы до устья Сахэзы пройти на пароходов невозможно и даже при большой воде по причине множества высоких карчей и деревьев, наклонившихся с одного берега на другой.

4) От крайнего пункта, до которого могут доходить при большой воде пароходы, чрезвычайно трудно проложить сухопутную дорогу к реке Сахэзе по причине обширных болот, наполняющих здесь лэфунскую долину на ширину не менее десяти вёрст.

5) Вся долина среднего и нижнего течения Лэфу решительно не годна для заселения.

Независимо от производства промера и глазомерной съёмки Лэфу, на что обыкновенно посвящалась одна половина дня, другая проводилась на охоте, сбирании растений, делании чучел птиц и т. п.

В великолепных рощах, окаймляющих берега среднего течения реки, гнезилось множество различных птиц, имевших в это время уже по большей части молодых, так что яйца случалось находить редко и то обыкновенно уже насиженные. Между тем, если бы явиться сюда месяцем раньше, то можно бы было собрать несколько тысяч самых разнообразных яиц.

В обрывистых берегах описываемой реки гнезилось множество *зимородков* (*Alcedo ispito vart. bengalensis*), которые, как известно, устраивают свои гнёзда в земле, выкапывая для этой цели в отвесе берега горизонтальную дыру длиною от двух до трёх футов. В самом конце дыра эта расширяется, и здесь устроено гнездо, в котором подстилкой сначала для яиц, а потом для молодых служат мелкие косточки рыб, поедаемых этой красивой птичкой.

На такой подстилке лежит обыкновенно семь яркобелых круглых яиц, которых высидивают самец и самка, поочерёдно сменяя друг друга. Как кажется, самка более по вечерам и ночью, а самец по утрам и днём.

Замечательно, как иногда непредусмотрительно эта птичка устраивает своё гнездо. Я видел некоторые норы всего фута три [90 см] над низким уровнем воды, которая в период дождей поднимается здесь несравненно выше, следовательно, затопляет молодых зимородков, если только они не успели к этому времени вылететь из гнезда. Впрочем, наводнения здесь обыкновенно случаются в июле, а к тому времени почти все молодые уже летают, следовательно, не подвергаются

опасности от воды и благополучно выводятся каждый год в затопляемых берегах.

Кроме занятых нор, здесь везде множество старых пустых, но первые всегда можно отличить от последних по противному рыбьему запаху и остаткам помёта у входа.

Высиживающий зимородок сидит чрезвычайно крепко, так что мне несколько раз случалось, всунув тонкую палочку в гнездо, пихать ею самую птичку, которая только после подобного заявления быстро выпархивала из норы.

Много раз я ловил зимородков, затыкая отверстие входа и откапывая нору сверху. В подобном случае птичка, видя безвыходность своего положения, старается обыкновенно защищаться клювом, которым бьет в просунутую к ней руку.

Притом же, если только оставить нору в целости, т. е. не откапывать её, то зимородок, даже выгнанный оттуда палкой, никогда не откинется от яиц; если же разорить нору, то хотя бы в гнезде были уже молодые, старые непременно бросят их, и молодые погибают голодной смертью. В этом я лично убедился злым опытом, несколько раз разрывая норы, чтобы достать из них яйца, но встречая там уже молодых.

Другой замечательной птицей, довольно часто попадавшейся на Лэфу, была *китайская иволга* (*Oriolus cochinchinensis*), которая гораздо больше и красивее обыкновенной европейской.

Любимым её местопребыванием служат высокие рощи по островам и берегам рек. В таких местах вскоре после прилёта каждая пара занимает определённое место и выводит там молодых.

В период спаривания и высиживания яиц самец свистит весьма усердно, в особенности по утрам, но днём в жар—изредка и то лениво, с перерывами. Голос у него много похож на голос европейского вида, но только кажется громче, нежели у последнего.

Гнездо своё эта иволга устраивает так же хитро, как и европейская, в развилине двух тонких, далеко выдающихся ветвей. В воспитании молодых и высиживании яиц принимают участие оба супруга, которые, как кажется, не терпят присутствия другой пары в своих владениях.

Много времени потратил я, отыскивая гнездо этой птицы, и только однажды нашёл его в конце июня, в роще, на берегу реки Мо. Гнездо это было сделано на оконечности длинной, тонкой ветви густой ивы, всего футов десять над землей, и в нём находилось два уже близких к вылету молодых.

Покараулив немного, я убил обоих старых, которые прилетели кормить своих детей. Но даже и в этом случае, т. е. у гнезда, здешняя иволга весьма осторожно и редко может подвернуться под выстрел.

После вылета из гнезда, что бывает обыкновенно в первой половине июля, молодые держатся выводками вместе со старыми и скитаются с места на место до самого отлёта, который происходит в конце августа. Таким образом, эта красивая птичка, прилетающая позднее всех других и рано отлетающая, является только коротким летним гостем здешних местностей.

Кроме вышеописанных птиц, в рощах и густых кустарных зарослях, окаймляющих берега Лэфу, гнездились в большом числе и другие виды, как-то: скворцы, шrikes, дятлы, синицы, мухоловки, реже белохвостые орланы, белые аисты и голубые сороки.

опасности от воды и благополучно выводятся каждый год в затопляемых берегах.

Кроме занятых нор, здесь везде множество старых пустых, но первые всегда можно отличить от последних по противному рыбьему запаху и остаткам помёта у входа.

Высиживающий зимородок сидит чрезвычайно крепко, так что мне несколько раз случалось, всунув тонкую палочку в гнездо, пихать ею самую птичку, которая только после подобного заявления быстро выпархивала из норы.

Много раз я ловил зимородков, затыкая отверстие входа и откапывая нору сверху. В подобном случае птичка, видя безвыходность своего положения, старается обыкновенно защищаться клювом, которым бьет в просунутую к ней руку.

Притом же, если только оставить нору в целости, т. е. не откапывать её, то зимородок, даже выгнанный оттуда палкой, никогда не откинется от яйца; если же разорить нору, то хотя бы в гнезде были уже молодые, старые непременно бросят их, и молодые погибают голодной смертью. В этом я лично убедился злым опытом, несколько раз разрывая норы, чтобы достать из них яйца, но встречая там уже молодых.

Другой замечательной птицей, довольно часто попадавшейся на Лэфу, была *китайская иволга* (*Oriolus cochinchinensis*), которая гораздо больше и красивее обыкновенной европейской.

Любимым её местопребыванием служат высокие рощи по островам и берегам рек. В таких местах вскоре после прилёта каждая пара занимает определённое место и выводит там молодых.

В период спаривания и высиживания яиц самец свистит весьма усердно, в особенности по утрам, но днём в жар—изредка и то лениво, с перерывами. Голос у него много похож на голос европейского вида, но только кажется громче, нежели у последнего.

Гнездо своё эта иволга устраивает так же хитро, как и европейская, в развилине двух тонких, далеко выдающихся ветвей. В воспитании молодых и высиживании яиц принимают участие оба супруга, которые, как кажется, не терпят присутствия другой пары в своих владениях.

Много времени потратил я, отыскивая гнездо этой птицы, и только однажды нашёл его в конце июня, в роще, на берегу реки Мо. Гнездо это было сделано на оконечности длинной, тонкой ветви густой ивы, всего футов десять над землей, и в нём находилось два уже близких к вылету молодых.

Покараулив немного, я убил обоих старых, которые прилетели кормить своих детей. Но даже и в этом случае, т. е. у гнезда, здешняя иволга весьма осторожно и редко может подвернуться под выстрел.

После вылета из гнезда, что бывает обыкновенно в первой половине июля, молодые держатся выводками вместе со старыми и скитаются с места на место до самого отлёта, который происходит в конце августа. Таким образом, эта красивая птичка, прилетающая позднее всех других и рано отлетающая, является только коротким летним гостем здешних местностей.

Кроме вышеописанных птиц, в рощах и густых кустарных зарослях, окаймляющих берега Лэфу, гнездились в большом числе и другие виды, как-то: скворцы, шрикуны, дятлы, синицы, мухоловки, реже белохвостые орланы, белые аисты и голубые сороки.

Эта последняя птица, всегдашняя обитательница береговых зарослей рек, обыкновенно устраивает своё гнездо невысоко над землёй и делает его из прутьев, но без покрывки сверху, как у обыкновенной сороки.

Однако на Лэфу, где мне удалось найти только одно гнездо голубой сороки, оно было устроено совершенно иначе, именно: внутри пустого, расколотого с одной стороны дуба, дупло которого имело только четверть аршина в поперечнике, так что высидивающая сорока принуждена была сидеть в нём, поднявши вертикально свой хвост. Не знаю, насколько это было удобно для самой птицы, но только другим способом она никак не могла бы уместиться в узком дупле, имевшем вход только с одной стороны.

В гнезде лежало восемь почти уже совершенно насиженных яиц, на подстилке, сделанной из порядочной горсти изюбриной шерсти, которую мне случалось несколько раз находить, и в весьма изрядном количестве, также в гнездах скворцов, шрикунов и даже голубых синиц.

Долго недоумевал я, откуда все эти птицы могут набрать столько шерсти, которую изюбр, да и всякое другое животное, теряет исподволь, притом же где попаду, так что собрать её в достаточном количестве, конечно, нет никакой возможности. Однако один из здешних старых охотников разрешил моё недоумение и объяснил, что однажды весной он сам видел, как несколько сорок сидели на спине пасшейся самки изюбра и рвали из неё шерсть целыми ключьями. Не зная, каким образом избавиться от таких неожиданных услуг, изюбр брыкался, мотал головой и так был занят этим делом, что охотник успел подкрасться и убить его.

Этот рассказ заслуживает большой веры, так как иначе нельзя объяснить, откуда могут все вышеназванные птицы добывать себе такое количество изюбриной или козлиной шерсти, какое часто находится в их гнёздах.

После вылета молодых, что бывает в конце июня или в начале июля, голубые сороки держатся сначала выводками, а к осени соединяются в небольшие общества и ведут кочевую жизнь.

В противоположность обыкновенной сороке этот вид не приближается к жилищам человека, но летом и зимой встречается в самых глухих безлюдных местах, всего чаще по береговым зарослям рек, вероятно потому, что здесь более различных ягод, служащих пищей для этих птиц.

В то время как лесные птицы и пташки гнездятся по береговым зарослям Лэфу, водяные и голенастые обильно населяют озёра и болота её долины.

Кроме цапель и колпиц, о гнёздах которых я уже говорил в предыдущей главе, здесь также выводят молодых: белые и японские журавли, бекасы, чибисы, кроншнепы, изредка ибисы, а также лебеди, утки и гуси.

Из последних чаще всего встречается гусь-лебедь (*Anser cygnoides*), которого выводки я находил уже с начала июня.

Молодых обыкновенно бывает 4—5 экземпляров и при них всегда держатся два старых — самец и самка. Иногда же два-три выводка соединяются вместе, и тогда число пар старых равно числу соединившихся выводков.

Будучи застигнуты на открытом месте, например на реке или на

озере, старые обыкновенно улетают, а молодые стараются спастись нырянием. Если же выводок успеет заблаговременно убраться в траву, то здесь все вместе пускаются пешком на уход, причём, будучи преследуемы собакой, старые взлетают только в самом крайнем случае, притворяются как утки ранеными и неумеющими летать, чтобы обратить на себя внимание врага. Молодые же тем временем прячутся в удобных местах и залегают так крепко, что обыкновенно дают схватить себя собаке или даже человеку, если последнему удастся приметить место, куда спрятался гусёнок.

Кроме птиц, на Лэфу летом много держится различных зверей, которые приходят сюда, главным образом, для вывода молодых.

Плывя на лодке, беспрестанно видишь на грязи или на песке берега то небольшой, аккуратный след козули, то схожий с ним, только несравненно больший, след изюбра, то неуклюжую ступню медведя, который иногда целой тушей скатится с крутого берега в воду, то, наконец, круглый, явственно отпечатавшийся след тигра, также приковавшего в здешние места. Сверх того, здесь встречаются кабаны, лисы, волки, а в самой речке очень часто выдры.

Все эти звери держатся как по береговым зарослям, так и по самой долине, там, где места посуше и где вместе с травой растёт хотя невысокий, но густой кустарник — шиповник, тальник, таволга или мелкий дубняк.

На подобных лугах всего чаще можно встретить коз, которые, лёжа в траве, обыкновенно подпускают к себе шагов на двадцать, даже на десять и потом вдруг вскакивают чуть не из-под самых ног охотника. Молодые же козлёнки лежат ещё крепче и в буквальном смысле подпускают к себе на два шага, в особенности если видят, что человек проходит мимо.

Много раз моя лягавая собака ловила этих козлят, иногда подстреленных, иногда же совсем здоровых, но еще не умеющих хорошо бегать. В таком случае я убивал обыкновенно и старую самку, подманивая её на крик козлёнка. Для этого я прятался где-нибудь в траве недалеко от того места, где был пойман молодой и, дергая его за уши, заставлял громко пищать. Старая самка, которая всегда держится недалеко от своих детей, услышав писк, тотчас же бросается на этот голос, подбегает шагов на десять к тому месту, где скрывается охотник и, разумеется, бывает тотчас же убита.

Другие звери не так глупы, как козы, и гораздо более осторожны, так что за всё время пребывания на Лэфу мне удалось убить только одного кабана. Между тем коз я перебил очень много, и не только продовольствовал ими с другой дичью себя и всех своих спутников, но даже иногда бросал излишек мяса, скоро портившегося на сильных жарах, стоявших весь июнь нынешнего года.

Бывшие со мной солдаты несколько раз даже доили только что убитых коз и добывали обыкновенно от каждой до двух стаканов молока, которое густо, как сливки, но сладко и приторно на вкус.

Окончив промер Лэфу, я отправился вновь выюком для исследования бассейна реки Мо, на что употребил также около месяца; вместе с тем это было и последнее мое странствование в Уссурийском крае...

Однако теперь, т. е. с наступлением летних жаров, выючные хождения сделались далеко не так заманчивы, как весной. Высокая, страшно густая трава в рост человека сильно затрудняет путь, в особенности

там, где приходится идти напрямик. Притом же мириады насекомых, не прекращающих свои нападения круглые сутки, делают решительно невозможным переходы в продолжение большей части дня, а заставляют выбирать для этой цели раннее утро или поздний вечер.

Обыкновенно, лишь только обсохнет утренняя роса, т. е. часов с девяти утра, как уже появляются оводы, число которых вскоре возрастает до того, что, без всякого преувеличения, они летают, словно самый сильный рой пчёл, вокруг человека, собаки и в особенности возле лошадей. Последним быстро разъедаются в кровь преимущественно задние части тела, так что бедные животные, мучимые целыми тысячами этих кровопийц, брыкаются, мотают головою, машут хвостом, даже бросаются на землю и все-таки не имеют возможности освободиться от своих мучителей. Ко всему этому присоединяется ещё усиливающаяся жара, так что поневоле приходится останавливаться где-нибудь в тени и, развьючив лошадей, разложить вокруг них дымокуры, которые только и спасают бедных животных.

Последние даже вовсе не думают об еде, стоят целый день в дыму и только с наступлением сумерок, когда, наконец, угомонятся оводы, отправляются на пастбище.

Но не подумайте, чтобы мучения от насекомых кончились. Нет! Теперь происходит смена, и часов с шести или с семи вечера, как только стихнет дневной ветер, появляются целые тучи мошек и комаров, кусающих нестерпимо часов до восьми или девяти следующего дня, т. е. аккуратно до новой смены оводами. Не только спать ночью, но даже днем невозможно выкупаться спокойно, потому что в антрактах надевания рубашки целый десяток оводов успеет укусить за голое тело.

Вообще, не выдавшему собственными глазами и не испытавшему на себе всех мучений от здешних насекомых, невозможно поверить, какое безмерное количество их появляется, особенно в дождливое лето. Притом же и разнообразие видов довольно велико.

Оводов можно насчитать четыре или пять различных сортов, начиная от большого, величиной почти в дюйм, до маленького, ростом со слепня. Мошек два вида: один побольше, держится на открытых лугах и болотах, другой же, мелкий, как маковое зерно, населяет леса и кусает ещё хуже, нежели первый. Комаров также два-три сорта, различающихся по величине и окраске. Словом, здесь можно составить из этих дьяволов целую коллекцию и без дальнейших хлопот собрать её на себе самом.

Теперь перейдём к рассказу о характере долины и бассейна реки Мо, которая подобно Сиян-хэ вытекает из пограничного хребта и впадает в юго-западную оконечность озера Ханка. По своей величине она также равняется Сиян-хэ; подобно ей имеет незначительную глубину, но сильно повышается во время дождей и затопляет тогда всю свою долину.

Эта последняя в нижнем течении Мо занимает 12—14 вёрст ширины и, состоя исключительно из болот возле устья реки, по мере поднятия вверх принимает более луговой характер, хотя все-таки подвержена затоплению, следовательно, не годна для заселения. Впрочем, болота на низовьях Мо далеко не так обширны, как на Лэфу. По ним даже возле самого устья реки рассыпаны, подобно островам, небольшие рёлки, представляющие большей частью круглую или эллиптиче-

скую форму. Они покрыты рощами чёрной березы [Betula] и дуба [Quercus] с густым подлеском, преимущественно лещины, реже — других кустарников.

Затем в среднем течении Мо её долина, суженная на половину прежней ширины, принимает ещё более луговой характер, хотя опять-таки в сильные разливы подвержена затоплению. Здесь по берегу реки вместо сплошного тальника начинают появляться рощи различных деревьев, которые, однако, далеко не так обширны и хороши, как на Лэфу.

С приближением к верховьям Мо её долина суживается версты на полторы, имеет превосходную чернозёмную почву и покрыта могучей травяной растительностью, в которой сразу заметно большое разнообразие сравнительно с луговой флорой среднего и нижнего течения этой реки.

Словно стена, стоят здесь густейшие травянистые заросли, к которым иногда примешиваются кустарники, и делают эти места почти непроходимыми.

Из разных видов травянистых растений на таких лугах в начале июля преобладают следующие виды: *василистник* (Thalictrum aquilegifolium) [T. contortum L.], достигающий саженной высоты; *чернобыльник* и местами тростник — тот и другой гораздо выше роста человека; *чемерица* (Veratrum nigrum), которая теперь уже отцветает; *валериана* и *вероника* (Veronica longifolia), растущие в перегонку с василистником; *живокость* (Delphinium Maackianum), только что начинающая распускать свои синие цветы; *дягиль* (Archangelica) [Angelica], который ещё не вполне развился, но уже имеет листья фута три длиною.

Враспынную между названными видами красуются: золотистожёлтая *купальница* (Trollius Ledebouri), также фута три вышиною; *горичвет* (Lychnis fulgens) со своими яркокрасными цветами; *жёлтая лилия и кипрей* (Epilobium angustifolium) [Chamaenerium angustifolium (L.) Scop.], делающий иногда совершенно розовыми небольшие площадки луга.

Возмешь, бывало, одно такое растение для гербария, так еле-еле уложишь его в два-три больших листа бумаги; притом же долго не высушишь, до того оно сочно и полно жизни.

Вообще самая могучая и разнообразная травянистая растительность в гористой полосе ханкайского бассейна, да и всего Уссурийского края, развивается по нешироким долинам в верховьях главных рек и их боковых притоков.

Правда, на обширных равнинах, каковы, например, сунгачинские или уссурийские на левом берегу нижнего течения этой реки, травянистый покров достигает саженной высоты, но там он состоит исключительно из нескольких болотных трав — всего чаще тростеполевицы, — наоборот, здесь, т. е. по долинам горных рек, на небольшом сравнительно пространстве, встречаются самые разнообразные травянистые формы, которые под влиянием влажности и жаркого лета достигают размеров, не известных в Европе.

По таким долинам, как я уже говорил выше, летом держатся с молодыми различные звери, всего более козы. Действительно, на лугах верхней Мо они попадались чуть не на каждом шагу, так что я каждый день убивал одну, даже три. Не зная, куда девать лишнее мясо, которое от сильных жаров портилось на другой же день, мы очень часто бросали

целиком убитых, так что самому делалось совестно за такую бесполезную бойню, но тем не менее, уступая охотничьей жадности, я ни разу не упустил случая застрелить ту или другую козу.

Кроме зверей, по травянистым зарослям лугов гнезилось множество различных мелких пташек (из родов *Calamobya*, *Thallopneuste*, *Emberiza* и др.), добыть которых для чучел в это время здесь очень трудно, так как в высокой траве невозможно скоро заметить небольшую, вертлявую птичку, и даже убитый экземпляр очень трудно отыскать в густых зарослях травы или кустарника. Притом же все птицы теперь находятся в линянии, так что вовсе не годны для препарирования.

В уссурийской тайге. На переднем плане пятнистые олени.

Одним словом, июль и август в Уссурийском крае составляют самое худшее время для орнитологических исследований.

Таков в общих чертах характер самой долины Мо.

Что же касается до характера всего её бассейна, то в главных чертах он не отличается от бассейна Сиян-хэ, с которым притом находится в непосредственной связи, так как наполнен отрогами того же самого пограничного хребта.

Более подробное описание этого бассейна следующее.

От волнообразных возвышенностей степной полосы, по мере удаления к западу, величина гор становится больше и самые очертания их рельефнее.

Пади и долины означаются уже довольно резко, а иногда даже появляются небольшие гребни или хребты. Но самый характер этих гор изменяется еще немного, и по своей растительности они напоминают всё ту же степь, с её рощами дуба и чёрной березы, с её зарос-

слями низкорослой лещины и дубняка, наконец, с её обширными, цветущими лугами по пологим скатам.

Но по мере того как минуешь среднее течение описываемой реки и приближаешься к её верхней части, характер гор изменяется сильнее и, наконец, там, где эта река разбивается на несколько других мелких речек, а эти в свою очередь подразделяются ещё на меньшие части, словом, со вступлением в верхнее течение Мо, горы несут уже характер, общий всей западной части ханкайского бассейна.

Достигая в своих высших точках едва ли более двух тысяч футов¹ [более 600 м], они образуют множество других меньших вершин, насаженных одна возле другой и, в большей части случаев, не представляющих определённого, резко очерченного хребта.

Узкие пади и долины имеют здесь крутые бока, хотя, впрочем, обрывистые утёсы довольно редки и гораздо чаще попадаются на Сиян-хэ, нежели на Мо; притом же самые горы, кажется, вообще выше в бассейне первой, нежели последней реки. Но как там, так и здесь они имеют один и тот же характер растительности, состоящий в преобладании лиственных деревьев, преимущественно дуба и чёрной берёзы. Из других пород встречаются, хотя в несравненно меньшем числе, грецкий орех, пробка, ясень, ильм, абрикос и вообще виды, свойственные Уссурийскому краю. Только сосна в бассейне Мо попадаетеся гораздо реже, чем в Сиян-хэ.

Затем все скаты гор покрыты сплошь густыми зарослями лещины, с которою внизу перемешана таволга, леспедца, мелкий березняк и липа, а ближе к вершине — рододендрон. Кроме того, здесь, так же как и на Сиян-хэ, многие горы совершенно оголены порубкою дубов китайцами ради грибного промысла.

Что же касается до удобства заселения бассейна Мо, то хотя долина этой реки, подверженная наводнениям, совершенно не годна для подобной цели, но зато пологие скаты, окаймляющие её в среднем и нижнем течении и принадлежащие уже степной полосе, представляют как для хлебопашества, так и для скотоводства превосходные местности, которые, без сомнения, должны быть заняты при дальнейшей колонизации этого края.

...Минул июль, а вместе с ним кончились и мои золотые дни! Переплыв на пароходе озеро Ханка, я вновь очутился 7 августа на истоке Сунгачи, откуда утром следующего дня должен был ехать на Уссури, Амур и далее через Иркутск в Россию.

С грустным настроением духа бродил я теперь возле поста № 4, зная, что завтра придётся покинуть эти местности и, быть может, уже никогда не увидеть их более. Каждый куст, каждое дерево напоминало мне какой-нибудь случай из весенней охоты, и ещё дороже становились эти воспоминания при мысли о скорой разлуке с любимыми местами.

Проведя под такими впечатлениями остаток дня, я отправился на закате солнца вдоль по берегу Ханка знакомой тропинкой, по которой ходил не одну сотню раз.

Вот передо мною раскинулись болотистые равнины и потянулся узкой лентой тальник, растущий по берегу Ханка; вот налево виднеется

¹ Не имея барометра, я не мог определить истинную высоту этих гор, а на глаз, конечно, трудно судить в этом случае даже приблизительно.

извилистая Сунгача, а там, далеко за болотами, синеют горы, идущие по реке Дауби-хэ.

Пройдя немного, я остановился и начал пристально смотреть на расстилающуюся передо мною картину, стараясь как можно сильнее запечатлеть её в своём воображении. Мысли и образы прошлого стали быстро проноситься в голове... Два года страннической жизни мелькнули, как сон, полный чудных видений... Прощай, Ханка! Прощай, весь Уссурийский край! Быть может, мне не увидеть уже более твоих бесконечных лесов, величественных вод и твоей богатой, девственной природы, но с твоим именем для меня навсегда будут соединены отрадные воспоминания о счастливых днях свободной, страннической жизни...

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

Млекопитающие Уссурийского края: Тигр.—Барс.—Рысь.—Дикая кошка.—Медведи: бурый и тибетский.—Барсук.—Непальская куница.—Соболь.—Колонок.—Горноста́й.—Ласка.—Выдра.—Волки: серый и красный.—Лисица.—Енотовидная собака.—Еж.—Крот.—Землеройка.—Летучая мышь.—Белки обыкновенная и летяга.—Бурундук.—Зайцы: беляк и маньчжурский.—Кабан.—Антилопа.—Кабарга.—Лось.—Изюбр.—Аксис.—Дикая коза.

Прежде чем приступить к рассказу о млекопитающих Уссурийского края, которому будет посвящена настоящая глава, я позволю себе упомянуть о тех причинах, которые служили сильным препятствием к обстоятельному изучению этих животных.

К таким причинам прежде всего следует отнести обязательную быстроту моих передвижений во время зимней экспедиции в Южноуссурийском крае, следовательно, в период самый лучший для подобных исследований.

Таким образом, вместо того чтобы, основавшись где-нибудь в благоприятной местности, заняться исследованием тамошних млекопитающих, я должен был итти день за днём, чтобы окончить свою экспедицию к назначенному сроку. Понятно, что при такой поспешности всякое наблюдение из жизни животной становилось делом более или менее случайным, и я вносил в свой дневник только одни крохи, которые изредка удавалось перехватить.

Вторая зима, проведённая мной в тех краях, оказалась ещё неблагоприятнее первой, так как я должен был целые полгода (с августа по февраль) прожить в городе Николаевске, занимаясь исключительно служебными делами.

Другая причина, препятствовавшая собиранию сведений о здешних млекопитающих хотя бы из рассказов местных жителей, заключалась в незнании китайского языка и совершенном равнодушии как наших русских, так и инородцев ко всему, что только не доставляет прямой выгоды. Последние, т. е. инородцы, всегда крайне неохотно пускаются в подобного рода рассказы и обыкновенно дают самые уклончивые ответы.

Таким образом, я пробовал несколько раз заговаривать (конечно, более объясняясь пантомимами) с одним и тем же инородцем об одном и том же предмете, делая только различную постановку вопроса, и часто получал два ответа, диаметрально противоположные по смыслу. Притом какое нужно иметь ангельское терпение, чтобы объясняться с манзами о таких вещах, которые их вовсе не интересуют. Бывало показываешь китайцу шкуру какого-нибудь зверя, чтобы дать понять о чём идет речь, а он тотчас же станет объяснять, что эта шкура годится на воротник или на шапку, что она стоит столько-то рублей; на все же остальные вопросы отвечает только «бутунда», т. е. не понимаю, видя их совершенную бесполезность.

Казалось бы, что в зимнее время, когда, главным образом, производятся здесь все охоты инородцев, очень легко купить у них экземпляры различных животных еще неободранные, следовательно, годные для описания, зоографических измерений, приготовления чучел и т. п.; но дело в том, что такие экземпляры можно добыть только как редкую случайность.

Подобное явление происходит вследствие того, что все здешние охотники обыкновенно снимают шкуру со зверя на том же месте в лесу, где его убьют, а большое животное, например, медведя, оленя или кабана, разрубаят еще на куски для того, чтобы удобнее было перетасить мясо домой.

Разумеется, если жить на одном месте и заказать наперед, то вам доставят любого зверя, но только не иначе, как за весьма большие деньги, потому что промышленник, обыкновенно отправляющийся в лес на долгое время, должен ради доставления вам цельного экземпляра ворочаться иногда очень издалека.

Изложив причины, страшно тормозившие исследование млекопитающих Уссурийского края, я постараюсь теперь сообщить то немногое, что мне удалось узнать относительно названных животных. Хотя сведения эти слишком поверхностны и неполны, но я не обхожу их молчанием в том убеждении, что из немногочисленного в последствии слагается многое и что они до некоторой степени могут служить дополнением обширных изысканий того же рода, произведённых в Амурском и частью в Уссурийском крае Шренком¹, Радде² и Мааком³.

В общем относительно млекопитающих описываемой страны можно сказать, что здесь всего более преобладают хищные, затем грызуны и жвачные. В меньшем числе встречаются насекомоядные, а рукокрылые и толстокожие имеют самое незначительное число представителей.

При этом подобно тому, как мы уже видели в области растительного мира, среди млекопитающих Уссурийского края встречаются формы, свойственные как северным частям Азии, так и южным странам этого материка: Японии, Китаю, Индии и Зондским островам. За

¹ Шренк Леопольд Иванович (1830—1904) — известный учёный, работавший в области этнографии, антропологии и зоогеографии.—*Ред.*

² Радде Густав Иванович (1831—1903) — натуралист, путешественник и географ. Путешествовал в Восточной Сибири в 1855—1860 гг.—*Ред.*

³ Маак Ричард Карлович (1825—1886) — исследователь Сибири и Дальнего Востока. В 1855—1856 гг. участвовал в Амурской экспедиции. В 1859 г. исследовал долину р. Усури.—*Ред.*

исключением только одного вида оленей¹, именно аксиса (*Cervus axis*) и может быть, некоторых мелких грызунов, остальные млекопитающие описываемой страны встречаются также и в соседних частях Амура. Но при сравнении фауны этого последнего с фауной Уссурийского края тотчас можно заметить, что южные формы животных, обитающие в достаточном числе в бассейне Уссури, уже гораздо реже встречаются в области Амура и, наоборот, некоторые северные виды, спускаясь в Уссурийский край, значительно уменьшаются в числе и даже иные, как, например, лось, находят здесь южную границу своего распространения.

Рассказ о млекопитающих Уссурийского края я начну с самого замечательного животного здешних стран — тигра (*Felis tigris* L., по-китайски лау-маза).

Этот последний водится по всему Уссурийскому краю и далеко заходит в область Амура, встречаясь здесь приблизительно до 52° северной широты². Впрочем, как исключение тигр попадается иногда ещё севернее этого предела и не только изредка забегает в южные части Забайкалья и Западной Сибири, но даже, как говорят, по льду Амурского лимана переходит на остров Сахалин.

По своей силе и величине уссурийский тигр ни в каком случае не уступает тигру бенгальскому. Я видел однажды шкуру самца, которая имела с хвостом одиннадцать с половиной футов [3,4 м] длины. Из этой общей цифры на долю туловища приходилось восемь футов [2,4 м] и три с половиной [106 см] — на хвост.

Конечно, снятая и выделенная шкура была вытянута против своей нормальной величины, но, отбросив даже на это один фут, мы имеем длину туловища, равную целой сажени. Самка достигает меньших размеров и та, которой чучело находится у меня, имела туловище длиной в пять с половиной футов, а хвост около трёх футов.

В то же время уссурийский тигр отличается от своих собратьев, обитающих в тропиках, несравненно более густой и длинной шерстью³, что, конечно, находится в прямой связи с суровостью климата здешних стран.

Относительно распространения этого зверя в описываемой стране можно сказать, что он гораздо чаще встречается в южных частях Уссурийского края, чем в северных. В особенности много тигров в бассейне озера Ханка, в области верхней Уссури и на морском побережье между заливом Посета и гаванью Св. Ольги. Во время своей зимней экспедиции в этих местах я каждый день встречал тигровые следы, хотя самого зверя, за которым охотился много раз, удалось видеть только однажды на реке Сучане.

Тигр не есть заходный гость Уссурийского края, а коренной его

¹ А может быть и двух видов, так как кроме аксиса в Южноуссурийском крае встречается ещё другой вид пятнистого оленя. См. об этом в конце настоящей главы.

² Зимой 1868/69 года тигры забегали на нижнем Амуре далее устья Горыни, а на верхнем — выше устья Кумары.

³ Длина зимней шерсти у самца тигра на шкуре, добытой мной от китайцев, следующая: на загривке 70—75 мм; на бороде 100—110 мм; на спине 50—55 мм; на боках 40—45 мм; на животе 90—105 мм; на хвосте 40—45 мм. Притом же ярко-чёрные полосы на красновато-жёлтом поле делают мех уссурийского тигра чрезвычайно красивым. Самка этого зверя имеет здесь более короткую и менее яркую шерсть.

обитатель, так как живёт здесь круглый год и выводит молодых, шкуры которых мне самому удавалось видеть несколько раз у местных жителей.

Время течки этих зверей бывает в январе, когда несколько самцов ходят за одной самкой¹ и в припадке ревности страшно дерутся между собой. Эти побоища иногда стоят жизни которому-нибудь из влюбленных кавалеров. Так, на реке Мангугай зимою 1869 года охотники нашли место подобной драки и разорванного молодого самца. Тигрица выводит молодых в апреле или в мае и помещает их, как говорят, в глухих местах на солнцепеках, т. е. южных покатосях гор, для того чтобы весеннее солнце могло согреть её детенышей.

Главную пищу тигра составляют изюбры, пятнистые олени и кабаны. Впрочем, последние, в особенности старые самцы, не легко достаются в поживу, и иногда клыками распарывают брюхо своему врагу.

С медведем тигр также живёт не в особенной дружбе, и охотники рассказывали мне, что однажды они нашли место, где дрались два этих зверя. Оба они схватились близ вершины горы и покатались вниз, оставляя по траве и кустам широкий след, где по клочкам шерсти нельзя было сомневаться, что это дрались именно тигр и медведь. Так катились эти звери несколько сот шагов. Наконец, тигр задавил медведя, но, вероятно, и мишка порядком помял бока своему врагу, потому что в иных местах лежали большие клочья тигриной шерсти.

Однако не всегда и тигр ведёт себя, как подобает царственному зверю. Не говоря уже про то, что он не брезгает никакой падалью, я сам однажды зимою нашел место, где этот зверь поймал и съел, кого же? — сову. Кто его знает, как он ухитрился это сделать, но только следы на снегу, указывавшие место ловли, наконец, валявшиеся тут же перья из крыльев и хвоста не оставляли никакого сомнения в том, что громадный зверь соблазнился такой гнусной птицей. Видно, голод не своей брат для тигра, и ему, так же как многим людям, часто сбивает спесь.

Когда зимою выпадут в Уссурийском крае большие снега и добыча зверей делается весьма затруднительной, тогда тигры приближаются к казачьим станицам, крестьянским деревням и китайским фанзам. Здесь они таскают собак, коров, но при случае не прочь полакомиться и человеком. Таким образом на реке Цыму-хэ в 1867 г. тигры задавили двадцать одного манзу и шестерых ранили. Этот рассказ я слышал как во Владивостоке, так и на самой Цыму-хэ, следовательно, он заслуживает большого доверия.

Наглость этих зверей иногда доходит до того, что они прямо врываются ночью в фанзы и таскают спящих манз. Некоторые из фанз совсем даже брошены потому, что в них нет житья от тигров.

В верховьях реки Мо один из манз показывал мне свою раненую, но уже зажившую руку и подробно рассказал о том, как случилось с ним такое несчастье.

¹ Однажды во время течки охотники видели недалеко от Владивостока сразу шесть тигров, которые следовали за седьмой самкой. Перепугавшись такой встречи, они залезли на деревья, и когда звери ушли, то, обождав немного, вернулись обратно во Владивосток. Рассказ этот я передаю в том виде, как слышал его от этих же самых охотников.

Тигр, забравшись в ограду фанзы, где жил рассказчик, сначала задавил лошадь, но, не удовлетворившись этим, вырвал заклеенное бумагой окно в самой фанзе и, схватив за руку манзу, спавшего как раз возле этого окна, потащил его наружу. По счастью китаец спал поперёк окна, так что застрял в проходе и, проснувшись при таком неожиданном сюрпризе, поднял страшный крик. Другие манзы также вскочили и отбили своего товарища, который отделался только ранами на руке да смертельным страхом, обуявшим несчастного в то время, когда тигр тащил его из фанзы.

В свою очередь манзы оплачивают тигру за его проделки, и хотя не отваживаются вступать в открытый бой с страшным зверем, но устраивают особые западни, в которые ловят своего врага.

Для этого китаец пристраивает сбоку фанзы из толстых кольев длинную и узкую загородь, которая сверху накрывается потолком. С одной стороны этой загородки делается небольшой вход, плотно закрываемый рамой, которая может подниматься вверх и опускаться вниз наподобие окошек в наших крестьянских избах. В противоположной от входа стороне устраивается внутри загороди особое отделение, в котором помещается свинья или собака для приманки.

Каждую ночь рама настораживается, так что как скоро зверь войдет внутрь загороди, то эта рама опускается и закрывает выход.

Рыская ночью вокруг фанзы, тигр вдруг слышит хрюканье свиней или писк поросят. Всё это до того соблазнительные звуки, что он сильно лакомится хорошенько поужинать, но сколько ни ходит возле загороди, однако, не может ничего достать сквозь толстый частокол. Вдруг перед ним отверстие и вход прямо внутрь. Этого только и нужно для зверя, который одним прыжком влезет в середину загороди, но настороженная рама тотчас же закрывается — и тигр пойман. Напрасно употребляет он все усилия, чтобы выбраться из ловушки, напрасно могучими лапами скребёт в загородь — толстые колья не поддаются, а между тем в узком пространстве негде повернуться и пустить в дело всю силу.

По страшному рёву китаец тотчас же узнает, что тигр попался в западню, и совершенно безопасно убивает его из ружья сквозь отверстие в загороди.

Последняя делается иногда и в другом роде, именно, с двумя дверями, одна против другой. В середине привязывается поросенок или собака и обе рамы настораживаются таким образом, что сразу закрываются, если тронуть за привод.

Замечательно, что, попавшись в подобную ловушку, тигр никогда не трогает свиньи или собаки, привязанной там для приманки.

Тигровая шкура в Уссурийском крае стоит довольно дорого — от 25 до 30 руб. Причиной такой высокой цены служит большой спрос на эти шкуры, так как каждый из новоприезжих непременно желает приобрести её для себя и, кроме того, они охотно покупаются маньчжурскими купцами.

Сверх того, китайцы дорого ценят жёлчь и кости тигра. То и другое они отправляют в Пекин, где жёлчь употребляется как лекарство в различных болезнях, а кости, переделанные в порошок, даются, как говорят, во время войны солдатам, чтобы возбудить в них тигриную храбрость.

Инородцы Уссурийского края, действительно, иногда едят тигриное мясо в той уверенности, что подобная пища укрепляет в человеке храбрый дух.

Замечательно, что собаки не отказываются попробовать этой говядины, и моя лягавая однажды съела несколько фунтов тигриного мяса, оставшегося от черепа, вываренного в горячей воде.

Тигры делают много вреда, часто истребляя скот у казаков и крестьян. В июне 1869 года в селении Троицком на западном берегу озера Ханка в течение одного месяца тигр задавил 22 коровы и лошади, и совершенно безнаказанно, так как не было никакой возможности ни подкараулить его, ни выследить.

Вообще о проделках тигров в Уссурийском крае ходит множество рассказов, но я сообщу здесь только самые замечательные.

Таким образом, зимой 1868/69 года тигр пришел ночью в пост Раздольный на реке Суйфуне, и видя, что конюшня, в которой помещались лошади, плотно заперта, не долго думая, вскочил на крышу, откуда через небольшое отверстие забрался к лошадям и тотчас же задавил двух. Остальные лошади, перепугавшись неожиданного гостя, подняли страшный шум, так что солдаты, спавшие в соседней казарме, догадавшись в чем дело, прибежали на помощь.

Услышав голоса людей, тигр выскочил через то же самое отверстие в крыше и исчез в темноте, так что вошедшие с огнём солдаты нашли в конюшне только двух мёртвых лошадей, валявшихся на земле.

В это самое время раздаётся новый гвалт в свинарнике, и прежде чем туда прибежали солдаты, этот же самый тигр успел задавить трёх свиней и уйти совершенно благополучно.

Ободренный такими удачными подвигами, тигр приходил сюда ещё несколько раз ночью и таскал собак, но, наконец, был подкараулен охотниками и убит.

Однажды днём он посетил соседнюю телеграфную станцию, где в это время находился только один сторож. Последний, сидя в избе, вдруг заметил, что кто-то подошёл к окну и, взглянув в него, увидал тигра, который спокойно лизал сосульки, намёрзшие на стекле. Перепугавшись досмерти, солдат спрятался в печку и ждал, что будет дальше. Тигр же забрался во двор, задавил находившуюся там лошадь, наелся мяса и преспокойно удалился в лес.

После ухода зверя солдат вылез из печки, и когда вечером возвратился его товарищ, ходивший на охоту, то рассказал ему обо всём происшествии и о постигшем их несчастье.

Посоветовавшись между собой, оба солдата решили караулить тигра, который имеет обыкновение, в особенности зимой, возвращаться к оставленной и несъеденной добыче. Действительно, ночью зверь пришёл, перескочил опять во двор и принялся доедать лошадь. Тогда оба солдата, караулившие в избе, приотворив немного дверь, выстрелили, но мимо. Тигр отскочил в сторону, но видя, что всё благополучно, стал опять продолжать свой ужин. Солдаты опять выстрелили, но опять дали промах, а тигр, попрежнему отскочив на несколько минут в сторону, снова принялся за лошадь. Таким способом солдаты сделали семь выстрелов, но тигр всё-таки не уходил и только восьмая пуля, угодив прямо в позвоночный столб, убила зверя наповал.

Но вот ещё замечательный случай.

На пограничном с Маньчжурией нашем посту, лежащем верстах в пятнадцати от города Хун-Чуна, живут несколько солдат и у одного из них была корова с молодым телёнком. Однажды ночью тигр забрался во двор поста, перепрыгнув через забор, по крайней мере, в две сажени вышины. Здесь он тотчас же схватил телёнка и начал его душить на глазах чадолюбивой матери. Предсмертные стоны дитяща победили чувство страха и, представьте! корова бросается на тигра и бодает его в бок своими рогами. В это самое время разбуженные шумом солдаты делают выстрел, так что оторопевший тигр бросает телёнка и хочет спастись бегством через забор, но делает неудачный прыжок, а между тем ободренная своей победой корова снова бросается на зверя и снова его бодает. Вслед затем раздаётся новый выстрел... Перепуганный тигр, видя, что не может уйти, совсем теряется и мечется, как сумасшедший, по двору с одного конца на другой, преследуемый рассвирепевшей коровой.. Наконец, зверь делает ещё прыжок и перескакивает через забор. Храбрая победительница возвращается тогда к своему детёнышу, но находит его уже мёртвым. Рассказ этот я слышал от солдат, очевидцев такого необыкновенного боя, показывавших мне даже и самую корову, по всей справедливости, «храбрую из храбрых».

На Уссури тигры также каждую зиму творят различные проделки.

Так, в 1866 году этот зверь, поселившись возле станицы Козловской, начал очень часто посещать как эту, так и соседние станицы, перетаскал из них около 25 собак и задавил трёх коров. Наглость этого тигра доходила до того, что он несколько раз днём приходил в станицу ловить собак и нагнал такой страх на жителей, что ночью все боялись выходить из домов.

Наконец, на масляной неделе казаки в числе 16 человек отправились по свежему следу за этим зверем, только что задавившим в станице собаку. Придя в соседний лес, охотники разделились попарно, чтобы лучше выследить и окружить тигра, который залег верстах в трёх от станицы. Одна такая пара немного выдалась вперёд, рассматривая, куда направился след, как вдруг притаившийся за кустом зверь неожиданно выскочил оттуда и бросился на ближайшего казака так быстро, что тот не успел даже выстрелить. Свалив своим прыжком этого казака на землю, он принялся грызть ему правую руку, у которой раздробил всю кость. Между тем другой казак, который также был сбит с ног первым прыжком тигра, до того испугался, что не мог даже стрелять в упор в то время, когда зверь грыз его товарища. Последний, лишь только оставил его тигр, схватил заряженное ружье этого казака и выстрелил, но с горяча промахнулся и тем ещё более раздражил рассвирепевшего тигра. С диким рыканьем бросился он вторично на смельчака и схватил его за другую руку, которой хотя нанёс несколько ран, но, к счастью, как-то не успел сломать кость.

На крик и суматоху подоспели ближайшие охотники, и один из них, у которого осеклось ружьё, вонзил тигру штык между челюстями, но могучий зверь, давнув зубами, сломал этот штык пополам и вместе с оставшимся и увязшим во рту обломком скрылся в лесу.

Подобрав раненого товарища, казаки возвратились в станицу, но, зная обычай тигра приходиться вторично к оставленной добыче, они насторожили несколько ружей возле задавленной собаки, которую он не успел съесть. Действительно, в следующую ночь тигр пришёл к этой

приманке и задел за привод; тогда одно ружье выстрелило и ранило его в ляжку.

Лишь только рассвело, казаки в числе 26 человек отправились вновь за раненым зверем, который перешёл через Уссури и залег в густом ивняке на противоположной стороне реки. Наученные горьким опытом, охотники шли теперь уже все вместе и притом взяли с собой нескольких собак, которые вскоре открыли зверя. Тот сначала пустился на уход, но потом, когда его стали преследовать собаки, обернулся и начал ловить этих собак. Между тем казаки подвигались всей гурьбой, и когда тигр очутился довольно близко, тогда один из них, отличный стрелок, выдвинулся вперед шагов на десять и выстрелил, но дал промах. В то же мгновенье, невзирая на всю массу стоявших перед ним людей, тигр бросился на стрелявшего и схватил его за руку, но так как не мог исправно действовать челюстями, между которыми все ещё сидел увязший обломок штыка, то не изломал этой руки, а только сильно её изранил. Казаки бросились выручать своего товарища, и человек десять сразу вонзили штыки в тигра, которого едва могли уложить.

Вскоре после этого происшествия убили ещё одного тигра в соседней станице Васильевой.

Здесь трое казаков поехали в лес за дровами и верстах в четырёх от станицы увидели тигра, который, сойдя немного с дороги, лёг на снегу. У казаков была с собой только одна винтовка и они решили, чтобы тот из них, который имел ружьё, влез с этим ружьем на ближайшее дерево и стрелял бы оттуда; двое же других отъехали с полверсты назад и смотрели, что будет далее.

Взобравшись как можно выше и уместившись на дереве, казак приложился из винтовки и выстрелил в тигра, но не попал. После выстрела зверь только поднял голову, пристально посмотрел на то место, откуда раздался выстрел, и попрежнему остался лежать. Ободренный таким странным поведением тигра, казак зарядил на дереве винтовку и вторично выстрелил, но опять дал промах. Тигр не обратил внимания также и на этот выстрел, так что казак снова зарядил, и только третья пуля, ударив прямо в лоб, уложила зверя на месте. Убитый тигр оказался страшно исхудалым и был, вероятно, больной или, скорее, сильно отощавший с голода, иначе он никогда не позволил бы расстреливать себя так спокойно.

В конце января 1868 года тигр был убит в станице Красноярской следующим образом.

На краю этой станицы жил казак, имевший пару быков, которые, как обыкновенно у здешних казаков, помещались во дворе под открытым небом.

Тигр, прогуливаясь ночью возле станицы, заметил лакомый кусочек и, не долго думая, перескочил через забор во двор, задавил одного быка и принялся спокойно есть его тут же на месте.

Самого хозяина в это время не было дома, оставалась только одна старуха, которая, услышав шум, выглянула в окошко и увидела, какой забрался к ним нецеремонный гость. Полумёртвая от страха баба не смела даже пошевелиться и, причитывая разные молитвы, поневоле должна была смотреть, как тигр ужинал и, наевшись досыта, ушёл со двора. Заголосила утром баба на всю станицу, но горю пособить уже нельзя, быка не воскресить, и оставалось только нака-

зять самого тигра, который должен был явиться в следующую ночь доедать остатки своей добычи.

Двое казаков стали караулить зверя и засели в доме, на дворе которого лежал задавленный и нарочно неубранный бык. Действительно, ночью тигр уже шёл к нему, но на пути поймал собаку и ограничился только этим лёгким ужином. Нужно заметить, что тигры чрезвычайно лакомы до собак и предпочитают их всякой другой пище. Может быть, собачье мясо имеет для них особенный вкус, а может быть, в этом случае действует вековая вражда всей кошачьей породы к собачьей.

Просидев напрасно целую ночь и не дождавшись тигра, казаки на следующий день решились выследить его и убить днём.

Для этого они в количестве 12 человек отправились по следу зверя и вскоре нашли его залёгшим в кустах. Однако тигр не допустил до себя охотников, бросился науход и, выбравшись на дорогу, побежал по ней в направлении к станице. В это самое время казак, у которого была задавлена скотина, боясь, чтобы такая же участь не постигла и другого, последнего быка, погнав его в соседнюю станицу, чтобы продержаться там несколько дней, пока не покончат с тигром. Спокойно шёл он по дороге как раз в то время, когда тигр бежал по ней, уходя от охотников, так что совершенно неожиданно повстречался с казаком. «На, ешь и другую мою скотину!» — закричал этот последний и, бросив быка, пустился бежать к станице.

Однако зверь, преследуемый казаками, не тронул этого быка и, свернув с дороги, перешёл через Уссури на остров, заросший ивняком. Охотники отправились туда за ним, хотя тигр, которому тяжело было ходить по глубокому снегу, не уходил с острова, но вертелся с одного его конца на другой, следуя по пятам казаков, которые, боясь разделиться, ходили гурьбой. Наконец, потеряв терпение, охотники разошлись попарно и пошли облавой. Загнанный таким образом на самый угол острова, тигр бросился было на реку, но не посмел бежать по чистому месту и опять прыгнул на остров. Увидав близко людей, он остановился, собираясь прилечь. В это самое время один из казаков выстрелил в него и так удачно, что пуля, раздробив левую лопатку, прошла в грудь навывлет. Ошеломленный таким ударом, тигр страшно ревел, но не успел еще опомниться, как получил другую пулю в спину. Два таких ловких выстрела повалили зверя на землю, где в предсмертной агонии он начал терзать стоявший возле пень; наконец, третья пуля в упор покончила дело.

Убитый тигр — самка средней величины, имел от начала хвоста до конца морды пять с половиной футов [165 см], а хвост — три с половиной фута длины [106 см]. У него оказалось отмороженным левое ухо и конец хвоста; кроме того, шерсть на всей внутренней стороне передних и задних лап была вытерта, а кожа покрыта язвами, из которых сочилась кровь. Видно, не так удобно царственному зверю гулять по глубокому снегам Уссурийского края, как по бенгальским джунглям или по пальмовым лесам тропических стран!..

Барс (*Felis irbis* Miil, по-китайски цин-цен-пау) [*Murtes zibellina*] водится по всему Уссурийскому краю¹, но встречается здесь несравненно

¹ Барс забегает также и в область среднего Амура, но только чрезвычайно редко.

реже, нежели тигр. Притом он держится в самых глухих местах, и даже зимой не приближается к жилищам людей, кроме редких исключений.

Вообще барс чаще попадает в Южноуссурийском крае, нежели на самой Уссури, хотя и там и здесь он все-таки очень редок. За время своего пребывания в Уссурийском крае я только два раза видел след этого зверя и мог достать только одну его шкуру¹, да и то совершенно обезображенную. Средняя цена барсовой шкуры в здешних местах простирается от 15 до 20 серебряных рублей. Подобно тигровому меху, их охотно покупают маньчжурские купцы и отправляют в Китай.

Местные инородцы боятся барса более, нежели тигра, потому что от него нельзя спастись на дереве, так как этот зверь превосходно лазит. Впрочем, я ни разу не слыхал, чтобы барс задавил где-нибудь в Уссурийском крае человека, тогда как тигры творят это каждый год.

Притом описываемый зверь, как кажется, пользуется у гольдов и орочей таким же богопочитанием, как и тигр. По крайней мере, у этих племён встречаются идолы с изображением того и другого животного.

Период течки и вывода детей у барсов в Уссурийском крае бывает, по рассказам местных жителей, в то же самое время, как и у тигров.

Рысь (*Felis Lynx* L., по-китайски чересунь) принадлежит к числу зверей, водящихся по всему Уссурийскому краю, но, как и везде, она попадает здесь довольно редко.

Держась преимущественно глухих, уединённых мест, этот зверь чаще встречается в дремучих хвойных лесах главного кряжа Сихотэ-Алиня, следовательно, в области истоков Уссури и её правых притоков. В особенности довольно рысей в верховьях Бикина, откуда ежегодно приносят их шкуры гольды, возвращающиеся весной с соболиного промысла. Впрочем, описываемый зверь водится и в лиственных лесах на западном берегу озера Ханка, но попадает здесь очень редко.

Самому мне не удалось убить рыси, но я приобрёл от китайцев шкуру, которая без хвоста имеет ровно четыре фута длины [122 см], а хвост девять дюймов [22 см], следовательно, этот зверь достигает здесь очень больших размеров. Китайцы весьма ценят рысьи шкуры и платят за них 7—10 серебряных рублей.

При расспросах о характере и образе жизни описываемого зверя я всегда получал от инородцев один ответ, что он «ига-ян лау-маза», т. е. все равно, что тигр. Хотя, конечно, подобное сравнение крайне преувеличено, но более подробных сведений нельзя было добиться. Притом манзы говорили мне, что, кроме обыкновенной рыси, которую они называют «чересунь», здесь водится другой зверь, очень похожий на неё по окраске, но только без кисточек на ушах и с более коротким хвостом. Они называли его «турусунь» и уверяли, что по росту он больше обыкновенной рыси. Несмотря на все старания, я нигде не мог достать шкуру «турусуни», но тем интереснее расследование об этом животном, которое, быть может, увеличит собой число известных млекопитающих Уссурийского края.

Дикая кошка (*Felis eundata* Desm., по-китайски коймали) при-

¹ Длина этой шкуры без хвоста (хвост наполовину оторван) равняется 4 футам и 5 дюймам 1135 см. Длина шерсти на загривке 40—45 мм, на спине 40—50 мм, на боках брюха 50—60 мм, на хвосте 45—50 мм.

надлежит к числу тех южноазиатских видов, которые появляются в Уссурийском и частью в Амурском крае. Впрочем, на Амуре этот зверь встречается только в южной области его среднего течения.

В бассейне Усури дикая кошка также попадает довольно редко, но весьма обыкновенна на побережье Японского моря между заливом Посьета и гаванью св. Ольги.

Этот злой и осторожный зверь, достигающий значительной величины¹, держится здесь по глухим лесистым падам или по горам, возле утёсов и россыпей.

За исключением периода течки, дикие кошки живут по одиночке или парами. Питаются они мышами и различными птицами, гнёзда которых и молодых истребляют немилосердно; в то же время не отказываются нападать на зайцев и даже на молодых косуль. На промысел охотнее отправляются ночью или в сумерки, нежели днём.

Будучи преследуема собакой, дикая кошка тотчас же залезает на дерево, где легко может быть убита подоспевшим на лай охотником. Особого промысла за этим зверем не существует, так как мех его ценится дешево — всего от 50 коп. до 1 руб. за шкуру.

Представителями стопоходных в Уссурийском крае служат два вида медведей: *бурый* (*Ursus arctos* L.) и *тибетский* (*Ursus tibethanus* Cuv.). Первый из них, т. е. бурый медведь (по-китайски хый-шаза), распространён в большом количестве по всему Уссурийскому краю. Кроме того, здесь также обитает и зоологическая его разновидность, которая встречается в Камчатке, на побережье Охотского и Японского морей, на Шантарских островах² — и которую Миддендорф³ назвал *U. arctos* var. *Beringiana*.

Медведь этот распространён по всему Уссурийскому краю до самых южных его частей и достигает огромных размеров. Таким образом, в июне 1868 года, мне удалось убить на реке Сучане взрослого самца, который имел 7½ футов [2,2 м] длины при высоте у зашейка около 4 футов [1,2 м] и весил приблизительно 18—20 пудов⁴ [3 ц]. Подошва задних лап этого чудовища занимала 13 дюймов [32 см] в длину и до 7 дюймов [17,5 см] в ширину, а когти на передних лапах имели по верхней дуге 3 дюйма, так что равнялись пальцами большой человеческой руки. При этом цвет шерсти уссурийского бурого медведя сильно изменчив и представляет все переходы от совершенно чёрного до светлобурого.

Однако, несмотря на свою огромную величину, здешние медведи чрезвычайно миролюбивого нрава⁵, так что сами никогда не нападают на человека и, даже будучи ранеными, обыкновенно уходят от охотника.

Однако «нет правила без исключения». Случается иногда, что раненый мишка, остервенившись, бросается на стрелка, и если этот последний потеряет присутствие духа или, на несчастье, не будет

¹ Величина туловища уссурийской дикой кошки простирается до 2½ футов (75 см); кроме того, на долю хвоста приходится 15 дюймов (37 см).

² Шантарские острова лежат в Охотском море недалеко от устья Амура.

³ *Sibirische Reise*, B. II. T. I, стр. 5—67.

⁴ Череп этого медведя имеет в длину 18 дюймов (45 см).

⁵ По свидетельству Стеллера, Миддендорфа, Шренка и др., таким же миролюбивым нравом отличаются медведи, живущие в других частях северо-восточной окраины Азии, между тем как внутри страны, например, в бассейне озера Байкала, этот зверь уже делается злым и свирепым.

иметь, кроме выстреленного ружья, никакого другого оружия — тогда судьба его решена.

Во время своего путешествия по Уссурийскому краю я много раз охотился за медведями и стрелял их; но только один раненый зверь, — тот самый, о котором упомянуто выше, — вздумал разделаться со мной. Будучи пробит первой пулей на расстоянии 40 шагов в грудь навyleт и ободренный, вероятно, еще тем, что я был один, этот медведь с рёвом бросился на меня. По счастью, в штуцере оставался заряженным другой ствол и, быстро вскинув к плечу свое ружье, я решился подпустить чудовище как можно ближе, так как здесь уже стоял вопрос: быть или не быть.

Конечно, это было дело нескольких мгновений, но эти мгновенья не изглаживаются из моей памяти целую жизнь и через много лет всё так же ясно, как в ту минуту, я буду помнить эту оскаленную пасть, кровавого цвета язык и громадные зубы... Когда медведь приблизился на расстояние четырёх шагов, я спустил курок, и разъяренный зверь с простреленным черепом словно сноп рухнул на землю...

Летом медведи держатся обыкновенно по долинам рек, в особенности там, где есть рощи и перелески. Здесь они находят более для себя пищи — различных кореньев, ягод и винограда, а иногда лакомятся также молодыми косулями или оленями.

Сверх того, оба вида здешних медведей, подобно своим европейским собратьям, чрезвычайно любят мёд и добывают его от диких пчёл, которых водится много по лесам Уссурийского края.

Эти пчёлы устраивают свои колонии в дуплах деревьев, обыкновенно невысоко над землёй, и к осени собирают в такое гнездо иногда более пуда мёду, который добывают также местные жители.

Чтобы найти гнездо пчёл, медведь ходит по лесу и прислушивается, где жужжат эти насекомые. Иногда звук телеграфной проволоки до того обманывает простоватого мишку, что он принимает его за действительное жужжанье пчёл и лазит на телеграфные столбы. Удо-стоверившись по слуху и обонянию, что внутри дерева действительно живет рой, мишка зубами разгрызает дупло и, не смотря на пчёл, которые обсыпают его со всех сторон, достаёт и поедает мёд.

Подобные опустошенные рои можно встретить в уссурийских лесах.

Зимняя спячка медведей в описываемой стране начинается с конца сентября и продолжается до конца марта. Впрочем, время это трудно определить с точностью, так как оно наступает и кончается раньше или позже, смотря по состоянию погоды. Если осень хорошая, тёплая, медведь ходит дольше; если весна ранняя, встает раньше, и наоборот.

Местные охотники, русские и инородцы, бьют медведей по большей части случайно, встретившись в лесу, а ещё чаще в берлогах, находимых зимой во время соболевания. Добыча от этого зверя в здешних местах невелика, так как хорошая шкура стоит лишь 3—5 серебряных рублей. Кроме того, медвежья жёлчь охотно покупается китайцами, употребляющими её как лекарство, а сало служит целебным средством от ран, ссадин и т. п. Мясо употребляется в пищу орочами, а также, вероятно, и гольдами.

Тибетский медведь (по-китайски гау-тоза?) отличается от бурого небольшим ростом, тонким туловищем, остроконечной мордой, пре-

красным чёрным мехом¹ и белым пятном на груди в виде буквы V.

Этот медведь, обитающий на Гималаях, в Китае и Японии, распространён также по всему Уссурийскому краю. По образу своей жизни он несколько не отличается от медведя бурого.

Описываемый вид держится преимущественно по горным лесам и питается, главным образом, растительной пищей: кореньями, ягодами, мёдом диких пчёл, который достаёт разламывая дупло дерева. Впрочем, и этот мишка, как видно, не всегда довольствуется постной пищей, но при случае не прочь лизнуть скоромного: молодого козленка, молодых птиц и т. п.

Ловкий и вертлявый тибетский медведь превосходно лазит по деревьям, охотно сидит на них по целым часам и ищет там спасения в случае опасности. Вместе с тем, во время зимы он предаётся спячке в дупле дерева, а не в берлоге, как медведь обыкновенный. Такая квартира выбирается высоко от земли, и медведь лежит очень крепко, так что однажды возле станицы Казакевичевой казаки, рубившие лес, повалили уже дерево на землю, и только тогда выскочила из дупла самка тибетского медведя с двумя детёнышами.

Барсук (*Meles taxus* — Schreb., по-китайски энг-дзуйза) встречается в большом числе по всему Уссурийскому краю, а также и на Амуре. Он живет как в рощах луговых равнин, так и по горным лесам, устраивая, преимущественно на солнечной стороне, норы, в которых проводит целый день, а с наступлением сумерёк отправляется на добычу.

Относительно пищи этот зверь, как известно, не разборчив и ест всё, что придётся: мышей, лягушек, змей, улиток, яйца и молодых птиц, а также различные ягоды. Впрочем, он не особенно жаден и кушает сравнительно умеренно. Однако, ведя постоянно спокойную жизнь, к осени делается до того жирным, что старый самец даёт иногда около пятнадцати фунтов сала.

Ради этого жира его добывают тогда инородцы и русские, охотясь, преимущественно ранним утром, с собаками, которые, застав зверя вдали от его норы, скоро догоняют его и душат. Барсук, в особенности жирный, бегаёт очень тихо, так что его легко догнать и человеку. Зато, видя безвыходную опасность, этот зверь храбро защищается и наносит нападающим собакам когтями и зубами страшные раны, которые нескоро заживают.

Впрочем, этот зверь вступает в бой со своими врагами только в самом крайнем случае, но обыкновенно старается спрятаться в нору, дупло или под камни, откуда выгнать его часто бывает невозможно.

Зимняя спячка барсуков начинается позже, чем у медведей, и кончается раньше. Вообще время её определить трудно, так как оно зависит, главным образом, от состояния погоды. Кроме того, даже зимою, в хорошие тёплые дни, барсуки вылезают из своих нор побродить по окрестностям.

Кроме охоты с собаками, инородцы Уссурийского края добывают барсуков в особого рода западни, которые состоят из двух рядов колышков, вбитых в землю и образующих между собою проход

¹ Длина шерсти у тибетского медведя на трёх шкурах, привезенных мной из Уссурийского края, равняется: на загривке 90—130 мм, на спине 70—90 мм. Средняя длина шкуры 4½ фута (137 см).

шириною более фута. В этом проходе кладётся приманка (кусоч рыбы или мяса) и настораживается бревно, которое давит зверя, лишь только он коснётся за привод. Вообще эти ловушки очень похожи на те, которые употребляют для ловли соболей, с тою лишь разницею, что последние устраиваются исключительно на колодах, а первые постоянно на земле.

Шкура барсука стоит на Уссури около пятидесяти копеек и употребляется охотниками на чехлы к винтовкам, мешочки для снарядов и т. п.

Одним из представителей южноазиатских видов является в Уссурийском крае *непальская* или *гималайская куница* (*Mustella flavigula* Bodd., по-китайски ми-гауза), заменяющая здесь обыкновенную куницу европейских лесов.

До последнего времени непальская куница была найдена на Яве, Суматре и на предгорьях Гималая; однако исследование Радде, Маака и мои личные наблюдения показали, что этот зверь водится не только по всему Уссурийскому краю, но даже в области среднего течения Амура, где, по всему вероятно, проходит северная граница его распространения.

Впрочем, непальская куница очень редко попадает на Амуре и на низовьях Уссури, но гораздо более обыкновенна в области её истоков, в особенности в хвойных лесах, покрывающих главную ось южных частей Сихотэ-Алиня.

Относительно величины и окраски описываемый зверь представляет несколько изменений, которые принимаются за разновидности¹.

По образу своей жизни эта куница похожа на европейскую, так же как и последняя, она очень быстра, ловка и кровожадна. По земле бегают очень скоро и, перепрыгивая с дерева на дерево, делает прыжки иногда сажени в две, и быстро скрывается от глаз охотника. Не даром местные промышленники говорят, что это зверь очень «шустрый», т. е. быстрый и вертлявый.

По рассказам как наших охотников, так и инородцев, непальская куница главный враг соболя, которого истребляет во множестве. Если это справедливо, то нельзя не удивляться отваге и кровожадности описываемой куницы, которая в состоянии одолеть такого злого и сравнительно сильного зверька, как соболь. С своей стороны промышленники ревностно преследуют разбойницу куницу, несмотря на то, что мех её стоит очень дёшево всего 50—75 коп. за шкуру.

Характерный зверёк сибирских лесов, известный каждому хотя бы понаслышке, дорогой *соболь* (*Mustella Zibellina* L., по-китайски дэаупи [*Murtes zibellina*]) водится по всему Амурскому и Уссурийскому краю.

Благодаря менее ревностному преследованию² соболь в здешних местах сохранился гораздо более и попадает несравненно чаще, нежели

¹ Длина шкуры непальской куницы, добытой мной на средней Уссури, равняется: без хвоста 2 футам 8 дюймам (80 см), на хвост (до оконечности волос) приходится почти 22 дюйма (55 см). Длина шерсти на туловище 20—30 мм; на хвосте у основания 35—40 мм, а на самой оконечности хвоста 75 мм.

² Однако с водворением на Амуре русских, когда цены на соболей поднимаются с каждым годом, началась и здесь беспощадная охота, результатом которой, конечно, будет если не истребление, то по крайней мере большое уменьшение этих дорогих зверьков.

в остальных частях Сибири. Как там, так и здесь любимым его место-пребыванием служит горный хвойный лес с множеством валежника, камней, россыпей и т. д., словом, тайга в полном смысле этого слова. Только в таких местах свободно живётся кровожадному зверьку, истребляющему во множестве различных птиц, мелких грызунов и белок. Как ни быстра эта последняя, но ей не уйти ни по земле, ни по деревьям от преследующего соболя, более сильного и выносливого, так что после непродолжительного бегства изнеможённая белка достаётся в добычу своему врагу.

Связь между обоими этими зверьками так велика, что большее или меньшее количество белок в данной местности обуславливает бедность или обилие соболей. Следуя за белками, переходящими из одной местности в другую вследствие различных причин, например, неурожая кедровых орехов и т. п., соболь также предпринимает периодические переселения, хорошо известные местным охотникам.

В Уссурийском крае соболь встречается всего более в хвойных лесах на главной оси Сихотэ-Алиня, т. е. в вершинах больших правых притоков Уссури. Эти места составляют главный район охоты инородцев Уссурийского края и побережья Японского моря. Во время своей зимней экспедиции я сам видел на перевале с реки Тазуши на реку Лифудин множество соболиных следов, которые совершенно похожи на следы обыкновенного хорька.

В Южноуссурийском крае соболь также встречается на горах между рекой Суйфуном и заливом Посыета, там, где растёт хвойный лес, и, если верить рассказам корейцев, то он попадает даже на Чан-бошане, так что экваториальная граница этого зверька на восточной окраине Азии спускается далеко к югу.

Мех уссурийского соболя гораздо хуже, сравнительно с мехом даже амурских соболей, не говоря уже собственно о сибирских, например якутских или камчатских. Шерсть на шкурке здешнего соболя обыкновенно короткая и светлого цвета, иногда переходящего даже в кофейный. В Южноуссурийском крае качество соболиного меха ещё хуже, нежели в северной части этой страны.

Относительно образа жизни соболя не могу сообщить никаких подробностей. Знаю только, что время течки у этих зверьков бывает в январе или в начале февраля и что в марте или апреле, т. е. месяца через два самка мечет 2—5 детёнышей, которых помещает под корнями, камнями, в дуплах и т. п.

О способе же добывания соболей уже рассказано в IV главе настоящей книги.

Из других представителей куньего рода в Уссурийском крае встречаются: *колонок* (*Mustella sibirica* Pall., по-китайски хуаншинза), *горностей* (*M. erminea* L., по-китайски иньшу) и *ласка* (*M. vulgaris* Briss, по-китайски?) [*M. nivolis*].

Первое из этих животных водится в значительном количестве по всему краю и попадает как по лесам, так и в луговых степях. В последних местностях колонков всего чаще можно встретить зимою, вероятно потому, что здесь больше мелких грызунов, которыми они питаются в это время года.

Подобно белкам, соболям и другим зверям, колонки предпринимают периодические переселения из одной местности в другую, так что в один год встречаются в изобилии, в другой же, наоборот, редко.

Причиною таких переселений, по всему вероятно, служит недостаток пищи и другие физические причины.

По характеру и образу жизни колонок совершенно похож на своего собрата — европейского хорька. Подобно последнему, смел, кровожаден и истребляет во множестве всех животных, которых только может одолеть. Часто забирается в жилища людей, таскает различные припасы и истребляет домашних птиц.

Время течки, по рассказам местных жителей, бывает в феврале, и тогда несколько самцов бегают за одною самкою, беспрестанно заводя между собою драки за обладание общею подругою. Особого промысла за этим зверьком не производится, но охотники добывают его, между прочим, в ловушки, травят собаками или, наконец, убивают из ружья.

Мех колонка довольно красив — однообразно желтого цвета с блестящею, довольно длинною остью. В особенности ценится хвост, который употребляется китайцами на кисточки. Средняя цена колонковой шкурки на Уссури от 60 коп. до 1 руб., смотря по качеству меха, а главное по доброте хвоста.

Горностаи и ласка также встречаются, хотя и редко (в особенности первый), в Уссурийском крае, и так как не составляют предмета охоты, то местные жители очень мало про них знают. Ласку я убивал несколько раз как на Уссури, так и в бассейне озера Ханка, но горностаю не видал ни разу.

Последний зверёк попадает, хотя и очень редко, в области средней и нижней Уссури, но я не могу сказать утвердительно, водится ли он в Южноуссурийском крае или нет, так как одни из тамошних охотников говорили мне, что этот зверь попадает здесь изредка, а другие отвергали подобное показание.

Многочисленные реки Уссурийского края, изобилующие рыбою и притом уединенно текущие среди дремучих лесов, представляют полное приволье для *выдры* (*Mutra vulgaris* Erx., по-китайски суэта) [*Lutra wulg.*], которая в значительном количестве попадает на всём протяжении описываемой страны. В особенности часто можно встретить этого зверя на больших притоках озера Ханка, каковы — Лэфу, Мо и Сиян-хэ.

Не будучи еще напугана человеком, здешняя выдра довольно смелый, хотя все-таки осторожный зверь.

В местах же совершенно ненаселенных она ходит на добычу днём и мне самому несколько раз случалось тогда её видеть...

Как русские промышленники, так и инородцы усердно охотятся за выдрю, чаще всего подкарауливая её на тех местах, где она выходит из воды пожирять пойманную рыбу или какую-нибудь другую добычу. Случается, что выдра сама попадает в морды и другие снаряды, которые ставятся для ловли рыбы. Не будучи в состоянии выбраться из западни, она обыкновенно задыхается, так как не имеет возможности заpastись свежим воздухом. Шкура выдры охотно покупается китайцами и стоит здесь от 6 до 10 серебряных рублей.

Волк серый (*Canis lupus* L., по-китайски ланг) попадает по всему краю, но везде не особенно часто.

По образу своей жизни уссурийский волк не отличается от европейского, но только менее дерзок и отважен, нежели этот последний. Впрочем, подобные добродетели зависят, вероятно, от того, что при

обилии различных зверей здешний волк не имеет побудительной причины враждовать с человеком.

Зимой волки держатся преимущественно в лесах, а летом по луговым равнинам, там, где дикие козы и другие звери выводят молодых. Время течки бывает в январе, но, по рассказам местных охотников, уссурийские волки не собираются на этот период такими большими стаями, как то бывает, например, в Европейской России. Вероятно, этому причину не особенное обилие самого зверя в здешних лесах.

Кроме серого волка, в Уссурийском крае водится еще *красный волк* (*Canis alpinus* Pall., по-китайски цай-лангза) [*Canis alp.*] такой же величины, как обыкновенный, но только чало-красноватого цвета. Он держится преимущественно в глухих лесах по горам, и даже туземцы его мало знают.

Волчьи шкуры хорошо ценятся китайцами, которые платят за них 3—4 серебряных рубля.

Лисица (*Canis vulpes* L., по-китайски холи) [*Vulpes vulpes*] в большом количестве встречается по всему Уссурийскому краю как в луговых равнинах, так и по горным лесам, преимущественно вблизи речных долин. При малонаселённости страны и при обилии её всякими птицами и зверями лисице живётся здесь весьма привольно.

Из цветных разновидностей этого зверя встречаются исключительно огнёвка и сиводушка; крестовка же и чернобурая, весьма обыкновенные на низовьях Амура, в Уссурийском крае попадают очень редко. Местные охотники добывают лисиц посредством отравы, или бьют из ружей, или, наконец, ловят собаками. Впрочем, последний способ охоты возможен только на открытых безлесных местностях, какковы, например, сунгачинские равнины. Средняя цена хорошей лисьей шкуры простирается здесь от 3 до 4 руб.

Последним представителем хищных в Уссурийском крае является характерный зверь этой страны — *енотовидная собака* (*Canis procyonoides* Gray, по-китайски нота или хауза) [*Nyctereutes procy.*]. Она достигает роста собаки средней величины и по своему меху совершенно похожа на обыкновенного енота, под названием которого известна местным жителям.

Енотовидная собака распространена не только по Уссури, но даже в области среднего и в большей части верхнего течения Амура, хотя чаще всего попадает в Южноуссурийском крае.

Относительно образа жизни описываемый зверь представляет немало интересного. Любимое его местопребывание составляют небольшие перелески по луговым равнинам, в особенности там, где много неглубоких озёр и рукавов реки, изобильных рыбою. Впрочем, енотовидная собака изредка встречается и по глухим лесам, даже на высоких горах.

Подобно некоторым другим видам собачьей породы, описываемый зверь живёт в норах, которые выкапывает глубоко в земле с несколькими боковыми отходами. В такой норе он проводит большую часть дня, а на поиски добычи отправляется преимущественно ночью. Впрочем, и днём енот часто выходит из норы, но при малейшей опасности тотчас же прячется в неё.

Относительно пищи уссурийский енот далеко не разборчив; ест мышей, лягушек, яйца, молодых птиц, различные ягоды и виноград,

но в особенности любит рыбу, ради чего летом и держится вблизи неглубоких вод.

При обилии пищи к осени старые экземпляры сильно отъедаются и делаются очень жирными. Ради этого жира, а также и ради шкуры, которая на Уссури стоит около двух рублей, охотники сильно преследуют енота и добывают его или в ловушки такого же устройства, как и для барсуков, или травят собаками.

Последнего рода охота также бывает весьма успешна, потому что жирный енот бегаёт очень тихо, так что даже человек может его скоро догнать. Зато этот злобный зверь не даром продаёт свою жизнь и обыкновенно вступает в драку с собаками, которым иногда наносит большие раны зубами. Моя лягавая также поплатилась куском левого уха в одной из подобных свалок, до которых она была великая охотница.

Замечательно, что енотовидная собака — единственный зверь собачьего семейства, подверженный зимней спячке, которую он проводит в своей норе, устроив там предварительно мягкую постель из мха и сухой травы.

Самое время спячки наступает и оканчивается неопределённо, смотря по состоянию погоды. Обыкновенно же еноты ложатся в конце ноября и встают в начале марта. Впрочем, зимний сон этого зверя не постоянен. Даже в середине зимы, в тёплые дни, еноты выходят из своих нор и бродят по снегу, иногда на далёкое расстояние. Случается также, что неожиданная метель застигает этого зверя вдали от норы, тогда он прямо свертывается в клубок и засыпает где-нибудь в траве или под кустом, заносится снегом и лежит до наступления тёплого времени.

Впрочем, по рассказам местных охотников, зимней спячке подвержены только отъевшиеся, т. е. жирные еноты. Те же, которые не успевают запастись жиром, бродят всю зиму, и только в сильные холода или в метели засыпают на несколько дней.

Время течки у этих зверей бывает лишь только они окончат зимнюю спячку, т. е. в марте, когда еще везде лежит снег и весна только что начинается; тогда несколько самцов бегают за одну самкою.

Период беременности не могу определить в точности; знаю только, что еноты необыкновенно плодливы и что в июне самка мечет за один раз от 10 до 12, иногда даже до 16 детёнышей, которых помещает в своей норе. Когда молодые подрастут, то выходят из норы и начинают вести самостоятельную жизнь.

Местные китайцы отправляют шкуры енотов в Маньчжурию и Китай, кроме того, делают из них для себя шапки и меховые куртки.

Отряд насекомоядных в Уссурийском крае весьма не богат своими представителями; к ним относятся: *ёж* (*Eripasceus euroraеus* L., по-китайски цыуэ), *крот* (*Talpa voogura* Temm., по-китайски фен-чуза) [*Mogera voogura*] и *землеройка* (*Sorex vulgaris* L., по-китайски?).

Первое из этих животных, принадлежащее, по исследованиям академика Шренка, к географической разновидности (*Vart. amurensis*) обыкновенного европейского ежа, распространено по всему Уссурийскому краю до самых его южных частей.

Туземцы также везде знают ежа, но так как названное животное не составляет предмета охоты, то они не обращают на него никакого внимания.

Что же касается до крота, то этот зверь, распространённый в юго-восточной Сибири только до озера Байкала, вновь появляется в области среднего Амура и в Уссурийском крае, заменяясь здесь уже японскою формою (*T. voogiga*¹). Самому мне не удавалось добыть ни одного крота, хотя я и видал изредка в Южноуссурийском крае кучи взрытой им земли.

Вообще можно сказать, что оба вышеописанных животных, т. е. ёж и крот, но в особенности последний, редко попадаются в Уссурийском крае.

Наконец, землеройка известна здесь до сих пор в числе двух видов (*S. vulgaris* L., *S. rugosus* Laxm), из которых я лично наблюдал только первый вид в бассейне озера Ханка.

Из рукокрылых в описываемой стране чаще всего встречается *летучая мышь* (*Vespertilio mystacinus* Leisl, по-китайски?), которую нашел на Уссури еще Маак. Весьма вероятно, что, кроме названного вида, здесь встречаются и другие, найденные на Амуре Шренком и Радде.

После хищных отряд грызунов имеет в Уссурийском крае наибольшее число представителей. Сюда принадлежат:

Летучая белка, или *летяга* (*Pteromys volans* L., по-китайски ямбехулл), которая встречается по всему Амурскому и Уссурийскому краю и держится, как обыкновенно, в лиственных лесах.

По образу своей жизни летяга животное преимущественно ночное, поэтому днём оно большею частью спит в гнезде или в дупле дерева. Впрочем, последний факт нельзя принимать в строгом смысле, так как иногда и днём удается видеть бодрствующую летягу.

Благодаря своей летательной перепонке, она может переноситься с одного дерева на другое на расстоянии десяти сажен, бросаясь в косвенном направлении сверху вниз.

Летяга живёт обыкновенно парами и зимою, в сильные холода, предаётся спячке в своем гнезде. Пищу её составляют почки деревьев и преимущественно берёзовые серёжки. Время течки бывает весною, а летом самка родит двух, редко одного, молодых, которых помещает в дупле и заботливо охраняет.

Ни наши промышленники, ни инородцы не бьют летяги, так как её очень тонкая шкура не годится для меха.

Совсем другое бывает относительно близкого родича летяги — *белки обыкновенной* (*Sciurus vulgaris* L., по-китайски хойшу), которая во всей Сибири и на Амуре составляет, вместе с соболем, главный предмет промысла как русских, так и инородцев. Впрочем, в Уссурийском крае, где всё еще много соболей, охота за белками стоит на заднем плане, между тем как на верхнем Амуре и в тех частях Сибири, где соболь сделался редок, добывание белок, или, по-местному, белковье, составляет главный промысел.

Белка держится преимущественно в хвойных и смешанных лесах, поэтому в Уссурийском крае она встречается в большом количестве на главной оси Сихотэ-Алиня и на боковых его отрогах, следовательно, в местностях, удалённых от самой долины Уссури. Впрочем, этот зверёк попадает также по всему краю до самых южных его границ.

¹ По крайней мере к этому виду принадлежит экземпляр, присланный Максимовичем с верхней Уссури.

Белка весьма плодлива и, как известно, выводит два раза в году (весною и летом) всего от 12 до 18 молодых. Только подобною плодливостью можно объяснить, что этот зверёк, несмотря на ежегодное самое усердное его преследование, до сих пор не уменьшился значительным образом в сибирских лесах.

Впрочем, количество белок в данной местности из года в год не всегда бывает одинаково, потому что они, подобно соболям и хорькам, часто перекочёвывают из одной местности в другую, более обильную пищею — кедровыми орехами, шишками лиственниц и т. п.

Самостоятельный, отдельный промысел за белками мало развит в Уссурийском крае, потому что, как уже сказано выше, обилие соболей составляет здесь главную приманку охотников. Впрочем, промышленники во время соболеванья охотно бьют и белок, а некоторые из казаков, по старой привычке, продолжают ежегодно ходить на белковые.

Охота за белками начинается с первым снегом и продолжается до Рождества. Самый способ её состоит в том, что собака, найдя зверька, взгоняет его на дерево и лает до тех пор, пока не придёт промышленник, прицелится из малокалиберной винтовки и меткою пулею пронизает насквозь свою добычу. Успех подобной охоты зависит, главным образом, от достоинства собаки, которая должна не только лаять на белку, когда та сидит неподвижно, но не упустить её из виду даже и тогда, когда она начнёт скакать с одного дерева на другое.

Мясо белки охотно употребляется в пищу инородцами, но русские его вовсе не едят. Беличьи шкурки продаются на Уссури средним числом по 10—15 коп. за штуку, что зависит, главным образом, от обилия самого зверя и более или менее удачного промысла.

К семейству белок относится также *бурундук* (*Tamias striatus* L., по-китайски хау-бангза), занимающий средину между белкою и сусликом и распространённый по всей Сибири от Уральских гор до Камчатки.

Этот небольшой полосатый зверёк, ростом меньше обыкновенной крысы, живёт преимущественно в мешаных лесах в норах, устроенных под корнями деревьев. Иногда же помещается и в древесных дуплах.

По образу своей жизни бурундук представляет животное дневное; проворно бегаёт по земле и ещё быстрее лазит по деревьям. Вместе с тем, он весьма любопытен и вовсе не боится человека, так что, взбежав сажени две по стволу дерева, обыкновенно останавливается и с любопытством рассматривает своего неприятеля. При этом он часто издает звук, похожий на хриплый свист.

Пищу описываемого зверька составляют, главным образом, кедровые орехи, потом различные семена, ягоды и т. п.

На зиму бурундуки предаются в своих норах спячке, которая начинается обыкновенно с половины или конца сентября¹ и продолжается до конца марта. Однако зимний сон бурундука не бывает постоянен, но часто прерывается, и животное подкрепляет тогда себя пищею из запасов, собранных ещё с осени. Эти запасы бурундук таскает в своих защечных мешках и иногда заготавливает 6—10 фунтов [2,5—4 кг] кедровых орехов, семян и т. п.

¹ Последнего бурундука осенью в 1867 году я видел 2 октября в заливе Посьета.

В тех местах Уссурийского края, где уже раскинулись наши поселения, бурундуки приносят значительный вред полям и в особенности огородам, откуда воруют мак, кукурузу, семена дынь, арбузов и пр.

Время течки этих зверьков бывает весной, и самка рождает 3—4 молодых, которых помещает в своей норе или чаще в дупле дерева.

В Уссурийском крае водятся два вида зайцев: *беляк* (*Lepus variabilis* Pall., по-китайски гурмахунг) и заяц маньчжурский (*L. mandjuricus* Rad., по-китайски борта-гурмахунг). Первый из названных видов попадает по нижнему и среднему течению Уссури, но, как кажется, уже не встречается в области её истоков. Впрочем, один охотник, заслуживающий большой веры, говорил мне, что однажды убил белого зайца вблизи Владивостока.

Во всяком случае, описываемый вид находит в Уссурийском крае экваториальную границу своего распространения, так как, по единогласному заверению охотников, как русских, так и инородцев, он не встречается уже между рекой Суйфуном и заливом Посьета.

Другой вид, т. е. заяц маньчжурский, с первого взгляда много схож с европейским русаком и, кроме других признаков, отличается от него гораздо меньшим ростом¹. Он водится по всему краю и держится преимущественно по островам Уссури, заросшим тальником, а также по лесам вблизи горных долин, но никогда, даже зимою, не приближается к жилищам людей.

Кроме двух вышеназванных видов, в Уссурийском крае попадается изредка *чёрный* заяц, величиною равный маньчжурскому, но имеющий шерсть черновато-кофейного цвета. Мне самому удалось достать только две совершенно обезображенные шкурки без конечностей, так что по ним нельзя судить, есть ли это особый вид или только разновидность уже известного вида.

Инородцы вовсе не стреляют зайцев и не употребляют их шкур, но наши казаки добывают иногда этих зверьков в различные ловушки.

Вообще странно, что в Уссурийском крае зайцы далеко не так многочисленны, как того можно бы было ожидать, принимая в соображение известную плодливость этого зверя и малое его преследование со стороны человека.

Впрочем, и помимо человека у бедного зверька здесь много других врагов. Не говоря уже про лисиц, волков, орлов и т. д., множество зайцев, по всему вероятно, уничтожают сильные разливы рек, а также травяные пожары. Мне самому случилось однажды на нижней Уссури, плывя в лодке во время высокой воды, затопившей все острова реки, поймать зайца, который, спасаясь от разлива, залез на толстую развесистую иву. Наконец, огромные травянистые заросли, которые покрывают летом все здешние равнины, вероятно, также не благоприятствуют привольной жизни описываемого зверька.

Кроме названных животных из отряда грызунов, в Уссурийском крае водятся многие виды *мышей* (*Mus*) и *полевок* (*Arvicola*), но так как они скрываются в норах, то, не говоря уже про наблюдение образа жизни, самое добывание этих животных крайне затруднительно, в особенности при постоянных передвижениях с места на место.

¹ Длина экземпляра (самца), убитого мною на верхней Уссури, равнялась двадцати с половиною дюймам [51 см], из которых на долю хвоста приходилось три с половиною дюйма [8,7 см]. Вес этого зайца был почти четыре фунта (1,6 кг).

Поэтому я не могу сообщить никаких сведений относительно упомянутых животных, которых мне весьма редко случалось даже видеть. Знаю только, что *обыкновенная крыса* (*Mus decumanus* Pall., по-китайски хауза) распространена по всему краю в большом количестве и часто портит запасы как у русских, так и у инородцев.

Единственный представитель толстокожих в Уссурийском крае — *кабан* (*Sus scrofa ferus* Gmel., по-китайски ей-чу) водится в большом количестве на всём протяжении описываемой страны с юга на север.

Обыкновенным местопребыванием этого зверя служат летом глухие лесные пади, в которых текут холодные ручьи и грязные тростниковые болота. Осенью же кабаны переходят в дубовые леса, где питаются желудями, и, наконец, зимою или когда нет урожая желудей, держатся в кедровых лесах, где поедают опавшие шишки с орехами и делают до того жирными, что иногда слой сала на спине старого самца достигает четырех вершков толщины.

В случае недостатка пищи или каких-либо других неблагоприятных явлений, например, во время глубоких снегов, выпавших на мерзлую землю, кабаны предпринимают переселение из одной местности в другую, иногда на большое расстояние. Точно так же эти осторожные животные переходят в другое место, если их станут усердно преследовать охотники или тигры.

Последний, тигр, после человека составляет главного врага кабанов и, поселившись обыкновенно вблизи стада, ловит, по мере надобности, преимущественно самок и молодых поросят. На взрослого же самца¹ или, как его в Сибири называют, секача, который достигает здесь до двадцати и более пудов весу, тигр отваживается нападать лишь в редких случаях, так как подобный бой часто обходится ему очень дорого. Местные охотники единогласно уверяли меня, что тигру трудно справиться с секачом, который часто успевает пырнуть его своими клыками, так что в этой борьбе иногда гибнут оба зверя — тигр и кабан.

По образу своей жизни уссурийский кабан не отличается от европейского. На жировку выходит по утрам и вечерам; ест все, что ни попадается: коренья, орехи, жолуди, червей, падаль и т. п.

За исключением периода течки, старые самцы живут в одиночку, а самки с поросятами и часто с молодыми самцами держатся обыкновенно стадами, иногда штук до двадцати и более.

Зимою во время сильных морозов кабаны устраивают для себя в глухих местах тайги из сухой травы и хвороста особые лежбища, или гнёзда (гайно, по-сибирски), в которых собираются на ночь всем стадом. Местным охотникам иногда случается находить подобные лежбища и, подкарауливая возле них, убивать кабанов.

Период течки у этих последних начинается в конце ноября; в это время одинокие самцы, или секачи, держатся вместе с самками и страшно, часто до смерти, дерутся между собою. Затем, наладившись вдоволь супружеским счастьем, они удаляются опять в уединение, и тогда молодые экземпляры, не смевшие до сих пор показаться на глаза секачей, пристраиваются к оставленным самкам и продолжают ещё некоторое время вести с ними супружескую жизнь. Перед разрешением

¹ Взрослым, вполне сильным кабаном, самец бывает по достижении 6—7-летнего возраста.

от беременности, что бывает в конце марта или в апреле, самки удаляются от общего стада и в тихом, глухом уголке леса выводят молодых.

Мясо кабана составляет лакомую пищу как для русских, так и для инородцев, поэтому описываемый зверь весьма усердно преследуется охотниками. Кроме ям, устраиваемых для ловли изюбров и оленей, в которые также попадают и кабаны, на них ставят ещё в лесу особые самострельные луки, которые пускают огромную стрелу в то время, когда зверь, идя своею тропою, тронет за привод. Главным же образом, охота на них производится с ружьями. Охотники, бродя по лесу, высматривают кабанов на любимых местах их жировки, осторожно подкрадываются с собаками и метким выстрелом убивают зверя. Кроме того, охотятся с собаками, которые останавливают кабана, а подошедший на лай охотник убивает его из винтовки.

Впрочем, охота на секачей тем или другим способом довольно опасна, так как раненый или разъяренный собаками зверь часто бросается на охотника, и если этот последний не успеет вскочить на дерево или на камень, то легко может поплатиться своею жизнью.

Не даром даже туземцы, гольды и орочи, найдя кабаньих след, иногда даже не решаются итти за одиноким самцом, но всегда предпочитают преследовать самок или молодых, которых можно стрелять совершенно безопасно.

К отряду жвачных в Уссурийском крае принадлежат следующие виды:

Антилопа (*Antilope sipa* Temm., по-китайски шань-ям, т. е. горный баран), красивое животное, ростом меньше дикой козы. Оно попадает также, хотя и очень редко, в Буреинских горах, а по исследованиям академика Шренка — даже на нижнем Амуре.

Любимое местопребывание антилопы составляют утёсы и оголённые каменные вершины, или так называемые гольцы, в горах. Поэтому описываемый зверь обитает только в береговой полосе и на главной оси Сихотэ-Алиня, но вовсе не встречаются в местностях, ближайших к Уссурийской долине.

Охота за ним крайне затруднительна, так что за всё время своего пребывания в Уссурийском крае я мог достать только несколько шкур, да и то совершенно обезображенных. Самому лично мне не удалось ни разу даже видеть антилопу, а потому не могу сообщить никаких подробностей относительно образа жизни этого животного.

Мех антилопы весьма красив, тёпел и прочен. Китайцы платят за её шкуру по три серебряных рубля и делают из этих шкур свои зимние куртки.

Кабарга (*Moschus moschiferus* L., по-китайски сью-янгза), в большом числе водящаяся на верхнем Амуре, в Уссурийском крае встречается редко и то лишь в хвойных лесах, покрывающих главную ось Сихотэ-Алиня. Однако распространение этого зверя идёт далее к югу, нежели предполагалось до сих пор. Я сам убил кабаргу в вершине реки Дауби-хэ, а местные китайцы говорят, что она попадает даже в горах между рекой Суйфуном и заливом Посьета, там, где растёт хвойный лес. Во всяком случае, даже не принимая последнего показания, южная граница этого животного на побережье Японского моря отодвигается до истоков Дауби-хэ, следовательно, до 43½° северной широты.

Ростом кабарга гораздо меньше косули. Она живет постоянно в

горных лесах, вблизи утёсов и россыпей и только во время летних жаров держится возле горных ручьёв, но никогда не спускается в долины. Таким образом, этот быстрый и красивый зверь принадлежит исключительно горной области.

Кабарга весьма чутка и осторожна, так что охота за нею весьма затруднительна. Главную приманку для охотника составляет мешочек мускуса, который помещается у самца на задней части живота и стоит на месте от 1 до 2 руб. Мясо кабарги имеет неприятный сладковатый вкус, а тонкая её шкура употребляется лишь на замшу.

Вообще при редкости этого зверя в Уссурийском крае особой охоты за ним не производится, и промышленники бьют его случайно во время других охот.

Кабарга живёт обыкновенно поодиночке, за исключением периода течки, который наступает в декабре. Тогда за самкою следуют несколько самцов, которые беспрепятственно дерутся между собою и своими длинными, выдающимися из верхней челюсти клыками наносят друг другу иногда смертельные раны.

Летом, в июне, самка мечет двух, или реже одного, детёнышей, которые долго воспитываются матерью и только на следующий год делаются вполне самостоятельными.

Вместе с кабаргою в хвойных и мешаных лесах Сихотэ-Алиня живёт лось или, по-сибирски, *сохатый* (*Cervus alces* L., по-китайски хандаха).

Этот зверь в Уссурийском крае так же редок, как и кабарга; подобно последней, он находит здесь экваториальную границу своего распространения.

По единогласному уверению местных охотников, лось ещё попадает в области истоков Усури и даже несколько южнее, именно до реки Суйфуна, возле которого ежегодно убивают одного или двух из названных животных. Далее к югу, т. е. на пространстве между Суйфуном и заливом Посьета, лось уже вовсе не встречается. Таким образом, экваториальной границей этого зверя на побережьях Японского моря может быть принята река Суйфун, т. е. $43\frac{1}{2}^{\circ}$ северной широты¹. *Изюбр*, или *олень настоящий* (*Cervus elaphus* L., по-китайски малу) водится в большом количестве по всему Уссурийскому краю и составляет важный предмет промысла гольдов и других инородцев. Главную приманкою летней охоты за этими зверьями служат его молодые, наполненные кровеносными сосудами, рога, известные в Сибири под именем *пантов*. Такие панты весьма дорого ценятся китайцами, которые платят за них на месте 60, 80, 100, а иногда 120 серебряных рублей за пару.

Самыми лучшими пантами считаются те, у которых начинает выходить второй или третий отросток, что происходит обыкновенно в мае. В это время охотники уходят недели на две или на три в лес, иногда соединяются там в небольшие партии и производят облавы по горным

¹ В сочинении Маака «Путешествие по долине Усури», ч. 1, границу южного распространения лося принимает река Бикин. На топографической карте Радде, приложенной к его прекрасному описанию млекопитающих Амурского края (*Reisen im Süden von Ost-Sibirien. Band 1*): экваториальные границы лося и кабарги показаны на реке Има. Ныне по изысканиям, произведенным мною, экваториальная граница того и другого зверя отодвигается более чем на три градуса к югу.

падам, в которых около холодных ручьёв держится изюбр, избегая докучливых насекомых. Последние, и в особенности оводы, много портят качество пантов, кусая молодые рога изюбров, которые вследствие этого трут ими о деревья и стирают наружную молодую кожу.

Однако охота за изюбрами летом по густым, едва проходимым зарослям здешних лесов так трудна и самый зверь так осторожен, что количество добываемых пантов гораздо менее числа отправляющихся за ними охотников. Зато иногда один счастливый выстрел приносит целое состояние бедному голыду и вознаграждает его за все труды и лишения, перенесенные при неудачной охоте прошлого года. Охота за пантами производится весь май и июнь и прекращается в последних числах этих месяцев, когда рога настолько уже вырастут, что вовсе не ценятся китайцами.

Я несколько раз расспрашивал у последних о том, для какой цели служат им панты, и всякий раз получал весьма неопределённый и уклончивый ответ. Обыкновенно манзы говорят, что эти панты употребляются в Китае как лекарство в различных болезнях. В то же время ходят слухи, что из них готовится сильный конфертиатив.

Самый способ приготовления пантов для медицинских или каких-либо других целей состоит в том, что их кладут в большую чугунную чашу, наливают водою и варят до тех пор, пока получится клейкий отвар, который, остывнув, похож на обыкновенный студень. Этот отвар и служит для употребления. Впрочем, здешние китайцы редко готовят сами панты таким образом, но отправляют их целыми в Пекин. Для того же, чтобы они не испортились дорогою, заваривают их в воде особенным способом, который держат в секрете от русских.

Действительно, если не предохранить через заварку панты, то они скоро портятся и теряют всю свою цену: поэтому русские, которым удастся добыть панты, не зная способа их сохранения, поневоле должны продавать их ближайшему китайцу за цену, им назначенную.

Кроме летнего промысла за изюбрами ради пантов, осенью и зимою производится охота на этого зверя ради шкуры и мяса, которого взрослый самец даёт по 12 пудов [2 ц]. Осенью охотники бьют изюбров, подманивая их на особую трубу, посредством которой подражают призывному рёву самцов, или караулят их на тех местах, куда эти звери собираются для своих любовных походов.

Когда окончится период течки и исхудавшие самцы разбредутся врозь, тогда их бьют, высматривая в лесу и осторожно подкрадываясь в меру выстрела. Такого рода охота всего удобнее бывает в конце осени и в начале зимы, когда деревья уже совершенно оголены, а высокая трава истреблена пожарами или иссохла и полегла, следовательно, зверя можно видеть издалека; притом же в это время места, на которых следует искать изюбров, гораздо определённое. Так, они постоянно любят пастись на солнцепеках, т. е. южных склонах гор, где больше греет солнце и где с начала зимы часто образуются проталины. Сюда приходит изюбр с восходом солнца и пробавляется часов до десяти утра; затем он спускается в ближайшую падь, где лес погуще, и перед заходом солнца опять бродит на прежних местах.

Однако покрадывание к изюбру на меткий выстрел дело далеко не легкое, потому что этот зверь имеет отличное зрение и слух, а еще лучше обоняние. Малейшая оплошность охотника, малейший шорох уже достаточны для того, чтобы испугать зверя, не говоря про то, если

неопытный охотник станет подходить по ветру. Изюбр почует его тогда шагов за пятьсот и стремглав убежит очень далеко. Словом, нужно быть слишком опытным и закалённым охотником, чтобы бить изюбров с подхода. Гораздо удачнее бывает охота с собаками, которые догоняют зверя и заставляют его остановиться. Тогда охотник спешит на лай, подкрадывается и убивает зверя, занятого собаками.

Когда к концу зимы выпадет глубокий снег (в иной год фута на четыре — [120 см]) и пригреваемый лучами весеннего солнца начнет по утрам в марте покрываться тонким настом, тогда наступает время самой добычливой охоты за изюбрами. Охотники отправляются в лес на лыжах и, найдя желанного зверя, преследуют его. Тяжелый изюбр, проламывая копытами тонкую ледяную кору, режет ею себе ноги и вязнет в глубоком снегу так, что охотники скоро могут догнать его и убить на расстоянии нескольких шагов.

Подобные охоты инородцев бывают иногда баснословно удачны. Таким образом, в марте 1866 года на средней Уссури в двадцати верстах выше станицы Нижне-Михайловской, четыре гольда убили в продолжение двух дней пятьдесят пять изюбров, которых они застали на небольшой горе, покрытой лесом.

Вероятно, здесь было больше корма, а потому изюбры и собрались сюда со всех окрестностей. Впрочем, такое варварское истребление не пошло впрок, потому что через несколько дней снег начал сильно таять, и охотники успели перевезти домой только несколько животных; остальные сгнили в лесу. Впоследствии гольды сами каялись в своём поступке, потому что летом не могли добыть в окрестных лесах ни одного взрослого самца с пантами.

Кроме охоты вышеописанным образом, инородцы ловят много изюбров в ямы, о которых уже было говорено в V главе настоящей книги. Но охота на солонцах, столь распространённая в других частях Сибири, в Уссурийском крае почти вовсе неизвестна, так как здесь чрезвычайно мало пригодных для того мест.

Шкуры изюбров имеют большое значение в быту инородцев, которые готовят из них одежду и обувь.

Кроме изюбра, в южных частях Уссурийского края встречается пятнистый олень, или *аксис* (*Cervus axis* Egl., по-китайски хуа-лу), который водится также в Ост-Индии и на Зондских островах.

По своей величине и по наружному виду этот олень совершенно походит на европейскую лань.

Аксис в большом количестве держится на побережье Японского моря и в области истоков Уссури, но уже вовсе не встречается в среднем течении этой реки. Таким образом, полярная граница описываемого вида должна проходить приблизительно на широте течения реки Има или, быть может, немного севернее. Впрочем, по рассказам инородцев, пятнистый олень чрезвычайно редко встречается ниже устья Има и, по всему вероятно, заходит сюда случайно с юга.

Относительно характера аксиса, по общему отзыву всех охотников и собственным наблюдениям, могу сказать, что он гораздо менее осторожен, нежели изюбр. Зимой и летом держится в тех же самых местах, где и этот последний, но притом часто соединяется большими стадами, в двадцать, тридцать и даже более особей. Вообще, пятнистого оленя очень редко можно встретить одного, но всегда, если не в стаде, то непременно в паре. Время течки у аксисов бывает несколько

позднее, нежели у изюбров, а именно с начала октября до конца этого месяца; молодых они выводят в мае.

Панты описываемого вида ценятся китайцами дороже, нежели изюбриные, а потому аксисы еще усерднее преследуются охотниками и при своей меньшей осторожности легче достаются в добычу.

Некоторые гольды в урочное для пантов время, т. е. в мае и июне, нарочно приезжают с Уссури на Мангугай, Сидеми и другие бережные речки, чтобы охотиться здесь за аксисами.

Голос описываемого оленя совершенно походит на громкий отрывистый писк, а потому местные русские охотники называют его *пискун*.

Удзгеец с пантами.

По рассказам тех же охотников и инородцев, вместе с аксисом в Южноуссурийском крае живёт ещё другой вид пятнистого оленя, по величине занимающий средину между вышеописанным видом и изюбром. Летняя шкура этого оленя ничем не отличается от шкуры аксиса, но зимою он имеет тёмнобурую, на спине почти даже совершенно чёрную шерсть, с едва заметными белыми пятнами. Действительно, я сам видал и даже несколько раз стрелял подобных тёмных оленей, но не мог достать шкуры, а привез с собою только череп и рога, которые передал в Академию наук для определения вида. По словам инородцев, тёмных оленей меньше, нежели аксисов, но все-таки достаточно в лесах Южноуссурийского края.

Дикая коза, или *косуля* (*Cervus capreolus* L., по-китайски пауза) в огромном количестве водится по всему Уссурийскому краю. Она держится по окраинам горных лесов, на невысоких предгорьях, поросших

кустарником и, наконец, летом, во время вывода молодых, преимущественно по луговым равнинам.

Образ жизни этого животного и его характера хорошо известны из различных описаний, поэтому я расскажу здесь только об ежегодных периодических переселениях, предпринимаемых козами из Уссурийского края в южные части Маньчжурии и обратно. Причиной таких переселений, по всему вероятно, служат глубокие снега, при которых козе весьма трудно ходить, а еще труднее добывать пищу¹.

Осенний ход происходит в октябре, а весенний — в первой половине апреля, когда уже совершенно сгонит снег. Как тот, так и другой продолжаются недели две-три, но всего сильнее бывают не более недели. Во время переселения козы идут стадами от 10 до 40, иногда до 100 и даже более особей, и направляются с нижней Уссури к реке Сунгари, а с верхней и средней — к верховьям реки Мурени. Весною путь следования бывает обратный.

Зимую козы до того исчезают из Уссурийских лесов, что редко-редко где попадают одинокие, вероятно, отсталые или по какой-либо особенной причине не успевшие уйти вместе с другими. Впрочем, близость или дальность переселения зависит от количества выпавшего снега, так что в малоснежные зимы множество коз остаются в горах западной части Ханкайского бассейна.

Пути следования описываемых зверей из года в год одни и те же: козы всегда идут по одной и той же пади, в одном и том же месте переправляются через реки и т. д. Пользуясь таким обычаем, местные охотники обыкновенно подкарауливают коз на их тропах и бьют множество.

Но самая добычливая и вместе с тем оригинальная охота за этими зверями производится гольдами в то время, если коза идет прежде замерзания Уссури или весною после её вскрытия. Зная места, где звери должны переправляться через реку, гольды устраивают засады и ждут, пока начнется переправа.

Долго ходят старые вожаки по берегу, тщательно нюхая воздух и осматривая, нет ли опасности на противоположной стороне реки. А там все спокойно: густою стеною нависли ивы с берега, и в их темной чаще, повидимому, нет ничего подозрительного; дикие утки полощатся в воде; цапли расхаживают по песчаным откосам; словом, нет никакой опасности. И вот, помявшись ещё немного, передовые самцы бросаются в воду, за ними самки и, наконец, все стадо.

Трудно плыть по быстрой широкой реке; тяжело фыркают молодые, еще не привыкшие к подобным трудностям! Однако все стадо довольно быстро подвигается вперед, вот оно уже на середине реки, еще немного и достигнет желанного берега... Вдруг как будто из воды вырастает гольдская лодка оморочка, за нею другая, третья... со всех сторон, из заливов, из-под тальника, отовсюду несутся быстрые, легкие челноки и доселе безмолвный берег оглашается теперь радостными криками гольдов, ожидающих себе уже верную добычу.

Озадаченное сразу, всё стадо останавливается, не зная куда деться, не повернуть ли назад. Ещё мгновение, и оно решается на такое, повидимому, единственное средство спасения, делает крутой поворот

¹ В береговой полосе, где снегу выпадает вообще меньше, нежели внутри Уссурийского края, дикие козы остаются круглый год на одних и тех же местах.

и стремится к прежнему берегу, но быстрее птицы летят гольдские оморочки, и путь отступления отрезан...

Видя со всех сторон лодки и людей, поражённое ужасом всё стадо бросается врассыпную: одни козы силятся итти напролом, другие бросаются вверх, вниз по реке, словом, во все стороны, и тут-то начинается главная бойня.

С копьём в руках несётся гольд к плывущей козе и одним ударом пронзает её насквозь в шею, немного ниже позвоночного столба для того, чтобы убить не наповал, иначе она утонет и пропадёт для него. Получив же только рану, правда, смертельную, коза еще в предсмертной агонии держится на поверхности воды, а подплывающие тем временем жёны и дети гольдов тащат к берегу свою добычу. Пронзив одну козу, гольд бросается за другою, третьёю, четвёртою и т. д., пока он видит ещё в реке свою добычу.

Голоса людей, предсмертные стоны раненых коз, вода, обогрëнная кровью, лодки гольдов, несущиеся, как птицы, по волнам — всё это представляет дикую, оригинальную картину. Но скоро всё смолкает. Только немногие счастливые козы успели в суматохе выплыть на берег и исчезнуть в кустах. Большая часть досталась в добычу охотникам, которые начинают снимать шкуры, резать и сушить на солнце мясо, составляющее, вместе с рыбою, главную пищу для бедного, непрехотливого гольда...

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Общие выводы относительно климата Уссурийского края и причины, обуславливающие его особенный характер.—Общий взгляд на колонизацию этой страны.

о время своего пребывания в Уссурийском крае я производил в течение пятнадцати месяцев метеорологические наблюдения, которые, конечно, не могут считаться совершенно точными при постоянных передвижениях с места на место, но, тем не менее, дают хотя приблизительное понятие о климате этой интересной страны¹.

Более точные данные я могу сообщить лишь относительно весны в Ханкайском бассейне, которую я наблюдал там два года сряду и оба раза на одном и том же месте. Во всяком случае, не вдаваясь в подробности, более или менее подверженные случайностям и приобретающие достоверность через долгий ряд наблюдений, в настоящем рассказе я ограничусь указанием только главных черт климата Уссурийского края и тех причин, которые обуславливают его особенный характер².

Начну с того, что, несмотря на довольно южное положение этого края — между 42 и 48° северной широты — здешний климат далеко не может сравниться с климатом соответствующих местностей Европы и в общем характеризуется гораздо большею суровостью. Таким образом,

¹ Совершенная точность метеорологических наблюдений во время постоянных передвижений с места на место никогда не может быть достигнута, даже при самой большой аккуратности путешественника и самых лучших инструментах. Часто в один и тот же день в условные часы случается делать наблюдения то в горной пади, то на перевале через хребет, то в широкой долине, следовательно, в местностях, физические условия которых далеко не одинаковы. Притом же иной месяц приходится, как, например, мне, странствовать внутри страны, другой — на берегу моря, иногда в местности степной, в другой раз в местности лесистой и т. д.

Принимая в соображение все эти обстоятельства, конечно, нетрудно заключить, что метеорологические данные, добываемые во время путешествия, могут быть только приблизительными.

² Подробный журнал метеорологических наблюдений, производимых мною в Уссурийском крае, помещён в приложениях к настоящей книге.

средние месячные цифры из наблюдений, мною произведенных, а равно средние выводы для зимы, весны, лета, осени и целого года, следующие:

Месяцы	Средняя температура	Времена года	Средняя температура
Декабрь	-10,3	} Зима	-13,2
Январь	-17,1		
Февраль	-12,1		
Март { 1868	- 5,0	} Весна	+ 3,7
1869	- 3,2		
Апрель { 1868	+ 5,2		
1869	+ 4,1		
Май	+10,5	} Лето	+15,0
Июнь	+13,0		
Июль	+16,0*		
Август	+16,0	} Осень	+ 3,0
Сентябрь	+9,4		
Октябрь	+3,8		
Ноябрь	+4,1		

Целый год = +2,1

Если для сравнения обратимся к различным местностям Европы, то увидим, что даже Архангельск, лежащий под 64° северной широты, имеет меньшую среднюю температуру зимы (-10,1°P), между тем как средняя температура этого времени года для местностей, находящихся на одинаковой широте с Уссурийским краем, колеблется от -7,6°P (Царицын 48° северной широты) до +5,7°P (Пертлинъян 42° северной широты).

Затем близко подходящую среднюю температуру весны в Европе имеют — Псков и Митава, лежащие на 8 или даже 9° севернее Уссурийского края и притом в восточной полосе европейского материка, где климатические условия, как известно, гораздо менее благоприятны, нежели в западной его части. Разница же в средней температуре весны различных пунктов Западной Европы с соответствующими по широте местами Уссурийского края простирается до +8,5° P.

Относительно лета всего более встречается сходства между Уссурийским краем¹ и европейскими местностями, так как подобную же или близко подходящую среднюю температуру имеют в России — Тамбов (52° северной широты), Курск (51° северной широты) и Житомир (50° северной широты), а в Западной Европе — Фрейберг (50° северной широты), Дрезден (51° северной широты), Руан (49° северной широты) и др.

Осень Уссурийского края, подобно тому как весна и зима, имеет гораздо низшую температуру относительно соответствующих мест Европы, и эта разница доходит в восточной половине нашего материка до +7,5°P (Севастополь 44° северной широты), а в западной — более чем +9,5°P (Ним 43° северной широты).

¹ Средняя температура июля — самого жаркого месяца в умеренном поясе — равняется таковой же температуре августа, вероятно, вследствие дождей, которые господствуют тогда в Уссурийском крае и, конечно, уменьшают общую сумму июльского тепла.

Наконец, если возьмем среднюю температуру целого года (+2,1°Р), то увидим, что соответствующая ей изотерма (+2°Р) в Европе проходит севернее Вазы (63° северной широты), Петрозаводска (61° северной широты), Вологды (59° северной широты), Казани (55° северной широты) и южнее Уфы (54° северной широты). Таким образом, даже в восточной части европейского материка местности с среднюю годовую температуру, равную таковой же температуре Уссурийского края, лежат в самом меньшем случае на 6°, а в самом большем случае — 15° севернее, нежели этот последний.

Но еще более, нежели подобные сравнения, об особенном характере климата Уссурийского края свидетельствуют те отдельные, в высшей степени интересные факты, которые мне удалось наблюдать.

Таким образом, даже странно сказать, что наибольший мороз, наблюдавшийся мною в этом крае, был равен — 28,8°Р¹ 2 января 1868 года при устье реки Дауби-хэ, под 45° северной широты. Затем, в феврале того же года наибольший мороз наблюдался 24-го числа этого месяца на реке Сунгаче и равнялся — 26,6°; притом, в течение всей зимы 1867/68 года не было ни одной оттепели, так что морозы стояли день в день, изменяясь только в силе своей напряженности.

Затем обе весны, проведенные мною на озере Ханка (при истоке из него реки Сунгачи), характеризовались частыми иногда сильными холодами. Так, наибольший мороз в марте 1868 года, выпал 4-го числа и равнялся — 21,3°Р, а в следующем году только с 23-го числа этого месяца в полдень термометр в тени показывал постоянно выше нуля², между тем как ночью в течение всего марта он постоянно падал ниже точки замерзания.

В апреле 1869 года из 30 дней этого месяца термометр минимум 23 раза³ показывал мороз, доходивший до — 6°Р, и даже 4 мая он упал до — 0,9°Р, после чего уже всегда стоял выше нуля.

Вследствие таких сильных и постоянных холодов как в зимние, так и в первые весенние месяцы не только Уссури, но даже озеро Ханка покрыты льдом около пяти месяцев⁴.

Относительно количества снега, выпадающего зимою в Уссурийском крае, можно сказать, что в один год выпадает его много, даже очень много, в другой же, наоборот, мало. Таким образом, в зиму 1867/68 года как на Уссури, так и в ханкайском бассейне снег лежал на три фута толщины⁵ (в долинах между горами даже на четыре

¹ Необходимо оговорить, что все показания морозов в 1868 году относятся к 6 часам утра, т. е. времени, в которое я производил первое дневное наблюдение. Не имея тогда термометра минимум (который получил только в 1869 году), я не мог определить наименьшую температуру в течение целых суток, а по всему вероятно, эта температура была ещё ниже здесь приведенной.

² В 1868 году термометр в полдень в тени показывал постоянно выше нуля с 18 марта.

³ В 1868 году я не имел термометра минимум, а потому и не мог узнать наименьшие суточные температуры в продолжение весны этого года.

⁴ Уссури обыкновенно замерзает в начале ноября и вскрывается в начале апреля. Озеро Ханка замерзает во второй половине ноября и очищается окончательно ото льда в последних числах апреля или даже в начале мая. (В 1868 году лёд на восточной стороне озера взломало 14 апреля; в 1869 году — 18-го числа того же месяца. Однако в том и другом случае лёд носился по озеру громадными массами до конца апреля и окончательно растаял только в начале мая).

⁵ На восточном берегу Ханки сугробы, навезаемые со льда озера, в 1868 году имели 10—12 футов вышины, и последние их остатки я видел 25 апреля.

из главных причин, препятствующих развитию земледелия, в особенности на самой Уссури. Сверх того, береговая полоса подвержена действию морских туманов, которые господствуют здесь в июне и июле. Впрочем, эти туманы бывают только на восточном склоне Сихотэ-Алиня и редко показываются на западной его стороне.

Относительно осени я имею собственные наблюдения только для побережья Японского моря. Из этих наблюдений можно сказать, что осень здесь едва ли не самое лучшее время года, в которое погода стоит большею частью ясная и притом умеренно теплая¹. Впрочем, нужно заметить, что береговая полоса, более подверженная влиянию моря, вероятно, имеет климат, значительно разнящийся от климата собственно Уссурийского края, т. е. страны, лежащей по западную сторону Сихотэ-Алиня, и более проявляющий морской характер.

Сообразив все сказанное о климате Уссурийского края по тем немногим и отрывочным данным, которые приведены выше, мы все-таки, как кажется, вправе заключить, что страна эта, несмотря на свое приморское положение, имеет *гораздо более континентальный, нежели морской климат*.

Долгая холодная зима, ясная осень и поздняя весна служат неоспоримыми доказательствами континентальности климата, в то же время как дождливое, хотя и довольно жаркое лето выражает собою климат приморских стран.

Такой особенный характер климата обуславливает и особенный склад природы Уссурийского края, представляющей, как мы уже видели, в растительном и в животном мире оригинальную смесь северных и южных форм.

Это явление в особенности замечательно относительно растений, которые, конечно, не могут, подобно животным, избегать неблагоприятных климатических условий посредством зимней спячки или перелёта в тёплые страны.

Произрастание южных травянистых однолетних растений в Уссурийском крае, где зима так много сурова, объясняется тем, что сумма тепла, доставляемого жарким летом этих местностей, вполне достаточна для их развития, между тем как зимою они сохраняются семенами, корневищами и клубнями в земле, под снегом или под водою, следовательно, избегают неблагоприятных условий климата. Но обращаясь за тем к южным формам древесных и кустарных растений, которые благополучно переносят здесь двадцатидевятиградусные морозы и долгую, вообще суровую зиму, мы встречаем весьма замечательный факт, указывающий, насколько гибка организация каждого растительного вида и насколько он может, конечно через ряд поколений, применяться к неблагоприятным физическим условиям.

Вместе с тем, мы находим здесь одно из бесчисленных подтверждений великой теории Дарвина, по которой «в борьбе за существование» право на успех всегда принадлежит более совершенному, лучше организованному типу. В те далекие времена, когда происходило здесь распространение южных растений, на границе полосы, где они сталкивались с неблагоприятными климатическими условиями севера, по всему вероятно, гибло множество этих растений, но сохранялись единичные

¹ Первый мороз (в 4½ час. утра) в заливе Посыета мною наблюдался 2 октября и равнялся — 2,3° Р; первый снег шёл там же 16 октября.

экземпляры, имевшие в своей организации уклонения, выгодные для борьбы с враждебными влияниями внешней среды. Такие «выборные» индивидуумы передавали свои уклонения потомству, которое упрочивало и совершенствовало их в постоянной борьбе с теми же самыми неблагоприятными влияниями, и таким образом через ряд поколений выработался вид, способный произрастать при таких климатических условиях, при которых другие его собратья должны неминуемо погибнуть.

Особенный склад климата Уссурийского края обуславливается действием различных физических причин, заключающихся, главным образом, в следующем:

1. *Влияние моря.* В Уссурийском крае, как и везде, соседнее Японское море оказывает большое влияние на климат страны, но это влияние более вредное, чем полезное. Оно выражается в обилии водных осадков и в общем способствует понижению средней годовой температуры.

Подобное неблагоприятное действие Японского моря на климат прибрежной Маньчжурии зависит от направления двух главных течений, замечаемых в этом море. Первое из них — теплое, движется из Жёлтого моря, вдоль западных берегов Японских островов и даже вдоль южной части острова Сахалина, другое же — холодное, направляется из Охотского моря, через Амурский лиман в Татарский пролив, возле самого берега материка, и простирается до южной оконечности Кореи¹.

Понятно, что вследствие подобного распределения тёплого и холодного течений материковый берег далеко не пользуется тем климатом, какой мы находим на противоположном островном берегу. Действительно, холодное течение, изобилующее льдами даже поздней весной при постоянном господстве летом южных и юго-западных ветров, обуславливает на берегу материка обилие летних туманов и дождей, понижающих в свою очередь среднюю температуру этого времени года.

С другой стороны, постоянные северо-западные и западные ветры зимою парализуют то смягчающее влияние, какое могло бы иметь тогда незамерзающее море. Действию последнего в особенности подвержена береговая полоса, в которой изотермы сравнительно с внутренними частями Уссурийского края должны, по замечанию Максимова, опускаться, по крайней мере, градуса на два к югу.

Вследствие тех же причин растительность береговой полосы позднее развивается весной и вообще беднее сравнительно с растительностью местностей, лежащих внутри страны под одинаковыми градусами широты.

2. *Направление господствующих ветров.* Другая важная причина, действующая, но опять-таки неблагоприятно, на климат Уссурийского края, заключается в господстве здесь осенью и зимою западных и северо-западных ветров, а весной и летом южных и юго-западных. Хотя, конечно, в них нет той правильной постоянности, какую мы встречаем в странах муссонов или пассатов, но все-таки выше

¹ Подробные исследования течений Японского моря, его глубины, температуры воды, прилива и отлива, господствующих ветров и т. д. находятся в прекрасной книге академика Шренка «Очерк физической географии Северо-японского моря».

названные направления воздушных течений значительно преобладают здесь над всеми прочими¹.

Неблагоприятное их действие на климат Уссурийского края выражается в том, что южные ветры летом приносят огромное количество влаги и тем обуславливают ежегодные периодические дожди, которые, конечно, много уменьшают сумму летнего тепла. Наоборот, зимой западные и северо-западные ветры, дующие с материка, приносят сухость и ясность воздуха, но вместе с тем, будучи постоянно холодными, они понижают ещё более среднюю температуру этого времени года.

3. *Невыгодное расположение горных хребтов по окраинам всего амурского бассейна.* Если обратимся к географическому положению всего амурского бассейна, то увидим, что в общем своём очертании он представляет форму квадрата, обставленного со всех сторон горными хребтами. На севере Становой хребет отделяет его от бассейна Лены; на востоке Сихотэ-Алинь ограждает берег Японского моря; на юге стоит высокою стеною Чан-бо-шань; наконец, на западе Хинган разделяет Маньчжурию от Монголии.

Такое расположение хребтов по окраинам оказывает большое влияние на климат всего Амурского, а вместе с тем, конечно, и Уссурийского края. В особенности важно положение Станового хребта и Чан-бо-шаня, из которых первый имеет около 5 000 футов [1 525 м], между тем как последний поднимается вдвое выше.

Понятно, какие невыгодные условия вытекают из такой разницы в высоте северного и южного хребтов. Невысокие Становые горы почти не защищают Амурский край от действия страшных холодов Северной Сибири, между тем как Чан-бо-шань заслоняет собою благоприятное влияние тёплой китайской низменности и Жёлтого моря, а через то,

¹ Нижеследующая таблица, вычисленная из наблюдений, мною произведенных, представляет распределение ветра в Уссурийском (преимущественно Южноуссурийском) крае по месяцам и временам года.

1867—1869 гг.	Число наблю-дений	В процентах								
		Северное	С.-восточн.	Восточное	Ю.-восточн.	Южное	Ю.-западн.	Западное	С.-западн. ²	Тихо ³
Январь	93	0,00	0,00	1,00	7,53	1,08	1,08	17,20	4,30	68,82
Февраль	87	2,30	0,00	1,15	3,45	9,20	6,90	12,64	0,00	64,37
Март { 1868	91	1,10	8,78	1,10	4,40	7,69	35,16	18,68	3,30	19,78
{ 1869	92	4,35	3,26	3,26	6,52	9,78	14,13	12,07	15,22	31,52
Апрель { 1868	89	6,75	1,12	1,12	0,00	23,60	28,09	13,48	1,12	24,72
{ 1869	86	2,33	1,16	0,00	0,00	19,65	31,40	11,65	4,65	29,07

² Ветры с тройным обозначением, например, ЮЮЗ, отнесены в настоящей таблице к стороне большего склонения, т. е. в данном примере к югу.

³ Постоянное преобладание на стороне затишья происходит вследствие того, что из трёхкратных ежедневных наблюдений два раза приходилось на утро и вечер, когда ветер обыкновенно стихает.

конечно, способствует более суровому климату стран, к северу от него лежащих.

Из двух других хребтов — Хингана и Сихотэ-Алиня — последний оказывает несравненно большее и притом благотворное влияние тем, что много защищает собою Амурский край от неблагоприятного действия холодного тока Японского моря. В особенности сильно выказываются значение берегового хребта на низовьях Амура, где местности, лежащие недалеко друг от друга¹, но только по западную или восточную его сторону, представляют большую разницу в климате и в самом характере растительности.

4. *Невозделанность страны.* Наконец, последняя из главных причин, влияющих на климат Уссурийского края, есть невозделанность самой страны, покрытой болотами и дремучими лесами. Это обстоятельство оказывает весьма важное действие на климат, так как леса при своей способности задерживать и хранить влагу способствуют обильию летних дождей.

С другой стороны, большое количество этих лесов задерживает таяние снега весной, а через то постоянно возвращающимися холодами останавливает развитие растительности, которая в ханкайском бассейне с половины апреля едва начинает оживать. Но зато, лишь только с наступлением мая окончатся здесь ночные заморозки и погода сделается равномерно тёплой, как вся растительность станет вдруг развиваться необыкновенно быстро и через неделю, много две, является во всем блеске обновлённой юности.

(Окончание)

1867—1869 гг.	Число наблюдений	В процентах								
		Северное	С.-восточн.	Восточное	Ю.-восточн.	Южное	Ю.-западн.	Западное	С.-западн.	Тихо
Май	93	2,15	3,23	1,08	2,15	19,35	32,26	16,13	5,38	18,28
Июнь	90	0,00	6,67	4,44	11,11	33,38	23,33	0,00	1,11	20,20
Июль	90	2,22	11,11	12,22	10,00	21,11	8,88	0,00	0,00	34,44
Август	93	3,23	0,00	4,00	9,68	19,36	11,83	15,05	5,38	31,18
Сентябрь	89	3,26	3,26	0,00	7,77	17,98	5,62	15,73	3,26	42,69
Октябрь	9	34,30	1,80	0,00	7,53	8,60	2,15	2,15	24,73	49,46
Ноябрь	90	12,22	3,33	17,77	0,00	2,22	2,22	0,00	8,88	53,33
Декабрь	93	6,46	0,00	1,80	0,00	0,00	4,30	17,20	17,20	53,76
Весна	451	3,33	3,55	1,33	2,88	15,97	28,16	14,41	5,99	21,61
Лето	273	1,84	5,86	6,96	10,25	24,54	14,99	5,13	2,16	28,20
Осень	272	6,62	2,54	5,88	5,15	9,56	3,31	5,88	12,45	48,53
Зима	273	2,89	0,00	0,73	3,65	3,31	4,04	15,81	7,33	62,46
Год	1,269	3,62	3,07	3,47	5,12	13,79	14,74	10,87	6,77	38,61

¹ Например, де-Кастри и Маринск (всего 65 вёрст).

Таким образом, и в этом случае, мы видим полное указание на континентальный характер климата, обусловливаемый совокупным действием вышеизложенных физических причин.

Оканчивая рассказ об Уссурийском крае, скажем теперь несколько слов об его освоении, от более или менее рационального способа которого, без сомнения, зависит вся будущность молодой страны.

Из предыдущих глав настоящей книги читатель уже видел, что население в этом крае состоит: во-первых, из казаков, поселённых на Уссури; во-вторых, из крестьян, осевших в Южноуссурийском крае, а также частью на побережье Японского моря; наконец, в-третьих, из корейцев, бежавших в наши пределы и поселённых вблизи залива Посьета.

Каждое из этих трёх родов населения имеет свои характерные особенности, а потому начнём по порядку.

Из беглого очерка во II главе мы видели, что положение уссурийских казаков крайне бедственное, что голод и нищета с различными пороками, всегда им сопутствующими, довели это население до полного морального упадка, заставили его махнуть на всё рукой и апатично покориться своей злосчастной участи. Правда, уже при самом переселении из Забайкалья новые колонисты имели слишком мало задатков к будущему преуспеянию, но, тем не менее, существуют и другие причины, которые поставили уссурийских казаков в такое неутешительное положение.

Эти причины, мне кажется, следующие:

1. *Обязательное переселение.* Выше было уже сказано, что уссурийские казаки выбирались по жребию в Забайкалье, что богатым был дозволен наём вместо себя охотников и что казаки с первого шага стали враждебно смотреть на новый край, куда явились не по собственному желанию, а по приказу начальства. Притом же большая часть из них лишилась во время трудной дороги и последнего имущества, которое они забрали было с собою. Скот передох во время плавания на баржах вниз по Амуру, хлеб и семена подмокли или совсем потонули на тех же самых баржах, много добра пропало при перегрузках или просто без вести на казённых транспортах; одним словом, казаки явились на Уссури в полном смысле голышами.

К такому населению подбавлено было ещё в следующие годы около 700 штрафованных солдат¹, которые зачислены в казачье сословие и живут или отдельными дворами², или большею частью между другими казаками.

Между ними много типичных и весьма интересных личностей. Здесь можно видеть и лакея прежних времен, сданного барином в солдаты за какие-нибудь художества, а на службе опять накуралесившего, мастерового с казённого завода, петербургского мазурика, недоучившегося семинариста и т. д.

Понятно, что эти люди всего менее способны сделаться хорошими земледельцами, тем более в стране дикой, нетронутой, где всякое хозяйское обзаведение требует самого прилежного и постоянного труда. Только как исключительную редкость можно встретить между ними человека, хоть сколько-нибудь работающего; остальные же живут как

¹ В 1867 году таких солдат считалось 680.

² Отдельными домами живут только 110.

придётся и шатаются по разным местам не только на Уссуре, но даже по Амуру до Николаевска. Между ними встречаются разные мастера, которые полезны здесь своими знаниями. Но, во всяком случае, эта малая выгода далеко не искупает зла, которое внёс с собою в уссурийское население этот люд.

2. Недостаток рабочих рук. Если обратимся к цифрам статистической таблицы в приложении, то увидим, что среди уссурийского населения число совершеннолетних мужского пола, т. е. таких, которым свыше 18 лет, равняется 1 812. Однако эта цифра далеко не выражает собою количества здоровых работников, каковыми можно считать тех, которые признаются годными на службу и имеют не более 50 лет от роду. Число таких казаков (940) равняется только половине общей суммы совершеннолетних и ясно говорит о той сравнительно весьма малой рабочей силе, которую может доставить население Уссурийского края. Вследствие же ежегодного наряда на службу эта цифра сокращается ещё более, так как поступающие в наряд казаки исполняют служебные обязанности по станицам и в штабе батальона¹ и по истечении годовичного срока возвращаются домой.

Если возьмём цифру всей обработанной на Уссуре земли 2 560 десятин [2 700 га], то увидим, что средним числом приходится только около $\frac{1}{2}$ десятины на каждую душу — количество малое, в особенности, если принять во внимание, что большая половина этих пашен лежит на местностях затопляемых, где, следовательно, сбор хлеба подвержен весьма большим случайностям. Чтобы избежать таких случайностей, казаки должны обрабатывать землю на местах возвышенных, а такие местности везде покрыты здесь дремучими лесами, расчистка которых требует много времени и труда. Поэтому можно судить, насколько дорог для семьи каждый работник и насколько малое количество здоровых рабочих рук в среде уссурийского населения вредно отзывается на самом ходе здешнего земледелия.

3. Недостаток рабочего скота. Как относительно здоровых работников, так и относительно животно-рабочей силы казаки находятся в невыгодных условиях и число содержимого ими рабочего скота весьма не велико сравнительно с населением. Притом же есть много таких хозяев, которые не имеют ни одной скотины, следовательно, только руками могут обрабатывать землю.

Сверх того, гоньба почты и провоз проезжающих составляют весьма тяжёлое бремя для казаков, которые ради этой цели ведут очередь отдельно по станицам, и каждая смена стоит с своими лошадьми по одной неделе. Поэтому выходит, что в станицах, бедных лошадьми, при сильном разгоне казакам приходится ездить почти беспрерывно целую зиму, тогда как в станицах, где лошадей довольно, тяжесть почтовой гоньбы менее ощутительна.

За гоньбу почты казаки ничего не получают от казны, кроме прогонов, а каждый знает, как ничтожно такое вознаграждение, тем более в стране, где прокорм лошадей очень дорог, так как пуд овса стоит здесь обыкновенно около рубля, а иногда и того более. Притом даже прогоны казаки получают далеко не сполна: за провоз почты им выдают только квитанции, по которым еще ни разу не платили денег,

¹ Поступающие в наряд получают продовольствие от казны по два пуда муки в месяц.

по словам тех же самых казаков, а, во-вторых, так как лошади обыкновенно плохи, то казаки для облегчения запрягают под проезжающих одною лошадию более против числа, положенного законом. Из этого выходит, что, запрягая, например, трёх лошадей, они получают прогоны только за двух, а так как лошади берутся по одной у разных хозяев, то после дележа прогонной платы каждый из них получает только несколько десятков копеек. Между тем почтовая гоньба до того изнуряет лошадей, что большая часть из них к концу зимы едва волочит ноги и не может быть употреблена для весенних работ.

Кроме того, почти ежегодно на Уссури бывают значительные падежи скота, всего чаще от бескормицы, и вообще скотоводство идёт здесь весьма плохо. Причины этому заключаются: во-первых, в самом характере пастбищ, покрытых громадной, неудобной для корма травой, во-вторых, в чрезвычайной обилии насекомых, от которых скот бежит, как сумасшедший, к дымокурам и не ест ничего, так что за лето худеет, а не отъедается.

4. *Особенности климатических условий Уссурийского края.* Одна из важных причин, неблагоприятствующих развитию земледелия во всем Уссурийском крае, есть излишняя сырость климата, которая несколько способствует развитию богатой растительности, настолько же препятствует успехам земледелия. Проливные дожди идут здесь обыкновенно в июле, следовательно, в период сбора жатвы, так что хлеб гниёт на корню и нет возможности убрать как следует. Кроме того, вода затопляет все долины, а вместе с ними и пашни, лежащие на низких местах.

Такие наводнения случались два раза на моих глазах, именно в июле 1867 и августе 1868 годов. В последнем случае вследствие проливных дождей вода прибывала чрезвычайно быстро, поднялась более чем на две сажени против своего обыкновенного уровня¹ и не только затопила большую часть казацких пашен, но даже и некоторые станицы, так что жители принуждены были в это время жить на чердаках. Притом вследствие излишней сырости в дождливый период является множество гусениц, которые поедают на корню хлеб, в особенности же огородные овощи.

Все эти истории повторяются из года в год то в большей, то в меньшей степени, и сильно тормозят развитие земледелия на Уссури, отбивая у казаков всякую охоту к труду, который часто не даёт никакого вознаграждения.

Однако, если поближе всмотреться в дело, то можно видеть, что неблагоприятные для земледелия климатические условия далеко не так страшны, как они кажутся с первого раза. Правда, всегдашние июльские дожди много мешают сбору поспевшего хлеба, но, мне кажется, нет никакой надобности сеять его так рано, чтобы созревание приходилось именно в дождливое время. Тем более, что в августе во всем Уссурийском крае по большей части стоит превосходная погода, которая вполне может благоприятствовать и созреванию и сбору хлеба. Поэтому весенний посев должен быть здесь производим с таким расчётом, чтобы во время дождей происходило не созревание, а только рост хлеба, которому эти дожди будут тогда скорее полезны, нежели

¹ По измерениям, произведённым Лопатиным в станице Буссе, вода поднималась здесь на $2\frac{1}{2}$ сажени 15 мнад уровнем зимнего льда.

вредны. Местные китайцы сумели примениться к таким условиям климата, засевают свои поля довольно поздно и получают превосходную жатву, которую собирают в сентябре, а в Южноуссурийском крае даже в начале октября. Затем вредные последствия наводнений, истребляющих большую часть казацких хлебов, не только можно, но даже должно устранить разработкою земли на местах возвышенных, на что, конечно, потребуется много труда, но зато этот труд принесёт уже не гадательные, а верные результаты.

5. Неудачные действия администрации. Кроме всех вышеизложенных причин, немалую долю влияния на настоящее грустное положение казаков имели ошибки тех деятелей, которые руководили как самым переселением, так и дальнейшею судьбою уссурийских казаков.

Без сомнения, слишком крутая уже сама по себе мера — вырвать человека из его родины и бросить в неизвестный край, но еще более непохвально деморализировать его вконец на новом месте жительства. С уссурийскими казаками случилось то и другое: по приказу велели им бросить родину, а затем, поселив на Уссури, целым рядом неудачных административных мер, иногда прямо одна другой противоположных, довели это население до того безысходного положения, в котором оно находится ныне.

Таким образом, с первого раза не было обращено достаточно строгого внимания на правильную систему земледелия, приуроченную к условиям новой страны, на разработку земли в местах незатопляемых, на снабжение казаков необходимыми земледельческими орудиями, семенами и рабочим скотом, который хотя многие из них взяли с собой из Забайкалья, но лишились его от различных случайностей во время трудного плавания на баржах вниз по Амуру.

Между тем при недостатке земледельческих орудий и животно-рабочей силы казаки, конечно, не могли заняться как следует трудной разработкой земли на новых местах своего поселения, а принимались пахать там, где было полегче, т. е. на лугах, где разлитие реки на первых же порах уничтожало иногда уже поспевшую жатву.

С 1866 года везде по станицам был учреждён строгий надзор, требовали, чтобы каждый непременно работал, задавали даже работу по урокам, а за невыполнение их наказывали немилосердно. Такие суровые меры, правда, имели тот результат, что земли было разработано более против прежнего, но всё-таки они несколько не улучшили положения казаков, которые большую часть своих заработков должны были отдавать теперь в уплату прежде сделанного долга.

Принудительная барщинная система и суровые меры, её сопроваждавшие, достигли своего апогея в 1876 гсду. У казаков забирали не только хлеб, но даже продавали коров и лошадей, одним словом, «выбивали» казённый долг, как довольно метко они сами выражались. У многих брали хлеб еще в снопах, обмолачивали его обществом и отдавали в казну, так что иные казаки украдкою молотили свой хлеб на полях и потихоньку приносили его домой, следовательно, воровали у самих себя.

Подобные крайние меры, конечно, не могли выгодно отозваться ни на материальной, ни на нравственной стороне населения, среди которого в половине зимы 1867/68 года попрежнему оказалось более тысячи душ голодных и вдобавок появилась сильная возвратная горячка,

так что казна, волей или неволей, должна была выдавать обратно забранный с осени хлеб.

Следующий, 1868 год прошёл для казаков не лучше прежних лет. Правда, прежние строгости и наказания были уничтожены, но в быте самого населения не произошло никаких благоприятных перемен. Сильные дожди и разливы уничтожили более чем наполовину собранный хлеб и сено, так что зимой на Уссури опять начался сильный голод, а вместе с ним в большой части станиц снова появилась возвратная горячка.

Чтобы избежать крайних последствий голодовки, беднейшим казакам попрежнему начали отпускать по 30 фунтов [12 кг] муки в месяц на каждую душу. Но всё это в долг и в долг! Когда же он будет выплачен? Если уссурийское население с самого своего появления не было в состоянии ни один круглый год прокормить самого себя, то каким же образом оно станет платить казённые долги? Или, быть может, всё ещё надеются на лучшее будущее для казаков? Но увы! едва ли это будущее может быть лучшим. Без коренных изменений в самом устройстве населения нет никакой вероятности надеяться на что-либо более отрадное против настоящего. Десятилетний опыт убеждает в этом, как кажется, довольно сильно. Деморализованное, апатичное и развратное население не может воскреснуть вдруг, ни с того, ни с сего. Искусственные, временные средства не направят его на прямой путь. Худая закваска слишком сильна, и нужны слишком резкие меры, чтобы повернуть дело в другую, лучшую сторону. Пусть не надеются местные администраторы, что новое поколение, выросшее в новой стране, будет лучше старого. Нет! оно растёт при тех же самых условиях, видит те же самые примеры разврата и всяких мерзостей, которые творят его отцы, и, воспитываясь в такой среде, конечно осуждено со временем быть ни чуть не лучше, если только не хуже того, которое сойдёт в могилу.

После всего вышесказанного является вопрос: какие же меры могут быть приняты, чтобы вывести уссурийское население из того безнадежного положения, в котором оно находится в настоящее время?

Окончательный ответ на подобный вопрос, конечно, весьма затруднителен, тем более, что для его решения должно быть принято в соображение множество побочных обстоятельств, недоступных или ускользнувших от частного наблюдателя. Поэтому, говоря о мерах, могущих способствовать улучшению или даже совершенному изменению настоящего положения уссурийских казаков, я выскажусь лишь в общих чертах.

1) Дозволить всем желающим казакам вернуться обратно в Забайкалье и перевезти их туда на казённый счет. Нет сомнения, что три четверти всего населения, если только не более, изъявят желание на обратное переселение. Если же по каким-либо соображениям или, наконец, из принципа обратное переселение не может быть допущено, то нельзя ли расселить желающих уссурийских казаков по наиболее зажиточным станицам амурской конной бригады. Несколько семейств таких казаков, приписанных к каждой станице, могли бы в случае нужды получить поддержку со стороны своих собратий без особенного отягощения для последних и, кроме того, имея постоянно добрый пример перед глазами, быть может, исподволь сделались бы сами более энергичными и трудолюбивыми.

2) Удалить из края всех до единого штрафованных солдат. Поселённые как земледельцы между казаками, эти солдаты вносят только одни пороки, и без того проявляющиеся во всевозможных формах среди уссурийского населения.

3) Простить все казённые долги, которые и без того никогда не получатся, а между тем даже прилежные казаки работают не охотно, зная, что если будет лишний хлеб, то его возьмут в счёт прежде забранного.

4) Всем бедным, оставшимся здесь казакам дать вспомоществование лошадьми, рогатым скотом, семенами, земледельческими орудиями и притом объявить, чтобы они впредь не ожидали никакой помощи от казны, а заботились бы сами о себе.

5) Так как безопасность прочного владения нами Уссурийским краем уже достаточно установилась, то, мне кажется, нет никакой необходимости заселять Уссури непременно казачьим населением; тем более, что здесь граница вполне обеспечена безлюдностью и непроходимостью прилегающих частей Маньчжурии. Опыт 1868 года показал, что если и может нам грозить какая-либо опасность, то всего скорее в пространстве между озером Ханка и заливом Посыета, где наша граница везде удободоступна и совершенно открыта. Притом же с учреждением конной казачьей сотни, которая будет постоянно содержать разъезды в Южноуссурийском крае, подобная безопасность и здесь уже достаточно гарантирована.

Принимая в соображение все эти обстоятельства, мне кажется возможным обратить в крестьян тех казаков, которые пожелают остаться на Уссури и которые, будучи, таким образом, освобождены от всякой службы и всякого военного значения, могут успешнее сделаться хорошими земледельцами.

Наконец, 6) стараться привлечь на Уссури крестьянское население, конечно, более пригодное, нежели казаки, к первоначальной колонизации страны. Пусть оно расселится между оставшимися станицами, займёт места где угодно и своим добрым примером внесёт благие зачатки туда, где в настоящее время процветают одни пороки и апатия ко всякому честному труду.

Обращаясь затем к крестьянским колониям, мы видим из таблицы, находящейся в приложении, что во всех тринадцати поселениях¹, расположенных в Южноуссурийском крае и на побережье Японского моря, живут 214 семейств в числе 1 259 душ обоёго пола. В этом общем счёте собственно крестьян 1 150 (633 мужского и 517 женского пола), поселенцев 54 (27 мужчин и 27 женщин); наконец, отставных солдат и матросов 34 с 21 женщиной².

Из деревень самые лучшие по своему благосостоянию *Турий Рог* и *Астраханская*; затем хороши, несмотря на недавнее существование,

¹ Собственно крестьянских деревень 12; тринадцатый пункт, где живёт немного крестьян, есть пост Камень-Рыболов, который занят солдатами 3-го линейного батальона.

² Здесь взята цифра солдат и матросов, поселившихся собственно в деревнях; количество же этих лиц, живущих в селениях, считающихся городскими, как-то: во Владивостоке, гаванях Новгородской и Св. Ольги, — я не мог узнать достоверно, но, во всяком случае, цифра таких поселенцев ни чуть не менее, если не более, цифры солдат, живущих в деревнях.

Троицкая и *Никольская* с *Суйфунским* поселением¹, а также деревня *Новинки* возле гавани Св. Ольги. Остальные же — *Шкотова* на реке *Цыму-хэ*, *Александровская* и *Владимировская* на Сучане, *Фудин*, *Арзамазовка* и *Пермская* возле гавани Св. Ольги — плохи, частью по недавнему заселению и неудобству местности, более же всего по беспечности своих обитателей, в особенности поселенцев и отставных солдат.

Все крестьяне, живущие в вышеназванных деревнях, пришли сюда в различное время (в период 1860—1868 годов) и из различных губерний, преимущественно Астраханской, Воронежской, Тамбовской, Пермской и Вятской. Некоторые из них прямо попали на свои настоящие места, другие же, как, например, жители Турьего Рога и Троицкой, Владимировки на Сучане и деревень возле гавани Св. Ольги, жили первоначально несколько лет на Амуре, а потом уже перекочевали в Южноуссурийский край.

Дальняя дорога из России, продолжавшаяся обыкновенно от двух до трёх лет, весьма сильно отозвалась на материальных средствах крестьян, но еще более разорились те из них, которые были первоначально поселены на Амуре, обзавелись там кое-каким хозяйством, но потом должны были бросить всё это вследствие того, что места, им отведённые, оказались неудобными частью по своей почве, частью же потому, что были подвержены наводнениям.

Вспомоществование, даваемое заимообразно от казны всем первоначально приходящим как на Амур, так и в Уссурийский край крестьянам (деньгами по сто рублей на каждое семейство и продовольствием в течение первого года²), как нельзя более необходимо: оно помогло многим из них обзавестись хозяйством и зажить довольно порядочно, даже хорошо. Правда, некоторые деревни еще не оправились до сих пор, но в этом виноваты частью сами их обитатели, частью же невыгодные условия местностей, на которых они поселились.

Таким образом, во всех деревнях, расположенных на побережье Японского моря, сильные летние туманы, обыкновенно господствующие здесь в июле, вместе с дождями, много вредят созреванию ранних хлебов. Впрочем, такие туманы всего сильнее бывают в самой береговой полосе, заметно слабеют с удалением внутрь страны и ещё реже показываются на западном склоне Сихотэ-Алиня.

Количество и всей обработанной собственно крестьянами земли составляет 962 десятины [1 082 га], следовательно около 0,8 десятины на каждую душу вообще. Хотя, конечно, такое число ничтожно в сравнении с громадным пространством целого края, но это задатки будущей культуры, которая широко может развиваться, в особенности на степной полосе Южноуссурийского края. Во всяком случае, вся будущность его как страны земледельческой заключается, насколько уже показывает опыт, не в поселённых там казаках или, тем менее, инород-

¹ Хотя деревня Никольская и Суйфунское поселение ещё не успели как следует обстроиться после недавнего погрома от хунгузов, но благодаря превосходной местности, на которой они расположены, крестьяне уже достаточно поправились в своих материальных средствах и живут довольно хорошо.

² Впрочем, такое вспомоществование даётся в Южноуссурийском крае только тем крестьянам, которые пришли сюда прямо из России; те же, которые перекочевывают с Амурского берега, не получают означенного пособия, так как они уже пользовались им по приходе на Амур.

цах, а исключительно в крестьянах, от большего или меньшего прилива которых из России будет зависеть и самый ход освоения.

Но для привлечения таких переселенцев, мне кажется, прежде всего следует улучшить самый способ передвижения их с родины на новые места. В настоящее время крестьяне, идущие из России на Амур, бывают в пути обыкновенно два, даже три года, терпят всевозможные невзгоды и, уже окончательно истощившись в своих материальных средствах, являются, наконец, на избранные местности. Между тем, если бы доставка на Амур этих переселенцев происходила путём водным, т. е. кругом света, то на переезд тратилось бы только шесть или семь месяцев, так как судно, выходящее из Кронштадта в сентябре или октябре, является сюда обыкновенно в мае. Притом же все пожитки, забранные с собою крестьянами, могли бы благополучнее достигать нового места, а вместе с тем переселенцы сохранили бы значительное количество собственных денег, которые они теперь тратят на продовольствие во время пути, так как отпускаемых от казны порционных¹ не везде бывает достаточно.

Наконец, если по каким бы то ни было соображениям о морской перевозке не может быть и речи, то следует, по крайней мере, хотя на Амуре иметь пароход, специально предназначенный для буксировки барж с переселенцами от города Сретенска вдоль по Амуру и Уссури на озеро Ханка. Правда, в настоящее время переселенцы также возятся здесь на пароходах, но при отсутствии правильных рейсов они часто подолгу ждут то в одном, то в другом месте и тратят на переезд от Сретенска на озеро Ханка почти целое лето. Притом же, явившись сюда осенью, они не имеют уже времени ни распахать земли для посева, ни заготовить сена для корма скота в наступающую зиму, а через это обыкновенно бывают поставлены в самое затруднительное положение. Между тем, если бы имели на Амуре пароход, специально предназначенный для перевозки переселенцев, то они совершали бы весь свой переезд менее чем в месяц и, отправляясь из Сретенска, например, в начале мая, в июне были бы уже на месте, следовательно, могли бы тотчас же приступить к различным работам.

Вместе с крестьянами в деревнях нашего Южноуссурийского края живут ещё как земледельцы, так называемые поселенцы, т. е. каторжники, выслуживавшие срок своих работ, и отставные солдаты или матросы, оставшиеся здесь добровольно на вечные времена. Число первых, т. е. поселенцев, равняется 54². Они живут особою деревнею Александровкою на Сучане и между крестьянами в деревнях Шкотова, Новинки и Пермская.

Разумеется, при таких условиях невозможно быть хорошим земледельцем, и, действительно, между всеми поселенцами очень редко можно встретить хотя сколько-нибудь трудолюбивого человека; большая же часть из них перебивается кое-как и весьма мало заботится о завтрашнем дне.

Не лучший отзыв можно сделать и об отставных солдатах или

¹ Порционы всем переселяющимся крестьянам выдавались прежде во время пути различно, по губерниям, так же как бессрочно отпускным солдатам. В настоящее время, кажется, порционов уже не выдают, и крестьяне продовольствуются на собственный счёт.

² 27 мужского и 27 женского пола. Такая цифра была к 1 января 1868 года; впрочем, после того она едва ли увеличилась, разве на несколько человек.

матросах, добровольно оставшихся на жительство в этом крае и поселившихся частью во Владивостоке, гаванях Новгородской и Св. Ольги, частью же между крестьянами в деревнях: Турий Рог, Никольская, Шкотова, Фудин, Арзамазовка и на посту Камень-Рыболов. К счастью, число солдат, живущих между крестьянами, невелико, всего 34 человека¹, да и из этого числа только 18 живут отдельными дворами, остальные же или нанимаются в работники, или просто шатаются без всякой определенной цели.

Что же касается до способности отставных солдат к земледелию, то об этом, конечно, нечего и распространяться. Дело слишком ясно само по себе. Скажу только, что за исключением четырёх или пяти хотя сколько-нибудь прилежных солдатских семейств остальные возделывают обыкновенно по одной десятине земли или даже того менее, а некоторые не имеют ни одного распаханного клочка «по непривычке к такой работе», как они сами выражаются.

Из числа солдат, живущих вне деревень, более всего обитает во Владивостоке². Немногие из них занимаются различным мастерством, большая же часть ничего не делает и ничуть не лучше своих собратьев, поселившихся в деревнях. Таким образом, на посту в гавани Св. Ольги находится пять солдатских дворов (четыре с 1862 года и один с 1864 года), обитатели которых поселились как земледельцы, но всеми ими к 1-му января 1868 года было разработано только $\frac{3}{4}$ десятины земли.

Такие факты, мне кажется, ясно указывают, что поселение отставных солдат в крае приносит для него одно зло, но никак не пользу, тем более, что оно дорого стоит правительству, выдающему, как сказано выше, 130 руб. каждому остающемуся здесь солдату. Можно утвердительно сказать, что когда выдача денег прекратится, то гораздо меньше будет оставаться здесь солдат на жительство, но зато если в данном случае правительство проиграет в количестве, так наверно выиграет в качестве, потому что будут оставаться только люди, действительно желающие трудиться и заработать себе кусок хлеба. Пособие им можно давать не деньгами, а различными предметами, необходимыми для первоначального обзаведения хозяйством, как то: скотом, семенами, земледельческими орудиями, или, наконец, выдавать те же самые деньги, но только в виде премии за разработку известного количества земли, за усердное занятие каким-либо промыслом или мастерством и т. п.

Притом же есть ещё одна весьма важная вещь, препятствующая благосостоянию многих солдат и поселенцев, — это их бессемейная жизнь. Действительно, может ли хорошо идти хозяйство у человека одинокого, даже при всем желании с его стороны?

Кроме того, семейная жизнь всегда благотворительно действует и на нравственную сторону человека. Придя с тяжелой работы домой, семьянин может свободно вздохнуть в кругу жены и детей, любовь к которым заставляет его трудиться целые дни. Одинокий же солдат или поселенец не знает ничего этого: не для кого ему особенно трудиться, нет у него семейства, с которым он мог бы поделить радость или горе, и поневоле бросается такой горемыка в крайность, из которой для

¹ С 21 женщиной.

² Цифру солдат, обитающих вне деревень, я не мог узнать положительно.

него уже нет возврата. Жениться же здесь при большом недостатке женщин весьма трудно, да притом крестьянин и не отдаст свою дочь за человека, пользующегося в его глазах самой дурной репутацией.

Третий и последний род колоний, существующих в Уссурийском крае, составляют поселения корейцев, бежавших из своей родины в наши пределы. Общее число их равняется 1 800 душ обоего пола, и они поселены в трёх деревнях, из которых две самые большие лежат вблизи Посыета.

Конечно, в настоящее время, когда корейские колонии существуют так недавно, еще нельзя дать о них определённого мнения, но, мне кажется, следует на время приостановить дальнейший приём корейцев в наши пределы, по крайней мере до тех пор, пока хотя сколько-нибудь выяснятся результаты, которых можно ожидать от этих колонистов.

С другой стороны, поселение пришедших к нам корейцев в такой близости от их границы есть немалая ошибка. Как ни тяжка была жизнь на родине, но все-таки с нею связаны для них воспоминания, самые дорогие для каждого человека. Слишком крут был переход к настоящему от прошедшего для того, чтобы они могли его сразу позабыть. Для успешного достижения подобной цели необходимо окружить их такую обстановкой, которая нисколько не напоминает бы о прошлом, но заставляла бы мало-помалу и совсем его позабыть.

В настоящее время для корейцев нет и тени ничего этого. Они живут отдельной своей общиной на расстоянии, по крайней мере, двухсот вёрст от наших крестьян, про которых разве слышали, а видеть, наверно, не видали. Притом же близость границы даёт им возможность знать и интересоваться тем, что делается на родине, даже самый вид родных гор, синеющих вдали за берегами Туманги, — все это сильно напоминает им о былом и устраняет возможность всякого активного влияния с нашей стороны.

Другое дело, если бы эти корейцы были поселены где-нибудь подалее, например на среднем Амуре или даже хотя в степной полосе между озером Ханка и рекой Суйфуном. Здесь бы они жили вдали от родины и притом среди наших крестьян, от которых исподволь стали бы проникать к ним русский язык и русские обычаи.

В заключение, обращаясь к местностям, удобным для будущих поселений, я могу сказать, что в этом отношении на первом плане должны стоять Ханкайские степи и Сучанская долина.

Первые, т. е. степи между озером Ханка и рекой Суйфуном, раскинулись более чем на сотню вёрст в длину и от двадцати пяти до сорока в ширину, имеют чрезвычайно плодородную почву, покрытую богатой травяной растительностью, так что здесь рядом с земледелием может развиваться обширное скотоводство. Правда, есть один недостаток этих степей, о котором уже было говорено в III главе, — это малое количество воды, но его можно устранить, копая колодцы или запрудив небольшие, летом пересыхающие ручейки в ложинах и через то образовать там озеро.

Долина Сучана по своему плодородию едва ли не превосходит степную полосу. Эта долина имеет вёрст шестьдесят в длину при средней ширине 2—4 версты и почву чернозёмную, чрезвычайно плодородную. Однако и у неё есть недостаток, общий, впрочем, всему морскому побережью, — обилие летних туманов, препятствующих правильному вызреванию ранних хлебов, так что земледелие более успешно может

здесь итти в верхнем и среднем течении реки, где вред от туманов гораздо менее ощутителен.

Что же касается до других местностей, удобных для заселения, то хотя долины береговых рек Японского моря, каковы: Сидеми, Мангугай, Суйфун, Цыму-хэ, Та-уху, Пхусун и Тазуши, имеют почву весьма плодородную, но, за исключением только немногих, более возвышенных пространств, эти долины подвержены затоплению в период сильных дождей, так что для значительных поселений они негодны. Здесь могут быть раскинута со временем только небольшие деревни, подобно тому как и ныне стоят то в одиночку, то по нескольку вместе земледельческие фанзы китайцев. Впрочем, в окрестностях залива Посьета есть много мест, пригодных и для больших поселений.

Внутри Уссурийского края, кроме самой Уссури, удобные для заселения местности лежат разбросанные оазисами по долинам Лифудина, Сандогу, Ула-хэ, Суду-хэ, а ещё более по Дабу-хэ на обширных пологих скатах, окаймляющих эту реку слева и не подверженных затоплению даже в самую высокую воду. Кроме того, хорошие для земледелия места находятся, как говорят, по нижнему течению Има, Бикина и Пора, т. е. больших правых притоков Уссури.

Конечно, при дальнейшем заселении и лучшем исследовании Уссурийского края, может быть найдется много и других благоприятных местностей, но, во всяком случае, нынешние поселения должны оседаться на местах, уже изведанных относительно своей пригодности для земледелия.

Таковыми местностями следует считать прежде всего Ханкайские степи, с их широким простором и благодатной почвой. Много тысяч семейств уместится здесь совершенно свободно, и если только новые поселенцы примутся за устройство своего житья-бытья, то можно ручаться, что через несколько лет они станут жить в полном довольстве и не пожалуют о том, что рискнули бросить свою долину.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Таблица метеорологических наблюдений

с 2 июля 1867 г. по 12 мая 1868 г. и с 1 марта по 10 июля 1869 г.

Примечание: 1) Со 2 июля по 25 октября 1867 г. наблюдения производились в 8 часов утра, в 2 пополудни и в 8 часов вечера. Все остальные наблюдения, по случаю порчи часов, производились приблизительно в 6 часов утра, в 6 часов вечера и в полдень, который определялся по компасу.

2) Средние месячные выведены из двух ежедневных показаний в 8 часов утра и 8 вечера, 6 утра и 6 вечера.

3) Из показаний температуры исключена поправка термометра.

4) Числа месяцев по старому стилю.

5) Условные знаки:

Я = Ясно.

О = Облачно (т. е. более половины горизонта покрыто облаками).

П = Пасмурно.

Д = Дождь.

Пасность = означает такое состояние неба, когда оно подёрнуто парами, как дымкою.

Ветер

0 = Тихо.

1 = Слабый.

2 = Умеренный.

3 = Сильный.

4 = Очень сильный.

5 = Буря.

1867 год

И Ю Л Ь

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра		Сила ветра	Примечания
2	Станица Козакевичева на нижней Уссури	8	13,4	Д О О	СВ Т Т	— — —	1	
		2	18,4					
		10	15,7					
3	Станица Козакевичева на нижней Уссури	8	16,7	О О О	СВ Т Т	— — —	1	
		2 ^{1/2}	21,7					
		8 ^{1/2}	16,7					
4	Станица Козакевичева на нижней Уссури	8 ^{1/2}	17,7	О О. Кучевые обл. Я	ЮЮВ Т Т	— — —	1	
		1	20,5					
		9	14,5					
5	Станица Козакевичева на нижней Уссури	7	16,9	Я Я. Слоистые обл. Я. На западе слоистые обл.	Ю Ю Ю	— — —	1 2 2	
		2	18,7					
		8	14					
6	Станица Козакевичева на нижней Уссури	8	16,7	О О О	Ю Ю ВСВ	— — —	3 1 3	
		2	23,5					
		8	15,4					
7	Станица Козакевичева на нижней Уссури	8	14,7	Д О О	СВ СВ СВ	— — —	2 2 2	
		2	18					
		8 ^{1/2}	14,4					
8	Станица Козакевичева на нижней Уссури	8	15,4	О Д О. На юго-западе гроза	СВ СВ ВЮВ	— — —	2 2 2	
		2	16,7					
		8 ^{1/2}	14,7					
9	Станица Козакевичева на нижней Уссури	8	12,4	Д Д Д	ВЮВ ВЮВ ВЮВ	— — —	2 3 3	
		2	13					
		9	12,2					
10	Станица Козакевичева на нижней Уссури 2 в. выше ст. Козакевичевой Ст. Невельская	8	12	Д Д Д	В В ЮЮВ	— — —	3 3 1	
		2	13,4					
		8 ^{1/2}	12,7					
11	Ст. Невельская Ст. Дьяченкова Ст. Киселева	8	14	Д Д О	В В В	— — —	1 1 1	
		2 ^{1/2}	14,9					
		8 ^{1/2}	14					

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра		Примечания
					Направление ветра	Сила ветра	
12	Ст. Киселева	8	14,4	О	Т	—	
	3 в. ниже ст. Трех святителей	2	16,5	О	Т	—	
	3 в. выше той же станции	8 ^{1/2}	15,6	О	Т	—	
13	3 в. выше той же станции	8	17	О	Т	—	
	5 в. ниже ст. Кукеля	2 ^{1/2}	20,2	О	Т	—	
	4 в. выше той же станции	8 ^{1/2}	14,7	Я. Редкие слоистые обл.	Т	—	
14	10 в. выше ст. Кукеля	8	16,9	Я. Редкие перистые обл.	Т	—	
	3 в. ниже ст. Будогоского	2	20,7	О	Т	—	
	6 в. выше той же станции	9	14,5	Я	Т	—	
15	12 в. выше той же станции	8	17,2	Я	З	2	
	Ст. Венюкова	2	22,4	Я	З	2	
	6 в. ниже ст. Кедровой	8 ^{1/2}	16,7	Я	ЮЗ	2	
16	6 в. ниже ст. Кедровой	8	16,5	О	Т	—	
	3 в. выше ст. Кедровой	2	22,5	Я. Кучевые обл.	Т	—	
	Ст. Шереметьева	9	17,5	Гроза	Ю	2	
17	2 в. выше той же станции	8	18,5	Я. Редкие барашковые обл.	Ю	1	
	7 в. выше той же станции	2 ^{1/2}	22,4	Я. На восточн. краю горизонта гроза	Т	—	
	Ст. Видная	8	17,5	Я. Редкие кучевые обл.	Т	—	
18	2 в. выше той же станции	7 ^{1/2}	17,2	Я	ЮЮВ	1	
	10 в. выше той же станции	2	23,2	Я. Кучевые обл.	ЮЮВ	1	
	4 в. ниже ст. Лончаковой	9	15,7	Я. На западе слоистые обл.	Т	—	
19	7 в. выше той же станции	8	17,7	О	ЮЗ	2	
	1 в. выше ст. Козловской	2 ^{1/2}	22,9	Я	ЮЮЗ	3	
	10 в. выше той же станции	8 ^{1/2}	15,9	О	Т	—	

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
20	10 в. выше той же станицы	8	15,7	Д	Ю	2	
	Ст. Васильева	2	16,7	Д	Ю	3	
	Ст. Покровская	8 ^{1/2}	17	Д	Ю	3	
21	2 в. выше той же станицы	8	17,7	П	СВ	2	
	14 в. выше той же станицы	2	20,2	О	С	1	
	Ст. Зарубина	8 ^{1/2}	18	О	Т	—	
22	2 в. выше той же станицы	8	17,7	П	ЮВ	1	
	10 в. выше той же станицы	2	20,4	П	ЮВ	1	
	Ст. Нижненикольская	9	17,9	П	Т	—	
23	Ст. Нижненикольская	8	15,9	П	Ю	2	
	5 в. выше той же станицы	2	18,7	О	Ю	1	
	5 в. выше ст. Нижне-Михайловской	9	16,9	П	Т	—	
24	8 в. выше той же станицы	8 ^{1/2}	17,9	Д	ЮЗ	1	
	15 в. выше той же станицы	2	19	О	ЮЗ	1	
	20 в. выше той же станицы	8	17,2	Д	Т	—	
25	30 в. выше той же станицы	8	15,7	Д	ЮЗ	1	
	Станок Лопатинский	2	17,4	Д	В	1	
	4 в. выше того же станка	8	16,2	Д	СВ	2	
26	6 в. выше того же станка	8	15,9	О	С	1	
	14 в. выше того же станка	2	19,5	Я. Кучевые обл.	Т	—	
	Станок Крутобережный	9	15,5	Я	Т	—	
27	4 в. выше того же станка	8	17,2	Я	Т	—	
	12 в. выше того же станка	2	20,7	Я. Перисто-слоистые обл.	Т	—	
	Ст. Княжеская	8 ^{1/2}	15,7	Я. На западе слоистые обл.	Т	—	

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
28	Ст. Княжеская	8	17	О	ЮВ	2	
	5 в. выше той же станицы	2	15,2	Д	Т	—	
	10 в. выше той же станицы	9	15,7	О	Ю	1	
29	12 в. выше той же станицы	8	15,7	Д	ЮВ	2	
	Ст. Графская	2	18,7	Д	ЮВ	1	
	8 в. выше той же станицы	9	16,4	Д	ЮВ	1	
30	8 в. выше той же станицы	8	16,7	О	ЮВ	1	
	7 в. выше ст. Красноярской	2	16,7	Д	ЮВ	2	
	Ст. Ильинская	8 ^{1/2}	16,4	Д	ЮВ	3	
31	2 в. выше той же станицы	8	18,2	О	ЮЗ	1	
	10 в. выше той же станицы	2	21,9	Я. Кучевые обл.	ЮЗ	2	
	20 в. выше той же станицы	8	18,7	Гроза	СВ	4	
А В Г У С Т							
1	Ст. Верхненикольская	8	17,4	Я	ЮЗ	1	
	4 в. выше той же станицы	2	19,7	Я. Редкие кучевые обл.	ЮЗ	2	
	Ст. Михайловская	9	16,7	Я	ЮЗ	1	
2	Ст. Бусе	8	17	Я	Т	—	
	Устье р. Сунгачи	2 ^{1/2}	23,5	Я. Кучевые и редкие перистые обл.	Т	—	
	Ст. Маркова на р. Сунгаче	8	15,7	Я. На западе слоистые обл.	Т	—	
3	30 в. по Сунгаче выше той же станицы	8	19,5	Я	Т	—	
	Пост № 2	2	25,2	Я. Кучевые обл.	Т	—	
	25 в. по Сунгаче выше этого поста	8 ^{1/2}	17,2	Я	Т	—	
4	50 в. выше того же поста	8	18,7	Я	Ю	1	
	30 в. ниже истока Сунгачи	3	22,2	О	ЮЗ	1	
	Исток р. Сунгачи (пост № 4)	8	18,7	О. На северо-западе гроза	ЮЗ	2	

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
5	Исток р. Сунгачи (пост № 4)	8	18,7	О	ЮЗ	3	
	Исток р. Сунгачи (пост № 4)	2	23,7	Я	Т	—	
	На оз. Ханка в 10 в. от дер. Турий Рог	8	20,9	Я	ЮЗ	2	
6	Дер. Турий Рог	8	19	О	Ю	4	
		2	22,2	О	Ю	4	
		8 ^{1/2}	19,7	О	Ю	4	
7	Дер. Турий Рог	8	18,9	Я	З	2	
		2	24,9	Я	Ю	2	
		8 ^{1/2}	19,9	Я	Ю	3	
8	Дер. Турий Рог	8	19,9	Я	Ю	1	
		2	23,2	О	Ю	3	
		9	19,2	Д	ЮЗ	1	
9	Дер. Турий Рог	8	19,4	О	Т	—	
		3	23,9	Я	З	2	
		8 ^{1/2}	17	Я	Т	—	
10	Дер. Турий Рог	8	16,9	Я	Т	—	
		2	24,4	О	Ю	2	
		9	18,2	Я	Т	—	
11	Дер. Турий Рог	8	19	О	ЗСЗ	1	
		2	18,7	Д	Т	—	
		8	17,7	Д	Т	—	
12	Дер. Турий Рог	8 ^{1/2}	17,5	Д	Т	—	
		2	17	Д	Т	—	
		8 ^{1/2}	15,7	О	Т	—	
13	Дер. Турий Рог	8	17,5	Я	ЮЮЗ	1	
		2	19,9	О. На юго-западе гроза	ЮВ	1	
		8	16,2	О	Т	—	
14	Дер. Турий Рог	8	15,9	Я	СЗ	2	
		2	19,9	О	СЗ	1	
		8	13	Я. На северо-западе слоистые обл.	Т	—	

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
15	Дер. Турий Пор	8 2 ^{1/2} 8	15,2 18,7 18,7	Я О О	СЗ ВЮВ ВЮВ	1 2 2	
16	Дер. Турий Пор	8 ^{1/2} 2 ^{1/2} 8 ^{1/2}	16,7 19 17,4	О Я Я	ЮВ ЮВ ЮВ	2 2 2	
17	Дер. Турий Пор	8 ^{1/2} 2 8	17,7 18,7 16,9	О Я. Кучевые обл. О	ЮВ ЮВ Ю	2 2 1	
18	Дер. Турий Пор	8 2 8	16,9 22 16,7	Я Я Я	Т ЮЗ ЮЮЗ	— 1 2	
19	Дер. Турий Пор	8 2 8	14,2 19 17,4	О П П	Т ЮВ ЮВ	— 1 1	
20	Дер. Турий Пор На оз., 10 в. к югу от дер. Турий Пор Тихая губа	8 2 8 ^{1/2}	15,7 18,7 15,2	О О О	Т ЮВ ССВ	— 1 1	
21	Тихая губа Пост Камень-Рыболов Пост Камень-Рыболов	7 ^{1/2} 3 8	11,2 17,7 12,7	Я. На юго-востоке слоистые обл. Я. Кучевые обл. Я	ССЗ ССЗ Т	3 3 —	
22	Пост Камень-Рыболов	7 ^{1/2} 2 8	13,7 16,7 14,2	Я П Я	СЗ В Т	1 1 —	
23	Пост Камень-Рыболов	8 2 8	13,7 17,2 15,2	О О О	Ю Ю ЮЮЗ	1 2 2	
24	Пост Камень-Рыболов	8 2 8 ^{1/2}	14,7 15,2 14	О О Д	ЮЮЗ ЮЮЗ ЮЮЗ	2 2 1	

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
25	Пост Камень-Рыболов	8 2 8	14,4 18 14,7	О Я. Кучевые обл. Я	ЮЗ ЮЗ Т	2 2 —	На юго-западе слышен был удар грома. На востоке видна была зарница
26	Пост Камень-Рыболов	8 2 8	14 16,7 11,7	О О Я. Слоисто-кучевые обл.	З З З	1 2 1	
27	Пост Камень-Рыболов	8 2 8	14,2 18,7 13,4	О Я О	З З З	1 1 1	
28	Пост Камень-Рыболов	8 2 8	13 18,4 11	О Я. Кучевые обл. Я	З СЗ Т	2 2 —	Ночью с 27 на 28 была порывчатая гроза с сильным дождем
29	Пост Камень-Рыболов	8 2 8	11,7 18,2 13,7	Я Я. Кучевые обл. Я. Слоистые обл.	Т В Т	— 1 —	
30	Пост Камень-Рыболов	8 2 1/2 8	14 20,5 12,9	О Я. Кучевые обл. Я. Барашковые обл.	ЗЮЗ ЗЮЗ ЗЮЗ	1 1 2	Утром до 7 час. был сильный туман, первый, который наблюдал в Уссурийском крае
31	Пост Камень-Рыболов Пост Камень-Рыболов Пост (станция) на р. Мо	8 2 8	15,9 19,4 10,2	Я Я. Кучевые обл. Я	ЗЮЗ Т Т	1 — —	

С Е Н Т Я Б Р Ъ

1	Пост на р. Мо 7 в. по дороге к р. Суйфуну Пост Встречный	8	11,9	Д	ЮЗ	1	Перед вечером была небольшая гроза с северо-запада
		2	17	О	ЮЗ	2	
		8	9,7	Д	СЗ	2	
2	Пост Встречный	8 1/2	7,7	Я	ЮЗ	1	
		2 1/2	12,4	О	З	1	
		8	7,2	Я. Кучевые обл.	Т	—	

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра		Сила ветра	Примечания
					Т	ЮЗ		
3	Пост Встречный	7 1/2	6,4	Я	Т	—		
	Пост Подутесный	4	13,2	Я	ЮЗ	2		
	Пост Подутесный	8 1/2	8,2	О	ЮЗ	1		
4	Пост Подутесный	8	8	Я	Т	—		
	Пост Подутесный	2	15,7	О	ЮЮЗ	2		
	Пост Дубининский	8	8,7	Я	Т	—		
5	Пост Дубининский	8	8,7	Я	ЮЮЗ	2		
	Дер. Никольская	3	17,7	Я	Т	—		
	Пост Суйфунский	8 1/2	6,5	Я	Т	—		
6	Пост Суйфунский	8	6,7	О	Т	—	На восходе солнца был порывчатый туман, который рассеялся к 7 час. утра. Вечером была на западе зарница	
	Ст. Барановская По дороге к п. Раздольному	2 1/2 7 1/2	14,7 8,7	Я Я	Т Т	— —		
7	Пост Раздольный	8	8,7	Я	Т	—		
		2	14,5	Я	СВ	2		
		8 1/2	9,4	О	Т	—		
8	Пост Раздольный 20 в. ниже п. Раздольного на р. Суйфуне Устье Суйфуна	8	11,2	О	Ю	2	Гроза продолжалась с 2 до 8 1/2 час. полудни и была очень сильна	
		2 1/2	11,7	Д и гроза	Ю	3		
		8	?	Сильная гроза и проливной дождь	?	?		
9	Пост Речной при устье Суйфуна	8	10	О	С	2		
		1 1/2	13,7	О	С	3		
		8	8,7	Я	С	1		
10	Пост Речной при устье Суйфуна	8 1/2	8,7	О	Т	—		
		2 1/2	13,7	О	Ю	3		
		8	13	О	Ю	4		
11	Пост Речной при устье Суйфуна	8	14,2	О	Ю	4		
		2	14,2	Д	Ю	3		
		8 1/2	13,8	О	Ю	2		
12	Пост Речной при устье Суйфуна	8	13	О	Ю	3		
		2 1/2	14,9	О	Ю	3		
		8	13,7	О	Ю	3		

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
13	Пост Речной при устье Суйфуна По дороге к Владивостоку Владивосток	8	11	Я	Т	—	В 1 час полуночи была небольшая гроза с проливным дождем
		2	15,2	Я	Т	—	
		8	8,7	Я	Т	—	
14	Владивосток	10	12,7	Я. Перисто-слоистые обл.	Т	—	
		2	15,7	Пасность	Т	—	
		8	?	П	СВ	1	
15	Новгородская гавань	8	10,7	О	СВ	1	
		3 ^{1/2}	12,7	Я. Кучевые и слоистые обл.	ЮВ	2	
		8	9,7	О	ЮВ	2	
16	Новгородская гавань	8	7,7	Я	ЗСЗ	3	
		2	14	Я	ЗСЗ	3	
		8	11	Я	ЗСЗ	2	
17	Новгородская гавань	8	10,4	Я	ЗСЗ	1	
		2 ^{1/2}	16,7	Я	ЗСЗ	3	
		8	13,1	Я	Т	—	
18	Новгородская гавань	8	13,3	Я	СЗ	2	
		2 ^{1/2}	19,2	Я	СЗ	1	
		8	13,7	Я	Т	—	
19	Новгородская гавань	8	10,7	Я	Т	—	
		3 ^{1/2}	15,2	Я	ЮВ	2	
		8	11,7	Я	Т	—	
20	Новгородская гавань	8	9,4	Я	Т	—	
		2	15,7	Я	ЮЮВ	2	
		8	16,7	Я	ЮЮВ	1	
21	Новгородская гавань	8	13,4	О	Т	—	
		3	14,4	Д	ЮВ	2	
		8	13,4	Д	ЮВ	3	
22	Новгородская гавань	8 ^{1/2}	8,2	О	ЗСЗ	3	
		2	12	Я	З	3	
		8	7,1	О	Т	—	

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания	
23	Новгородская гавань	8	4,9	Я	З	3		
		2	9,7	Я	З	3		
		8	5,2	Я	З	3		
24	Новгородская гавань	8	9,1	Я	З	3		
		2	13,2	Я. Кучевые обл.	З	3		
		8	9,2	Я	Т	—		
25	Новгородская гавань	8	5,4	Я. Слоистые обл.	Т	—		
		3	12,9	Я	Т	—		
		8	8,2	Я	Т	—		
26	Новгородская гавань	8	7,2	Я	ЗСЗ	1		
		2	15,2	Я	Т	—		
		8	9	Я	Т	—		
27	Новгородская гавань	8	6,2	Я	Т	—		
		2 1/2	13,2	П	ЮВ	2		
		8	12	П	Т	—		
28	Новгородская гавань	8	9,7	П	Т	—		
		2	13,7	Я	Ю	1		
		8	10,9	О	Т	—		
29	Новгородская гавань	8	11,2	О	Т	—	Вечером на западе была частая зарница	
	Новгородская гавань	2	14,7	Я	Ю			1
	Река Янчи-хэ	8	3,7	Я	Т			—
30	Река Янчи-хэ	8	3,7	Я	Т	—		
	По дороге в Хун-Чуну	2	15	Я	ЮВ			2
	По дороге в Хун-Чуну	8	6,2	Я	Т			—

О К Т Я Б Р Ъ 1

1	Пограничный пост По дороге к г. Хун-Чуну Гор. Хун-Чун	8	+ 7,2	П	Т	—	
		1 1/2	+16,7	П	ЮВ	2	
		8	+10,7	О	Т	—	
2	Гор. Хун-Чун Гор. Хун-Чун Пограничный пост	8	+12	Д	Т	—	
		2	+14	О	ЮВ	2	
		8 1/2	+11,7	Д	Т	—	

¹ Знаки + и — поставлены перед показанием градусов в тех только местах, в которых встречается температура выше и ниже нуля.

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения		Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
3	Пограничный пост Китайская д. Ханшина Река Янчи-хэ	8	+ 7,2	О Я Я	О Я Я	З СЗ СЗ	З З 1	
		2 ^{1/2}	+10,4					
		8	?					
4	Река Янчи-хэ Река Янчи-хэ Новгородская гавань	8	+ 0,4	Я Я Я	Я Я Я	Т ЮВ Т	З — —	В 4 ^{1/2} час. утра был первый мороз (-2,3°Р), однако местные жители говорили мне, что он был на низких местах однажды еще в половине сентября
		1 ^{1/2}	+11,7					
		8	+ 8,2					
5	Новгородская гавань	8	+ 7,7	Я П П	Я П П	Т Т Т	— — —	
		2	+11,7					
		8	+ 9,7					
6	Новгородская гавань	8	+ 9,7	О Я. Слоистые обл. Я	О Я. Слоистые обл. Я	СЗ ЮЮВ Т	1 2 —	
		2	+12,7					
		8	+ 8,3					
7	Новгородская гавань	8	+ 7,2	Я Я Я	Я Я Я	СЗ Т Т	1 — —	
		2	+14,2					
		8	+ 9,3					
8	Новгородская гавань	8 ^{1/2}	+10,7	О О	О О	Т Т Т	— — —	
		2	+12,7					
		8	+ 9,7					
9	Новгородская гавань	8	+ 6	Я Я Я	Я Я Я	СЗ СЗ Т	5 3 —	
		2 ^{1/2}	+ 8,2					
		8	+ 3,3					
10	Новгородская гавань	8 ^{1/2}	+ 1	Я Я О	Я Я О	Т ЮЗ ЮЗ	— 2 1	
		2	+ 6,7					
		8	+ 5,2					
11	Новгородская гавань	8	+ 5,3	Я Я Я	Я Я Я	Т Т Т	— — —	
		2	+12					
		8	+ 7,9					
12	Новгородская гавань	9	+ 5,3	Я Я Я	Я Я Я	Т Ю Т	— 2 —	В 7 час. вечера на юго-востоке была довольно частая зарница
		2	+ 9,7					
		8	+ 4,9					

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
13	Новгородская гавань	8	+ 3,7	Я	СВ	1	В 7 час. вечера опять видна была зарница на юге. Оба раза она происходила при совершенно ясном небе
		2	+ 7	Я	ЮВ	2	
		8	+ 6,9	Я	СЗ	4	
14	Новгородская гавань	8	+ 4,2	Я	Т	—	
		2	+ 10	Я	СЗ	3	
		8	+ 8	Я	СЗ	3	
15	Новгородская гавань	8 ^{1/2}	- 1,3	Я	СЗ	2	
		2 ^{1/2}	+ 3,4	Я	Т	—	
		8	- 0,8	Я	ЮВ	1	
16	Новгородская гавань	8	+ 1,7	Мелкий снег	Т	—	Ночью в первый раз шел снег и выпал на вершок; к полудню его согнало
	Новгородская гавань	2	+ 3,7	П	Т	—	
	Пост Гладкий	8	+ 3,4	П	Т	—	
17	Пост Гладкий	8	+ 5,5	П	Т	—	
	15 в. от этого поста	2	+ 7,7	П	Т	—	
	Пост Рязановский	8	+ 10,7	Д	СЗ	2	
18	Пост Рязановский	8	+ 3,7	Я	Т	—	
	Пост Славинский	2	+ 9,4	Я	ЮВ	1	
	5 в. не доходя р. Седеми	8	+ 0,2	Я	Т	—	
19	5 в. не доходя р. Седеми	8	+ 1	О	Т	—	
	6 в. выше той же реки	2 ^{1/2}	+ 9,2	О	Т	—	
	6 в. не доходя р. Мангугай	8	- 0,3	Я	Т	—	
20	6 в. не доходя р. Мангугай	8	+ 1,7	О	Т	—	
	Пост Мангугайский	2	+ 8,4	Д	Т	—	
	8 в. выше р. Мангугая	8	+ 4	О	С	1	
21	8 в. выше р. Мангугая	8	+ 2,7	О	С	3	
	Вершина р. Тудогоу	2	+ 6,7	Я	С	3	
	Река Тудогоу	8	+ 2,7	Д	Т	—	
22	Река Тудогоу	8	+ 0,2	О	СЗ	1	
	10 в. не доходя п. Раздольного	2	+ 4,7	Мелкий снег	СЗ	3	
	Пост Раздольный	8	- 0,3	Я	Т	—	

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
23	Пост Раздольный	8	-2,6	Я	СЗ	2	
		2	+2,2	Я	СЗ	3	
		8 ^{1/2}	-5,6	Я	Т	—	
24	Пост Раздольный 10 в. от Раздольного к Владивостоку 20 в. от Раздольного к Владивостоку	8	-5,6		Т	—	
		2	+4,7	О	Ю	2	
		8	+0,4	О	Т	—	
25	10 в. от Раздольного к Владивостоку Пост Угловой 10 в. к Владивостоку	6	-1	О	Т	—	Часы испортились, поэтому с настоящего дня я производил наблюдения в полдень (определяя его по компасу), при восходе и закате солнца. Часы утра и вечера показаны приблизительно
		12	+9,7	Я	Ю	2	
		6	+3,7	Я	Ю	2	
26	10 в. к Владивостоку Река Седанка Гор. Владивосток	6	+4,7	Д	Ю	2	
		12	+9,7	Я. Кучевые обл.	Ю	2	
		6	+5	Я	Т	—	
27	Гор. Владивосток	6	+1,2	Сильная метель	СЗ	3	Снегу за день выпало на 1/2 фута
		12	+1,2	Метель	СЗ	3	
		6	+1,8	Я	СЗ	1	
28	Гор. Владивосток	6	-0,8	Я	СЗ	1	
		12	+1,7	Я	СЗ	2	
		6	+0,7	Я	СЗ	2	
29	Гор. Владивосток	6	+0,2	Я. Слоистые обл.	ЗЮЗ	2	
		12	+5	О	З	2	
		6	+2,4	Я	СЗ	1	
30	Гор. Владивосток	6	-2,3	Я	СЗ	1	
		12	+0,7	Я	С		
		6	-0,3	Я	Т		
31	Гор. Владивосток	6	-3,3	Я	Т	—	
		12	+2	Я	ЮВ	1	
		6	?	Я	Т	—	

Н О Я Б Р Ъ

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
1	Гор. Владивосток	6 12 6	-1,3 +1,2 -1,6	О О Я	Т С С	— 2 2	Снег, выпавший 27 октября, согнало с открытых мест через три дня. В лесах он лежал долее
2	Гор. Владивосток	6 12 6	-4,8 -1,3 ?	Я Я Я	Т ЮЗ Т	— 2 —	
3	Гор. Владивосток	6 12 6	-2,3 +6 +4,4	Я Я Я	Т ЮЗ ВСВ	— 2 1	
4	Гор. Владивосток Гор. Владивосток Река Седанка	6 12 6	-3,3 +4,2 -1	Я Я Я	Т Т Т	— — —	
5	Река Седанка Река Лянчихэза Вершина этой реки	6 12 6	-6,3 -1,3 -5,8	О О Я	С С Т	3 3 —	
6	Вершина этой реки Фанза Кызен-Гу в вершине Уссурийского залива Фанза Кызен-Гу в вершине Уссурийского залива	6 12 6	-10,8 +1,4 -2,3	Я Я Я	Т Т Т	— — —	
7	Фанза Кызен-Гу в вершине Уссурийского залива Река Май-хэ Дер. Шкотова	8 12 6	-7,3 +5,8 +1,3	Я Я Я	Т Т Т	— — —	
8	Дер. Шкотова	6 12 6	-2,3 +5 +1,4	Я Я О	Т СЗ СЗ	— 3 3	
9	Дер. Шкотова Река Конгоуза Река Шыды-хэ	6 12 6	-1,8 +1 4,3	О Я Я	С С Т	2 2 —	
10	Река Шыды-хэ В лесу В пустой фанзе, в лесу	6 12 6	-10,6 +1,7 -5,3	Я Я Я	Т С Т	— 1 —	

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра		Примечания
					Направление ветра	Сила ветра	
11	В пустой фанзе, в лесу Река Коготун На берегу моря	6	-9,3	Я	Т	—	
		12	+5	Я	Т	—	
			+0,7	О	Т	—	
12	На берегу моря Река Ся-Удеми " "	6	+4,4	Д	Ю	1	
		12	+6,2	О	Ю	1	
		6	+4	Д	СЗ	1	
13	Река Ся-Удеми Устье той же реки Река Та-Удми	6	-8,5	Сильная метель Я Я	СЗ	4	
		12	-6,8		СЗ	3	
		6	-7,6		Т	—	
14	Река Та-Удми 10 в. вверх по этой реке В горах по дороге к р. Сучану	6	-12,8	Я	Т	—	
		12	-2,8	Я	В	1	
		6	-2,3	О	Т	—	
15	В горах по дороге к р. Сучану Река Сучан " "	6	-5,3	Метель О О	В	3	Река Сучан замерзла окончательно в ночь с 13 на 14 ноября
		12	-4,3		В	3	
		6	-4		В	3	
16	Река Сучан Дер. Александровка на р. Сучан Дер. Александровка на р. Сучан	6	-9	Я	СВ	3	
		12	-4,6	Я	СВ	3	
		6	-5,3	Я	СВ	3	
17	Дер. Александровка на р. Сучан	6	-5,8	Я	В	2	
		12	-1,6	Я	В	2	
		6	-3,7	Я	Т	—	
18	Дер. Александровка на р. Сучан	6	-8,6	Я	Т	—	
		12	-1,8	О	В	1	
		6	-1,1	Я	Т	—	
19	Дер. Александровка на р. Сучан	6	-3,3	О На горизонте слоисто-кучевые обл. Снег	В	1	
		12	+4,7		В	1	
		6	+2		В	2	

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
20	Дер. Александровка на р. Сучан	6	-9,6	О	В	3	
		12 ^{1/2}	-7,6	Я. Редкие кучевые обл.	В	3	
		3	-9,8	Я	В	3	
21	Дер. Александровка на р. Сучан	6	-11	Я	Т	—	
		12	-2,3	Я	В	—	
		6	-7,8	О	Т	—	
22	Дер. Александровка на р. Сучан	6	-5,6	О	Т	—	
		12	+2	Я	СЗ	2	
		6	+0,7	О	СЗ	1	
23	Дер. Александровка на р. Сучан	6	-9,3	О	В	1	
		12	±0	О	Т	—	
		6	-5	Я	Т	—	
24	Дер. Александровка на р. Сучан	6	-10,6	Я	Т	—	
		12	+3,2	Я. Слоисто-кучевые обл.	Т	—	
		6	±0	Я	Т	—	
25	Дер. Александровка на р. Сучан 10 в. вверх по Сучану Река Са-Суду-хэ	6	-9,8	Я	Т	—	
		12	+2,7	Я	ССВ	1	
		6	-7,3	Я	Т	—	
26	Река Са-Суду-хэ 10 в. от этой реки в лесу Река Янмодогу	6	-8	О	Т	—	
		12	+2,4	О	Т	—	
		6	+0,4	Снег	Т	—	
27	Река Янмодогу Устье этой же реки. Река Та-Суду-хэ	6	+0,7	Изморозь	Т	—	До полуночи шел дождь, и им согнало весь снег. Даже в лесах снегу осталось очень мало, и он лежал только на вершинах и северных склонах гор, где был неглубже двух-трех вершков.
		12	+4,2	О	Т	—	
		6	+3	Д	Т	—	
28	Река Та-Суду-хэ 5 в. от устья этой реки Река Ся-Уху	6	±0	Я	Т	—	
		12	+0,4	Я	СЗ	2	
		6	-2,8	Я	Т	—	

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы.	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
29	Река Ся-Уху 10 в. вверх по этой реке В горах	6	-9,8	Я	Т	—	
		12	+2,3	Я	Т	—	
		6	-5,8	Я	Т	—	
30	В горах 10 в. от этого места на берегу моря Река Чабигу	6	-4,3	Я. Редкие снего- вые обл.	С	1	
		12	-3,3	Я	С	2	
		6	-8,3	Я	С	1	

ДЕКАБРЬ

1	Река Чабигу 10 в. от этой реки Река Та-Уху	6	-10,3	Я	ССЗ СЗ З	1	
		12	-5	Я			2
		6	-6,8	Я			3
2	Река Та-Уху 8 в. от этой реки 10 в. далее в горах	6	-13	Я	Т Т Т	—	
		12	-1	Я			—
		6	-7,3	Я			—
3	10 в. далее в горах Река Ванцин 5 в. не доходя р. Пхусун	6	-6,3	П	Т Т Т	—	
		12	+0,7	П			—
		6	-4,3	Я			—
4	5 в. не доходя р. Пхусун Река Пхусун 12 в. от этой реки	6	-5,8	Я	Т Т В	—	
		12	+0,2	Я			—
		6	-4,3	П			1
5	12 в. от этой реки 10 в. далее р. Дзяпигу 10 в. далее р. Дзяпигу	6	-7	Я	С С Т	3	
		12	-5,6	Я			4
		6	-10,3	Я			—
6	10 в. далее р. Дзяпигу 10 в. вниз по этой реке Дер. Фудин	6	-14	Я	Т Т Т	—	
		12	-1,6	Я			—
		6	-2,8	Я			—

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра		Примечания
					Сила	Сила	
7	Дер. Фудин 7 в. от этой деревни Гавань св. Ольги	6	-9,3	Я	Т	—	
		12	-0,3	Я	Т	—	
		6	-0,6	Я	Т	—	
8	Гавань св. Ольги	6	-3,3	Я	З	2	В полдень на солнце было +11,2
		12	+3,7	Я	СЗ	2	
		6	+0,4	Я	СЗ	1	
9	Гавань св. Ольги	6	-9	Я	С	1	
		12	-2,3	Я	Т	—	
		6	-4,6	Я	Т	—	
10	Гавань св. Ольги	6	-11,6	Я	СЗ	2	
		12	-10,6	Я	СЗ	3	
		6	-10,3	Я	СЗ	1	
11	Гавань св. Ольги	6	-12,3	О	ЮЗ	1	
		12	-5,6	Я	Т	—	
		6	-6,8	Я	Т	—	
12	Гавань св. Ольги	6	-5	Я	СЗ	2	В полдень на солнце было +10,2
		12	-0,3	Я	Т	—	
		6	-5,6	Я	Т	—	
13	Гавань св. Ольги	6	-4,6	О	Т	—	
		12	+0,2	О	Т	—	
		6	-1,3	О	Т	—	
14	Гавань св. Ольги Гавань св. Ольги 15 в. от гавани св. Ольги по дороге к р. Тазуши	6	-3,3	О	З	1	
		12	-0,3	О	З	1	
		6	+1,2	О	Т	—	
15	15 в. от гавани св. Ольги по дороге к р. Тазуши	6	+0,7	П	Т	—	
		12	+1,7	Снег	Т	—	
		6	+1	Д	Т	—	

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
16	15 в. от гавани св. Ольги по дороге к р. Тазуши	6	-7,3	Я	СЗ	2	
	15 в. далее	12	-7,6	Я	СЗ	2	
	Залив св. Владимира	6	-11,3	Я	Т	—	
17	Залив св. Владимира	6	-15,8	Я	Т	—	Снег лежит только на вершинах и северных склонах гор и то не более двух вершков
	6 в. далее	12	-6,8	Я	З	1	
	10 в. еще далее	6	-10,3	Я	СЗ	1	
18	10 в. еще далее	6	-14,3	Я	СЗ	1	
	12 в. далее в горах	12	-10,6	Я	СЗ	3	
	Река Тазуши	6	-12,8	Я	СЗ	3	
19	Река Тазуши	6	-15,3	Я	СЗ	1	
	Река Тазуши	12	-10,3	Я	СЗ	2	
	18 в. от устья этой реки	6	-13,6	Я	Т	—	
20	18 в. от устья этой реки	6	-18	Я	З	2	
	7 в. далее вверх по той же реке	12	-7,5	Я	Т	—	
	7 в. далее вверх по той же реке	6	-13,3	Я	Т	—	
21	7 в. далее вверх по той же реке	6	-11,3	Я	ЗСЗ	2	Верст за 30 от устья Тазуши, т. е. от моря, снег лежит по долине этой реки и на горах вершков на шесть
	8 в. далее вверх по той же реке	12	-9,6	Я	ЗСЗ	2	
	12 в. вверх по той же реке	6	-13,6	Я	ЗСЗ	1	
22	12 в. вверх по той же реке	6	-19,3	О	З	2	
	Исток р. Тазуши	12	-15,3	Я	З	2	
	Исток р. Лифудин	6	-21,3	Я	З	2	
23	Исток р. Лифудин	6	-24	Я	З	2	На вершинах и западном склоне Сихотэ-Алиня снег лежит на два фута
	10 в. вниз по этой реке	12	-16,6	Я	З	2	
	5 в. далее	6	-18,3	Я	З	1	

Продолжение

Месяц и число	Название местности	Часы дня, в которые производились наблюдения	Температура воздуха	Состояние атмосферы	Направление ветра	Сила ветра	Примечания
24	5 в. далее	6	-28	Я	Т	—	
	10 в. далее вниз по Лифудину	12	-11,6	Я	З	2	
	10 в. еще далее	6	-18	Я	Т	—	
25	10 в. еще далее	6	-26,3	Я	Т	—	
	12 в. от этого места вниз по реке	12	-14,6	Я	Т	—	
	8 в. вниз по той же реке	6	-12,6	О	Т	—	
26	8 в. вниз по той же реке	6	-18,8	О	Т	—	В полдень был виден около солнца круг и два ложных солнца
	8 в. вниз по той же реке	12	-10,3	О	Т	—	
	20 в. от этого места вниз по Лифудину	6	-14,3	Я	Т	—	
27	20 в. от этого места вниз по Лифудину	6	-20,3	Я	Т	—	
	8 в. далее по реке	12	-12,3	Я	Т	—	
	Устье р. Лифудин	6	-13,8	Я	Т	—	
28	Устье р. Лифудин	6	-14,6	О	Т	—	
	12 в. вниз по р. Ула-хэ Китайская д. Нота-Хуза	12	-9,6	О	С	1	
	12 в. вниз по р. Ула-хэ Китайская д. Нота-Хуза	6	-5,6	О	Т	—	
29	12 в. вниз по р. Ула-хэ Китайская д. Нота-Хуза	6	-5,3	О	С	1	
	8 в. далее вниз по Ула-хэ	12	-3,3	О	СЗ	2	
	7 в. далее по той же реке	6	-3,6	Снег	Т	—	
30	7 в. далее по той же реке	6	-10,6	Снег	ЮЗ	1	
	8 в. далее	12	-9	Метель	ЮЗ	2	
	7 в. еще далее вниз по реке Ула-хэ	6	-11,6	Я	ЮЗ	1	
31	7 в. еще далее вниз по реке Ула-хэ	6	-15,8	О	Т	—	Снег везде лежит на 2—3 фута
	10 в. далее по направлению к Дауби-хэ	12	-12,3	Я	Т	—	
	10 в. далее по направлению к Дауби-хэ	6	-15,3	Я	Т	—	

1868 год
Я Н В А Р Ь

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
... на р. Ула-хэ ... далее к Дауби-хэ ... рафная станция Бель- ... а на р. Дауби-хэ	6	-17,8	Т	—	П Слоистые	0	—	Часов до 3-х пополудни облачно, к вечеру ясно	
	12	-14,3	Т	—		5	—		
	6	-15,3	Т	—	Я	—	—		
... рафная станция Бель- ... а на р. Дауби-хэ	6	-26,3	Т	—	Я	—	—	Ясно	
	12	-18,3	Т	—	Я	—	—		
	6	-17,8	Т	—	Я	—	—		
... рафная станция Бель- ... а на р. Дауби-хэ ... р. Дауби-хэ ... далее вниз по р. Уссури	6	-28,8	Т	—	Я	—	—	Утром и вечером ясно, в полдень пасность	Лед на 2—3 фу Снег сухо везде леж
	12	-14,8	ЮВ	1	Пасность	—	—		
	6	-18,6	Т	—	Я	—	—		
... далее вниз по р. Уссури ... Романовка	6	-22,3	Т	—	Я	—	—	Ясно	
	12	?	Т	—	Я	—	—		
	6	-16,8	Т	—	Я	—	—		
... Романовка ... ихменева	6	-16,6	Т	—	Слоистые Снеговые Снеговые	5	—	С утра ясно, потом облачно и с полудня снег. На восходе солнца виден был круг и 2 ложных солнца	
	12	-5,6	ЮВ	1		0	Снег		
	6	-1,8	ЮВ	3		0	Метель		
... ихменева ... далее вниз по р. Уссури ... утковского	6	-12,3	3	3	Слоист.-кучев.	9	—	Ясно	
	12	-9,3	3	2	Я	—	—		
	6	-11,8	3	1	Я	—	—		

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	При
утковского далее уссе	6 12 6	-18 -14,8 -17,8	Т СЗ Т	— 2 —	Я Я Я	— — —	— — —	Ясно	
уссе	6 12 6	-25,8 -14,6 -19,3	Т Т Т	— — —	Я Я Я	— — —	— — —	Ясно	
уссе	6 12 6	-22,8 -12,3 -19	Т Ю Т	— 1 —	Я Я Я	— — —	— — —	Ясно	
уссе	6 12 6	-14,3 -9 -8,3	Т Т Т	— — —	Снеговые Снеговые Снеговые	0 0 0	— Снег —	В продолжение всего дня шел снег впережку	
уссе льинская	6 12 6	-13,3 -10,3 -13,6	СЗ СЗ СЗ	2 3 1	Снеговые Снеговые Я	0 5 —	Метель Заметель —	Целый день заметель	Вполден ца был в круг
льинская	6 12 6	-20 -13,6 -14,8	Т ЮВ Т	— 1 —	Перисто-слоист. Я Я	5 — —	— — —	Ясно	
льинская	6 12 6	-20 -11,3 -13,6	Т Т Т	— — —	Я Я Я	— — —	— — —	Ясно	

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
инская	6 12 6	-15,3 -7,3 -11,3	Т Т Т	— — —	Снеговые Перисто-слоист. Я	1 9 —	— — —	Утром облачно, часов с 10 ясно	
инская	6 12 6	-13,6 -3,3 -6,6	Т ЮЗ Т	— 1 —	Перисто-слоист, Пер. и барашк. Я	5 7 —	— — —	Ясно	
инская	6 12 6	-16,3 -5 -8,8	Т Т Т	— — —	Я Я Слоистые	— — 3	— — —	Ясно, к вечеру облачно	
инская	6 12 6	-5,3 -10,6 -17,6	З З Т	2 3 —	Снеговые Я Я	0 — —	— — —	Утром облачно, часов с 10 ясно	
инская	6 12 6	-24,8 -15,3 -20,6	Т З З	— 1 1	Снеговые Снеговые Снеговые	0 4 0	Снег — Снег	Облачно	В полдень тень вокруг и два ложки
инская	6 12 6	-25,8 -17,6 -21,6	З З З	2 2 3	Снеговые Пасность Снеговые	6 — 0	— — Метель	Облачно	На восходе опять про же явление
инская	6 12 6	-13,3 -13,6 -19,3	Т Т З	— — 1	Снеговые Пасность Я	0 — —	— — —	Всю ночь была сильная метель, с утра облачно, от полудня ясно	

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Прим.
льинская	6	-23,3	Т	—	Я	—	—	Ясно	
	12	-13	Т	—	Я	—	—		
	6	-17,3	Т	—	Я	—	—		
льинская	6	-22,6	Т	—	Перисто-слоист.	7	—	Ясно	
	12	-12,8	Т	—	Перисто-слоист.	6	—		
	6	-16,3	Т	—	Я	—	—		
льинская	6	-26,3	Т	—	Я	—	—	Ясно	
	12	-10,3	Т	—	Я	—	—		
	6	-13,3	Т	—	Пасность	—	—		
льинская	6	-15,8	Т	—	Слоистые	8	—	Ясно	
	12	-8,3	З	1	Пасность	—	—		
	6	-14	Т	—	Я	—	—		
льинская	6	-22,3	Т	—	Я	—	—	Ясно	
	12	-11,3	Т	—	Я	—	—		
	6	-17	Т	—	Перисто-слоист.	8	—		
льинская	6	-24	Т	—	Я	—	—	Ясно	
	12	-10,8	З	1	Пасность	—	—		
	6	-16,8	Т	—	Я	—	—		
льинская	6	-20,3	Т	—	Слоистые и перисто-слоист.	5	—	Ясно	
	12	-11,8	З	1	Пасность	—	—		
	6	-19	Т	—	Я	—	—		

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
...инская	6	-19,8	ЮВ	1	Слоистые	5	—	Ясно	
	12	-8,6	ЮВ	2	Я	—	—		
	6	-16,6	ЮВ	1	Слоистые	8	—		
...инская	6	-16,6	Т	—	Слоистые	8	—	Ясно	
	12	-5,6	З	1	Я	—	—		
	6	-9,6	Т	—	Я	—	—		
...инская	6	-20,8	Т	—	Слоистые	8	—	Ясно	
	12	-10	Т	—	Я	—	—		
	6	-17,5	Т	—	Перисто-слоист.	7	—		
...инская	6	-23,6	Т	—	Я	—	—	Утром ясно, с полудня облачно.	Снег везд. 3 фута, в долинах и на многих местах сугробы по 6 сажень
	12	-10,6	З	1	Сл. и барашк.	4	—		
	6	-12,8	Т	—	Сл. и барашк.	6	—		

Ф Е В Р А Л Ь

...инская	6	-15,6	Т	—	Пасность	—	Снег	Пасность	
	12	-6,6	Т	—	Пасность	—	—		
	6	-9,6	Т	—	Пасность	—	Снег		
...инская	6	-13,6	Т	—	Пасность	—	Снег	С утра пасность к вечеру ясно	
	12	-4,6	ЮВ	1	Кучевые	4	—		
	6	-7,6	Т	—	Я	—	—		

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Прим.
Бинская	6	-9,6	Т	—	Снеговые Снеговые Я	3	Снег Снег —	Пасность, к вечеру ясно	
	12	-2,6	Т	—		0			
	6	-8,6	В	1		—			
Бинская	6	-7,6	Т	—	Пасность Барашковые Я	—	— — —	Пасность, к вечеру ясно	
	12	-2	Т	—		7			
	6	-4,3	Т	—		—			
Бинская	6	-12,8	Т	—	Слоистые Перистые Я	7	— — —	Ясно	
	12	-5,5	ЮВ	1		7			
	6	-6,6	ЮВ	1		—			
Бинская	6	-24,6	З	1	Слоистые Барашковые Я	7	— — —	Ясно	
	12	-10,8	З	1		6			
	6	-13,6	Т	—		—			
Бинская	6	-18,6	Т	—	Слоистые Пасность Пасность	5	— — Снег	Пасность	
	12	-6	ЮЗ	1		—			
	6	-7,8	Т	—		—			
Бинская	6	-7,6	Т	—	Пасность Пасность Пасность	—	— — —	Пасность	
	12	-2	З	1		—			
	6	-6,6	Т	—		—			
Бинская	6	-6,8	Т	—	Пасность Слоистые Я	—	— — —	С утра пасность, к вечеру ясно	
	12	-3,8	ЮЗ	1		6			
	6	-6,6	Т	—		—			

Про

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
инская	6 12 6	-13 -6,6 -8,3	Т ЮЗ З	- 2 1	Перисто-слоист. Я Я	7 - -	- - -	Ясно	
инская	6 12 6	-18,8 -5,6 -12,3	З З Т	1 1 -	Я Я Я	- - -	- - -	Ясно	Перед заходом солнца видно было северное сияние. На этой станции был пасность
инская	6 12 6	-19,8 -6 -9,6	Т З Т	- 1 -	Я Я Я	- - -	- - -	Ясно	
инская	6 12 6	-14,3 -2,3 -7,8	Т Т Т	- - -	Я Я Я	- - -	- - -	Ясно	
инская	6 12 6	-15,3 -4,8 -8,8	Т Т Т	- - -	Я Я Я	- - -	- - -	Ясно	
инская	6 12 6	-19,8 -7,3 -7,3	Т Т Т	- - -	Пасность Пасность Пасность	- - -	- - -	Пасность	На восходе солнца был виден северное сияние. На этой станции было продолжение северного сияния два

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
инская	6 12 6	- 7,3 - 0,3 - 6,3	Т Т Т	— — —	П Пасность Слоисто-кучев.	— — 2	— — —	Пасмурно	В полдень было +1,7 Р
инская	6 12 6	- 8,3 + 1,2 - 2,8	Т Т З	— — 1	Сл. и барашки Пасность Снеговые	3 — 0	— — —	Облачно	В полдень было +7,2 Р
инская	6 12 6	- 7,8 - 5,3 - 9,8	З З Т	1 2 —	Снеговые Слоистые Я	0 8 —	— — —	Ясно	
инская	6 12 6	-17,7 - 1,3 - 6,3	Т Т Т	— — —	Я Пасность Пасность	— — —	— — —	Пасность	
инская	6 12 6	- 6,3 - 1,3 - 8,3	С С Т	2 2 —	Снеговые Снеговые Я	0 0 —	Метель Метель —	До полудня метель, потом ясно	
инская р. Сунгачи окова на р. Сунгаче	6 12 6	-17 - 4,6 -11,8	Т Ю Т	— 1 —	Я Я Сл.-кучевые	— — —	— — —	Ясно	
окова на р. Сунгаче ее вверх по р. Сунгаче	6 12 6	-17,3 - 9,3 -16	Т З Т	— 1 —	Слоисто-кучевые и барашк. Пасность Пасность	0 — —	— — —	Пасность	

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
№ 2 далее № 3	6	-22	ЮЮЗ	1	Я	—	—	Ясно	
	12	-10,6	ЮЮЗ	1	Я	—	—		
	9	-20,3	ЮЮЗ	1	Я	—	—		
№ 3 далее № 4 при истоке р. Сун- гачи из оз. Ханка	6	-26,6	Ю	1	Я	—	—	Ясно	Снег по Сунгачи ле- жит как и на У- рале на 3 фута
	12	-9,3	ЮЗ	1	Я	—	—		
	6	-13,6	Т	—	Пасность	—	—		
№ 4 при истоке р. Сун- гачи из оз. Ханка	6	-20,8	ЮЮЗ	1	Я	—	—	Ясно	Сунгача от льда до т. е. верст 1 зимой она верст на 2 истока
	12	-5,8	ЮЮЗ	2	Я	—	—		
	6	-12,3	ЮЮЗ	1	Я	—	—		
№ 4 при истоке р. Сун- гачи из оз. Ханка	6	-18	Т	—	Слоисто-кучев.	9	—	Ясно	Лед на У- рале толщины
	12	-6	Т	—	Я	—	—		
	6	-13,6	Т	—	Я	—	—		
№ 4 при истоке р. Сун- гачи из оз. Ханка	6	-19,3	Т	—	Я	—	—	Ясно	
	12	-5	Т	—	Я	—	—		
	6	-8,6	Т	—	Я	—	—		
№ 4 при истоке р. Сун- гачи из оз. Ханка	6	-17,8	Т	—	Снеговые и сло- исто-кучев.	0	—	До полудня облач- но и пасность, к вечеру ясно	
	12	-3,3	Т	—	Пасность	—	—		
	6	-9,3	Т	—	Я	—	—		
№ 4 при истоке р. Сун- гачи из оз. Ханка	6	-13	Т	—	Пасность	—	—	Пасность	В полде- не было +3,7
	12	+2,2	ЮЗ	2	Пасность	—	—		
	6	± 0	ЮЗ	2	Слоисто-кучев.	4	—		

МАРТ

Пр

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-10,3	Т	—	Туман Пасность Снеговые	—	—	Облачно	
	12	+ 2,7	ЮВ	1		—	—		
	6	- 0,8	Т	—		0	Снег		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	- 0,8	СВ	4	Снеговые Снеговые Снеговые	0	Метель	Метель, к вечеру облачно	Снегу выпало 1/2 фута
	12	+ 2,4	СВ	3		0	Метель		
	6	- 0,3	СЗ	3		1	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-12,8	З	2	Слоистые Слоисто-кучев. Я	8	—	Ясно	Метель была Снег падал первый раз му. Нового ло на 1/2 фу
	12	- 5,8	З	1		6	—		
	6	-10,8	З	1		—	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-21,3	ЮЗ	1	Я Я Я	—	—	Ясно	
	12	- 7,6	ЮЗ	1		—	—		
	6	-12,6	Т	—		—	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-20	ЮЗ	1	Я Слоистые и пери- сто-слоистые Я	—	—	Ясно	В течение марта дово- лительно был видим зодиакальн
	12	- 7,8	ЮЗ	1		8	—		
	6	-10,8	ЮЗ	1		—	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-19,3	ЮЗ	1	Я Я Я	—	—	Ясно	
	12	- 5,6	ЮЗ	1		—	—		
	6	-10	Т	—		—	—		

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	-15,6 + 3,7 ± 0	Т ЮЗ ЮВ	— 1 1	Слоисто-кучев. Пасность Снеговые	3 — 0	— — Снег	Облачно	
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	+ 1 + 4,4 + 1,4	ЮЗ ЮЗ ЮВ	2 1 1	Снеговые Снеговые Снеговые	0 0 0	— — —	Облачно	До полуд- ний дождь этом году
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	+ 1,4 + 4,7 + 0,2	Т СВ З	— 2 4	Дождевые Дождевые Снеговые	0 0 0	Дождь Дождь Метель	Дождь и к вечеру метель	
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	- 5 + 1 - 2,8	ЮЗ ЮЗ З	2 2 1	Снеговые Снеговые Слоистые	0 0 7	— — —	Облачно	Днем не- шел снег
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	-12,3 + 0,2 - 3	З З Т	1 2 —	Я Я Я	— — —	— — —	Ясно	Первый в талин еще вообще сне- г трогался, в 2 ¹ / ₂ —3 фута
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	- 9,6 + 1,2 - 2,3	Т ЮЗ Т	— 1 —	Барашк. и сл. Я Слоисто-кучев.	2 — 9	— — —	Ясно	
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	- 5,3 ± 0 - 4	З З З	2 3 3	Слоисто-кучев. Я Снеговые	2 — 8	— — —	Ясно	Вечером

Прод

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
4 при истоке р. Сун- з оз. Ханка	6	-12,8	ЮЗ	1	Я	—	—	Ясно	
	12	-0,6	ЮЗ	2	Я	—	—		
	6	-5,3	ЮЗ	1	Я	—	—		
4 при истоке р. Сун- з оз. Ханка	6	-14,3	Ю	1	Я	—	—	Ясно	
	12	+1,7	Ю	1	Слоистые	6	—		
	6	-4,3	Ю	1	Я	—	—		
4 при истоке р. Сун- з оз. Ханка	6	-12,6	Т	—	Я	—	—	Утром ясно, с по- лудня облачно	
	1	+1	Т	—	Пасность	—	—		
	6	-2,6	СВ	1	Снеговые	5	—		
4 при истоке р. Сун- з оз. Ханка	6	-9,8	СВ	2	Слоист. и снег.	2	—	Пасность	
	12	-1,6	СВ	2	Пасность	—	—		
	6	-1,6	СЗ	1	Пасность	—	—		
4 при истоке р. Сун- з оз. Ханка	6	-13	ЮЗ	1	Я	—	—	Ясно	На обрывах Сунга показались проталины; снег везде на 2 фута
	1	+2	ЮЗ	1	Кучевые	8	—		
	6	-2,6	Т	—	Я	—	—		
4 при истоке р. Сун- з оз. Ханка	6	-9,3	ЮЗ	1	Снеговые	8	—	До полудня ясно, к вечеру пасмурно	
	1	+2,8	ЮЗ	2	Я	—	—		
	6	-0,3	ЮВ	1	П	0	—		
4 при истоке р. Сун- з оз. Ханка	6	-1,3	В	1	Снеговые	0	Метель	Утром метель, с полудня ясно	
	12	+1,4	З	3	Я	—	—		
	6	-1,3	ЮЗ	1	Я	—	—		

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
4 при истоке р. Сун-з оз. Ханка	6	- 5,3	Ю	1	Я	—	—	Ясно	
	12	+ 3,5	ЮЗ	3	Я	—	—		
	6	+ 0,2	ЮЗ	2	Слоисто-кучев.	7	—		
4 при истоке р. Сун-з оз. Ханка	7	- 3,6	Т	—	Я	—	—	Ясно, к вечеру облачно	
	6	- 0,6	Т	—	Слоисто-кучев.	0	—		
4 при истоке р. Сун-з оз. Ханка	6	± 0	ЮЮВ	1	Снеговые	0	—	Облачно	Ночью шной дождь
	12	+ 4,8	ЮЗ	2	Пасность	—	—		
	7	± 0	ЮЗ	1	Слоисто-кучев.	0	—		
4 при истоке р. Сун-з оз. Ханка	6	- 2,6	З	2	Слоистые и слоисто-кучев.	0	—	Ясно	Проталин еще нигде нежит средн 1—1½ фута и сугробах
	12	+ 3,2	З	2	Барашковые	6	—		
	6	+ 1,4	З	2	Снеговые	6	—		
4 при истоке р. Сун-з оз. Ханка	6	- 4,3	З	2	Снеговые	6	—	До полудня облачно, потом ясно	
	12	+ 4,7	З	1	Пасность	—	—		
	6	- 0,8	Т	—	Я	—	—		
4 при истоке р. Сун-з оз. Ханка	6	- 7,6	ЮЗ	1	Слоисто-кучев.	8	—	Ясно	Под снегом де вода
	12	+ 3,7	ЮЗ	1	Я	—	—		
	7	- 1,3	ЮЗ	1	Я	—	—		
4 при истоке р. Сун-з оз. Ханка	6	- 1,6	ЮЮЗ	1	Слоистые	8	—	Ясно	
	12	+ 5,4	ЮЮЗ	1	Я	—	—		
	6	+ 1	ЮЗ	3	Я	—	—		

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+ 1,2	ЮЗ	3	Я	—	—	До полудня ясно, потом облачно	Показали проталины. Снег лежит слоем 1/2—1 ны посинел под снегом
	12	+ 6,2	ЮЗ	2	Я	—	—		
	6	+ 3,2	ЮЗ	2	Дождевые	0	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+ 2,2	ЮЗ	2	Дождевые	0	—	Облачно	
	12	+ 5,7	Т	—	Дождевые	0	Дождь		
	6	+ 2,2	СВ	1	Дождевые	0	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	— 0,3	ССВ	3	Дождевые	0	—	Облачно	
	12	+ 5,2	СВ	2	Слоисто-кучев.	3	—		
	6	+ 1	Т	—	Пасность	—	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	— 1,3	СЗ	1	Снеговые	0	—	До полудня облачно, к вечеру ясно	Проталины по низинам вода
	12	+ 5	З	1	Кучевые	0	—		
	6	+ 0,4	Т	—	Слоисто-кучев.	—	—		

А П Р Е Л Ь

4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	— 3,7	ЮЮЗ	1	Я	—	—	Ясно	Проталины много. Сегодня нашел перелетную бабочку
	12	+ 5,8	ЮЮЗ	1	Я	—	—		
	6	+ 1,8	Т	—	—	—	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	— 0,4	Т	—	Пасность	—	—	Облачно	На восточном берегу виден был ложных соловьев. Ханка и вливам Сун-из оз. Ханка жид лед
	12	+ 9	ЮЗ	2	Пасность	—	—		
	6	+ 3	ЮЗ	2	Дождевые	—	Дождевые		

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	+ 1,3 + 5, + 4,3	Т ЮЗ Т	— 2 —	Дождевые Дождевые Дождевые	0 0 0	Дождевые — —	Облачно	Снег на г... ло уже п... только ко... небольшие и полосы. В... вы. В лесу... еще местам... фута
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	+ 0,6 + 11,8 + 6,3	Т ЮЗ ЮЗ	— 2 3	Пасность Пасность Дождевые	— — 0	— — —	Облачно	
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	+ 1,8 + 10,6 + 2,8	ЮЗ ЮЗ З	2 3 1	Пасность Я Пасность	— — —	— — —	Ясно	На полях... сем уже н... видел пере... мых и мно... адонис
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	+ 2,8 + 9,8 + 4,6	Ю ЮЮЗ ССЗ	2 3 2	Пасность и дождевые Я Я	0 — —	— — —	Ясно	Утром... круг и д... солнца
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	— 0,2 + 11,3 + 10,7	Т ЮЗ Т	— 2 —	Я Я Я	— — —	— — —	Ясно	На Ханке... забереги ш... 30 сажен... озера в заб... жит снег н... Показали... вые комары
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	+ 4,3 + 12,8 + 9,8	ЮЗ ЮЗ ЮЗ	2 3 3	Я Я Слонсто-кучев.	— — 4	— — —	Ясно	Снег в л... окончатель... и 10 апреля

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+ 3,8	ЮЗ	2	Я	—	—	Ясно	
	12	+12,8	ЮЗ	2	Я	—	—		
	6	+ 9,8	Т	—	Я	—	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+ 6,8	Ю	1	Пасность	—	—	Ясно	В 4 часа на солнце б
	12	+17,8	ЮЮЗ	2	Я	—	—		
	6	+13,3	ЮЮЗ	2	Я	—	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+ 8,6	ЮЮЗ	1	Я	—	—	Ясно	Начинает (Salix). Вид лягушек. мух уже мн
	12	+19,6	ЮЮЗ	1	Я	—	—		
	6	+13,3	Т	—	Я	—	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+ 5,3	Т	—	Я	—	—	Ясно	
	12	+10,5	Т	—	Слоисто-кучев.	7	—		
	6	+ 5,3	З	—	Пасность	—	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+ 4,8	Т	—	Дождевые	0	—	Облачно	По мокрому начинает зевать
	12	+10,8	ЮЗ	1	Дождевые	0	—		
	6	+ 5	ЮЗ	2	Дождевые	0	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+ 3,6	Т	—	Дождевые	5	—	Облачно	Сильный ветер ночью надломал Ханка. Мелко сильно идет. Лед на заливах в болотах разошелся. Вино апрельского урожая Ханки еще лежат в 3 футах то.
	12	+ 4,8	З	1	Кучевые	7	—		
	6	+ 4,3	СЗ	1	Слоисто-кучев.	3	—		

М А Й

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Прим
№ 4 при истоке р. Сун-га из оз. Ханка	6	+ 5,3	З ЮЗ Т	1	Я Я Перисто-слоистые	—	— — —	Ясно	
	12	+ 9,8		1		8			
	6	+10,8		—					
№ 4 при истоке р. Сун-га из оз. Ханка	6	+ 7,8	З З Т	2	Я Я Я	—	— — —	Ясно	
	4	+14,8		1					
	9	+ 8		—					
№ 4 при истоке р. Сун-га из оз. Ханка	6	+ 8,3	З З З	1	Я Я Я	—	— — —	Ясно	
	12	+ 9		3					
	6	+ 7,8		4					
№ 4 при истоке р. Сун-га из оз. Ханка	6	+ 6	З З З	4	Слоисто-кучев. Кучевые Дождевые и слоисто-кучевые	5	— — —	Облачно	
	12	+11,8		1		4			
	6	+10,6		1		2			
№ 4 при истоке р. Сун-га из оз. Ханка	6	+ 8	З Т Т	2	Я Я Я	—	— — —	Ясно	
	3	+15,3		—					
	7	+10		—					
№ 4 при истоке р. Сун-га из оз. Ханка	6	+ 8,3	Т ЮЗ ЮЗ	—	Пасность Я Барашковые и слоистые	—	— — —	Ясно	
	12	+14,8		1		7			
	6	+11,8		1					

Про

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясно неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Примечание
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+ 8,3	ЮЗ	2	Кучевые Я Я	7	—	Ясно	
	12	+12,3	ЮЗ	1		—	—		
	6	+13,6	Т	—		—	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	7	+ 9,3	Т	—	П Я Слоисто-кучев.	—	—	Ясно	
	3	+15,8	Т	—		—	—		
	6	+ 9,3	Т	—		—	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+ 8,6	Т	—	Слоисто-кучев. Кучевые Кучевые и дождевые	4	—	Облачно	Днем несшел дождь
	12	+14,6	Т	—		8	—		
	6	+11,8	ЮЗ	1		4	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+ 9,3	СЗ	2	Кучевые Я Слоистые и перистые	5	—	Ясно	Трава уже фатов на стах. Цветы 15. Деревья цветутся. Наст
	12	+14,8	ЮЗ	1		7	—		
	6	+14,3	Т	—		—	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+ 9,8	ЮЗ	2	Дождевые Кучевые Дождевые	0	Дождь	Облачно	
	12	+14	ЮЗ	4		6	—		
	6	+10,3	З	3		0	—		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+ 9,6	Т	—	Дождевые Я Я	2	—	Ясно	
	12	+11,8	ЮЗ	1		—	—		
	6	+12	Т	—		—	—		

1869 год
М А Р Т

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр минимум	Прим.
№ 4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	- 5,7	ЮВ	1	Снеговые	0	—	Облачно, к вечеру ясно		Снег лежит на $1/2-3/4$ ключением мест, где у
	12	+ 3,6	ЮВ	1	Снеговые	0	—			
	6	+ 0,1	Т	—	Пасность	0	—			
№ 4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	- 4,8	Т	—	П	—	—	Облачно, к вечеру снег	— 8,3	Лед на толщину. Рыбы в 7 ф
	12	+ 0,6	СЗ	1	П	—	—			
	6	- 1,9	ВСВ	1	Снеговые	0	Снег			
№ 4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	- 6,4	С	2	Снеговые	0	—	Ясно	— 7,7	
	12	- 1,9	СЗ	3	Я	—	—			
	6	- 5,9	СЗ	1	Я	—	—			
№ 4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-13,9	Т	—	Я	—	—	Ясно	—16,3	
	12	- 0,1	ЮВ	1	Пасность	—	—			
	6	- 3,4	СВ	2	Слоисто-кучевые	8	—			
№ 4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	- 9,4	З	1	Снеговые	3	—	Ясно	—13	
	12	- 2,4	Т	—	Я	—	—			
	6	- 3,4	Т	—	Слоистые	9	—			
№ 4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-10,4	Т	—	Я	—	—	Ясно	—12	
	12	+ 1,3	Т	—	Я	—	—			
	6	- 4,1	Т	—	Слоистые	8	—			

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр minimum	Примечание
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 1 1/2 6	- 5,1 + 2,6 - 5,4	СЗ ЮЗ Т	2 1 —	Снеговые Снеговые Я	0 3 —	Метель — —	До полудня облачно, потом ясно	?	Метель в утром до 10
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	5 1/2 12 6	-10,1 — 0,4 — 3,4	З З Т	1 1 —	Я Кучевые Снеговые	— 9 8	— — —	Ясно	-12,5	
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	- 9,4 — 0,4 — 2,9	Т З Т	— 1 —	Снеговые и пасность Я Я	0 — —	— — —	Ясно	-11	
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 7	- 6,1 + 3,6 + 0,1	ЮВ Ю Ю	1 2 1	Я Я Пасность	— — —	— — —	Ясно, к вечеру пасность	- 9,5	
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	5 1/2 12 6	+ 1,1 ? + 1,7	Ю СЗ Т	2 2 —	Снеговые и слоистые Снеговые Снеговые	0 0 2	— Метель —	Метель весь день с небольшими прожеутками	- 2,7	Весь день ми пережжалась метель
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 12 6	- 9,4 — 0,3 — 3,9	СЗ З Т	1 1 —	Я Я Слоистые и барашковые	— — 7	— — —	Ясно	-11	

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр минимум	Примечание
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-2,1	ЮЗ	2	Пасность	—	—	Облачно и с полудня снег	- 8	
	12	+1,9	ЮЗ	2	Снеговые	0	Снег			
	6	-0,1	СЗ	1	Снеговые	0	Сильная метель			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-7,7	Т	—	Слоистые и перистые	5	—	Ясно, к вечеру облачно и снег	-13,5	Снег есть на траве и то с Разливов еще везде еще д
	12	+1,6	Т	—	Я	—	—			
	6	?	?	—	Снеговые	0	Снег			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-3,7	СЗ	4	Снеговые	0	Сильнейшая метель	До полудня метель, потом ясно	- 9	
	12	-1,4	СЗ	3	Снеговые	2	—			
	6	-4,4	СЗ	1	Кучевые	5	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-7,7	СЗ	2	Я	—	—	Ясно	-12,7	
	12	-0,4	З	1	Я	—	—			
	6	-4,4	Т	—	Я	—	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 ^{1/2}	-5,7	Т	—	Я	—	—	Ясно, но к вечеру облачно	- 8,7	
	12	+4,3	ЮЗ	3	Я	—	—			
	6	+1,6	ЮЗ	2	Снеговые и кучевые	0	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-1,4	Т	—	Дождевые	0	—	Облачно и пасность	- 5,3	
	12	+6,3	Ю	2	Я	—	—			
	6	+2,3	Ю	1	Пасность	—	—			

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр minimum	Примечание
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-0,4	ЗСЗ	2	Снеговые Снеговые Снеговые	0	Метель	Метель	-1	Метель по день
	12	+0,3	СЗ	2		0	Метель			
	6	-0,4	Т	—		1	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-4,4	ЮЗ	2	Снеговые Снеговые Снеговые	8	—	Облачно	-7,5	С полудня три раза сильная метель жавшаяся к около полуночи
	12	+4,6	ЮЗ	2		5	—			
	6	-1,4	ЮЗ	1		3	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	5 ^{1/2}	-5,9	ЮЗ	1	Я Я Снеговые	—	—	Ясно, к вечеру облачно	-8,7	
	2 ^{1/2}	+7,1	Т	—		—	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-0,9	ЮВ	1	Снеговые и пас- ность Пасность Дождевые	2	—	Облачно	-3,5	Снегу нет. разливы. В дождь
	12	+3,9	ЗСЗ	1		—	—			
	6	+2,9	Т	—		0	Мелкий дождь			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+6,0	ЮЗ	1	Дождевые	0	Мелкий дождь со снегом	До полудня облачность, с полудня ясно	-0,5	Мелкий до- ждь шел всю
	12	+4,1	З	1	Кучевые	2	—			
	6	+6,3	Т	—	Я	—	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-0,1	Т	—	Дождевые Снеговые Снеговые	0	—	Облачно	-4,5	
	11	+1,9	ЮЮЗ	2		0	Метель			
	6	+3,6	ЮЮЗ	3		3	—			

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр минимум	Примечание
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-0,1	ЮЮЗ	2	Снеговые	0	—	Облачно	-1,3	Везде разл.
	12	+3,1	З	1	Кучевые	2	—			
	5,5	+7,6	В	1	Слоистые и кучевые	5	—			

А П Р Е Л Ь

4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-0,1	ЮЗ	1	Снеговые	0	Снег	До полуночи облачно, потом ясно	-4,3	
	12	+1,6	ЮЗ	1	Кучевые и снеговые	5	—			
	6	+0,3	Т	—	Кучевые	7	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-1,9	З	2	Снеговые, слоистые и барашковые	3	—	Облачно	-4	Ночью шел снег, а днем раз начинал
	12	+3,1	З	2	Кучевые и дождевые	6	—			
	6	+3,1	ЗСЗ	3	Дождевые	2	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-0,4	ЮЗ	1	Я	—	—	Ясно	-3,7	
	12	+6,6	ЮЗ	2	Слоистые и кучевые	5	—			
	7	+3,9	Т	—	Дождевые и барашковые	6	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+0,1	Т	—	Слоистые и дождевые	7	—	Облачно	-3	
	12	+5,6	ЮЗ	2	Слоисто-кучевые	4	—			
	7	+3,9	Т	—	Дождевые	0	Мелкий дождь			

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр minimum	Примечание		
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+1,9	Т	—	Дождевые Слоисто-кучевые Пасность	0	—	Утром и вечером облачно, в середине дня ясно	+0,3	Всю ночь дождь. Термометр в первый раз выше нуля		
	12	+7,1	ЮЗ	1		7	—					
	6	+5,6	Т	—		—	—					
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+3,9	Ю	1	Дождевые Дождевые Дождевые	0	—	Облачно и с полудня дождь	+1,3			
	12	+6,1	ЮЗ	2		4	—					
	6	+2,6	ЮЗ	2		0	Дождь					
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	+0,9	ЮЗ	2	Дождевые Дождевые и кучевые Дождевые	0	—	Облачно, с полудня ясно	-2	На рассвете вольно сильн Заберегов на нет. На бере еще лежит снег Нашел первы ивы		
	12	+5,6	Ю	1		4	—					
	7	+0,1	Т	—		8	—					
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 ^{1/2}	-1,4	Т	—	Пасность Пасность Снеговые	—	—	Облачно	-5,3			
	12	+1,9	СЗ	2		—	—					
	6	+0,6	СЗ	1		0	Мелкий снег					
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	-2,4	Т	—	Я	—	—	Облачно	-5	Перед ве снег		
	?	?										
	?	?										
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	?	?			Кучевые	9		Ясно	-5,7			
	?	?										
	6	+3,1	Т	—								

Характеристика местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр минимум	Примечание
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 ^{1/2}	+ 1,1	Т	—	Дождевые пучевые	4	—	Пасность	—4,7	Появились мары и очен
	12	+ 6,6	ЮЗ	1	Пасность	—	—			
	6	+10,3	ЮЗ	1	Пасность	—	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 ^{1/2}	+ 2,9	ЮЗ	1	Слоистые и пасность	—	—	Облачно	+0,3	Начинает нести лед по польньи Хан
	12	+ 7,6	ЮЗ	3	Дождевые	0	Дождь			
	6	+ 2,3	ЮЗ	2	Кучевые	4	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 ^{1/2}	— 0,4	З	2	Пасность	—	—	Ясно	—3,3	На мокрых где начинае трава
	12	+ 6,6	ЮЗ	2	Кучевые	6	—			
	6	+ 7,1	ЮЗ	1	Слоисто-кучевые	9	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	— 1,7	Т	—	Я	—	—	Ясно	—6	На Ханка забереги. Снгу Ханка м 1 ^{1/2} —2 фута
	12	+ 8,6	ЮЗ	1	Я	—	—			
	6	+11,1	Т	—	Пасность	—	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 ^{1/2}	+ 9,3	ЮЮЗ	3	Дождевые	0	—	Облачно	+2	После по сколько раз дождь
	12	+16,1	Ю	3	Пасность	—	—			
	6	+11,1	Ю	3	Дождевые	0	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6 ^{1/2}	+ 7,9	ЮЗ	4	Дождевые	0	—	Пасность	+4,3	Лед сильн Сунгаче
	12	+ 5,1	З	2	Пасность	—	—			
	6	+ 7,3	Т	—	Пасность	—	—			

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр minimum	Примечание
4 при истоке р. Сун-з оз. Ханка	6	+ 3,1	Т	—	Дождевые	2	—	Ясно	± 0	
	12	+ 7,1	Т	—	Я	—	—			
	6	+ 8,1	Т	—	Дождевые	8	—			
4 при истоке р. Сун-з оз. Ханка	6	- 1,4	ЮЗ	3	Снеговые	0	Сильная метель	Облачно	- 5,5	Метель пр с 6 до 10 час га выпало на так что земл Ночью надло го лед на оз.
	12	+ 2,6	ЗСЗ	3	Снеговые и слоистые	4	—			
	6	+ 3,6	З	1	Снеговые	4	—			
4 при истоке р. Сун-з оз. Ханка	6	+ 2,6	ЮЗ	2	Снеговые	3	—	Облачно	- 3,7	
	12	+ 7,1	З	2	Дождевые	2	—			
	6	+ 8,1	Т	—	Дождевые и кучевые	5	—			
4 при истоке р. Сун-з оз. Ханка	6	+ 3,9	Ю	2	Я	—	—	Облачно	- 1,3	В полдень шен был п грома, но тол Лед сильно н гаче
	12	+ 12,6	Ю	4	Дождевые и пасность	2	—			
	6	+ 7,6	Ю	4	Дождевые	1	—			
4 при истоке р. Сун-з оз. Ханка	6	+ 0,9	Т	—	Я	—	—	Ясно	- 5	На берегу стах в трех небольшие к остатки зим бов
	12	+ 5,1	З	1	Я	—	—			
	6	+ 6,6	Т	—	Я	—	—			
4 при истоке р. Сун-з оз. Ханка	6	- 0,1	ССВ	1	Я	—	—	Ясно	- 5	
	12	+ 9,6	ССВ	3	Я	—	—			
	6	+ 4,6	СЗ	1	Я	—	—			

Про

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр minimum	Примечание
4 при истоке р. Сунга из оз. Ханка	6	+ 1,6	Ю	2	Я	—	—	Ясно	— 4	
	12	+11,1	Ю	2	Я	—	—			
	6	+ 7,3	Т	—	Я	—	—			
4 при истоке р. Сунга из оз. Ханка	6	+ 2,6	Т	—	Я	—	—	Ясно	— 3,7	Верст за 2 от п. 4 Ханки стились от л тому назад. казались цвет Potentilla
	12	+14,1	Ю	3	Я	—	—			
	6	+12,6	Ю	3	Я	—	—			
4 при истоке р. Сунга из оз. Ханка	6	+ 6,3	ЮЮЗ	3	Я	—	—	Ясно	+ 1,3	По Сунга идет шуга. В полудни в
	12	+17,9	ЮЮЗ	3	Я	—	—			
	6	+10,3	ЮЗ	2	Я	—	—			
4 при истоке р. Сунга из оз. Ханка	6	+ 5,1	Ю	1	Барашковые	7	—	Ясно	+ 0,5	На западе на большая п в полном цв нает распуск
	12	+ 8,6	ЮЗ	1	Я	—	—			
	6	+ 7,9	Т	—	Я	—	—			
4 при истоке р. Сунга из оз. Ханка	6	+ 6,6	Ю	2	Барашковые и пасность	—	—	Пасность	— 2	
	11	+ 9,9	Ю	4	Пасность	—	—			
	7	+ 5,3	З	3	Дождевые	0	—			
4 при истоке р. Сунга из оз. Ханка	6	+ 3,6	ЮЗ	1	Дождевые	3	—	Облачно	?	Ночью ше. Сунгаче все сильнейшая
	1	+15,9	ЮЗ	4	Дождевые	3	—			
	7	+ 7,3	Т	—	Слоистые и дождевые	0	—			

Про.

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр минимум	Примечание
4 при истоке р. Сун- з оз. Ханка	6	+4,3	ЮЗ	2	Дождевые	0	—	Облачно	?	Озеро очи- льда при ист- чи. Однако ве- вернее лед у берега сплю- сою верст на
	1 1/2	+5,6	ЮЗ	2	Дождевые	0	Мелкий дождь			
	7 1/2	-2,6	Т	—	Дождевые и кучевые	3	—			
4 при истоке р. Сун- з оз. Ханка	6	?	СВ	2	Кучевые	7	—	Ясно	-0,3	Около полуд- большой снег
	2	+9,6	ЮЗ	3	Кучевые	5	—			
	7	+4,3	СЗ	2	Снеговые	5	—			
М А Й										
4 при истоке р. Сун- з оз. Ханка	6	1,9	ЮЗ	1	Дождевые	8	—	Ясно	?	
	12	9,6	ЮЗ	2	Кучевые	8	—			
	6	6,6	ЮЗ	3	Дождевые и кучевые	7	—			
4 при истоке р. Сун- з оз. Ханка	6	2,9	ССЗ	2	Слоисто-кучевые	3	—	Облачно	-1,3	
	12	5,9	3	2	Слоисто-кучевые	3	—			
	6	5,9	3	1	Слоисто-кучевые	4	—			
4 при истоке р. Сун- з оз. Ханка	6	3,9	Ю	2	Я	—	—	Ясно	-1,5	
	12	12,9	Ю	1	Я	—	—			
	6	12,6	Ю	2	Слоистые	7	—			

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр минимум	Примечание
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	7,6	ЮЗ	2	Пасность Пасность Дождевые	—	—	Пасность и облачно	-0,5	Термометр последний р. ниже нуля. Должалась от полудни. У были редки
	12	15,9	ЮЗ	2		0	Гроза и дождь			
	6	12,1	ЮЮЗ	1						
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	9,6	ЮЗ	2	Слоисто-кучевые	4	—	Облачно	+3,5	
	12	15,6	ЮЗ	2	Слоисто-кучевые	5	—			
	6	9,6	З	2	Дождевые	0	Мелкий дождь			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	7,1	Т	—	Слоистые Я Пасность	9	—	Ясно, к вечеру пасность	?	
	12	12,9	ЮЗ	1		—	—			
	6	12,6	Т	—		—	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	9	8,9	ЮЗ	3	Слоисто-кучевые	2	—	Облачно	+3,5	Всю ночь при сильном ветре. шел дождь н
	6	10,3	ЮЗ	3	Слоисто-кучевые	4	—			
	12	8,6	ЮЗ	3	Дождевые	2	—			
4 при истоке р. Сун-из оз. Ханка	6	6,6	ЮЗ	2	Дождевые	1	—	Облачно	+3,7	
	12	9,6	ЮЗ	4	Пасность	—	—			
о дороге к п. № 5 на у Ханка	6	8,7	ЮЗ	5	Дождевые	6	—			

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр minimum	Примечание
на дороге к п. № 5 на у Ханка	7	7,3	ЮЗ	3	Я	—	—	Ясно	+ 4,7	. Всю ночь д... ший юго-запа... На рассвете... дождь
пролив между Больш- Малым Ханка, п. № 5	1	11,6	ЮЗ	2	Слоисто-кучевые	2	—			
	6	12,1	Т	—	Я	—	—			
пролив между Больш- Малым Ханка, п. № 5	6	8,6	ЮЗ	1	Дождевые и слоистые	2	—	Облачно	+ 5	Деревья на... восточной ст... ка еще не на... пускаться, то... таволга (Сру... нают зелен... дождь
далее по северному бе- Ханка	12	13,6	ЮЗ	1	Слоистые и круп- ные барашковые	3	—			
е далее по северному у Ханка	6	10,9	Ю	3	Дождевые	0	—			
е далее по северному у Ханка	6	8,6	Ю	3	Дождевые	0	Сильный дождь	Облачно и дождь	+ 6,5	Целый ден
рий Рог	1	10,6	Ю	2	Дождевые	0				
	7	9,6	Ю	2	Дождевые	2	—			
рий Рог	6	7,9	З	3	Я	—	—	Ясно, но к ве- черу облачно		
	2	14,3	З	3	Кучевые	5	—			
	6	11,9	З	2	Слоисто-кучевые	4	—			
рий Рог	6	8,3	З	2	Я	—	—	Ясно, после полудня об- лачно		Днем, после несколько раз
сачи	12	16,6	З	2	Кучевые	5	—			
в горах недалеко от сачи	7	9,6	З	3	Слоисто-кучевые	4	—			

Вид местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр минимум	Примечание
в горах недалеко от и в горах Сиян-хэ, в. 25 от ее устья	6	7,9	Т	—	Я	—	—	Ясно		
	12	16,6	ЮЗ	1	Я	—	—			
	6	17,9	Ю	2	Дождевые	4	—			
Сиян-хэ, в. 25 от ее устья	5	9,6	Ю	1	Дождевые	6	—	Ясно		После полудня небольшая град
	12	21,6	Ю	3	Дождевые	6	—			
	6	17,9	Ю	2	Слоисто-кучевые	3	—			
Сиян-хэ, в. 25 от ее устья вверх по Сиян-хэ и далее	6	5,1	Т	—	Я	—	—	Ясно		
	12	18,1	ЮЗ	2	Я	—	—			
	5	19,3	ЮЗ	2	Я	—	—			
и далее и далее вверх по Сиян-хэ	6	4,9	Т	—	Я	—	—	Ясно		
	12	19,9	Ю	2	Я	—	—			
	6 ^{1/2}	18,6	Ю	2	Пасность	—	—			
и далее вверх по Сиян-хэ и верхней Сиян-хэ	6	7,6	ЮЗ	1	Я	—	—	Ясно		
	12	22,6	ЮЗ	2	Я	—	—			
	5	19,6	ЮЗ	2	Я	—	—			
и верхней Сиян-хэ	6	12,1	СВ	2	Слоисто-кучевые и дождевые	0	—	До полудня облачно, по- том ясно		
	12	12,9	СВ	2	Кучевые	6	—			
	5	16,1	СЗ	2	Кучевые	5	—			

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр minimum	Прим.
Устье верхней Сиян-хэ	6 12 5	6,6 21,9 21,6	З З З	2 1 1	Я Кучевые Кучевые	— 6 8	— — —	Ясно		
Устье верхней Сиян-хэ от Сиян-хэ по дороге Камень-Рыболов	6 12 8	? 23,3 14,6	Т З ЮВ	— 1 1	Я Я Кучевые и дождевые	— — 0	— — —	Ясно, к вечеру облачно		
Устье от Сиян-хэ по дороге Камень-Рыболов	5	10,3	С	2	Слоистые и кучевые	1	—	Облачно		
далее к п. Камень-Рыболов	12	16,8	СВ	2	Перисто-слоистые	7	—			
Камень-Рыболов	6	16,6	Т	—	Пасность	—	—			
Камень-Рыболов	6 12 6	11,9 16,6 13,9	Т ЮЗ ЮЗ	— 2 2	Дождевые Слоисто-кучевые Кучевые	0 3 4	— — —	Облачно		На рассвете раз вшел дождь
Камень-Рыболов	6 12 6	7,9 9,6 7,9	Т ЗЮЗ ЗЮЗ	— 1 2	Дождевые Дождевые Дождевые	0 0 0	— — Мелкий дождь	Облачно		

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр minimum	Примечание
Амьень-Рыболов	6	6,6	Т	—	Дождевые	0	Мелкий дождь Дождь	Облачно и дождь		
	12 6	11,6	Т СЗ	— 1	Дождевые Слоисто-кучевые	0 3				
Амьень-Рыболов	6	8,3	СЗ	1	Дождевые	4	—	Облачно		Утром шел дождь
	12 6	14,1 11,9	Т ЮЗ	— 1	Кучевые Слоисто-кучевые	2 2	— —			
Амьень-Рыболов р. Мо (на озере Ханка) р. Мо	6	5,6	СЗ	1	Слоистые и барашковые Барашковые Кучевые и дождевые	6	—	Ясно		В 7 час. в порядочная дем
	12 6	16,3 17,6	Т Т	— —		9 3	— —			
р. Мо Левая бухта	6	11,6	ЮЗ	2	Я	—	—	Ясно		
	12 6	16,6 13,6	ЮВ СЗ	2 2	Я Я	— —	— —			
р. Лэфу	7	11,6	Ю	2	Я	—	—	Ясно		
	12 6	18,6 14,1	Ю Т	1 —	Я Я	— —	— —			
Потечение Лэфу	6	9,6	ЮЗ	2	—	—	Туман	Пасность и облачно		
	12 6	20,3 14,6	Ю Ю	1 2	Дождевые и слоистые	— 2	— —			

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр minimum	Примечание
течение Лэфу	6	10,3	Т	—	Дождевые и слоистые	0	—	Облачно и дождь		Дождь вс
	12	11,9	ЮЗ	2	Дождевые	0	Мелкий дождь			
	6	10,1	ЮЗ	2	Дождевые	0	Дождь			

И Ю Н Ь

течение Лэфу	6	9,1	СВ	2	Дождевые и слоисто-кучевые	0	—	Облачно		Днем два дождь
	12	17,1	СВ	2	—	3	—			
	6	13,1	Т	—	Слоисто-кучевые	4	—			
течение Лэфу	6	9,6	Т	—	Туман	—	—	Ясно		
	11	15,1	СВ	2	Кучевые	5	—			
	7	13,1	Т	—	Слоисто-кучевые	7	—			
течение Лэфу	6	9,1	ЮЗ	2	Дождевые	0	—	Ясно		
	12	20,3	Т	—	Кучевые	5	—			
	7	15,1	Т	—	Я	—	—			
течение Лэфу	6	9,6	Ю	2	Слоисто-кучевые	5	—	Ясно		
	12	19,1	Ю	2	Я	—	—			
	6	18,6	ЮЗ	2	Слоистые	7	—			

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр minimum	Примечание
течение Лэфу	6	10,3	ЮЗ	1	Перисто-слоистые	6	—	Ясно		
	12	21,6	Ю	2	Слоистые	7	—			
	6	19,1	ЮЗ	2	Перисто-слоистые	7	—			
течение Лэфу	6	12,1	Ю	2	Пасность Я Слоистые	—	—	Ясно		
	12	22,1	ЮЗ	2		—	—			
	6	15	Т	—		5	—			
течение Лэфу	6	11	ЮВ	1	Перисто-слоистые Слоистые Слоистые и дождевые	7	—	Ясно		
	12	20,1	Ю	2		6	—			
	6	16,6	Ю	1		5	—			
течение Лэфу	6	9,1	Т	—	Слоисто-кучевые Перисто-слоистые Слоистые	4	—	Ясно		
	12	17,1	ЮЗ	2		6	—			
	6	15,1	Ю	2		7	—			
течение Лэфу	6	8	ЮВ	1	Туман Я Кучевые	—	—	Ясно		
	12	19,1	Ю	1		—	—			
	7	15,1	Ю	1		4	—			

Про

Вид местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр минимум	Примечание
течение Лэфу	5	10,1	Т	—	Кучевые Слоисто-кучевые Я	7	—	Ясно		
	12	22,1	Ю	1		6	—			
	8	15,6	Ю	2		—	—			
течение Лэфу	6	8,6	ЮВ	1	Туман Я Дождевые	—	—	Ясно		Температура Лэфу, весьмастрой, была +21,5°Р
	12	23,6	Т	—		—	—			
течение Лэфу	6	8,6	ЮВ	1	Дождевые Слоистые Слоисто-кучевые	—	—	Ясно		
	12	17,1	Т	—		4	—			
	6	12,6	ЮВ	2		6	—			
течение Лэфу	5	9,1	ЮВ	3	Дождевые Слоистые Слоисто-кучевые	6	—	Ясно		
	12	17,1	ЮВ	3		6	—			
	6	12,6	ЮВ	2		4	—			
течение Лэфу	6	8,1	Ю	2	Слоисто-кучевые Слоистые Слоисто-кучевые	4	—	Ясно		
	12	12,6	Ю	2		7	—			
	6	10,6	Ю	1		3	—			
течение Лэфу	6	10,1	Ю	1	Дождевые Слоисто-барашковые Слоистые	0	—	Ясно		
	12	17,3	ЮЗ	2		6	—			
	7	11,3	ЮЗ	1		8	—			
течение Лэфу	6	10,6	ЮЗ	2	Дождевые Я Я	0	—	Ясно		
	12	18,3	ЮЗ	2		—	—			
	7	14,6	ЮЗ	2		—	—			

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр minimum	Примечание
течение Лэфу	6	10,1	Ю	2	Я	—	—	Ясно		
	12	19,6	Ю	2	Слоисто-кучевые	7	—			
	6	17,3	Ю	2	Я	—	—			
течение Лэфу	6	9	ЮЗ	2	Я	—	—	Ясно		
	12	18,1	ЮЗ	3	Слоистые	7	—			
	6	14,1	ЮЗ	2	Слоистые	7	—			
течение Лэфу	6	9,6	ЮЗ	1	Дождевые	3	—	Облачно		
	12	16,3	ЮЗ	2	Слоисто-кучевые	3	—			
	6	13	ЮЗ	1	Дождевые и слоисто-кучевые	0	—			
Лэфу	7	10	В	2	Дождевые	0	Дождь	Облачно и дождь		
	2	12,1	СВ	2	Дождевые	0	Дождь			
	6	13,1	СВ	1	Слоисто-кучевые и дождевые	2	—			
Лэфу	6	11,1	Т	—	Слоисто-кучевые и дождевые	0	—	Облачно		
	12	14,6	СЗ	1	Слоисто-кучевые	0	—			
	6	13,6	Т	—	Дождевые и слоисто-кучевые	3	—			

Мо пост Камень лов

Про

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр minimum	Примечание
Мо п. Камень-Рыболов	6 12 6	7 19,6 15,6	ЮЗ ЮЗ Т	2 1 —	Дождевые Слоисто-кучевые Слоисто-кучевые	0 6 5	Дождь — —	Облачно и дождь		
Мо п. Камень-Рыболов	6 12 6	10,6 16,6 16,6	Ю Ю Т	1 1 —	Туман Кучевые Слоисто-кучевые	— 5 3	— — —	Ясно		
Мо п. Камень-Рыболов	6 12 7	13 16,1 15,1	В СВ Т	2 3 —	Слоисто-кучевые Барашковые и слоистые Слоисто-кучевые	5 7 6	— — —	Ясно		
течение Мо	6 12 6	10 19,6 17,3	Т В В	— 2 1	Слоистые Я Кучевые	6 — 7	— — —	Ясно		
течение Мо	6 12 6	12 18,1 15,6	Т Ю Ю	— 1 2	Слоисто-кучевые и барашковые Слоисто-кучевые Слоистые	7 4 7	— — —	Ясно		

Название местности	Часы дня	Температура воздуха	Ветер	Сила ветра	Форма облаков	Процент ясного неба	Туман, дождь, снег, град	Общее состояние погоды за день	Термометр минимум	Примечание
течение Мо	6	10,3	ЮВ	2	Пасность	—	—	Облачно		
	2	16	ЮВ	2	Слоисто-кучевые	3	—			
	6	13	ЮВ	1	Дождевые	0	—			
течение Мо	7	10,6	Ю	1	Дождевые	0	Туман	Ясно		
	12	19,1	Ю	1	Слоисто-кучевые	5	—			
	6	13,1	ЮЗ	2	Слоисто-кучевые	5	—			
течение Мо	6	12	Ю	1	Дождевые	0	—	Ясно		
	12	17,1	Ю	1	Слоисто-кучевые	5	—			
	6	16,6	Т	—	Я	—	—			
течение Мо	6	11,1	Ю	1	Дождевые	0	Туман	Ясно		
	12	19,6	Ю	2	Я	—	—			
	6	17,1	Ю	1	Я	—	—			
течение Мо	6	11,6	Ю	1	Дождевые	0	Туман	Ясно		
	12	21,6	ЮЗ	1	Я	—	—			
течение Мо	6	16,1	Т	—	Слоистые	5	—			
	6	16,1	Т	—	Слоистые	5	—			

И Ю Л Ь

1	Верхнее течение Мо	6	12	ЮЮОВ	1	Слоисто-кучевые и дождевые	4	—	Облачно	
		12	?	ЮЮОВ	2	Слоисто-кучевые и слоистые	3	—		
		6	?	ЮЮОВ	1	Слоисто-кучевые	3	—		
2		6	?	Т	—	Дождевые	0	Дождь	Облачно, к вечеру ясно	
		12	15,6	ЮВ	1	Кучевые и дождевые	3	—		
		6	19	Т	—	Я	—	—		
3		6	12,3	Т	—	Сильный туман	—	—	—	
		2	20,1	ЮВ	1	Я	—	—		
		7	14,6	ЮВ	1	Пасность	—	—		
4	6	11,3	Т	—	Дождевые	0	—	Облачно и дождь		
	1	15,6	ЮВ	1	Дождевые	0	Дождь			
	6	12,3	Т	—	Дождевые	0	Дождь			
5	Среднее течение Мо	7	11,1	СВ	1	Дождевые	0	Дождь	Дождь	Дождь шел всю ночь не переставая
		12	?	СВ	2	Дождевые	0	Дождь		
		6	13	СВ	1	Дождевые	0	Дождь		
6		6	12,1	Т	—	Дождевые	0	—	Облачно	
		12	19,6	СВ	1	Слоисто-кучевые	6	—		
		6	19	Т	—	Слоисто-кучевые и дождевые	2	—		
7		6	11,3	Ю	1	Сильный туман	—	—	Облачно	
		1	20,1	Ю	2	Кучевые	8	—		
		6	15	Ю	2	Дождевые и слоистые	3	—		
8	6	11,3	Ю	1	Дождевые	0	—	Облачно		
	12	20	Ю	2	Слоисто-кучевые	3	—			
	6	15	Ю	2	Дождевые и слоисто-кучевые	2	—			
9	п. Камень-Рыболов	6	12,6	Ю	2	Дождевые	2	—	Облачно	
		12	14,1	Ю	3	Дождевые	0	Мелкий дождь		
		6	13,1	Ю	2	Слоистые и крупн. бараш.	4	—		

Статистическая таблица крестьянского населения в Южно-Уссурийском крае и на побережье Японского моря

Имя деревень	Местность, на которой они расположены	Число дворов	Количество населения		Всего	Количество содержащего скота				Количество обработанной земли в десятинах
			мужчин	женщин		лошадей	рогатого скота	овец	свиней	
... (Воронежская)	На северо-западном берегу оз. Ханка	32	126	115	241	26	290	75	106	239
...	На западном берегу оз. Ханка	20	68	52	120	35	127	—	—	119
... Рыболов . . .	На юго-западном берегу оз. Ханка	9	19	20	39	16	62	—	—	47
... ская	На юго-западном берегу оз. Ханка	30	116	89	205	26	300	104	—	215
... ская	На южной оконечности степной полосы	47	164	125	289	44	357	26	44	207
... ская	На р. Суйфуне	5	15	9	24	4	38	—	9	15
... ская	На устье Цымухэ	6	25	16	41	2	50	—	7	14
... ровская	На Сучане	5	15	12	27	4	28	—	2	14
...		7	8	8	16	—	13	—	3	11
...		25	68	68	136	59	60	49	26	74
...		15	28	25	53	15	12	14	—	33
... овка	Возле гавани св. Ольги	5	21	13	34	28	14	16	3	20
...		8	21	13	34	12	6	—	6	20
Итого		214	694	565	1 259	271	1 357	284	206	1 028
... : ... нно крестьян . . .		179	633	517	1 160	248	1 267	259	194	962
... ных солдат и мат- ... нцев¹		18	34	21	55	14	51	3	—	40
		17	27	27	54	9	39	22	12	26

Эти цифры о поселенцах верны по 1 января 1868 года; после того они едва ли изменились, разве только оч...

Статистическая таблица корейских поселений в Южно-Уссурийском крае

деревень	Местность	Число жителей		Всего	Совершеннолетних		Несовершеннолетних		Количество скота			Кол-во обра-земл-1
		мужчин	женщин		мужчин	женщин	мужчин	женщин	лошадей	рогатого скота	свиней	
Рязановка)	По берегам р. Тызен, в 18 в. от Новгородской гавани	781	615	1 396	506	377	275	238	15	254	347	Русск-Корей
.....	На берегу р. Янчи, впадающей в бухту Экспедиции, в 14 в. от Новгородской гавани	200	170	370	120	103	80	67	3	61	51	Русск-Корей
.....	На берегу р. Си-деми, впадающей в Амурский залив, верст 80 севернее Новгородской гавани	14	21	35	11	11	3	10	—	8	—	Русск-Корей

Статистическая таблица казачьего
к 1 января

Название станиц	Расстояние между ста- ницами, счи- тая по реке	Число дворов	Количество населения		Всего
			мужчин	женщин	
	от Хаба- ровки				
Карсакова	18	28	121	79	200
Казакевичева	20	74	192	171	363
Невельская	16	36	137	100	237
Дьяченкова	8	25	121	70	191
Киселева	12	31	104	72	176
Трехсвятительская	10	25	85	58	143
Кукелева	17	27	86	74	160
Будагосского	25	23	78	74	152
Венюкова	20	62	203	152	355
Кедровская	16	25	103	70	173
Шереметьева	15	63	208	171	379
Видная	15	24	99	71	170
Лончакова	17	55	149	134	283
Козловская	12	33	119	97	216
Васильева	23	18	68	69	137
Покровская	2	13	49	38	87
Зарубина	25	17	54	52	106
Пешкова	14	12	37	33	70
Нижне-Никольская	8	29	88	74	162
Нижне-Михайловская	13	27	97	79	172
Лопатинский станок	35	1	—	—	—
Крутобережный станок	20	1	—	—	—
Княжеская	20	6	70	68	138
Графская (Красная горка)	14	32	121	97	218
Красноярская	10	27	98	77	175
Ильинская	15	39	127	99	226
Верхне-Никольская	35	38	119	96	215
Верхне-Михайловская	12	12	63	48	111
Буссе	10	19	91	67	158
Маркова	23	11	46	35	81
Всего	500	833	2 933	2 325	5 258

населенна на берегах Усури
1868 года

Несовершенно- летних		Совершенно- летних		Число скота					Количество обработан- ной земли в десятинах.
мужчин до 18 лет	женщин до 16 лет	мужчин свыше 18 лет	женщин свыше 16 лет	лошадей	быков	прочего рогато- го скота	овец	свиней	
84	42	37	37	42	2	60	—	5	24
134	84	58	87	137	6	127	—	40	116
88	47	49	53	77	13	89	—	—	73
67	41	54	29	95	22	113	7	13	95
76	42	28	30	95	17	86	19	—	92
57	29	28	29	59	16	64	14	6	53
48	32	38	42	65	5	62	—	—	66
50	37	28	37	53	12	61	—	3	66
129	82	74	70	105	17	161	15	34	157
73	39	30	31	63	46	140	11	22	99
135	84	73	87	138	12	169	30	13	168
64	37	35	34	41	11	57	—	—	50
95	68	54	66	139	15	136	—	—	186
82	49	37	48	119	—	148	17	—	148
36	29	32	40	39	18	70	—	—	65
29	19	20	19	27	17	51	8	—	42
26	24	28	28	32	12	56	—	—	56
18	16	19	17	18	15	24	3	3	42
52	35	36	39	36	41	41	—	4	102
58	35	39	44	39	21	49	2	—	66
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
40	27	30	41	11	2	24	2	—	34
70	45	51	52	54	22	77	—	—	104
54	39	44	38	40	50	61	10	12	80
72	50	55	49	54	22	83	1	5	118
67	50	52	46	57	40	61	—	19	106
33	21	30	27	22	10	20	—	4	39
51	32	40	35	54	16	66	6	15	89
24	16	22	19	18	17	13	—	20	14
1 812	1 151	1 121	1 174	1 729	497	2 169	145	218	2 350

Список видов птиц Уссурийского края¹

1 <i>Aquila naevia?</i> Briss.	29 <i>Picus martius</i> L.
2 <i>Haliaeetus albicilla</i> L.	30 " <i>leoconotus</i> Bechst.
3 * " <i>pelagica</i> Pall.	31 " <i>major</i> L.
4 <i>Pandion haliaetos</i> L.	32 " <i>minor</i> L.
5 <i>Milvus melanotis</i> Temm. et Schgl.	33 ** <i>Mitchelli</i> Malh. (<i>scintiliceps?</i> Swinh. obs. Wulffius).
6 <i>Falco peregrinus</i> L.	34 <i>Alcedo bengalensis</i> Gml.
7 " <i>subbuteo</i> L.	35 ** <i>Eurystomus orientalis</i> L. (obs. Wulffius).
8 " <i>tinunculus</i> L.	36 <i>Upupa epops</i> L.
9 " <i>Raddei</i> Hartlaub (<i>vespert.</i> var. <i>amurensis</i> Radde).	37 <i>Alauda arvensis</i> L.
10 <i>Astur palumbarius</i> L.	38 " <i>alpestris</i> L.
11 " <i>nisus</i> L.	39 <i>Plectrophanes nivalis</i> L.
12 <i>Buteo poliogenys</i> Temm. et Schgl.	40 " <i>lapponica</i> L.
13 <i>Circus cyaneus</i> L.	41 <i>Emberiza aureola</i> Pall.
14 " <i>melanoleucus</i> Gml.	42 " <i>pithyornus</i> Pall.
15 " <i>spilonotus</i> Kaup.	43 " <i>spodocephala</i> Pall.
16 <i>Ulula uralensis</i> Pall.	44 " <i>pyrrhuloides</i> Pall.
17 <i>Aegolius otus</i> L.	45 " <i>polaris</i> Mid. Pallasii Cab.).
18 <i>Aegolius brachyotus</i> Forst.	46 " <i>rustica</i> Pall.
19 <i>Surnia funerea</i> Lath.	47 " <i>fucata</i> Pall.
20 " <i>nyctala</i> L.	48 " <i>cioides</i> Brandt.
21 <i>Ephialtes scops</i> Keys. et Blass.	49 " <i>elegans</i> Temm.
22 <i>Bubo maximus</i> L. (<i>sibiricus</i> Licht).	50 ** " <i>personata</i> Temm. et Schgl. (obs. Maack).
23 <i>Acanthylis caudacuta</i> Lath.	51 ** " <i>pusilla</i> Pall. (obs. Maack).
24 <i>Caprimulgus jotaca</i> Temm. et Schgl.	52 <i>Passer montanus</i> L.
25 <i>Cuculus canorus</i> L.	53 <i>Pyrrhula vulgaris</i> Briss. (var. <i>orientalis</i> , Temm. et Schgl.).
26 ** " <i>sparveriodes?</i> Vig. (obs. Maack).	
27 <i>Junx torquilla</i> L.	
28 <i>Picus canus</i> Gml.	

¹ Настоящий список птиц заключает в себе все виды, известные до сих пор в Уссурийском крае как по моим исследованиям, так равно и по наблюдениям других путешественников. Те из этих видов, которые не наблюдались мною лично, обозначены двумя звездочками; те, которые замечены мною только на побережье моря, и не найдены внутри страны, обозначены одною звездочкой; наконец, курсивом напечатаны виды, найденные мною в Уссурийском крае, но до сих пор еще не известные в Амурской фауне; два из таких видов (*Petrocincla mollensis*, *Turdus pelios*) найдены г. Дыбосским.

Ещё не окончив печатание настоящей книги, я получил при содействии Императорского русского географического общества назначение совершить новую трехлетнюю экспедицию в Южную Монголию в верховья реки Хуан-хэ (Желтой реки), а если будет возможно, то проникнуть и далее в Китайский Туркестан. Таким образом, в настоящее время я не имел возможности заняться специальной обработкой орнитологических материалов, собранных мною во время путешествий в Уссурийском крае, но намерен издать их вместе с теми орнитологическими данными, которые надеюсь собрать во время своей настоящей поездки.

В видах же большого интереса, представляемого некоторыми найденными мною видами птиц, еще неизвестных в Амурском крае, но общих японской или китайской фауне, я решился напечатать список птиц Уссурийского края в том виде, в каком он имелся под рукою.

При сем считаю долгом выразить мою искреннюю благодарность Н. А. Северцову, помогавшему мне в определении многих видов и вообще щедро снабжавшему меня своими советами, относительно орнитологических исследований.

- 54 ** *Pyrrhula rosea* Pall. (obs. Maack).
55 *Carpodacus erythrina* Pall.
56 ** *Uragus sidircus* Pall. (obs. Maack).
57 " *sanguinolentus* Temm. et Schgl.
58 " sp.
59 *Fringilla spinus* L.
60 " *linaria* L.
61 " *kawahiba?* Temm.
62 " *montifringilla* L.
63 *Coccyzus erythrophthalmus* Temm. et Schgl.
64 *Loxia curvirostra* L.
65 *Parus caudatus* L.
66 " *cyanus* Pall.
67 " *minor* Temm. et Schgl.
68 " *palustris* L. (var. *borealis* Seelys.).
69 *Sitta uralensis* Licht.
70 *Bombicilla garrula* L.
71 ** " *phoenicoptera* Temm. (obs. Max.).
72 *Garrulus Brandtii* Eversm.
73 ** " *inaustus* L. (obs. Schrenck).
74 *Nucifraga caryocatactes* L.
75 *Pica cyana* Pall.
76 " *leucoptera* Gould.
77 *Monedula daurica* Pall.
78 *Corvus corone* L.
79 ** " *japonensis* Bupt. (obs. Maack).
80 * " *corax*, L.
81 " *pastinator* Gould.
82 *Sturnus cineraceus* Temm. et Schgl.
83 *Hetaerornis dauricus* Pall.
84 *Certhia familiaris* L.
85 *Troglodytes fumigatus* Temm. et Schgl.
86 * *Cinclus Pallasi* Temm.
87 *Anthus Richardti* Viell.
88 " *japonicus* Temm. et Schgl.
89 " *arboreus* Bechst.
90 *Motacilla alba* a) var. *paradoxa*, Schrenck. * b) var. *lugenssall*.
91 " *melanope* Pall.
92 " *cinereo-capilla* Savi.
93 *Oriolus cochinchinensis* Briss.
94 *Turdus varius* Pall.
95 " *Naumanni* Temm.
96 " *fuscatus* Pall.
97 " *dauias* Temm. et Schgl.
98 " *chrysolans?* Temm. et Schgl.
99 ** " *pelios* Bon. (obs. Dybos).
100 ** " *auroreus* Pall. (obs. Maack).
101 ** *Petrocincla manilensis* Bodd. (obs. Dybos)
102 *Accentor montanellus* Pall.
103 *Saxicola rubicola* L.
104 *Calliope kamtschatskensis* Gml.
105 " *cyane* Pall.
106 *Nemura cyanura* Pall.
107 *Ruticilla aurea* Pall.
108 *Ficedula sibirica* Midd.
109 " *Schwarzi* Radde (var. *major*).
110 " *borealis* Blas. (var. *plumbipes*, Swinhoe),
111 " *superciliosa* Gml.
112 *Salicaria turdoides (orientalis)* Temm. et Schgl.
113 " *aëdon* Pall.
114 *Salicaria santillans* Temm. et Schgl.
115 " *cantans* Temm. et Schgl.
116 " *Maackii* Schrenck (*bistrigiceps* Swinhoe).
117 " *lacustella?* (Penn Hendersoni? Cassin.).
118 " *certhiola* Pall.
119 " *ochotensis* Midd.
120 " sp?
121 ** *Zosterops chloronotus* Gould. (obs. Maack).
122 *Regulus flavicapillus* Naum.
123 *Muscicapa narcissina* Temm. et Schgl. (var. *leucoprys*, Swinhoe).
124 " *cinereo-alba* Temm. et Schgl.
125 ** *Pericrocotus cinereus* Lalres (obs. Dybos).
126 *Lanius phoenicurus?* Pall. (obs. Maack).
127 " *excubitor* L.
128 *Lanius major* Pall. (*borealis*, Viell).
129 *Hirundo rustica* var. *rufa* Gml.
130 " *alpestris* Pall.
131 " *urbica* L. (*lagopoda?* Pall.).
132 * *Columba rupestris* Pall.
133 " *gelastis* Temm.
134 *Tetrao tetrix* L.
135 " *bonasia* L.
136 ** " *canadensis*, L. var. *Franklini*, Dougl. (obs. Maack)
137 *Phasianus torquatus* Gml.
138 *Coturnix muta* Pall.
139 *Hemipodius variabilis* Gould.
140 *Otis tarda* L.
141 *Rallus aquaticus* L.
142 *Ortygometra minuta* Pall.
143 " *nov. sp.*
144 *Gallinula erythrothorax* Temm. et Schgl.
145 *Fulica atra* L.
146 *Grus montignesia* Bon. (*viridirostris* Viell).
147 " *leucogeranus* Pall.
148 " *leucauchen* Temm.
149 " *monachus* Temm.
150 *Vannellus cristatus* Meyer et Wolf
151 *Squatarola helvetica* Briss.
152 *Charadrius fulvus* Gml.
153 " *mongolicus* Pall.
154 " *hiaticula* L.
155 " *curonicus* Beseke.
156 *Sterpsilas interpres* L.
157 *Haematopus ostralegus* L.
158 *Totanus ochropus* L.
159 " *stagnatilis* Bechst.
160 " *fuscus* L.
161 " *glottis* L.
162 " *giareola* L.
163 *Actitis hypoleucis* L.
164 ** *Phalaropus cinereus* Briss. (obs. Maack).
165 * *Limosa rufa* Briss (*uropygialis?* Gould).
166 " *recurvirostra* Pall.
167 " *melanuroides* Gould (*aegoccephala* var?)
168 *Callidris arenaria* L.

- 169 *Tringa subarquata* L.
 170 " *Shinzii* Brehm.
 171 " *Temminckii* Leisl.
 172 " *minuta* Leisl.
 173 *Scolopax rusticola* L.
 174 *Scolopax gallinago* L.
 175 " *solitaria?* Hodgs.
 176 " *heterocerca* Gab.
 177 " sp.
 178 *Numenius australis* Gould.
 179 " *phaeopus?* L.
 180 *Ibis Nipon* Temm.
 181 *Ardea cinerea* L.
 182 " *alba* L.
 183 " *virescens* L. vart. *scapularis* III.
 184 " *cinnamomea* Gml.
 185 " *stellaris* L.
 186 *Ciconia alba* L.
 187 " *nigra* L.
 188 *Platolea leucoradia* L.
 189 *Cygnus musicus* Bechst
 190 " *olor* Gml.
 191 *Anser cygnoides* L.
 192 " *grandis* Pall.
 193 " *minutus* Naum.
 194 " *albifrons* Penn.
 195 " *cinereus?* Meyer et Wolf
 196 *Anas galericulata* L.
 197 *Anas boschas* L.
 198 " *poaciloryncha*. Temm
 199 " *penelope* L.
 200 " *glocitans* Pall.
 201 " *falcata* Pall.
 202 " *querquedula* L.
 203 " *strepera* L.
 204 " *aquta* L.
 205 " *crecca* L.
 206 " *clypeata* L.
 207 *Fuligula clangula* L.
 208 " *histrionica* L. (obs. Maack)
 209 " *cristata* Leach.
 210 " *marila* L.
 211 " *Baeri* Radde
 212 *Mergus merganser* L.
 213 " *serrator* L.
 214 " *albelbus* L.
 215 * *Carbo filamentosus* Temm. et Schgl.
 216 " *cormoranus* Meyer et Wolf.
 217 * " sp.?
 218 *Podiceps cristatus* L.
 219 " *subcristatus* Jacq.
 220 *Larus canus* L.
 221 " *ridibundus* L.
 222 * " *melanurus* Temm. et Schgl.
 223 *Sterna longipennis* Nordmann.
 224 " *leucoptera* Schin.

Таблица весеннего пролёта птиц на озере Ханка за 2 весны 1868
и 1869 годов¹

Число месяца	1868 г.	Февраль	1869 г.
22			<i>Cygnus musicus</i>
		М а р т	
1	<i>Cygnus musicus</i>		
2			<i>Anas falcata</i> <i>Carbo cormoranus</i> <i>Astur palumbarius</i>
3	<i>Emberiza rustica</i> <i>Totanus fuscus</i>		<i>Anas boschas</i> <i>Grus leucochen</i>
4			<i>Grus montifgnesia</i>
5			<i>Anas clypeata</i> <i>Mergus merganser</i> <i>Uragus sanguinulentus</i> <i>Emberiza polaris</i> <i>Anas aqua</i> <i>Parus cyanus</i>
6	<i>Alauda arvensis</i> <i>Carbo cormoranus</i>		<i>Falco tinunculus</i> <i>Lanius major</i> <i>Emberiza cioides</i>
7			<i>Emberiza pithyornus</i> <i>Anas crecca</i> <i>Milvus melanotis</i> <i>Ciconia alba</i> <i>Vanellus cristatus</i>
8	<i>Turdus Naumanni</i> <i>An s boschas</i>		<i>Anas glacitans</i>
9	<i>Vanellus cristatus</i>		
10	<i>Ardea cinerea</i> <i>Anser cinereus?</i> <i>Monedula daurica</i> <i>Anas crecca</i> <i>Plectrophanes japonica</i>		
11	<i>Sturnus cineraceus</i> <i>Circus spilonotus?</i> <i>Emberiza polaris</i>		<i>Ardea cinerea</i> <i>Larus canus</i> <i>Totanus fuscus</i> <i>Anser grandis</i>
12	<i>Larus ridibundus</i> <i>Ardea alba</i> <i>Emberiza pyrrhuloides</i> <i>Grus montignesia</i>		<i>Ardea alba</i> <i>Emberiza rustica</i> <i>Turdus Naumanni</i>
13			<i>Ibis Nepon</i> <i>Podiceps subcristatus</i> <i>Alauda arvensis</i>
14	<i>Anser grandis</i>		<i>Larus ridibundus</i>

¹ Началом пролета обозначен тот день, в который замечался первый прилётный экземпляр. Каждодневное состояние атмосферы, задерживавшее или ускорявшее пролёт, можно видеть из общей таблицы метеорологических наблюдений.

Число месяца	1868 г.		М а р т		1869 г.		
	15	Grus leucochen Milvus melanotis Anas glacitans Anas falcata				Circus spilonotus? Anser minutus	
16							
17					Mergus albellus		
18	Corvus pastinator Fuligula clangula				Monedula daurica		
19	Fuligula Baeri Mergus albellus						
20	Anas galeruculata				Anas penelope Anas querquedula Fuligula cristata Grus leucogeranus Sturnus cineraceus		
21	Anser minutus Motacilla alba vart, paradoxa Anas aqua Upupa epops Ibis Nipon Fuligula cristata Mergus merganser				Circus cyaneus		
22					Plutalea leucorodia Numenius australis		
23	Numenius australis Grus leucogeranus				Motacilla alba vart, paradoxa Ciconia nigra		
24	Anser albifrons				Anser albifrons Anser cinereus? Podiceps cristatus		
25							
26	Lanius excubitor						
27	Falco Raddel Podiceps subcristatus Podiceps cristatus				Anser cygnoides Astur nisus Ardea stellaris		
28	Motacilla cinereo- capilla Astur palumbarius				Coturnix muta Fringilla montifringilla		
29	Columba gelastis				Upupa epops Ruticilla aurea Troglodytes fumigatus Anas galericulata		
30	Circus cyaneus				Emberiza pyrrhuloides		
31	Falco tinunculus						
			А п р е л ь				
1	Ciconia alba Astur nisus Larus canus Falco peregrinus				Cygnus olor Fuligula marila Anas poeciloryncha Certhia familiaris		

Продолжение

Число месяца	1868 г.	А п р е л ь	1869 г.
2	<i>Ruticilla aureora</i> <i>Uragus sanguinolentus</i> <i>Platalea leucorodia</i> <i>Anas clypeata</i> ¹		<i>Motacilla cinereo-capilla</i>
3	<i>Anas penelope</i> ²		<i>Totanus stagnatilis</i>
4	<i>Ficedula superciliosa</i> <i>Nemura cyanura</i> <i>Scolopax gallinago</i> <i>Fringilla montifringilla</i>		<i>Anthus arboreus</i> <i>Fulica atra</i>
5	<i>Troglodytes fumigatus</i>		<i>Turdus daulias</i> <i>Columba gelastis</i> <i>Accentor montanellus</i> <i>Nemura cyanura</i> <i>Scolopax gallinago</i>
6	<i>Cygnus olor</i>		<i>Ficedula superciliosa</i> <i>Emberiza spodocephala</i>
7	<i>Emberiza spodocephala</i> <i>Ardea stellaris</i>		<i>Emberiza elegans</i> <i>Mergus serrator</i>
8	<i>Coturnix muta</i> <i>Calliope kamtschatkensis</i>		
9	<i>Anthus japonicus</i>		<i>Turdus fuscatus</i>
10	<i>Ortygometra nov. sp.</i>		<i>Scolopax heterocerca</i> <i>Circus melanoleucus</i>
11	<i>Junx torquilla</i>		<i>Grus monachus</i>
12	<i>Turdus fuscatus</i> <i>Scolopax heterocerca</i> <i>Ficedula sibirica</i> <i>Turdus daulias</i>		
13	<i>Actitis hypoleucos</i> <i>Pandion haliaëtus</i>		
14			<i>Calliope kamtschatkensis</i> <i>Junx torquilla</i>
15			
16			<i>Plectrophanes japonica</i> <i>Charadrius hiaticula</i>
17	<i>Rallus aquaticus</i>		
18			<i>Anthus japonicus</i>
19	<i>Hirundo rustica</i> var. <i>rufa</i> <i>Totanus ochropus</i> <i>Turdus chrysolaus</i> ?		<i>Turdus chrysolaus</i> ? <i>Sterna longipennis</i>
20	<i>Acanthylis caudacuta</i> <i>Fuligula marila</i> ³		<i>Hirundo rustica</i> var. <i>rufa</i>
21			<i>Totanus ochropus</i>

¹ Прилетели, вероятно, раньше, но не были замечены в общей массе прилётных уток.

² Также, вероятно, появились раньше.

³ По всему вероятно, прилетели раньше.

Число месяца	1868 г.	А п р е л ь	1869 г.
22			<i>Anas strepera</i> ¹
23	<i>Saxicola rubicola</i>		<i>Turdus varius</i> <i>Alauda alpestris</i>
24			<i>Anthus Richardii</i> <i>Acanthylis caudacuta</i> <i>Scolopax sp?</i> <i>Motacilla melanope</i>
25	<i>Sterna longipennis</i>		<i>Actitis hypoleucos</i> <i>Emberiza aureola</i>
26	<i>Emberiza aureola</i>		
27			<i>Totanus glottis</i>
28			
29	<i>Scolopax sp?</i> <i>Anthus Richardii</i>		
30	<i>Totanus glareola</i> <i>Motacilla melanope</i> <i>Salicaria turdoides</i>		<i>Hirundo urbica</i>
М а й			
1			<i>Tringa Temminckii</i>
2			<i>Alcedo bengalensis</i>
3			<i>Sterna leucoptera</i> <i>Squatarola helvetica</i> <i>Totanus glareola</i>
4			<i>Callione cyane</i>
5	<i>Muscicapa narcissina</i> var. <i>leucophrys</i> <i>Tringa minuta</i>		<i>Salicaria turdoides</i>
6			
7	<i>Sterna leucoptera</i>		
8			<i>Lanius phoenicurus?</i>
9			<i>Hetaerornis dauricus</i> <i>Sterpsilas interpres</i> <i>Cuculus canorus</i> <i>Muscicapa narcissina</i> var. <i>leucophrys</i>
10	<i>Cuculus canorus</i> <i>Hirundo urbica</i>		<i>Salicaria Maackii</i>
11			<i>Ardea cinnamomea</i>
12	<i>Salicaria Maackii</i> <i>Squatarola helvetica</i> <i>Ardea cinnamomea</i>		
13	<i>Ardea virescens</i> var. <i>scapularis</i>		<i>Caprymugus jotaca</i> <i>Salicaria sp?</i>
14			
15			<i>Gallinula erythrothorax</i> <i>Oriolus cochinchinensis</i>

¹ Вероятно, прилетели раньше.

ОГЛАВЛЕНИЕ

	<i>Стр.</i>
Предисловие редактора	5—17
Предисловие автора	18—19
Глава первая	
Отъезд из Иркутска. — Байкал. — Забайкалье. — Плавание вниз по Шилке. — Прибытие на Амур. — Дальнейшее следование. — Прибытие на Уссури	23—33
Глава вторая	
Краткий топографический обзор Уссурийского края. — Общий характер его растительности. — Казачьи станицы по берегам Уссури. — Бедственное положение их обитателей. — Селение Хабаровка. — Местная торговля. — Телеграф. — Пароходство. — Плавание на лодке вверх по Уссури. — Характер ее нижнего, среднего и верхнего течения. — Боковые притоки. — Докучливые распросы казаков. — Летнее утро. — Ночевки на берегу реки	34—57
Глава третья	
Река Сунгача. — Окрестные равнины. — Великолепный цветок нелюбмбия. — Озеро Ханка. — Характер его берегов. — Обилие рыбы. — Русские поселения: Турий Рог, Тронцкое, Астраханское, пост Камень-Рыболов. — Степи между озером Ханка и рекой Суйфуном. — Деревня Никольская. — Остатки старинных укреплений. — Река Суйфун	58—77
Глава четвертая	
Иностранческое население Уссурийского края: китайцы, гольды, орочи или тазы. — Их быт и промыслы. — Корейские колонии в наших пределах. — Посещение корейского города Кыген-Пу	78—106
Глава пятая	
Залив Посыета. — Вьючное путешествие в гавань Св. Ольги и оттуда на реку Уссури. — Выход из Новгородской гавани. — Общий характер побережья Японского моря. — Ловля зверей ямами. — Фитильные ружья. — Травяные пожары, или палы. — Владивосток. — Охота за оленями. — Переправа через реку Май-хэ. — Деревня Шкотова. — Пустая фанза в лесу. — Манза гастроном. — Прибытие на реку Сучан	107—122
Глава шестая	
Река Сучан. — Деревни Александровская и Владимировская. — Земли удельного ведомства. — Обилие фазанов. — Охота на тигра. — Путь от Сучана до гавани Св. Ольги. — Описание лесного бивуака. — Гавань Св. Ольги. —	

Окрестные деревни. — Залив Св. Владимира. — Морской орлан. — Река Тазуши. — Перевал через Сихотэ-Алинь. — Замечательная разница климата. — Трудности вьючного путешествия. — Окончание зимней экспедиции , , , , 123—140

Глава седьмая

Зимняя картина сунгачинских равнин. — Первые вестники весны: лебеди, бакланы, журавли. — Трудности весенней охоты. — Появление других видов птиц. — Японский ибис. — Постоянные холода в марте. — Валовый пролет уток. — Их баснословное обилие. — Вновь прибывающие птицы. — Гуси и их привычки. — Начало разливов. — Порядок дневного пролета. — Охота на стойках. — Холода в начале апреля. — Вдруг тепло. — Появление многих пташек. — Весенний ход диких коз. — Оригинальная охота за ними. — Второй период весенней жизни: гнезда орланов, белых аистов, цапель и колпиц. — Травяные пожары — истребители утиных и других гнезд. — Позднее вскрытие озера Ханка. — Его задерживающее влияние на развитие береговой растительности. — Бедность продолжающегося пролета. — Великолепный летун. — Морозы в начале мая. — Теплота устанавливается. — Быстрое развитие растительной жизни. — Ход рыбы. — Последний прилет птиц 141—168

Глава восьмая

Летняя экспедиция в западной и южной части Ханкайского бассейна. — Обычный порядок вьючных хождений. — Майская ночь. — Исследование бассейна Сянь-хэ и промер реки Лэфу. — Птицы и звери в долине последней реки. — Мучители-насекомые. — Характер бассейна Мо. — Последние впечатления 169—184

Глава девятая

Млекопитающие Уссурийского края: тигр, барс, рысь, дикая кошка, медведи — бурый и тибетский. — Барсук. — Непальская куница. — Соболь. — Колонок. — Горностай. — Ласка. — Выдра. — Волки — серый и красный. — Лисица. — Енотовидная собака. — Еж. — Крот. — Землеройка. — Летучая мышь. — Белка летяга и обыкновенная. — Бурундук. — Зайцы — беляк и маньчжурский. — Кабан. — Антилопа. — Кабарга. — Лось. — Изюбр. — Аксис. — Дикая коза , , 185—213

Глава десятая

Общие выводы относительно климата Уссурийского края и причины, обуславливающие его особенный характер. — Общий взгляд на колонизацию этой страны 214—232

Приложение

а) метеорологический журнал; б) статистические таблицы русского и корейского населения; в) список видов птиц, найденных в Уссурийском крае; г) таблица весеннего пролета птиц на зорео Ханка; е) карта Уссурийского края 223—308

Редактор *Б. В. Юсов*
Редактор карт *А. М. Оленев*
Художественный редактор *В. В. Щукина*
Технический редактор *К. В. Крыночкина*
Обложка работы худ. *В. С. Житенева*
Заставки *А. П. Радищева*

Сдано в производство 17/IV 1947 г. Под-
писано к печати 8/X 1947 г. А-10636 Печ.
л. $19\frac{1}{2} + \frac{1}{4}$ вкл. Учетно-изд. 24,04 л. Тираж
10000 экз. Заказ № 3527 Цена 12 руб.
Переплет 1 руб. 50 коп.

6-я тип. треста „Полиграфкнига“ ОГИЗ
при Совете Министров СССР
Москва, 1-й Самотечный, 17.